

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИИ

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ 2014

Двадцать второй
ежегодный
демографический
доклад

*Ответственный редактор
С. В. Захаров*

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва 2016

УДК 314.122(042.3)

ББК 60.7(2Рос)

Н31

*В данной научной работе использованы результаты проекта
«Демографические тенденции в России и в странах ОЭСР:
сравнительный анализ и выводы для политики», выполненного в рамках
программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.*

Н31 **Население России 2014** [Текст]: двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 357, [3] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1535-8 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1604-1 (e-book).

Двадцать второй выпуск серии ежегодных аналитических докладов Института демографии НИУ ВШЭ, которые регулярно публикуются с 1993 г. В очередном докладе продолжен углубленный анализ текущей демографической ситуации в России на фоне ее долговременной эволюции и демографических тенденций в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в разрезе основных демографических процессов: брачности, рождаемости, смертности, миграции, изменения численности и возрастной структуры населения страны. Анализ базируется на официальных данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных исследований, материалах научных публикаций.

Для исследователей, работающих в области демографии и смежных дисциплин, лиц, принимающих решения, сотрудников государственных органов всех уровней, преподавателей и учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений.

УДК 314.122(042.3)

ББК 60.7(2Рос)

ISBN 978-5-7598-1535-8 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1604-1 (e-book)

© Институт демографии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», 2016

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
1. Численность и размещение населения	10
1.1. Население России с 2009 г. увеличивается, но темпы роста невысоки и близки к тем, что наблюдаются для совокупного населения Европейского союза	10
1.2. Продолжает увеличиваться численность населения всех федеральных округов, кроме Дальневосточного и Приволжского	16
1.3. Городское население растет, а сельское сокращается	27
1.4. В 2014 г. концентрация населения в больших городах вновь ускорилась.....	36
2. Перспективы изменения численности и возрастного состава населения России в сравнении со странами ОЭСР и БРИКС	47
2.1. Методологические проблемы международного сравнения прогнозных оценок населения	47
2.2. Вклад России в мировое население будет сокращаться при любых сценариях	50
2.3. Демографическая нагрузка трудоспособного населения в России будет стремительно нарастать, но темпы старения останутся ниже, чем в странах ОЭСР	56
3. Брачность и разводимость	71
3.1. Число зарегистрированных браков начало снижаться, но интегральный показатель брачности остается на прежнем уровне	71
3.2. Старение возрастной модели брака в городском населении более выражено, чем в сельском	78
3.3. Разводимость продолжает увеличиваться	84
3.4. Российские тенденции на фоне стран ОЭСР	93
3.4.1. Брачность в России выше, чем в большинстве развитых стран.....	93

3.4.2. Разводимость в России находится на рекордно высоком в мире уровне	100
3.4.3. Брачная структура населения в России более благоприятна для рождаемости, чем в других странах ОЭСР	108
4. Рождаемость.....	113
4.1. Рост числа рождений в 2014 г. и изменение структуры рождений по брачному статусу родителей	113
4.2. Увеличение численности женских возрастных групп с растущей рождаемостью подошло к концу	114
4.3. Старение возрастной модели материнства замедляется.....	118
4.4. Вероятность первых рождений продолжает стагнировать на одном уровне уже два десятилетия.....	123
4.5. Рождаемость реальных поколений: есть повод для оптимизма?	131
4.6. Воспроизводство поколений продолжает оставаться судженным, не обеспечивающим рост населения.....	142
4.7. Рождаемость в странах ОЭСР и в России: сходства и различия	146
4.7.1. Классификация стран и регионов с низкой рождаемостью.....	146
4.7.2. Различия в возрастных профилях рождаемости в странах ОЭСР	149
4.7.3. Особенности динамики рождаемости реальных поколений в России и странах ОЭСР в последние годы	152
4.7.4. Различия стран ОЭСР в рождаемости по очередности рождения	153
4.7.5. Внебрачная рождаемость: необычная траектория России на фоне стран ОЭСР.....	156
4.8. Благоприятные тенденции в сфере внутрисемейного контроля рождаемости продолжаются, но по уровню абортов Россия по-прежнему опережает большинство стран ОЭСР	159

4.9. Семейная политика и рождаемость:	
Россия и страны ОЭСР	175
4.9.1. Федеральные меры семейной политики	175
4.9.2. Региональные меры семейной политики.....	181
4.9.3. Затраты на семейные пособия в 2014 г.	182
4.9.4. Семейная политика в странах ОЭСР	185
5. Смертность и продолжительность жизни в России.....	197
5.1. Снижение числа умерших приостановилось в 2014 г.	197
5.2. Рост продолжительности жизни почти остановился	202
5.3. Неодинаковое влияние возрастных групп и основных причин смерти на продолжительность жизни в России.....	208
5.4. Что произошло с российской смертностью в 2014 г.?....	211
5.5. Уменьшаются ли региональные различия в смертности?.....	222
5.6. Младенческая смертность в России продолжает снижаться, но отставание от большинства развитых стран не уменьшается	230
5.6.1. Новейшие тенденции младенческой смертности на фоне долговременных трендов: роль изменений в системе регистрации новорожденных	230
5.6.2. Компоненты младенческой смертности с учетом прожитых ребенком дней: проблема поздней неонатальной смертности	240
5.6.3. Динамика младенческой смертности в регионах: высока ли результативность программы строительства перинатальных центров?.....	244
5.6.4. Структура младенческой смертности по причинам смерти сигнализирует о неудовлетворительной работе соответствующих служб здравоохранения	247
5.6.5. Младенческая смертность в России и странах ОЭСР: общее и особенное	250
5.7. Российские тенденции продолжительности жизни и смертности отдельных причин и на фоне трендов в странах ОЭСР	258

5.7.1. Ожидаемая продолжительность жизни: долгое соревнование России со странами-аутсайдерами.....	260
5.7.2. Смертность от болезней системы кровообращения.....	262
5.7.3. Смертность от новообразований.....	264
5.7.4. Смертность от болезней органов дыхания.....	268
5.7.5. Смертность от инфекционных болезней	270
5.7.6. Смертность от болезней органов пищеварения	273
5.7.7. Смертность от перинатальных причин и врожденных аномалий	274
5.7.8. Смертность от болезней, которые не были установлены.....	276
5.7.9. Смертность от внешних причин	277
5.7.10. Главный вывод: сходство динамики смертности от внешних причин и сердечно-сосудистых заболеваний — исключительно российский феномен	284
6. Миграция населения	288
6.1. Внутренние миграции	288
6.1.1. Центры притяжения остаются прежними: Центр, Северо-Запад, Юг, крупнейшие города и региональные центры	288
6.1.2. Миграционный поток с целью получения образования усиливается?.....	297
6.1.3. Миграционная активность населения в России и странах ОЭСР	299
6.2. Международная миграция	307
6.2.1. Мигрантов все больше, но миграционный прирост населения России падает	307
6.2.2. Действительный приток мигрантов из-за рубежа многократно превышает объемы, фиксируемые статистикой	310
6.2.3. В 2014 г. главным донором мигрантов для России стала Украина	313
6.2.4. Россия оказалась не готова к потоку беженцев из Украины	318
6.2.5. Рекордное количество трудовых мигрантов в 2014 г.	319

6.3. Россия и страны ОЭСР на фоне миграционного кризиса в Европе.....	323
6.3.1. Миграционный обмен России со странами ОЭСР	323
6.3.2. Страны ОЭСР под натиском стихийной миграции	326
6.3.3. Зигзаги российской миграционной политики	329
Заключение	333
Приложение	354
Федеральные округа и входящие в них субъекты РФ на 1 января 2014 г.	354

Предисловие

Институт демографии НИУ ВШЭ представляет очередной аналитический доклад о демографических тенденциях в России. Ежегодные доклады публикуются с 1993 г., настоящий доклад — двадцатый второй.

Как и все предыдущие, он представляет собой научное исследование, содержащее статистико-демографический анализ, интерпретацию и попытку предвидения тенденций основных демографических процессов — брачности, рождаемости, планирования семьи, смертности, миграции, динамики численности и эволюции половозрастной структуры населения России. В докладе рассматриваются меры демографической, семейной и миграционной политики идается оценка их результивативности.

Современная ситуация в России исследуется в контексте наблюдаемых в последние десятилетия демографических тенденций в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Анализ основан на материалах переписей населения и других официальных данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, результатах специальных обследований, материалах научных публикаций отечественных и зарубежных авторов.

Доклад подготовлен авторским коллективом в следующем составе:

руководители авторского коллектива:

- д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*,
- канд. экон. наук *С.В. Захаров*;

авторы разделов:

раздел 1	— канд. экон. наук <i>Е.М. Щербакова</i> ;
раздел 2	— <i>С.А. Васин</i> ,
	— канд. экон. наук <i>В.А. Козлов</i> ;
раздел 3	— канд. экон. наук <i>С.В. Захаров</i> ;

- раздел 4
  - канд. экон. наук *С.В. Захаров*,
  - PhD *О.Г. Икупова*,
  - канд. экон. наук *В.И. Сакевич*,
  - *А.И. Ракша*;
- раздел 5
  - канд. физ.-мат. наук *Е.А. Андреев*,
  - канд. экон. наук *Е.А. Кваша*,
  - канд. экон. наук *Т.Л. Харькова*;
- раздел 6
  - канд. геогр. наук *Ж.А. Зайончковская*,
  - канд. геогр. наук *Л.Б. Каракурина*,
  - канд. геогр. наук *Н.В. Мкртчян*,
  - канд. геогр. наук *Ю.Ф. Флоринская*,
  - *К.А. Доронина*;
- заключение
  - д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*,
  - канд. экон. наук *С.В. Захаров*.

1. Численность и размещение населения

1.1. Население России с 2009 г. увеличивается, но темпы роста невысоки и близки к тем, что наблюдаются для совокупного населения Европейского союза

По оценке Федеральной службы государственной статистики (Росстата), постоянное население России на начало 2015 г. насчитывало 146,3 млн человек, в том числе 2,3 млн в Крымском федеральном округе, образованном в 2014 г.¹

Даже без учета прироста численности россиян за счет Крымского федерального округа население России увеличивалось шесть лет подряд после длительного периода убыли населения в 1993–2008 гг. (исключение — 1994 г.). Наибольшая численность населения — 148,6 млн человек — отмечалась, по оценкам Росстата, в 1993 г., а к началу 2009 г. она снизилась до 142,7 млн. В последующие годы сформировалась тенденция умеренного роста.

В 2009 г. впервые за период начиная с 1995 г. был зарегистрирован небольшой прирост населения — 96 тыс. человек, или 0,7%. В 2010 г. прирост населения составил всего лишь 0,2%, но затем стал увеличиваться, поднявшись до 2,2% в 2013 г. В 2014 г. он оказался немного ниже (2,1%), и еще ниже он ожидается по предварительным данным за 2015 г. (1,7%). В целом за 2009–2014 гг. число россиян без учета проживающих в Крымском федеральном

---

¹ В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ и Указом Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 в составе Российской Федерации образован Крымский федеральный округ, включающий новые субъекты федерации — Республику Крым и город федерального значения Севастополь. По итогам переписи населения, проведенной в Крымском федеральном округе с 14 по 25 октября 2014 г., на территории округа постоянно проживало 2284,8 тыс. человек, из них 1891,5 тыс. человек в Республике Крым и 393,3 тыс. человек в г. Севастополе. В целях сопоставления с данными предшествующих лет мы используем данные по России без учета этих двух новых субъектов федерации.

округе увеличилось на 1235 тыс. человек (на 0,9%) и к началу 2015 г. достигло 144,0 млн человек, что примерно соответствует уровню середины 1986 и 2005 гг. (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Изменение численности населения России и его компоненты, 1951–2015 гг.

Годы	Численность населения в конце периода, тыс. чел.		Изменение численности населения*			
	постоянное	наличное	Среднегодовые темпы прироста, %	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе	
					естественный	миграционный
1951–1955		112 266	17,5	9321	9160	161
1956–1960		120 766	14,7	8500	9515	-1015
1961–1965		127 189	10,4	6423	7067	-644
1966–1970	130 563	130 704	5,5	3515	4180	-665
1971–1975	134 549	134 690	6,0	3986	4180	-195
1976–1980	138 839	139 028	6,4	4338	3730	607
1981–1985	143 528	143 835	6,8	4807	3939	869
1986–1990	148 274	148 543	6,5	4708	3649	1058
1991–1995	148 292	147 976	0,0	18	-2542	2560
1996–2000	146 304	145 185	-2,7	-1988	-4077	2089
2001–2005	143 237	...	-4,2	-3067	-4377	1310
2006–2010	142 865	...	-0,5	-371	-2008	1637
2011	143 056	...	1,3	191	-129	320
2012	143 347	...	2,0	291	-4	295
2013	143 667		2,2	320	24	296
2014	143 972		2,1	305	35	270
2015**	144 221	...	1,7	249	38	211

* Начиная с 1991 г. — по постоянному населению; 2014 и 2015 гг. — без учета Крымского федерального округа.

** 2015 г. — предварительные данные текущего учета за январь–декабрь.

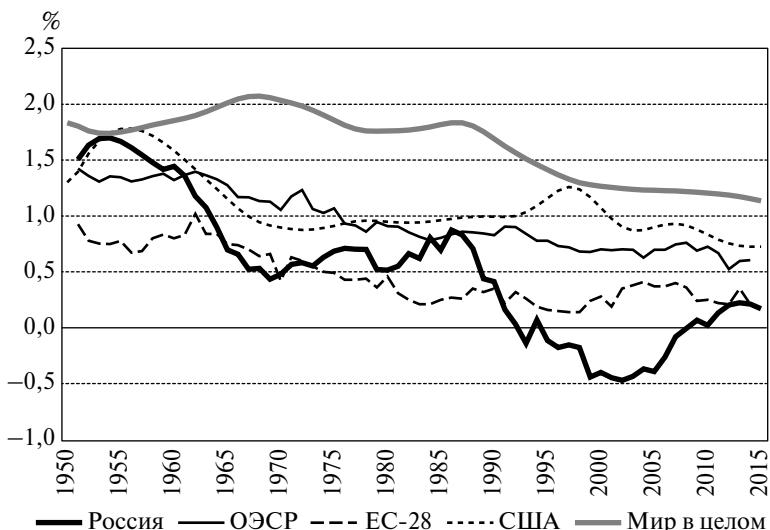
Источники: Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 19; Демографический ежегодник России. 2015; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2015. С. 11; Социально-экономическое положение России. Январь 2016 г. С. 387–388, 393–394.

Темпы прироста российского населения невысоки, а наметившаяся в 2014 г. и усилившаяся в 2015 г. тенденция к их снижению свидетельствует о вполне вероятном возврате к нулевому приросту или убыли населения. Сходные тенденции динамики численности населения наблюдаются в странах Европейского союза (ЕС-28), где коэффициент общего прироста в тот же период лишь дважды превышал 0,2% — в 2010 и 2013 гг. (рис. 1.1). Совокупное население стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)² растет более высокими темпами, хотя доминирующей тенденцией на протяжении последних десятилетий для стран этой группы также было снижение темпов прироста населения, которые сократились вдвое — с 1,4% в год в 1950-е гг. до 0,7% в год начиная с середины 1990-х гг. Заметим, что темпы прироста мирового населения также заметно снизились в 1990-е гг., и в последние годы его численность увеличивалась примерно на 1,2% в год.

Россия, отличавшаяся в 1950-е гг. более высокими темпами прироста населения, чем ОЭСР и ЕС-28, во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. заметно уступала не только ОЭСР, но и ЕС-28. В 1990-е гг. в России начался довольно продолжительный период убыли населения, которая пока не характерна ни для ОЭСР, ни для ЕС-28 в целом. Снижение темпов прироста населения России было более резким и подвержено более значительным колебаниям, обусловленным отчасти волнообразным деформациям возрастной структуры населения.

---

² Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. Первоначально (1960–1961) в эту организацию вошли 20 стран: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Турция, Франция, Швейцария и Швеция. Позже к ним присоединились Япония (1964), Финляндия (1969), Австралия (1971), Новая Зеландия (1973), Мексика (1994), Чехия (1995), Венгрия, Польша и Южная Корея (1996), Словакия (2000), Израиль, Словения, Чили, Эстония (2010). В настоящее время число полноправных членов ОЭСР составляет 34, на их долю приходится около 60% мирового ВВП. Помимо этих стран, приглашение для переговоров о возможном вступлении в организацию получили Бразилия, Китай, Индия, Россия, Индонезия и Южно-Африканская Республика.

Рис. 1.1. Прирост (убыль) численности населения России, мира в целом и отдельных стран, 1950–2015 гг.

Источники к рис. 1.1, 1.2: Демографический ежегодник России. 2015; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition; Eurostat Database/Population change — Demographic balance and crude rates at national level [demo_gind]. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (date of access: 04.02.2016).

Однако убыль населения в последние десятилетия наблюдалась не только в России, но и в ряде других стран, в том числе и в странах ОЭСР. Так, в 1980-е гг. убыль населения отмечалась в Венгрии, в 1990-е гг. — в Венгрии, Чехии и Эстонии, в 2000-е гг. — в Венгрии, Германии, Польше, Эстонии, а в 2010–2014 гг. — уже в семи странах: Венгрии, Германии, Испании, Польше, Португалии, Эстонии и Японии.

В США значения общего прироста снижались до конца 1980-х гг., уменьшившись вдвое по сравнению с 1950-ми. В 1990-е гг. они вновь увеличились и довольно продолжительное время превышали 1% в год. После начала финансово-экономического кризиса 2008 г. они вновь снизились — до 0,7% в год в 2011–2012 гг.

Значительные колебания общего прироста населения сегодня в развитых странах, как правило, обусловлены колебаниями миграционного прироста, который в условиях низкой рождаемости и приближения естественного прироста к нулевому уровню или перехода к естественной убыли становится определяющим фактором изменения численности населения.

Население России в последние годы увеличивается за счет как естественного, так и миграционного прироста. Величина естественного прироста незначительна (не более 0,2%), а основным фактором роста является миграционный прирост, обеспечивающий около 90% общего прироста (рис. 1.2).

Рис. 1.2. Компоненты прироста (убыли) численности населения России, США и ЕС-28, 1960–2015 гг.

Естественный прирост населения России оставался высоким — более 1% в год — до середины 1960-х гг. Затем он стабилизировался на уровне 0,5–0,7% в год. В течение примерно 30 лет

естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения, складывавшейся за счет превышения числа уезжающих из России в другие союзные республики СССР над числом въезжавших оттуда, что не мешало довольно быстрому росту населения. С середины 1970-х гг., когда интенсивность потоков изменилась, население стало увеличиваться и за счет миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста.

В 1990-е гг. в условиях сложившейся долговременной тенденции естественной убыли населения миграция оставалась единственным источником роста его численности, однако чаще всего недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль. Впервые она была зарегистрирована в 1992 г., а к началу 2013 г. ее совокупная величина за 1992–2012 гг. превысила 13,2 млн человек, или 8,9% к численности населения России на начало 1992 г. Совокупная величина миграционного прироста за те же годы составила 8,1 млн человек. Таким образом, миграционный прирост компенсировал 61% естественной убыли населения.

Интенсивность естественной убыли населения России в течение 1992–2012 гг. менялась в пределах от $-6,6\%$ (в 2000–2001 гг.) до $-0,03\%$ (2012 г.). Коэффициент миграционного прироста в тот же период варьировал в диапазоне от $1,7\%$ (2002 г.) до $6,7\%$ (1994 г.).

Только в 2009–2012 гг. миграционный прирост не только смог полностью компенсировать заметно сократившуюся естественную убыль, но и обеспечил прирост населения. В 2013 г. миграционный прирост ($2,1\%$) усилил едва обозначившийся естественный прирост ($0,2\%$). В 2014 г. сложился более низкий миграционный прирост ($1,9\%$) и такой же, как и в 2013 г., невысокий естественный прирост ($0,2\%$).

Данные о компонентах изменения численности населения ЕС-28 демонстрируют несомненное сходство России с европейскими странами. Естественный прирост населения ЕС-28, достаточно высокий в первой половине 1960-х гг., хотя и ниже, чем в России того времени, быстро снижался и в 1990-е гг. приблизился к нулевому уровню. В 1993–2014 гг. значение коэффициента естественного прироста не превышало 1% , за исключением 2008 г., когда оно составило $1,2\%$. По прогнозным расчетам, уже в ближайшие годы в целом для населения ЕС-28 станет неизбежной естественная убыль населения.

Миграционный прирост населения ЕС-28 во второй половине 1960-х и начале 1980-х гг. принимал отрицательные значения, а в годы, когда складывалось положительное сальдо миграции, его величина была относительной небольшой, в итоге определяющую роль в изменении численности населения играл естественный прирост. В 1990-е гг. вклад миграционного прироста стал более значительным на фоне сократившегося естественного прироста, а в 2000-е гг. — еще более весомым.

США отличаются более высоким уровнем естественного прироста, который медленно снижается, но до сих пор устойчиво превышает уровень 4‰. Коэффициент миграционного прироста также устойчиво выше, чем в европейских странах, в 2011–2014 гг. он составлял около 3‰.

1.2. Продолжает увеличиваться численность населения всех федеральных округов, кроме Дальневосточного и Приволжского

Для России характерны существенные региональные различия в тенденциях изменения численности населения.

Россия располагает самой большой территорией в мире — более 17 млн км², которая почти вдвое превосходит других «гигантов» по занимаемой территории — Канады (9,9 млн км²), Китая, США (по 9,6 млн), Австралии (7,7 млн)³. В то же время население России относительно невелико и к тому же крайне неравномерно распределено по огромной территории. Наиболее плотно заселены историческое ядро России, Северный Кавказ и Поволжье, но и здесь плотность населения, по крайней мере, вдвое ниже, чем в Европейском союзе (117 человек на 1 км²), и примерно соответствует плотности заселения Северной Европы (55 человек на 1 км²). В целом европейская часть страны сопоставима по заселенности с США (33 человека на 1 км²), а азиатская — с Австралией (3,0) и Канадой (3,5 человека на 1 км²).

В азиатской части, занимающей $\frac{3}{4}$ территории страны, проживает лишь каждый пятый из россиян. Особенно слабо заселены

---

³ Россия и страны мира. 2014: стат. сб. М.: Росстат, 2014. С. 11–13.

районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности⁴ с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2015 г.⁵, в них проживало 10 005 тыс. человек (в том числе 2391 тыс. человек на сухопутных территориях Арктической зоны России), или 6,8% (1,6%) от общей численности россиян при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

В состав Российской Федерации входят 85 регионов — субъектов федерации: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа, которые группируются в 9 федеральных округов. По численности населения выделяются Центральный и Приволжский федеральные округа, в которых проживает почти половина жителей России, по территории — Дальневосточный и Сибирский с наиболее низкой плотностью населения (табл. 1.2).

Среди регионов — субъектов федерации по численности населения выделяются Москва (12 198 тыс. человек в новых границах⁶, или 8,3% населения России на 1 января 2015 г.), Московская область (7231 тыс. человек, или 4,9%), Краснодарский край (5453 тыс. человек, или 3,7%), Санкт-Петербург (5192 тыс. человек, или 3,5%), Свердловская (4327 тыс. человек) и Ростовская (4242 тыс.) области, Республика Башкортостан (4072 тыс.). В этих семи регионах проживает около 30% россиян. Население любого другого региона — субъекта федерации не достигает 4 млн человек, или 2,8% от общей численности населения России (рис. 1.3). Самым малочисленным населением отличаются Ненецкий (43,4 тыс. человек) и Чукотский (50,5 тыс.) автономные округа.

⁴ Особый статус районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему, был закреплен постановлением Совета Министров СССР 1967 г., согласно которому для работавших в этих районах были установлены ежемесячные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, доплаты к пособиям по временной нетрудоспособности, льготы при назначении пенсий и др. В 1990-х гг. перечень территорий расширялся.

⁵ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2015. С. 17–18.

⁶ Были расширены с 1 июля 2012 г. в соответствии с постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 560-СФ.

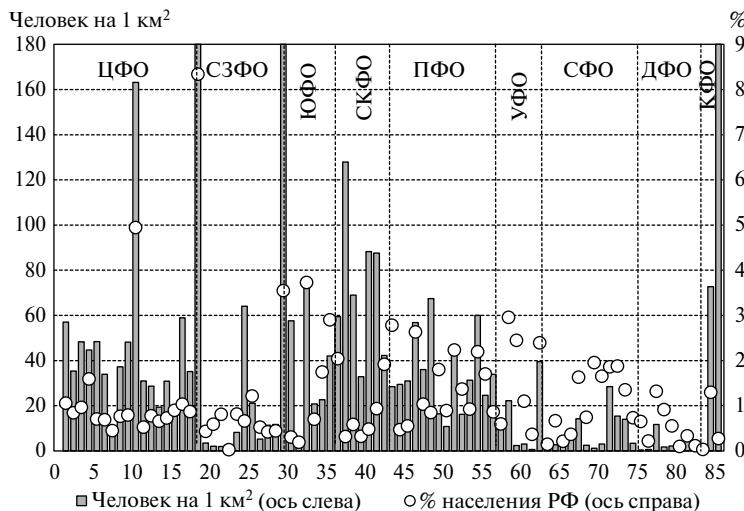
Таблица 1.2. Постоянное население и территория федеральных округов Российской Федерации на начало 2015 г.

Показатель	Население		Территория		Плотность населения, чел./км ²
	тыс. чел.	%	тыс. км ²	%	
Российская Федерация	146 267,3	100	17 125,2	100	8,5
В том числе федеральные округа:					
Центральный	38 951,5	26,6	650,2	3,8	59,9
Северо-Западный	13 843,6	9,5	1687,0	9,9	8,2
Южный	14 003,8	9,6	420,9	2,5	33,3
Северо-Кавказский	9 659,0	6,6	170,4	1,0	56,7
Приволжский	29 715,5	20,3	1037,0	6,1	28,7
Уральский	12 275,8	8,4	1818,5	10,6	6,8
Сибирский	19 312,2	13,2	5145,0	30,0	3,8
Дальневосточный	6 211,0	4,2	6169,3	36,0	1,0
Крымский	2294,9	1,6	27,0	0,2	85,2
Европейская часть	117 162,8	80,1	4346,8	25,4	27,0
Азиатская часть	29 104,5	19,9	12 778,5	74,6	2,3

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 5–10.

Плотность населения выше всего в городах федерального значения — Москве (4763 человека на 1 км²), Санкт-Петербурге (3700) и Севастополе (462)⁷. В остальных субъектах федерации ее величина составляет от 0,1 человека на 1 км² в Чукотском автономном округе до 163 в Московской области, а в центральной половине регионов (без 25% регионов с самыми низкими и 25% регионов с самыми высокими значениями показателя) — от 4,6 до 44,6 при медианном значении 22,7 человека на 1 км². Высокой плотностью заселения, помимо перечисленных городов федерального значения и Московской области, выделяется Республика Ингушетия (128 человек на 1 км²). В остальных регионах — субъектах федерации она не достигает 90 человек на 1 км².

⁷ Эти значения не отражены на рис. 1.3, чтобы лучше показать различия между остальными регионами.

Рис. 1.3. Распределение населения по регионам — субъектам РФ*
и плотность населения, на начало 2015 г.

* Здесь и далее регионы на рисунке расположены в стандартном порядке, используемом в публикациях Росстата, — от Европейского Центра и Севера России к Югу и Востоку. См. приложение.

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 5–10.

В федеральных округах, отличающихся в целом крайне низкой плотностью заселения, несколько регионов выделяется по плотности населения, которая сопоставима с некоторыми регионами Европейского Центра. Так, в Дальневосточном федеральном округе в Приморском крае плотность населения составляет около 12 человек на 1 км², а в Сибирском федеральном округе в Алтайском крае — 14,2; в Кемеровской области — 28,5; Новосибирской области — 15,5; Омской области — 14,0; в Уральском федеральном округе в Челябинской области — около 40 человек на 1 км².

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был регулируемый, подчас весьма жесткими мерами, сдвиг населения на север и восток и в меньшей степени на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с суще-

ственным замедлением в 1960–1980-е гг. росла, увеличившись с 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989-м.

После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший между переписями 1989 и 2010 гг., на 3170 тыс. человек (на 10%), а население европейской части — на 995 тыс. человек (0,9%). В итоге доля населения, проживающего в азиатской России, снизилась до 20,3% (табл. 1.3).

После переписи 2010 г. население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской, увеличившись за 2011–2014 гг. соответственно на 0,8% (без учета Крымского фе-

Таблица 1.3. Распределение населения Российской Федерации по федеральным округам, по данным переписей населения и на начало 2015 г., %

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе федеральные округа:									
Центральный	34,5	33,0	28,5	27,4	26,7	25,8	26,2	26,9	27,1
Северо-Западный	9,2	10,3	9,8	9,9	10,2	10,4	9,6	9,5	9,6
Южный	8,8	8,0	8,3	9,1	9,1	9,0	9,6	9,7	9,7
Северо-Кавказский	3,8	3,9	3,9	4,6	4,8	5,0	6,2	6,6	6,7
Приволжский	26,2	24,4	23,5	22,9	22,3	21,6	21,5	20,9	20,6
Уральский	5,3	5,8	7,8	7,8	7,9	8,5	8,5	8,5	8,5
Сибирский	10,6	11,7	14,2	14,0	14,0	14,3	13,8	13,5	13,4
Дальневосточный	1,7	2,7	4,1	4,4	5,0	5,4	4,6	4,4	4,3
Европейская часть	86,7	84,6	80,8	80,5	79,6	78,2	79,3	79,7	79,8
Азиатская часть	13,3	15,4	19,2	19,5	20,4	21,8	20,7	20,3	20,2

Примечание. Сумма по округам может отличаться от 100 из-за округления; 2015 г. — без Крымского федерального округа.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77–79; Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 70.

дерального округа) и на 0,6%. Доля населения, проживающего в азиатской части страны, снизилась до 20,2%.

Более всего за 2011–2014 гг. увеличилось население Северо-Кавказского федерального округа (на 2,3%), в меньшей степени – население Северо-Западного, Уральского, Центрального и Южного федеральных округов (табл. 1.4). Население Сибирского федерального округа увеличилось в наименьшей степени (на 0,3%). Население Дальневосточного и Приволжского федеральных округов, напротив, продолжало сокращаться, уменьшившись соответственно на 1,2 и 0,5% по сравнению с началом 2011 г.

Фактором быстрого роста населения Северо-Кавказского федерального округа остается высокий естественный прирост, который отчасти смягчается миграционной убылью населения (на 37%). Невысокий естественный прирост сохраняется также в Уральском федеральном округе, где он усиливается более интенсивным миграционным приростом, а также в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, но там он сочетается с миграционной убылью населения. В Дальневосточном федеральном округе миграционная убыль за 2011–2014 гг. в 4,4 раза превысила совокупный естественный прирост, что и привело к убыткам населения.

Население Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов, напротив, растет за счет миграционного прироста, который не только компенсирует естественную убыль, но и обеспечивает общий прирост.

В Приволжском федеральном округе население сокращается и за счет естественной убыли, и за счет преобладающего миграционного оттока населения.

Что касается регионов – субъектов Федерации, то за 2011–2014 гг. численность населения увеличилась в 33, а сократилась в 50 регионах. За счет естественного прироста населения выросло население в 39 регионах, за счет миграционного – в 38.

Среди регионов с ростом населения особенно выделяются республики Ингушетия и Чечня, в которых естественный прирост составляет около 20% в год. Более высокий естественный прирост населения в Чечне несколько смягчается миграционной убылью населения, а население Ингушетии увеличивается и за счет миграционного прироста. В целом за 2011–2014 гг. население Ингушетии

Таблица 1.4

Изменение численности постоянного населения Российской Федерации и федеральных округов за 2011–2014 гг.

Показатель	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе		Общий прирост, % к 2011 г.	В том числе	
		естественный	миграционный		естественный	миграционный
РФ без КФО	1107	-74	1181	0,8	-0,1	0,8
В том числе федеральные округа:						
Центральный	506	-397	902	1,3	-1,0	2,3
Северо-Западный	218	-85	303	1,6	-0,6	2,2
Южный	152	-54	206	1,1	-0,4	1,5
Северо-Кавказский	220	349	-129	2,3	3,7	-1,4
Приволжский	-164	-113	-51	-0,5	-0,4	-0,2
Уральский	189	115	74	1,6	1,0	0,6
Сибирский	60	89	-29	0,3	0,5	-0,1
Дальневосточный	-74	22	-95	-1,2	0,3	-1,5
Европейская часть	945	-303	1248	0,8	-0,3	1,1
Азиатская часть	162	229	-67	0,6	0,8	-0,2

Примечание. Сумма по округам и компонентам прироста могут отличаться от приведенных совокупных значений из-за округления; РФ без КФО — Российская Федерация без Крымского федерального округа.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах.

увеличилось на 11,9%, а население Чеченской Республики — на 7,5%.

К числу регионов с быстрым ростом населения можно также отнести Санкт-Петербург (на 6,0% за 2011–2014 гг.), Московскую область, Тюменскую область с автономными округами (на 5,2%), Ханты-Мансийский автономный округ — Югру (4,9), Краснодарский край (4,3), Москву (3,6), Республику Алтай (3,5), Ленинградскую область (3,3), Ненецкий автономный округ и Новосибирскую область (по 3,0%). В остальных регионах — субъектах федерации прирост населения составил менее 3%.

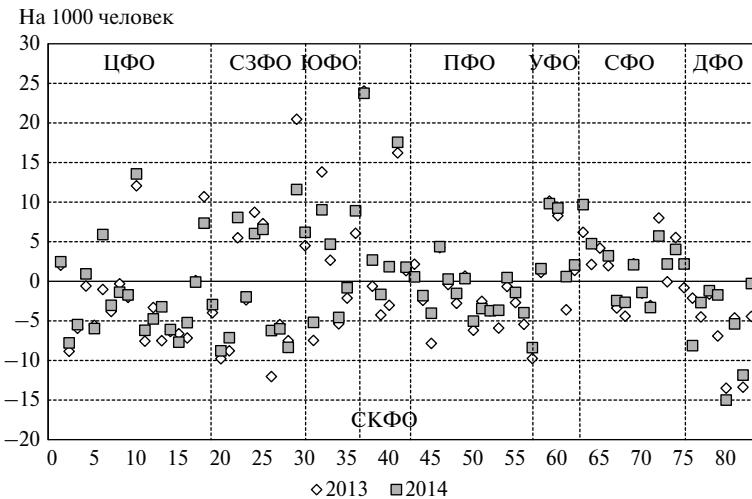
По интенсивности убыли населения за 2011–2014 гг. выделяются Магаданская область (−5,4%), Еврейская автономная (−4,5%) и Курганская (−4,3%) области, а также республики Коми, Калмыкия и Мордовия, Мурманская, Архангельская, Брянская и Псковская области (от −3,9 до −2,9%).

Изменение численности населения федеральных округов в 2014 г., как и в предыдущие годы, было разнонаправленным. Более всего увеличилось население Северо-Кавказского федерального округа, прирост которого за год составил 7,2%. В меньшей степени увеличилось население Центрального (на 3,4%), Уральского (3,4%), Северо-Западного (3,1%) и Южного (3,9%) федеральных округов. Население Сибирского федерального округа увеличилось в наименьшей степени (на 1,0%). Население Дальневосточного и Приволжского федеральных округов, напротив, продолжало сокращаться, уменьшившись соответственно на 2,5 и 1,0%. Убыль населения в Дальневосточном округе в 2014 г. несколько замедлилась, существенного замедления и рост населения в Северо-Западном федеральном округе.

Что касается субъектов федерации, в 2014 г. численность населения увеличилась в 37 и сократилась в 46 регионах (в 2013 г. — соответственно в 29 и 54). В абсолютном выражении наибольший прирост населения за 2014 г. зафиксирован в Московской области (более чем на 97 тыс. человек), Москве (89 тыс.), Санкт-Петербурге (60 тыс.), Краснодарском крае (49 тыс.) и Тюменской области, включая автономные округа (35 тыс.). В остальных регионах — субъектах федерации он не достигал 27 тыс. человек. Наибольшая убыль населения — около 12 тыс. человек — зарегистрирована в Волгоградской области, в Нижегородской области она превыси-

ла 11 тыс., а в Тверской и Брянской областях составила около 10 тыс. человек.

В относительном выражении наиболее значительный прирост отмечался, как и ранее, в республиках Северного Кавказа: Ингушетии (на 23,7%), Чечне (17,5%), а также в Тюменской области без автономных округов (14,0%), Московской области (13,6%), Санкт-Петербурге (11,6%). В республиках Алтай и Дагестан, Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Краснодарском крае и городе Москве коэффициент общего прироста составил от 7 до 10% (рис. 1.4).

Рис. 1.4. Изменение численности населения регионов — субъектов РФ за 2013 и 2014 гг.

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году. С. 10–12; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 11–13.

Наибольшее сокращение населения в относительном выражении произошло, как и не раз в прошлые годы, в Магаданской области (-15,0%) и Еврейской автономной области (-11,9%). Интенсивной также была убыль населения Республики Коми, Камчатского края, Курганской, Псковской, Брянской, Тверской и Ар-

хангельской областей (от 7 до 9%), а также в ряде других регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

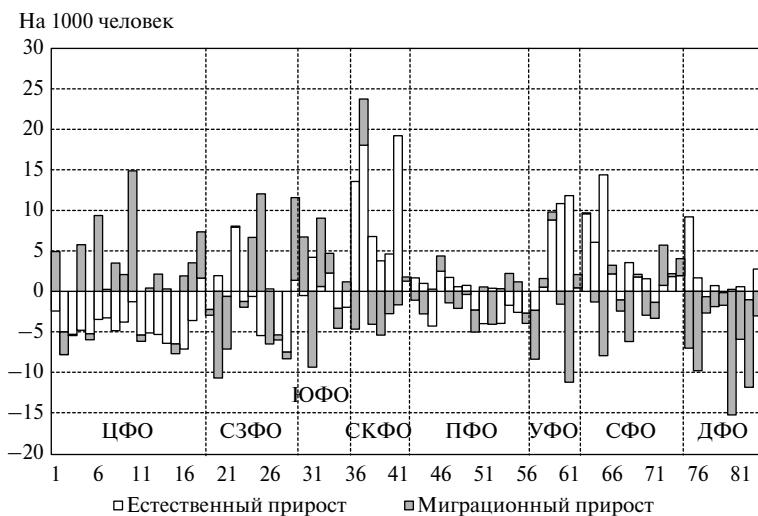
В некоторых регионах Приволжского федерального округа, продолжающего в целом терять население, рост населения сохранялся в республиках Татарстан (4,4%), Башкортостан (0,6%), Удмуртия (0,3%), а также в Пермском крае (0,3%). В Дальневосточном федеральном округе население сократилось во всех регионах — субъектах федерации, кроме Республики Якутии, где оно, напротив, увеличилось на 2,2%.

Медианное значение коэффициента общего прироста (убыли) составило в 2014 г. $-1,4\%$ ($-2,1\%$ в 2013 г.). В центральной половине регионов (без 25% регионов с наиболее высокими и 25% с наиболее низкими значениями) его значение варьировало от $-4,3$ до $3,6\%$ (в 2013 г. — от $-5,5$ до $2,1\%$).

Только в Уральском федеральном округе увеличение населения в 2014 г., как и в 2012–2013 гг., было обеспечено за счет обоих компонентов роста — естественного и миграционного прироста. В Центральном, Северо-Западном и Южном федеральных округах оно было обеспечено за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью населения, а в Северо-Кавказском и Сибирских федеральных округах — напротив, только за счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком населения. В Дальневосточном федеральном округе миграционная убыль населения в 2,7 раза превышает величину естественного прироста. В Приволжском федеральном округе естественная убыль сочетается с чистым миграционным оттоком населения.

Естественный прирост населения в 2014 г. наблюдался, как и в 2013 г., в 43 из 83 регионов — субъектов федерации, но только в 12 из них он превышал 6%, в том числе в шести — 10% (в республиках Чечня, Ингушетия, Тыва, Дагестан, а также в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре). В 40 регионах сохранялась естественная убыль населения, которая в 12 регионах, преимущественно Центрального федерального округа, составляла от $-5,0$ до $-7,5\%$ (рис. 1.5).

Миграционный прирост в 2014 г. был зарегистрирован в 38 регионах — субъектах федерации (в 2013 г. — в 34), причем в трех из них его интенсивность превышала 10% (в Московской и Ленинградской областях и городе Санкт-Петербурге), еще в двух регионах

Рис. 1.5. Компоненты прироста (убыли) численности населения регионов — субъектов РФ за 2014 г.

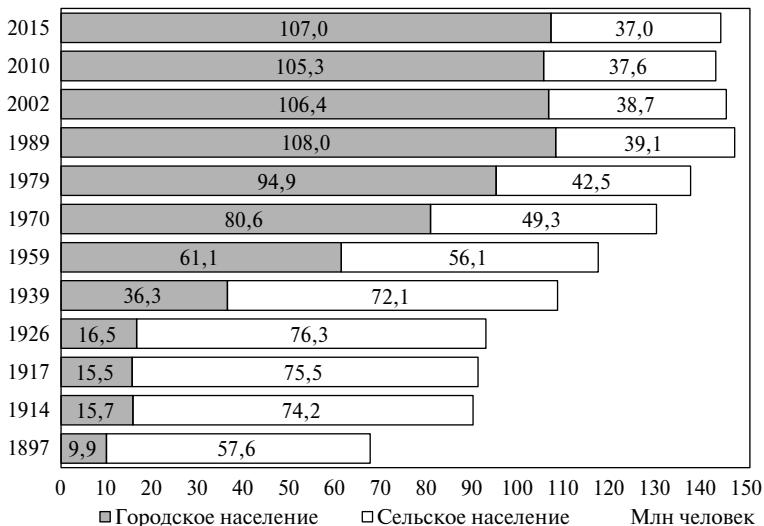
Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 11–13.

она составляла около 9% (в Калужской области и Краснодарском крае). Миграционная убыль зафиксирована в 45 регионах, наибольшей интенсивности — в Магаданской области (-15,3%). Интенсивная миграционная убыль населения (от -7 до -11%) наблюдалась также в республиках Коми, Калмыкия, Тыва и Саха (Якутия), Еврейской автономной области, Камчатском крае.

За счет обоих компонентов роста в 2014 г. увеличилось население 17 регионов — субъектов федерации. В 26 регионах естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения, причем в 12 регионах его величина превышала потери в результате миграции, обеспечивая рост населения, а в 14 величина естественного прироста была ниже, что приводило к убыли населения. В 21 регионе естественная убыль в той или иной степени компенсировалась миграционным приростом (в 8 регионах с избытком, обеспечивая общий прирост численности населения). В 19 регионах естественная убыль населения усугублялась чистым миграционным оттоком населения.

1.3. Городское население растет, а сельское сокращается

В результате урбанизации России ее городское население быстро росло и абсолютно, и относительно, а сельское население устойчиво сокращалось от переписи к переписи начиная с середины 1920-х гг. Новым явлением стало сокращение численности горожан после переписи населения 1989 г. (рис. 1.6).

Рис. 1.6. Численность городского и сельского населения России по данным переписей населения и на начало 2015 г.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2013. С. 77; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 71–72.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. число горожан⁸ сократилось в большей степени, чем сельских ($-1,4$ про-

⁸ Критерием отнесения к городскому или сельскому населению в России служит постоянное проживание в городском или сельском поселении. Городскими поселениями являются населенные пункты, утвержденные законодательными актами в качестве городов и поселков городского типа (рабочих, курортных, дачных поселков и поселков закрытых административно-территориальных образований). Все остальные населенные пункты считаются сель-

тив $-0,8\%$). Напротив, в период между переписями 2002 и 2010 гг. более значительной была убыль сельского населения ($-3,1$ против $-1,0\%$). После переписи 2010 г. возобновился рост численности городского населения — на начало 2015 г. она составила 106 951 тыс. человек (без Крымского федерального округа). Численность сельского населения продолжала снижаться, опустившись к началу 2015 г. до 37 021 тыс. человек. С учетом Крымского федерального округа численность городского населения России на начало 2015 г. составила 108 282 тыс. человек, сельского — 37 985 тыс.

В итоге после периода довольно продолжительной стагнации возобновилось повышение доли горожан в общей численности населения России. После периода быстрого и устойчивого роста доли городского населения — с менее чем 15% по переписи 1897 г. до $\frac{1}{3}$ в конце 1930-х гг., более $\frac{1}{2}$ в конце 1950-х и почти $\frac{3}{4}$ в конце 1980-х — последовал период относительной стабилизации. По данным переписей доля городского населения составляла, %: 1989 г. — 73,4; 2002 г. — 73,3; 2010 г. — 73,7. К началу 2015 г. она поднялась до 74,3% (правда, с учетом Крымского федерального округа доля горожан ниже — 74,1%).

Согласно текущим оценкам городское население России убывало в 1991—1993 и 1995—2006 гг. Рост численности городского населения возобновился с 2007 г. (рис. 1.7). В 2007—2009 гг. он был незначительным ($0,1\%$ в год), в 2010—2011 гг. увеличился до $0,3\%$ в год, в 2012—2014 гг. — до $0,4\%$.

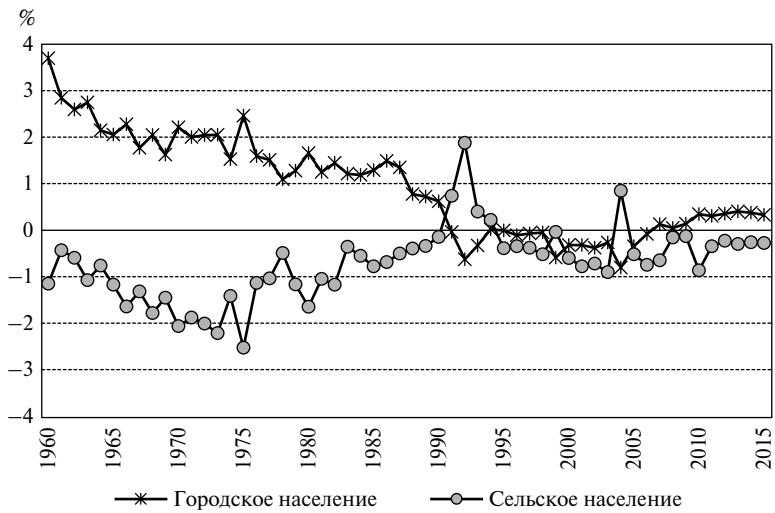
Для сельского населения по-прежнему характерна убыль, хотя в отдельные годы она приближалась к нулевой отметке и даже сменялась ростом в 1991—1994 и 2004 гг. После переписи 2010 г. интенсивность убыли сельского населения была относительно небольшой ($0,2$ — $0,3\%$).

В 2014 г. городское население России (без Крымского федерального округа) увеличилось на $0,38\%$, а сельское население сократилось на $0,26\%$.

До начала 1990-х гг. рост городского населения России проходил за счет всех трех факторов роста: естественного и миграционного прироста, а также административно-территориальных

скими. Сведения об административно-территориальном делении, используемые при статистической разработке данных о населении, основываются на официальных документах, поступивших от органов власти субъектов РФ.

Рис. 1.7. Изменение численности городского и сельского населения России, 1960–2015 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001. С. 20–21; Демографический ежегодник России. 2015. Табл. 1.3, 1.4; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 14, 17.

преобразований⁹, которые главным образом приводили к росту горожан за счет образования новых городских поселений, преобразования сельских поселений в городские или включения их в черту городских поселений, при которых сельские жители, никуда не переезжая, становились городскими жителями.

Начавшаяся с 1992 г. естественная убыль населения стала основным долговременным фактором уменьшения числа горожан. Зафиксированный данными текущего учета в 1992 г. незначительный миграционный отток из городских поселений лишь усугубил сокращение городского населения. Еще более существенную роль сыграло такое новое по сравнению с практикой предшествующих десятилетий явление, как преобразование городских поселений — главным образом поселков городского типа (пгт) — в сельские населенные пункты (рис. 1.8). В отдельные годы — 1991–1992

⁹ В последнее время их чаще называют муниципально-территориальными преобразованиями.

Рис. 1.8. Компоненты изменения численности городского населения России, 1960–2014 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001. С. 20; Демографический ежегодник России. 2015. Табл. 1.3; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 14.

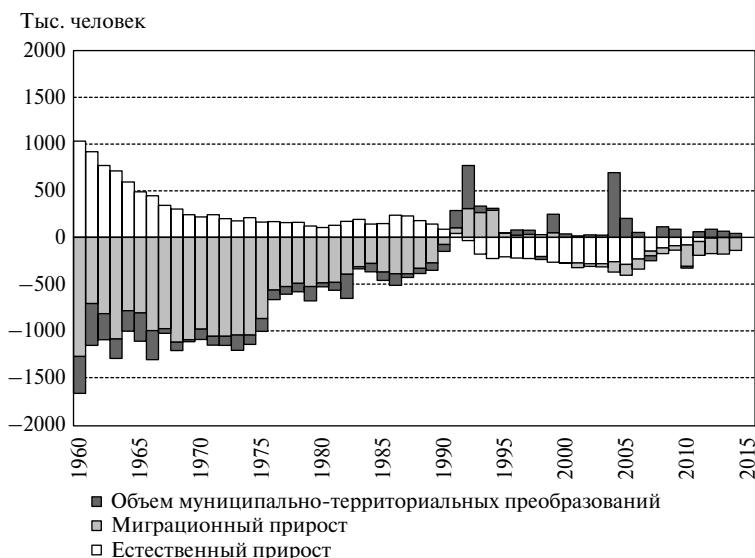
и 2004 — оно принимало массовый характер, хотя одновременно с этим продолжались и обратные преобразования сельских поселений в городские (посредством изменения статуса или включения в городскую черту). В результате сокращение городского населения происходило прежде всего из-за естественной убыли населения, не компенсируемой миграционным приростом, а в отдельные годы — и за счет массовых административно-территориальных преобразований, ведущих к увеличению сельского населения.

Возобновление роста численности городского населения в последние годы было обусловлено сокращением естественной убыли и объема муниципально-территориальных преобразований при увеличении миграционного прироста.

Быстрое сокращение абсолютной величины естественной убыли городского населения наблюдается начиная с 2007 г. В 2012 г.

впервые после 20-летнего периода естественной убыли зафиксирован небольшой естественный прирост городского населения России — чуть более 2 тыс. человек. В 2013 г. он увеличился до 24,8 тыс., а в 2014 г. — до 37,1 тыс. человек. Миграционный прирост за 2013 г. также немного увеличился, составив 472,6 тыс. человек, но в 2014 г. снизился до 407,9 тыс. Убыль городского населения в результате административно-территориальных преобразований снизилась до 67 тыс. человек в 2013 г. и 42,2 тыс. в 2014 г.

Сельское население России до начала 1990-х гг. увеличивалось только за счет естественного прироста, который, однако, не мог перекрыть значительный миграционный отток населения (исключение — 1961 г.). Различные административно-территориальные преобразования также только сокращали число россиян, проживающих в сельских поселениях (рис. 1.9). Начиная с 1992 г.

Рис. 1.9. Компоненты изменения численности сельского населения России, 1960—2014 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001. С. 21; Демографический ежегодник России. 2015. Табл. 1.4; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 17.

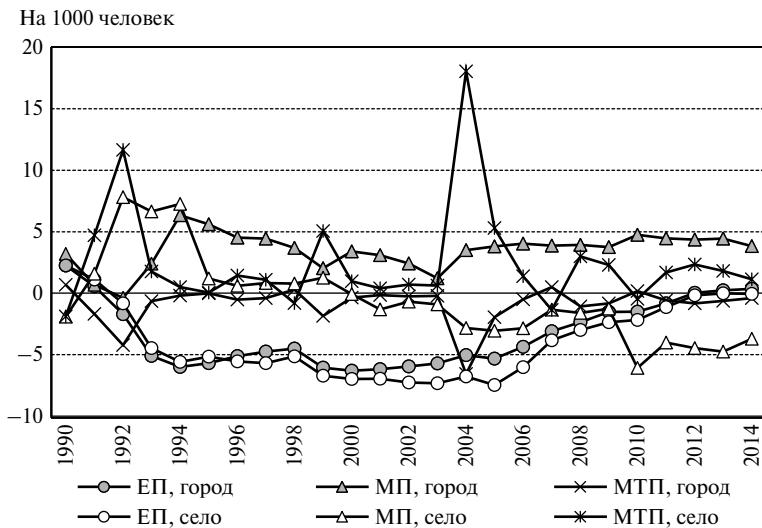
естественная убыль стала основным долгосрочным фактором динамики сельского населения России.

Новые явления — миграционный прирост сельского населения, сохранившийся на протяжении 1990-х гг. (существенным его значение было лишь в 1992–1994 гг.), а также прирост за счет административно-территориальных преобразований, который в 2004 г. достиг 693,9 тыс. человек, а в целом за 1991–2014 гг. составил 2449,6 тыс. человек. Сокращение сельского населения за счет административно-территориальных преобразований в этот период отмечалось только в 1998, 2007 и 2010 гг. и было незначительным.

Величина естественной убыли сельского населения стала быстро сокращаться, как и у городского населения, начиная с 2007 г., однако она так и не сменилась естественным приростом. Наименьшая величина естественной убыли сельского населения отмечалась в 2013 г. ($-0,8$ тыс. человек), в 2014 г. она вновь стала усиливаться ($-1,7$ тыс. человек). Одновременно вновь увеличилась миграционная убыль сельского населения, неизменно наблюдаясь начиная с 2000 г. В 2013 г. она составила 176,8 тыс. человек, в 2014 г. — 137,8 тыс., а в целом за 2000–2014 гг. — 1470,3 тыс. человек.

При сравнении компонентов роста численности городского и сельского населения обращает внимание сходство в тенденциях естественного прироста, хотя интенсивность естественной убыли сельского населения чаще оказывалась более значительной, чем городского (рис. 1.10). В 2012–2014 гг. у городского населения зафиксирован естественный прирост (наибольший в 2014 г. — $0,35\%$), у сельского населения — незначительная естественная убыль ($-0,02\%$ в 2013 г. и $-0,04\%$ в 2014 г.).

Тенденция прироста сельского населения за счет административно-территориальных преобразований зеркально отражает аналогичный тренд для городского населения, но для сельского населения этот фактор роста имеет большее значение по своей интенсивности (так, в 2004 г. прирост сельского населения за счет административно-территориальных преобразований составил 18% , а убыль городского населения за счет этого фактора — $-6,6\%$). В 2014 г. городское население России сократилось за счет административно-территориальных преобразований на $0,4\%$, а сельское население увеличилось за счет этого фактора на $1,1\%$.

Рис. 1.10.

Компоненты изменения численности городского и сельского населения России, 1960–2014 гг.

Примечание. ЕП — естественный прирост, МП — миграционный прирост, МТП — объем муниципально-территориальных преобразований.

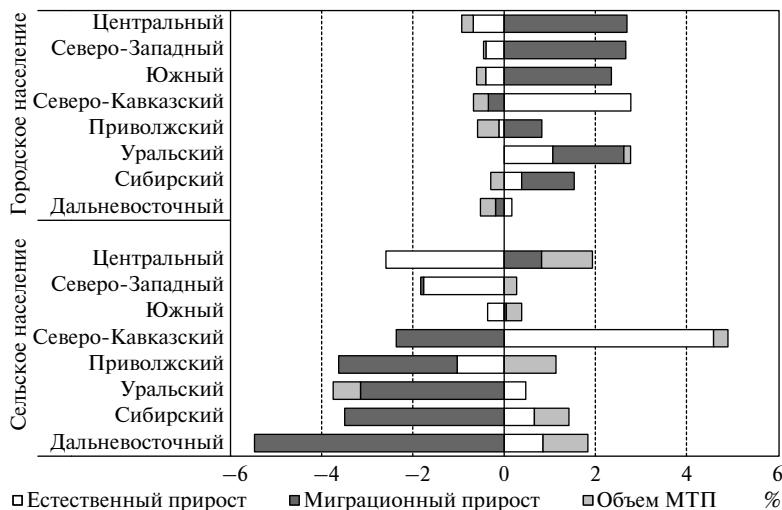
Источники: Демографический ежегодник России. 2001. С. 20–21; Демографический ежегодник России. 2015. Табл. 1.3, 1.4; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. С. 14, 17.

За счет миграционного обмена с другими территориями городское население неизменно прирастает (за исключением 1992 г., когда отмечалась миграционная убыль), а сельское население начиная с 2000 г. вновь сокращается, хотя и не так интенсивно, как прежде, в 1960–1970-е гг. В первое десятилетие XXI в. миграционная убыль сельского населения, как правило, не превышала 3% в год. Только в 2010 г. она составила -6% , а затем немногого сократилась до $-4,0\%$ в 2011 г. и $-3,7\%$ в 2014 г. Миграционный прирост городского населения отличался довольно высокой устойчивостью. В 2004–2009 гг. его величина составляла около $+4\%$ в год. В 2010 г. возросла до $4,8\%$, но затем несколько снизилась, особенно в 2014 г., составив $3,8\%$.

Что касается региональной динамики городского и сельского населения, то за период, прошедший после переписи 2010 г.,

городское население увеличилось во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, а сельское население, напротив, уменьшилось во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского и Южного. Наиболее интенсивной была убыль сельского населения Дальневосточного (на 3,6% за 2011–2014 гг.) и Уральского (на 3,3%) федеральных округов. Убыль городского населения Дальневосточного федерального округа была менее интенсивной, чем сельского (−0,3%), но наблюдалась только в этом округе. Прирост городского населения был наибольшим в Уральском федеральном округе (2,8%), несколько ниже в Северо-Западном (2,2%) и Северо-Кавказском (2,1%) федеральных округах.

Существенно различается роль факторов роста городского и сельского населения по округам. Так, городское население Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов увеличилось за счет миграционного прироста, который не только компенсировал естественную убыль и сокращение численности горожан за счет административно-территориальных преобразований, но и обеспечил заметный прирост городского населения (рис. 1.11). В Северо-Кавказском федеральном округе, напротив, наблюдалось сокращение городского населения в результате административно-территориальных преобразований (−0,3) и миграционного оттока (−0,3%), но естественный прирост был на порядок выше (2,8%), что и обеспечило общий прирост (2,1%). В Приволжском федеральном округе численность городского населения увеличилась за счет миграционного прироста (0,8%), который при незначительной естественной убыли компенсировал потери в результате административно-территориальных преобразований (−0,5%) и обеспечил небольшой прирост (0,2%). В Уральском федеральном округе городское население увеличилось за счет всех трех факторов, наибольший вклад внесла миграция (1,6%), несколько меньший — естественный прирост (1,1%). В Сибирском федеральном округе естественный (0,4%) и миграционный (1,2%) прирост обеспечил рост при сокращении численности городского населения за счет административно-территориальных преобразований. В Дальневосточном федеральном округе незначительный естественный прирост (0,2%) не смог компенсировать потери в результате миграционного оттока (−0,2%) и административно-территориальных преобразований (−0,3%).

Рис. 1.11. Компоненты изменения численности городского и сельского населения по федеральным округам России за 2011–2014 гг., % к численности на начало 2011 г.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах.

Рост сельского населения в Северо-Кавказском федеральном округе обеспечивался высоким естественным приростом (4,6%), миграционный отток был почти вдвое ниже (-2,4%). Муниципально-территориальные преобразования также привели к увеличению числа сельских жителей в 2013 г. за счет преобразования в сельские населенные пункты двух поселков городского типа в Кабардино-Балкарской Республике.

Естественный прирост, хотя и меньшей интенсивности, наблюдался также у сельского населения Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Кроме того, сельское население Сибирского и Дальневосточного федеральных округов увеличивалось за счет административно-территориальных изменений, однако миграционный отток превосходил по своей величине совокупный эффект обоих факторов роста. Миграционный отток в сочетании с естественной убылью наблюдался у сельского насе-

ления Приволжского федерального округа. Миграционный прирост сельского населения наблюдался только у сельского населения Центрального федерального округа (0,8%)¹⁰ и в Южном федеральном округе (0,05%)¹¹, однако он не мог компенсировать потери из-за естественной убыли.

1.4. В 2014 г. концентрация населения в больших городах вновь ускорилась

Наряду со стабилизацией доли горожан в общей численности населения отличительной особенностью двух последних межпереписных периодов стало быстрое сокращение числа городских поселений (рис. 1.12). Оно происходило за счет поселков городского типа, совмещающих в себе черты небольших городков и сельских поселений. В период между переписями 1989 и 2002 гг. число поселков городского типа сократилось на 351, между переписями 2002 и 2010 гг. — на 556, а после переписи 2010 г. — еще на 94, составив к началу 2015 г. 1192¹². Только за 2014 г. число поселков городского типа сократилось на 12.

Число городов продолжало умеренно возрастать в 1990-е гг., но в 2000-е практически стабилизировалось. На 1 января 2015 г.

¹⁰ В основном за счет Московской области (62,3 тыс. человек за 2011–2014 гг.) и сельского населения Новой Москвы (13,4 тыс.), а также Ярославской (8,5 тыс.), Белгородской (7,9 тыс.), Тульской (7,5 тыс.) и Смоленской (7,4 тыс.) областей.

¹¹ За счет миграционного прироста сельского населения Краснодарского края (53,9 тыс. человек за 2011–2014 гг.), а также Республики Адыгея (3,8 тыс.) и Астраханской области (0,3 тыс.). Значительный миграционный прирост сельского населения наблюдался также в Ленинградской области (50 тыс. человек), умеренный — в Калининградской (3,2 тыс.), Псковской (2,9 тыс.) и Новгородской (1,8 тыс.) областях, однако в других регионах Северо-Западного федерального округа наблюдалась довольно значительная миграционная убыль сельского населения (в Архангельской и Вологодской областях, республиках Карелия и Коми).

¹² Включая 4 пгт без населения (три в Республике Коми и один в Магаданской области), но без 2 пгт в границах г. Москвы (Кокошкино с населением 13,5 тыс. и Киевский с 10,7 тыс. человек) и 1 пгт в границах г. Севастополя (Кача с населением 4,5 тыс. человек).

Рис. 1.12. Число городских поселений России и их население (% городского населения) по данным переписей населения и на начало 2015 г.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2004. М.: Росстат, 2004. С. 99; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 84; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 72–81.

в России насчитывалось 1097 населенных пунктов со статусом города¹³.

Хотя число поселков городского типа и численность населения, проживающего в них, росли вплоть до 1990-х гг., сокращение доли горожан, проживающих в поселках городского типа, наблюдается уже с 1960-х гг. По данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг., в них проживало около 15% городского населения. Последующие переписи показали снижение доли городского населения, проживающего в поселках городского типа: 13,6% — в 1970 г., 12,6% — в 1979 г. и 12,5% — в 1989 г. Вследствие резкого сокращения числа поселков городского типа в 1990-е гг. численность их населения стала быстро уменьшаться не только относительно, но и абсолют-

¹³ Без учета трех городов, вошедших в 2012 г. в состав г. Москвы: Московский (33,1 тыс. человек на начало 2015 г.), Щербинка (40,7 тыс.) и Троицк (50,3 тыс.), и 17 городов Крымского федерального округа.

но. Доля населения поселков городского типа в городском населении России снизилась, по данным переписи 2002 г., до 9,9%, по данным переписи 2010 г. — до 7,4%, а к началу 2015 г. по текущим оценкам — до 6,8%. Доля городского населения, проживающего в поселениях со статусом города, соответственно возросла с 84,7% по данным переписи 1959 г. до 93,2% на начало 2015 г.

Основная масса российских городов (более 70%) представлена малыми городами с числом жителей, не достигающим 50 тыс. человек (табл. 1.5). Их число, быстро возраставшее до 1970-х гг. (731 по данным переписи 1970 г.), в 1970-е гг. снизилось на 3% (709 по данным переписей 1979 и 1989 гг.). В 1990-е гг. оно вновь стало расти, увеличившись до 768 по данным переписи 2002 г., а затем до 781 по данным переписи 2010 г. и 783 на начало 2012 г. В 2012–2013 гг. их число сокращалось (на два за год), составив на начало 2014 г. 779. За 2014 г. число малых городов не изменилось. Среди малых городов есть города-«карлики», которые по численности населения уступают не только многим поселкам городского типа, но и некоторым сельским населенным пунктам. Среди них можно отметить 14 городов с числом жителей менее 3 тыс. человек и 27 городов с населением от 3 тыс. до 5 тыс. человек по состоянию на начало 2015 г. По данным переписи 1989 г. число таких городов составляло соответственно 7 и 17.

Численность населения, проживающего в малых городах, в последние десятилетия изменялась незначительно. Если в 1920-е гг. в таких городах проживало более трети всех горожан, то к концу 1930-х гг. их доля снизилась почти до четверти, а к концу 1980-х — до 17%. После небольшого увеличения в 1990-е гг. (17,3% по данным переписи 2002 г.) она продолжала снижаться, составив 16,1% на начало 2015 г. Абсолютная численность населения городов с числом жителей до 50 тыс. возросла с 15,9 млн человек по переписи 1989 г. до 16,6 млн по данным переписи 2002 г., а затем снизилось до 16,4 млн человек по данным переписи 2010 г. и 16,2 млн на начало 2015 г.

Число средних городов с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек перестало расти, начав сокращаться после переписи 1989 г. из-за перехода части городов в группу городов меньшего или, наоборот, большего размера. Совокупное население средних городов неуклонно сокращалось до 2013 г. (с 11,2 млн человек по переписи

Таблица 1.5.

Распределение городов Российской Федерации по числу жителей, по данным переписей населения и на начало 2015 г.

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Всего городов	461	574	877	969	999	1037	1098	1100	1097
В том числе с числом жителей, тыс.:									
до 20	334	284	399	389	361	349	410	420	425
20–49,9	70	180	289	342	348	360	358	361	354
50–99,9	37	58	97	114	138	163	163	155	153
100–499,9	18	48	78	107	126	131	134	127	129
500–999,9		2	12	11	18	22	20	25	21
1 млн и более	2	2	2	6	8	12	13	12	15
В них проживает, всего:									
млн чел.	13,9	31,0	52,2	70,0	82,9	94,5	95,9	97,5	99,5
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в городах с числом жителей, тыс.:									
до 20	20,7	9,6	8,7	6,7	5,2	4,6	5,2	5,0	4,8
20–49,9	14,6	18,0	17,6	15,5	13,2	12,3	12,1	11,9	11,3
50–99,9	18,4	13,2	12,9	11,3	11,2	11,8	11,6	11,1	10,8
100–499,9	20,2	32,5	29,6	33,3	32,3	29,8	29,6	26,9	27,7
500–999,9	–	3,7	15,9	12,0	15,3	14,9	12,9	16,2	12,9
1 млн и более	26,1	23,0	15,2	21,2	22,8	26,6	28,6	28,9	32,6

Источники: Российский статистический ежегодник. 2004. С. 99; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 84; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 72, 75.

1989 г. до 10,5 млн на начало 2013 г.), но в последние годы немного увеличилось (до 10,9 млн человек на начало 2015 г.).

Число больших городов — с числом жителей 100 тыс. и более —росло на протяжении XX в., хотя темпы роста существенно замедлились в 1990-е гг. По данным переписи 1989 г. оно составило 165, к 2002 г. увеличилось лишь на два города (167), а к 2010 г. сократилось до 164. После переписи 2010 г. оно колебалось, но к началу 2015 г. увеличилось до 169. При относительной стабилизации числа больших городов их совокупное население продолжало расти, составив 67,4 млн человек в 1989 г., 68,2 млн в 2002 г., 70,2 млн в 2010 г. и 73,8 млн человек на начало 2015 г., а его доля в населении городов увеличилась с 71,3% в 1989 г. до 73,2% на начало 2015 г.

Число самых крупных городов, в которых проживает 1 млн человек и более, устойчиво росло до 1989 г., а затем практически стабилизировалось. Как и число больших городов, число городов-миллионеров изменилось лишь за счет повышения-понижения ранга Волгограда и Перми с численностью населения около миллиона человека (табл. 1.6). Тенденция устойчивого роста числа крупных городов, характерная для предшествующих десятилетий, была нарушена. При этом совокупное население городов-миллионеров продолжало расти, увеличившись с 25,2 млн человек в 1989 г. до 27,4 млн в 2002 г. и 28,2 млн человек в 2010 г., а его доля в населении городов возросла с 26,6% в 1989 г. до 28,9% в 2010 г. В 2012 г. группу городов-миллионеров пополнили Красноярск и Воронеж, в результате чего население этой группы городов возросло до 32,1 млн человек, или 32,5% населения городов. Это более чем вдвое превышает долю населения городов-миллионеров в период быстрого роста городов (по данным переписи 1959 г.). На начало 2015 г. совокупное население городов с числом жителей 1 млн человек и более оставалось тем же, а его доля в населении городов повысилась до 32,6%.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. впервые сократилась численность населения некоторых городов-миллионеров, рост населения сохранился лишь в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Ростове-на-Дону. В период между переписями 2002 и 2010 гг. рост численности населения возобновился во всех городах-миллионерах, за исключением Нижнего Новгорода и Перми, которая временно даже выбывала из их числа.

Таблица 1.6. Численность населения городов Российской Федерации с числом жителей от 1 млн и более, по данным переписей населения и текущего учета

Город	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Москва	1039	2080	4604	6096	7063	7970	8677	10102	11504	12198
Санкт-Петербург	1265	1619	3119	3003	3552	4073	4435	4669	4880	5195
Новосибирск	...	120	404	886	1161	1312	1436	1426	1474	1567
Екатеринбург	43	140	423	779	1025	1211	1363	1293	1350	1428
Нижний Новгород	90	222	644	942	1170	1344	1435	1311	1251	1268
Казань	130	179	406	667	869	993	1085	1105	1144	1206
Челябинск	20	59	273	689	875	1030	1142	1078	1130	1183
Омск	37	162	289	581	821	1014	1148	1134	1154	1174
Самара	90	176	390	806	1027	1193	1257	1158	1165	1172
Ростов-на-Дону	119	308	510	600	789	934	1008	1070	1089	1115
Уфа	49	99	258	547	780	978	1080	1042	1062	1106
Красноярск	27	72	190	412	648	796	912	912	974	1052
Пермь	45	121	306	629	850	999	1092	1000	991	1036
Воронеж	81	122	344	448	660	783	882	849	890	1024
Волгоград	55	151	445	592	815	928	995	1013	1021	1017

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011. С. 81–83; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 83.

После переписи 2010 г. росло население всех городов-миллионеров, кроме Волгограда. Особенно быстро увеличивалось население Воронежа (на начало 2015 г. на 15,0% больше, чем по данным переписи 2010 г.), более умеренными темпами росло население Красноярска (8,0%), Санкт-Петербурга (6,4%), Новосибирска (6,3%), Москвы (6,0%), Екатеринбурга (5,8%) и Казани (5,4%). Прирост населения Челябинска, Перми и Уфы превысил 4%. После довольно продолжительного периода убыли населения рост числа жителей возобновился не только в Перми, но и в Нижнем Новгороде, хотя в целом он был менее значительным. Прирост населения Нижнего Новгорода, Омска, Самары после переписи 2010 г. не достиг 2%, несколько выше он был в Ростове-на-Дону (2,4%). Население Волгограда на начало 2015 г. было на 0,3% меньше, чем по данным переписи 2010 г.

Среди больших городов меньшего размера — с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн — наиболее высоким приростом населения после переписи 2010 г. выделяются Тюмень (на 19,8% к началу 2015 г.), Краснодар (11,4%), Томск (7,6%). Более умеренными темпами росло население Иркутска (5,4%) и Хабаровска (5,2%). Население Тольятти, Липецка, Новокузнецка и Саратова увеличилось менее чем на 1%, Пензы и Рязани — менее чем на 1,5%.

Тула уже понизила свой ранг из-за сокращения численности населения, перейдя в группу городов меньшего размера (494 тыс. человек на начало 2013 г. против 501 тыс. человек по данным переписи 2010 г.), и продолжает терять население (488 тыс. человек на начало 2015 г.).

В группе городов с числом жителей от 100 тыс. до 500 тыс. особенно быстрый рост численности населения после переписи 2010 г. отмечался в некоторых городах Московской области (на 21% в Балашихе и Королеве, на 16–18% в Красногорске, Домодедове, Железнодорожном, на 9–12% в Химках, Раменском, Люберцах), в столице Ингушетии г. Назрани (17,2%), Сочи (13,7%) и Новороссийске (8,3%), а также в Сургуте, Новом Уренгое и Якутске (на 11%). В 46 из 129 городов этой группы на начало 2015 г. отмечалось сокращение численности населения по сравнению с данными переписи 2010 г. Наибольшая убыль населения наблюдалась в Камышине (−5,8%), Дмитровграде (−4,9%), Сергиевом Посаде и Березниках (−4,5%), в Муроме,

Прокопьевске, Комсомольске-на-Амуре, Братске и Рыбинске (на 4% и более).

Сокращение численности населения поселков городского типа между переписями 1989 и 2002 гг. шло в основном за счет крупных поселений (с 10 тыс. жителей и более¹⁴), в период между переписями 2002 и 2010 гг. — напротив, за счет самых мелких (до 3 тыс. жителей). После переписи 2010 г. сократились число поселков городского типа и их население по всем группам, кроме поселков городского типа с числом жителей от 3 тыс. до 5 тыс. человек (табл. 1.7).

В целом тенденция концентрации населения России в крупных городах сохраняется, хотя скорость ее существенно замедлилась. Тенденция роста доли городского населения, нарушенная в 1990-е гг., возобновилась в XXI в., доля населения, проживающего в крупных городах — с числом жителей 100 тыс. и более, превысила половину, а в городах с населением 1 млн человек и более достигла 22,5% на начало 2015 г. (табл. 1.8). Доля россиян, проживающих в сельских населенных пунктах, снизилась к началу 2015 г. до 25,7%, в малых городских поселениях с числом жителей до 50 тыс. человек — до 16,2%.

Распределение населения по поселениям разного типа и размера заметно различается по регионам.

На начало 2015 г. доля населения, проживающего в сельских поселениях, варьировалась от 0% в Санкт-Петербурге и 1,2% в Москве до 70,8% в Республике Алтай (рис. 1.13). В сельских поселениях проживало больше половины населения также Чечне (65,3%), Ингушетии (59,3%), Карачаево-Черкесии (57,3%), Калмыкии (54,9%), Дагестане (54,9%), Адыгее (52,9%), около половины — в республиках Крым, Кабардино-Балкарии и Тыве, в Краснодарском и Алтайском краях (от 44 до 49%). С другой стороны, в трех регионах, помимо трех городов федерального значения, доля горожан превышала 90% (в Магаданской и Мурманской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре). В центральной половине регионов доля сельского населения составляла от 22,2 до 35,8% при медианном значении 28,7%.

¹⁴ Численность населения поселков городского типа редко достигала 50 тыс. человек; на начало 2015 г. самым крупным был пгт Горячеводский в Ставропольском крае (36,8 тыс. жителей).

Таблица 1.7.

Распределение поселков городского типа Российской Федерации по числу жителей, по данным переписей населения и на начало 2015 г.

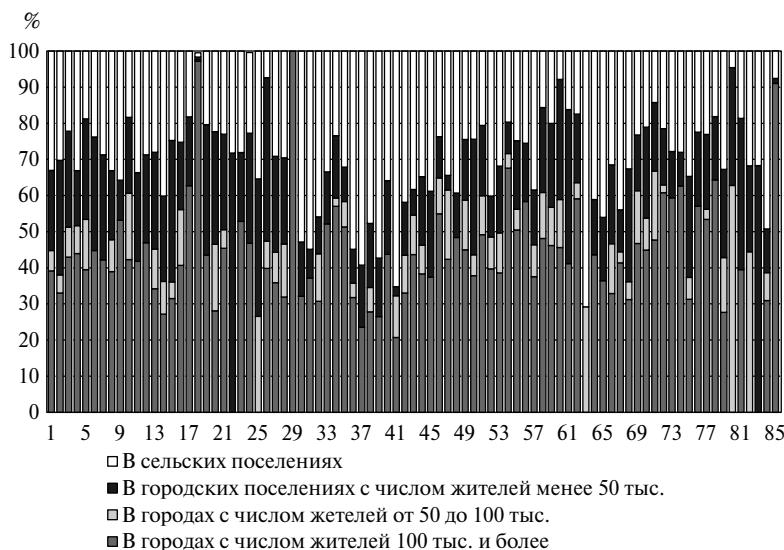
Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Поселки городского типа, всего	702	743	1495	1869	2046	2193	1842	1286	1192
В том числе с числом жителей, тыс.:									
до 3	413	127	302	451	530	595	595	348	313
3–4,9	141	174	410	507	568	524	393	278	284
5–9,9	113	269	540	669	655	713	582	455	399
10–19,9	30	156	221	216	262	321	247	180	169
20 и более	5	17	22	26	31	40	25	25	23
В них проживает, всего:									
млн чел.	2,5	5,3	9,4	11,0	12,0	13,5	10,5	7,8	7,3
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе с числом жителей, тыс.:									
до 3	25,6	5,0	6,3	7,8	8,2	7,9	9,4	7,5	7,7
3–4,9	21,5	13,2	17,3	18,4	18,8	15,3	14,8	14,1	15,7
5–9,9	31,3	35,7	40,3	42,1	38,1	37,4	39,1	40,8	38,5
10–19,9	16,6	38,6	30,4	25,5	28	31,5	30,7	29,7	30,1
20 и более	5,0	7,6	5,7	6,2	7,0	7,8	6,0	7,9	8,1

Источники: Российский статистический ежегодник. 2004. С. 99; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 84; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. С. 78, 80.

Таблица 1.8. Распределение населения Российской Федерации по поселениям разного типа, по данным переписей населения и на начало 2015 г., %

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Население России, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Проживает в поселениях:									
сельских	82,3	66,5	47,7	37,8	30,9	26,6	26,7	26,3	25,7
городских	17,7	33,5	52,3	62,2	69,1	73,5	73,3	73,7	74,3
В том числе с числом жителей, тыс.:									
не более 50	8,0	12,8	19,7	20,4	19,8	20,0	18,7	17,0	16,2
50–99,9	2,7	3,7	5,7	6,1	6,8	7,7	7,6	7,6	7,5
100 и более	7,0	17,0	26,9	35,7	42,5	45,8	47,0	49,1	50,6
Включая:									
100–499,9	3,1	9,3	13,1	17,9	19,5	19,2	19,6	18,4	19,1
500–999,9	—	1,1	7,0	6,4	9,2	9,5	8,5	11,0	8,9
1 млн и более	3,9	6,6	6,8	11,4	13,8	17,1	18,9	19,7	22,5

Источники: Российский статистический ежегодник. 2004. С. 99; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 70–71, 84; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 11–16, 72–81.

Рис. 1.13. Распределение населения регионов — субъектов РФ по поселениям разного типа на начало 2015 г.

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. С. 11–16, 75–77, 80–81.

Доля населения, проживающего в городах с числом жителей 100 тыс. и более, варьировалась от 0% в Республике Алтай, Ненецком и Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области, Ленинградской и Магаданской областях до 100% в Санкт-Петербурге, 97,1% в Москве и 91,0% в Севастополе, а без учета этих регионов с крайними значениями — от 20,7% в Чеченской Республике до 67,6% в Самарской области.

2. Перспективы изменения численности и возрастного состава населения России в сравнении со странами ОЭСР и БРИКС

2.1. Методологические проблемы международного сравнения прогнозных оценок населения

В данной главе рассматривается прогноз изменения численности и состава населения в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также в ряде других стран, в указанную организацию не входящих. Мы в данном случае рассматриваем, с одной стороны, быстро развивающиеся страны из состава БРИКС (Бразилия, Индия, Китай и ЮАР)¹, к числу которых относят и Россию, а также Индонезию, так как данное государство занимает 4-е место в мире по численности населения, а с другой — некоторые развитые страны Европейского союза

---

¹ БРИКС (англ. BRICS — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. Сокращение БРИК (BRIC) было впервые предложено аналитиком Джимом О'Нилом в ноябре 2001 г. в аналитической записке Building Better Global Economic («Кирпичи для новой экономики») для банка «Голдман Сакс». В английской транскрипции BRICS очень похоже на англическое слово «bricks» — «кирпичи», таким образом, данный термин используется в качестве обозначения группы стран, за счет которых во многом будет обеспечиваться будущий рост мировой экономики. Организация была основана в июне 2006 г. в рамках Петербургского экономического форума (Россия) с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая. В связи с присоединением ЮАР к БРИК в 2011 г. группа стала носить название BRICS/БРИКС. Руководители стран БРИКС стремятся сформировать некий политический клуб или союз, чтобы использовать свою растущую экономическую мощь для усиления геополитического влияния в мире. Длительный экономический спад в России поставил под сомнение ее амбициозные планы в рамках данного политического объединения.

(ЕС-28) с относительно небольшой численностью населения, которые в состав ОЭСР пока не входят².

В качестве источника сопоставимых данных используется официальный сайт статистической информации ОЭСР (OECD Stat³). На нем представлена информация о следующих странах мира: 34 страны — члена ОЭСР, а также 6 стран ЕС, которые не входят в состав ОЭСР, страны БРИКС, Колумбия (демографические перспективы данной страны мы рассматривать не будем) и Индонезия. На сайте указывается, что данные за 1950–2011 гг. (в ряде случаев 2012 г.) являются фактическими, в то время как с 2012 (2013) до 2050 г. приводятся прогнозные показатели, которые могут слегка расходиться с последними цифрами национальных статистических офисов и Статистического офиса ЕС (Евростат).

Необходимо также заметить, что демографические прогнозы ОЭСР самостоятельно не делает, а использует три возможных источника данных: 1) данные национальных статистических офисов и систем; 2) данные Евростата (в большинстве случаев данные по странам ЕС совпадают с первым источником); 3) данные ООН (например, приведенный прогноз по населению Земли взят из разработок ООН). При наличии нескольких сценариев прогноза (обычная для большинства случаев ситуация) специалисты ОЭСР размещают на своем сайте средний/медианный вариант.

Для большинства стран ОЭСР в качестве реперных точек используются данные переписей населения (хотя в ряде стран, в первую очередь европейских с развитой системой регистров населения, процедуры переписей серьезно отличаются от традиционных или переписи вообще отменены). Оценки численности населения для межпереписных периодов базируются на данных, получаемых из национальных административных источников и регистров населения. Можно считать, что размещенные в базе данные по странам ОЭСР и ЕС-28 вполне сопоставимы.

² В нашем обзоре это Болгария, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Румыния. Хорватия в базе данных не представлена, но мы включаем ее в прогноз расчетных данных по ЕС.

³ Данные об исторической и прогнозной численности населения за 1950–2050 гг. (Historical population data and projections (1950–2050)). URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=POP_PROJ#.

Для большинства других стран нами будет использоваться прогноз ООН 2015 г. пересмотра⁴, в том числе для Индонезии и стран БРИКС (кроме России). Отметим, что между данными ООН, Евростата, а также официальными данными национальных статистических служб возможны некоторые расхождения, о чем будет сказано далее. Кроме того, некоторые расхождения наблюдаются между современными данными, приведенными на сайте ОЭСР, и статистическими обзорами по всем странам ОЭСР за предыдущие годы⁵.

Очень серьезные расхождения наблюдаются между прогнозными показателями для России. Причина, в частности, кроется в использовании на сайте ОЭСР данных обзора «Данные об исторической и прогнозной численности населения за 1950–2050 гг.», который послужил нам основой для написания данной главы, который для России базируется на прогнозных оценках, полученных, в свою очередь, непосредственно из Росстата⁶, в то время как в Статистическом сборнике ОЭСР за 2014 г. для России приведены устаревшие данные прогноза ООН 2012 г. пересмотра.

Необходимо также принять во внимание, что численность населения России с 2015 г., приведенная на сайте Росстата, включает оценки населения по Крымскому федеральному округу, завышающие численность населения страны более чем на 2 млн. Кроме того, последний прогноз населения Росстата базируется на обновленных в сторону увеличения сценариях рождаемости. В результате по версии Росстата к 2050 г. численность населения России ожидается в районе 146,4 млн человек, что примерно соответствует

⁴ World Population Prospects: The 2015 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>.

⁵ Например, Статистический сборник ОЭСР за 2014 г. (ситуация по состоянию на 2011 г. в большинстве стран) предоставляет прогнозную численность, отличающуюся от устаревших оценок, представленных в базе данных «Данные об исторической и прогнозной численности населения за 1950–2050 гг.» (Historical population data and projections (1950–2050)). URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook_18147364;jsessionid=3dfa4e3ewl186.x-oecd-live-03.

⁶ ОЭСР используется средний вариант прогноза, где численность населения приводится по состоянию на начало года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

современной официальной численности населения страны⁷. В то же время Сборник ОЭСР за 2014 г., отталкиваясь от устаревшего прогноза ООН, предлагает вариант численности населения для России в 2050 г. 120,9 млн (согласно прогнозу ООН последнего пересмотра за 2015 г. численность населения России без Крыма прогнозируется на уровне 128,6 млн). Таким образом, расхождения в прогнозных оценках для России получаются впечатляющими, едва ли укладывающимися в приемлемые статистические рамки. Заметим, что демографические прогнозы ООН для России уже давно отличаются от прогнозов Росстата, главным образом сценариями миграции. Международные эксперты Отдела населения ООН настаивают на достаточно скромных, стремящихся к нулю перспективных значениях сальдо международной миграции для России, в то время как в прогнозе Росстата заложены плавно возрастающие цифры положительного миграционного прироста от примерно 300 тыс. до 350 тыс. человек.

2.2. Вклад России в мировое население будет сокращаться при любых сценариях

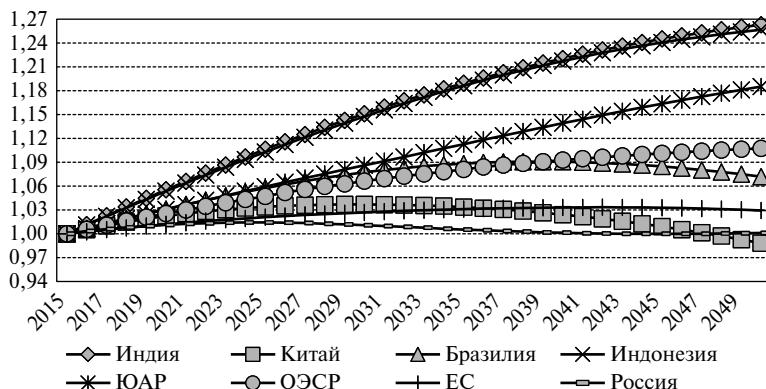
В настоящее время драйверами демографического роста в странах ОЭСР выступают страны с рождаемостью выше уровня простого воспроизводства — Израиль, Мексика, Турция, а также страны с относительно высокими показателями естественного прироста в сочетании со значительным миграционным приростом: Чили, Швеция, Норвегия, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания, Ирландия (хотя в этой стране за последние несколько десятилетий в зависимости от экономического положения периоды миграционного прироста сменяются периодами бурного оттока населения) и США. За счет миграции активно растет население Швейцарии и Люксембурга. В то же время на обширной

⁷ Согласно среднему варианту официального прогноза Росстата (апрель 2016 г.) на 15-летнюю перспективу численность населения России (включая Крым) будет стагнировать в интервале 147–148 млн. Предполагается, что за счет управляемой иммиграции международных мигрантов в Россию на постоянное место жительство удастся компенсировать нарастающую естественную убыль. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/population/demography/#.

территории организации наблюдаются и обратные тенденции: убывает население в небольших странах, таких как Венгрия, Эстония, Португалия, а также и в более населенных государствах — Испании, Польше и Японии. В настоящий момент после уточнения оценок миграционных приростов в сторону увеличения такие страны, как Греция, Германия, Италия, Словакия, которые в справочниках начала 2010-х гг. описывались как теряющие население, демонстрируют его прирост. Страны ЕС, теряющие население, как правило, не являются членами ОЭСР.

К 2050 г. ожидается, что общая численность населения всех стран ОЭСР приблизится к 1408,4 млн человек (общий прирост населения — около 10,7%, а среднегодовой — чуть меньше 0,3%). При этом в ЕС-28 численность населения в целом вырастет менее чем на 3% и достигнет 525,5 млн человек.

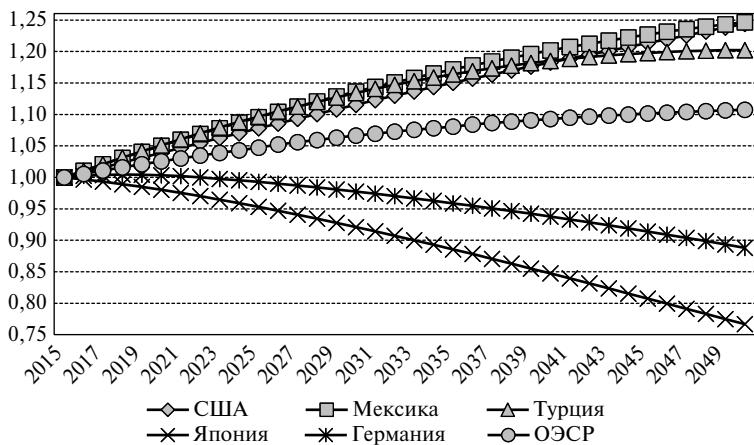
Рассмотрим перспективы изменения численности населения ОЭСР, ЕС и ряда крупных стран, не входящих в данные организации (страны БРИКС и Индонезия) (рис. 2.1). Различия в будущих темпах роста населения очень велики: Индия и Индонезия к 2050 г. увеличат свою численность более чем на четверть, ЮАР — на 20%, ОЭСР — на 10, ЕС — на 3%, а Китай и Россия едва ли удержат нынешнюю численность.

Рис. 2.1. Ожидаемые изменения общей численности населения России, стран ОЭСР, ЕС и БРИКС, 2015–2050 гг., 2015 г. = 1

Однако нужно учитывать, что по прогнозу ООН⁸ общая численность населения России в отличие от большинства стран ОЭСР будет сокращаться.

Ситуация внутри ОЭСР не выглядит однородной (рис. 2.2). Из наиболее населенных стран ОЭСР (с численностью более 70 млн человек) продолжит быстрый рост численность населения США и Мексики — прирост к 2050 г. почти на 25% в обеих странах, прирост для Турции ожидается более чем на 20%. В то же время Японию ждет стремительное сокращение численности населения (почти на $\frac{1}{4}$), в то время как в Германии, которая в отличие от Японии более открыта для международных мигрантов, сокращение численности населения тоже будет иметь место, но составит в результате чуть более 10%.

Рис. 2.2. Динамика изменения численности населения к 2015 г. в наиболее населенных странах ОЭСР, 2015 г. = 1

Сокращение численности населения будет наблюдаться в таких странах ОЭСР, как Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Южная Корея, Нидерланды, Польша, Португалия,

⁸ Напомним, что согласно среднему варианту последнего официального прогноза Росстата (апрель 2016 г.) на 15-летнюю перспективу численность населения России (включая Крым) будет стагнировать в интервале 147–148 млн.

Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Япония. Правда, убыль в указанных странах будет наступать в разные годы (табл. 2.1). В итоге сокращение численности к 2050 г. по сравнению с 2015 г. не ожидает Данию, Италию, Нидерланды и Словению⁹.

Таблица 2.1. Страны ОЭСР, в которых будет наблюдаться сокращение численности населения в период с 2015 до 2050 г.

Страна	Начало периода убыли	Население 2050 г. волях от населения 2015 г.
Венгрия	Уже наблюдается	0,84
Германия	2019	0,89
Греция	2020	0,93
Дания	2037	1,02
Испания	Уже наблюдается	0,94
Италия	2043	1,03
Южная Корея	2031	0,95
Нидерланды	2037	1,03
Польша	Уже наблюдается	0,91
Португалия	То же	0,88
Словакия	2018	0,90
Словения	2026	1,00
Чехия	2018	0,93
Эстония	Уже наблюдается	0,86
Япония	То же	0,76

Отметим, что в границах макрорегиона ЕС-28 продолжится сокращение численности населения стран, уже находящихся в демографическом минусе, — Болгарии, Румынии, Литвы, Латвии, к которым присоединится Мальта.

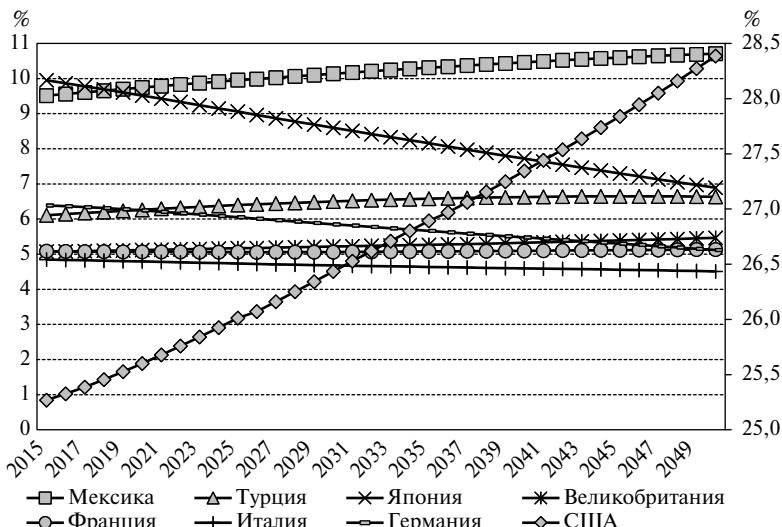
В России численность населения начнет плавно снижаться с 2025 г., однако к концу 2040-х гг. прогнозируется небольшой рост населения, что в результате и позволит нашей стране вернуться на уровень 2015 г.

⁹ Данный прогноз немного расходится с прогнозными оценками ООН пересмотра 2015 г. Согласно последнему прогнозу ООН население Италии сократится в 2050 г. по сравнению с 2015-м, в то время как в Южной Корее численность населения в 2050 г. будет превышать показатель 2015-го.

Что касается стран БРИКС (см. рис. 2.1), то с начала 2030-х гг. начнет быстрыми темпами сокращаться население Китая, а с 2040 г. — Бразилии. Хотя в случае с Бразилией как раз наблюдаются принципиальные расхождения данных из базы ОЭСР и среднего варианта прогноза ООН, так как согласно последнему в Бразилии сокращение населения начнется только в 2050 г.

Рассмотрим, как изменится вклад рассматриваемых нами стран в общее население Земли.

Несмотря на позитивную динамику, на фоне более оживленного мирового роста населения доля общей численности населения стран ОЭСР снизится с 17,3 до 14,5%. В результате неравномерного изменения численности населения и в самой группе стран ОЭСР существенным образом поменяется удельный вес определенных государств (рис. 2.3). Как уже говорилось, из-за ожидаемого сокращения численности населения будет наблюдаться неуклонное снижение вклада Германии, который станет ниже вклада Франции, и Японии, вклад которой упадет до уровня Турции. В то же время

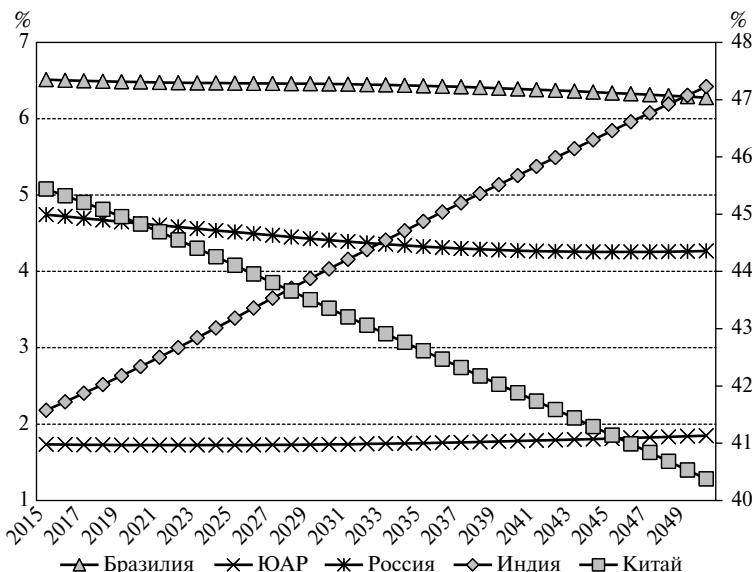

Рис. 2.3. Доля численности населения отдельных стран в общем населении ОЭСР

Примечание. По правой оси — США, по левой — остальные страны.

снижение численности в этих странах будет в полном объеме компенсировано ростом населения США и Мексики. В итоге страны Западного полушария (США, Мексика, Канада и Чили) к 2050 г. будут составлять 44% общей численности населения ОЭСР.

Население стран БРИКС, несмотря на наличие в своем составе таких демографических гигантов-миллиардеров, как Китай и Индия, будет также в меньшей степени представлено в мировом населении к 2050 г.: ожидается падение доли с 42 до 35% (т.е. средние темпы сокращения удельного веса примерно сравнимы с ожидаемыми для стран ОЭСР)¹⁰.

Рис. 2.4. Доля численности населения отдельных стран в общем населении БРИКС

Примечание. По правой оси — Китай и Индия, по левой — остальные страны.

¹⁰ При оценке доли населения групп стран ОЭСР и стран БРИКС в целом в населении мира с использованием базы данных ООН получаются примерно одинаковыми с результатами, получаемыми на основе базы ОЭСР (расхождения на сотые процентных пунктов).

Исходя из прогноза, иллюстрируемого рис. 2.4, уже в середине 2020-х гг. Индия обгонит Китай по численности населения и продолжит увеличивать свою долю в населении БРИКС. В то же время доля ЮАР в составе блока довольно стабильна, несмотря на высокие темпы роста населения, а доли России и Бразилии сокращаются.

2.3. Демографическая нагрузка трудоспособного населения в России будет стремительно нарастать, но темпы старения останутся ниже, чем в странах ОЭСР

В эволюции возрастной структуры населения России наступил этап, на котором численность населения в до- и послерабочем возрастах растет, а численность населения рабочего возраста убывает, что ведет к значительному росту коэффициентов демографической нагрузки (табл. 2.2). Максимальная доля населения в возрасте 20–64 года была достигнута в 2012 г., с тех пор она снижается, в то время как старение населения ускоряется. Эти тенденции, их социально-экономические и демографические последствия, в том числе на обозримую перспективу, были рассмотрены в предыдущих ежегодных докладах¹¹.

Подобные демографические сдвиги характерны не только для России. Они происходят и в других странах и связаны с закономерной перестройкой возрастной структуры в процессе демографического перехода, хотя в каждой стране проявления этой универсальной тенденции имеют свою специфику. В частности, для России характерны резкие колебания показателя демографической нагрузки вследствие сильной деформированности российской возрастной пирамиды. Сходство и различия изменений возрастной структуры хорошо видны на рис. 2.5, где представлены во многом разные страны, объединенные, однако, тем, что они находятся на поздних стадиях демографического перехода.

¹¹ См.: Население России 2012: двадцатый ежегод. демогр. докл. / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014; Население России 2013: двадцать первый ежегод. демогр. докл. / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

Таблица 2.2. Доля населения трех основных возрастных групп в России и место России в списке 34 стран ОЭСР за отдельные годы, 1970–2050 гг.

Возраст, лет	1970	1990	2013	2015	2030	2050
<i>Доля в населении, %</i>						
0–19	35,6	29,8	20,8	21,4	23,9	23,0
20–64	56,7	59,9	66,0	65,1	57,2	56,0
65+	7,7	10,3	13,2	13,5	18,8	20,9
<i>Ранг в порядке убывания величины показателя</i>						
0–19	17	12	22	20	9	5
20–64	12	13	2	3	12	3
65+	29	29	27	29	29	32

Источник: World Population Prospects: The 2015 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>.

В возрастной структуре каждой страны за шесть десятилетий произошел существенный сдвиг в пользу лиц старшего возраста. Ни в одной из восьми стран дети уже не являются самой многочисленной группой, и во всех странах быстрее других росла и растет численность пожилых и самых старых. Вместе с тем траектории старения и их общий итог за период различны. Япония выделяется чрезвычайно высокими темпами старения, которые привели к тому, что пожилые — самая многочисленная среди возрастных групп, сравниваемых на рис. 2.1. Австралия отличается от остальных динамикой численности населения в возрасте до 20 лет. В России таких уникальных черт нет: в чем-то она похожа на одни страны, в чем-то — на другие. Россия подобна Южной Корее, США и Австралии в том, что численность пожилых в 2013 г. все еще меньше, чем численность каждого из трех младших возрастных сегментов. По соотношению численности населения в рабочем и внерабочем возрастах Россия близка к Польше и Южной Корее.

Более точно об особенностях эволюции возрастной структуры в России можно судить, обратившись к анализу долговременных изменений пропорций трех основных возрастных групп. Для сравнения были взяты страны ОЭСР и рассмотрен период 1970–2013–2050 гг. по фактическим оценкам и среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2015 г.

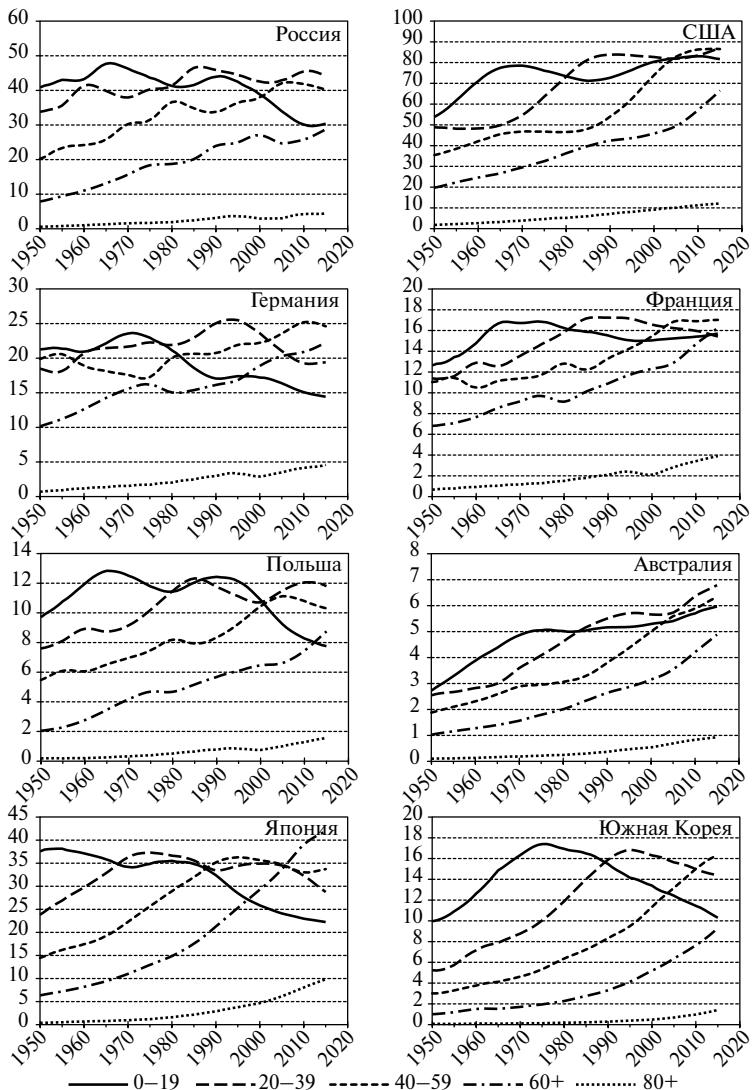
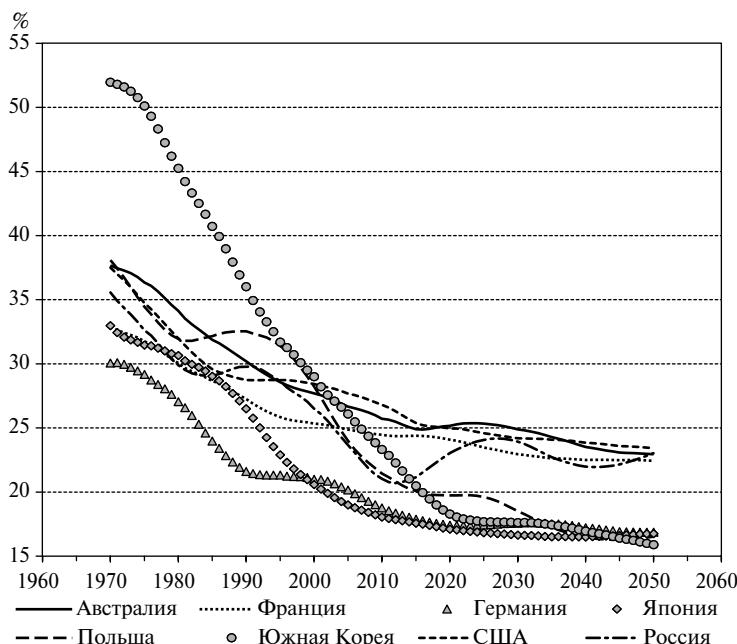

Рис. 2.5.

Численность населения в пяти возрастных группах в России и семи странах ОЭСР в 1950–2015 гг.,
оценки и прогноз ООН-2015, оба пола, млн человек

Доля населения в возрасте до 20 лет. В 1970 г. доля населения в возрасте 0–19 лет в России составляла почти 36% — близко к медиане распределения стран ОЭСР, спустя 20 лет — 30%. К 2013 г. из-за резкого спада числа рождений в 1990-х гг. значение показателя опустилось к своему историческому минимуму (рис. 2.6). Тенденция к снижению доли населения в младшей возрастной группе свойственна всем странам ОЭСР в 1970–2013 гг. В России темпы снижения были одними из самых высоких, выше, чем в 25 странах. В результате Россия переместилась с 17-го места в 1970 г. на 22-е в 2013 г. (см. табл. 2.1). Однако уже в ближайшей перспективе ее положение изменится.

По прогнозу ООН-2015 пропорция населения в возрасте до 20 лет в странах ОЭСР продолжит убывать и после 2013 г. Лишь в четырех из них (Швеция, Словения, Эстония и Чехия) в 2050 г.

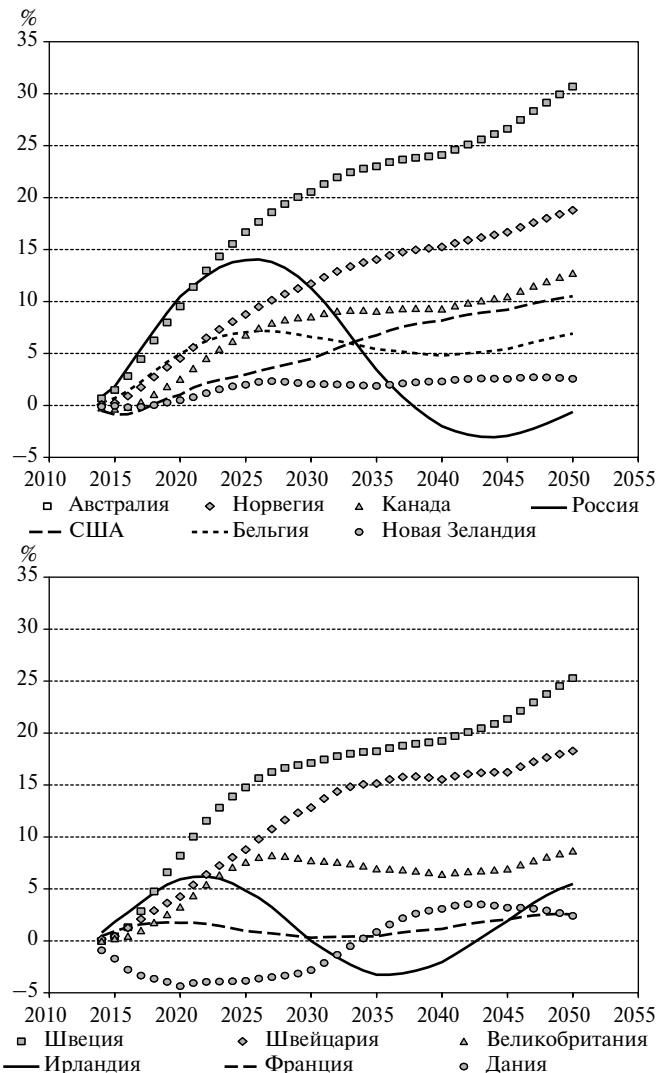

Рис. 2.6. Доля населения в возрасте 0–19 лет в 1970–2050 гг. в России и некоторых странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола

она почти вернется к уровню 2013 г., тогда как в остальных странах снизится. В России же к 2050 г. показатель увеличится на 2 п.п. Насколько необычен такой итог для стран ОЭСР, можно судить по последовательному увеличению ранга России: к 2030 г. она поднимется с 22-го на 9-е место, а к 2050 г. на 5-е, едва не опередив Австралию, Турцию и Мексику и идя вровень с Ирландией и Швецией. Однако доля детей до 20 лет в России будет меняться неравномерно, и амплитуда колебаний будет велика. В ближайшей перспективе Россию ждет необычно масштабный как для стран ОЭСР, так и для самой России рост показателя, в результате которого будет достигнут уровень США (см. рис. 2.6). Основанием для столь бурного роста доли детей и подростков станет увеличение на 14% к 2025 г. абсолютной численности населения в этой возрастной группе (рис. 2.7).

Общая для стран ОЭСР тенденция к снижению доли детского контингента в 2013–2050 гг. определяется долговременным снижением численности детей в большинстве стран ОЭСР. В то же время в 12 странах численность детей в 2050 г. увеличится или, по крайней мере, превысит значения 2013 г., причем в ряде из них (Австралия, Швеция, Швейцария и Норвегия) существенно (см. рис. 2.7). Следовательно, прогнозируемое в этих странах снижение доли детскo-юношеских возрастов связано с более быстрым ростом взрослого населения в возрасте 20 лет и старше. В России в 2050 г. число детей 0–19 лет останется примерно на уровне 2013 г., поэтому небольшой прирост их доли в общей численности населения вызван сокращением численности взрослого населения. Из этого и проистекает необычный для стран ОЭСР итог динамики пропорции детей в населении России за весь прогнозный период.

Доля населения в возрасте 20–64 года. Во всех этих странах длительное время отмечался рост численности населения в основных рабочих возрастах и соответственно их доли во всем населении — явление, известное как демографический «дивиденд», или «бонус». В эволюционном плане бонус был следствием того, что нагрузка детьми снижалась быстрее, чем росла нагрузка пожилыми, хотя на эволюционные изменения, свойственные демографическому переходу, могли накладываться пертурбационные колебания, вызванные разного рода социальными потрясениями, как это

Рис. 2.7. Базисные темпы прироста численности населения в возрасте 0–19 лет в России и некоторых странах ОЭСР в 2013–2050 г., оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола, % к 2013 г.

было в России. Тем не менее перед Россией, как и перед всеми странами, на какое-то время открылось «окно демографического благоприятствования» — совокупная демографическая нагрузка на население в рабочих возрастах снижалась.

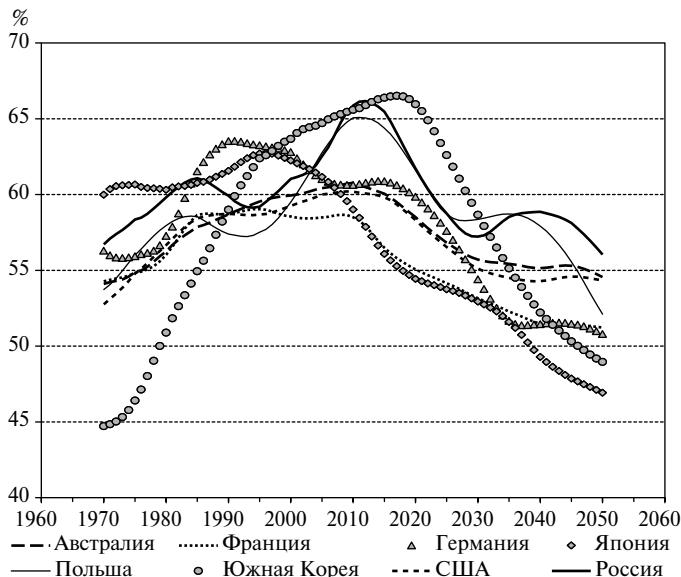
Если сравнивать Россию со странами ОЭСР, то в 1970 г. она занимала 12-е место по доле населения в рабочем возрасте (20–64 года). Последующий рост этой доли происходил двумя волнами. Первая началась в 1969 г. и закончилась в 1985 г. На тот момент Россию опережала только Германия. Вторая волна длилась те же 17 лет (1996–2012 гг.), но прирост показателя был на треть больше: 7 против 5,3 п.п. Достигнутая Россией в 2012 г. доля населения в возрасте 20–64 года (66,2%) была максимальной за всю ее историю и самой высокой (после Южной Кореи) в списке стран ОЭСР за весь 80-летний период 1970–2050 гг.

Однако по мере того, как в ходе прогрессирующего старения населения число и доля пожилых людей увеличиваются, а прилив молодежи в состав рабочего населения сокращается, «окно демографического благоприятствования» начинает закрываться, а фаза бонуса неизбежно сменяется фазой «онуса»¹², на которой доля населения рабочего возраста убывает, а демографическая нагрузка на него растет.

Во всех странах, представленных на рис. 2.8, равно как и в большинстве других стран, входящих в ОЭСР, эта фаза уже наступила или наступит очень скоро. По прогнозу ООН в ближайшие десятилетия все страны ОЭСР, за исключением Мексики, Израиля и Турции, ждет существенное снижение доли населения рабочего возраста и рост демографической нагрузки на одного работающего. Различия между странами сводятся к длительности и масштабу снижения.

В пяти из восьми стран, представленных на рис. 2.8, в том числе в России, доля населения в возрасте 20–64 года во всем населении в 2050 г. будет ниже, чем в 1970 г. Среди 34 стран ОСЭР такое снижение произойдет в 25 странах. Самый длительный и зна-

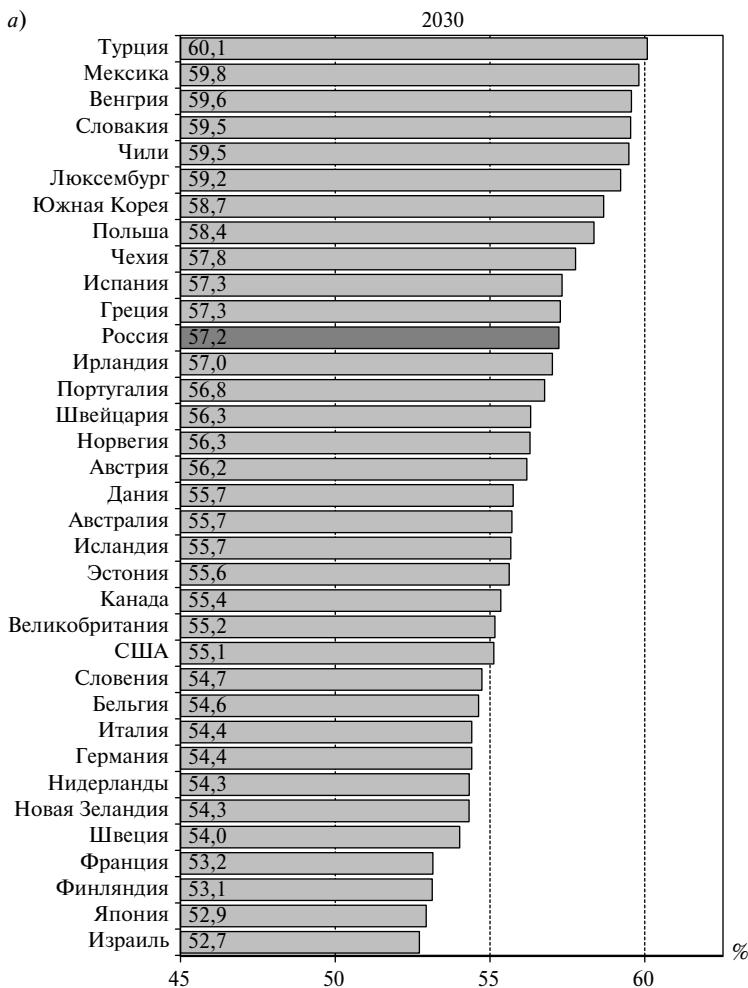
¹² От лат. *onus* — бремя, ответственность, долг. То же значение это слово имеет в английском языке, где с недавних пор его стали применять для обозначения фазы, следующей за фазой бонуса. См.: Ogawa N., Kondo M., Matsukura R. Japan's transition from the demographic bonus to the demographic onus // Asian Population Studies. 2005. No. 1 (2). P. 207–226.

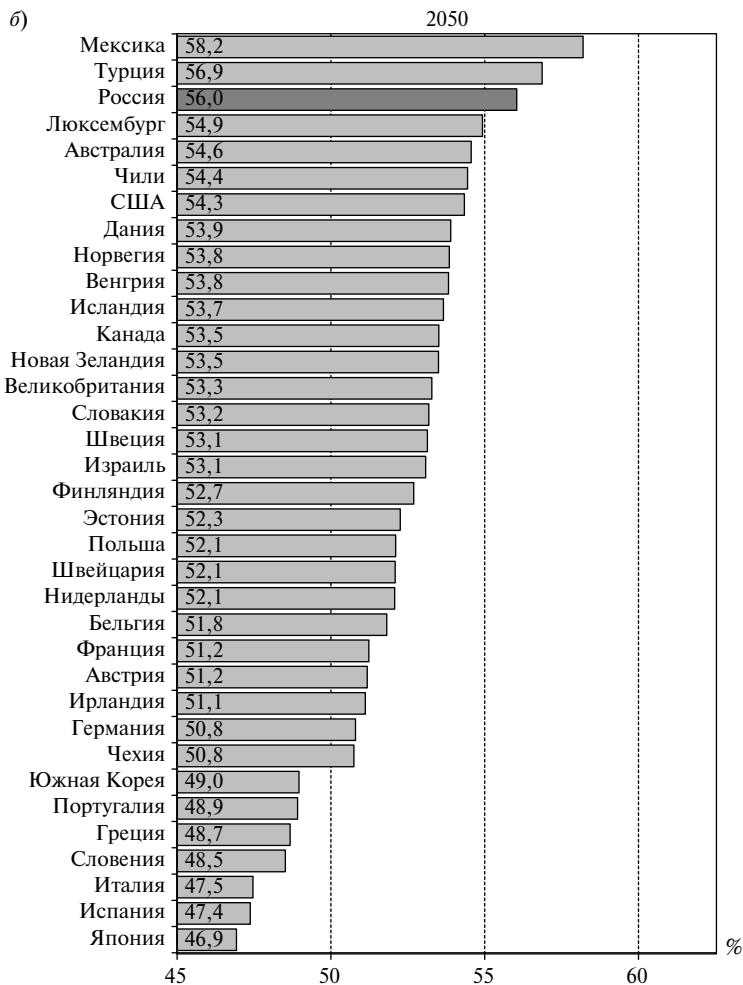

Рис. 2.8. Доля населения в возрасте 20–64 года в 1970–2050 гг. в России и некоторых странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола

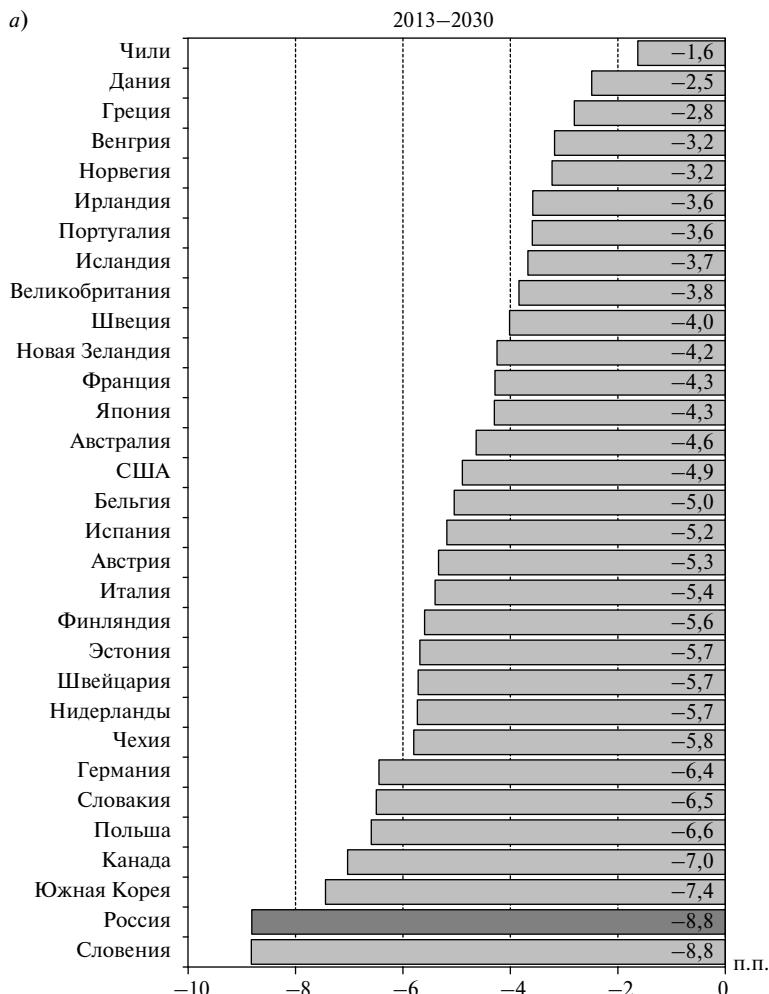
чительный спад будет наблюдаться в Японии, Южной Корее и девяти европейских странах. По доле населения рабочего возраста в 2050 г. все эти страны окажутся внизу списка, тогда как в России, несмотря на значительное (–10 п.п.) снижение показателя, его уровень в 2050 г. останется выше, чем в 33 из 34 стран ОСЭР, включая Данию, Швецию, Норвегию, США и прочие страны с минимальной убылью показателя в 2013–2050 гг. (рис. 2.9).

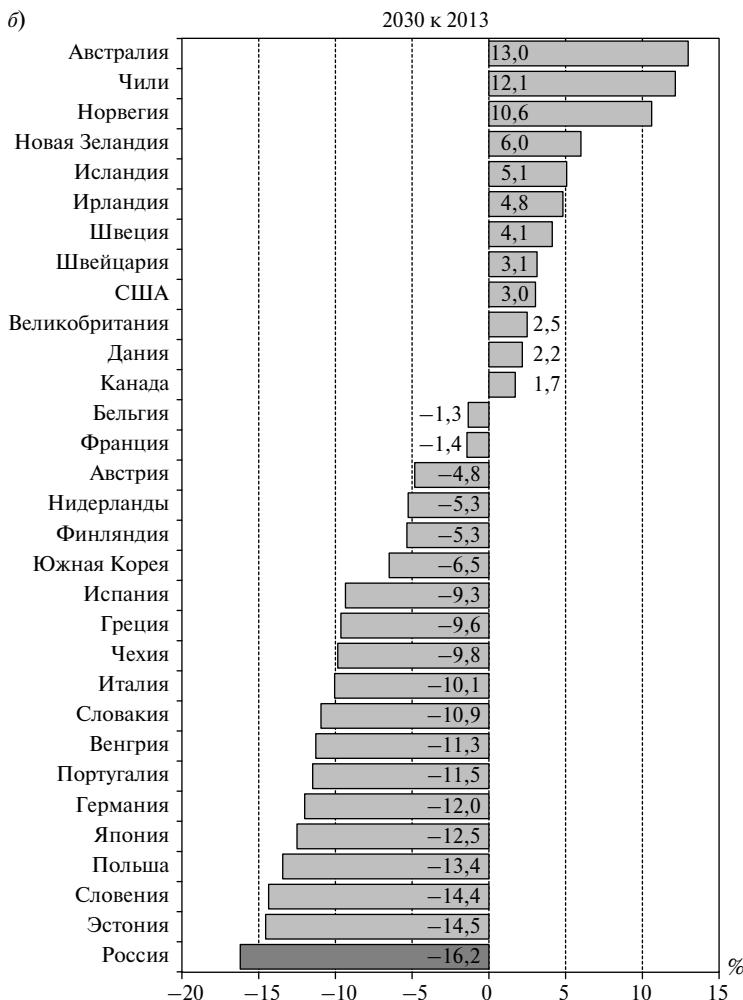
Однако важны ближайшая перспектива и скорость предстоящих неблагоприятных изменений. В России 1990-е и особенно 2000-е гг. характеризовались исключительно благоприятной динамикой численности населения в трудоспособном возрасте (20–64 года). Численность и доля его во всем населении росли и никогда в прошлом не были столь высоки, как в конце первого десятилетия XXI в. Ничего подобного нельзя ожидать в прогнозном периоде, для которого будет характерно падение как числа, так и доли лиц в возрасте 20–64 года, причем это падение может ока-

Рис. 2.9. Доля населения в возрасте 20–64 года в России и 34 странах ОЭСР в 2030 (а) и 2050 (б) гг., оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола

Рис. 2.10. Изменение доли населения в возрасте 20–64 года (а) и его численности (б, темп прироста, % к 2013 г.) в 2030 г. в России и 30 странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола

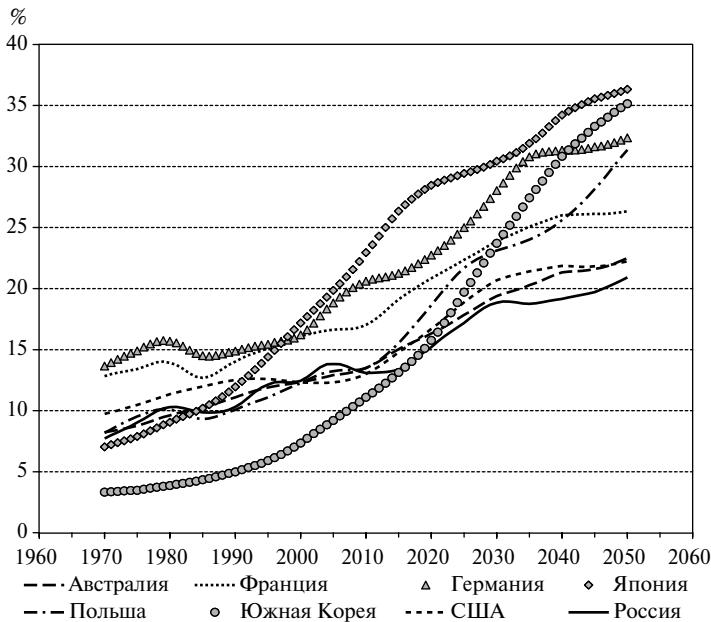
заться очень значительным и затяжным. С этой точки зрения Россию ждут более сложные времена, чем для большинства стран ОЭСР. К 2030 г. в России произойдет больший, чем в любой из стран ОЭСР, спад доли трудоспособных (-9 п.п.), почти до уровня 1970 г., и самое резкое — на 16% — сокращение их абсолютной численности (рис. 2.10).

Доля населения в возрасте 65 лет и старше. Как и все постпереходные страны, Россия сталкивается с проблемами демографического старения. Правда, в сравнении с большинством таких стран она имеет пока довольно молодое население. Так было в 1970 г., когда доля населения в возрасте 65 лет и старше в России была выше, чем в Японии, но ниже чем в 28 странах ОЭСР. Так осталось и в 1990 г. Почти не изменилось положение России и в 2013 г. Более того, отставание России от пяти стран с самыми высокими значениями показателя увеличилось, превысив 40 лет.

При этом старение населения России протекает неравномерно. После паузы в 2006–2012 гг. темпы старения населения России начнут нарастать. По среднему варианту прогноза ООН-2015 рост пропорции пожилых продлится до 2032 г. и возобновится после четырехлетнего перерыва, но темпы его снизятся (рис. 2.11). Поэтому за период в целом ускорения процесса старения не произойдет: прирост показателя между 2013 и 2050 гг. ожидается ниже, чем за 1970–2013 гг. В этом отношении Россия будет похожа на группу демографически старых стран (Японию, Финляндию, Италию, Португалию) и Южную Корею, тогда как в большинстве стран ОЭСР старение ускорится.

Однако самые значительные изменения принесут ближайшие годы. За 2013–2030 гг. прирост доли пожилых превысит прирост за 1970–2013 гг. Темпы старения будут ниже, чем в 1970-е, но значительно выше, чем в последние три десятилетия. Скорость старения в этот период увеличится и в абсолютном большинстве стран ОЭСР, так что на их фоне Россия останется относительно молодой. С 27-го места в 2013 г. она переместится на 29-е в 2030 г. и на 32-е в 2050 г., опережая лишь Израиль, Мексику и Турцию.

Примечательно также, что в 2050 г. пропорция пожилых в России достигнет значений, которые наблюдались в Италии и Германии в 2013 г., а значит, обусловленные демографическим

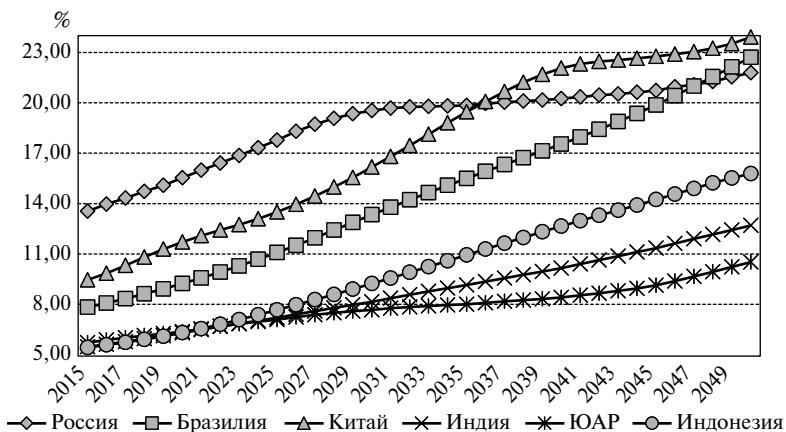

Рис. 2.11. Доля пожилых (65 лет и старше) в России и некоторых странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола

старением проблемы, с которыми эти страны столкнулись сегодня, ожидают Россию в отдаленной перспективе.

Отметим, что в 35-летней перспективе не произойдет существенных изменений в стане лидеров по доле пожилого населения — на первом месте по-прежнему останется Япония. Правда, к ней вплотную будут приближаться Южная Корея и Испания — одни из мировых лидеров по темпам старения в силу роста продолжительности жизни (к 2050 г. обе страны даже имеют шансы обогнать Японию в снижении смертности), а также крайне низкой рождаемости. Германия и Италия также будут существенно опережать другие крупные европейские страны ОЭСР. Кроме того, если принимать во внимание все страны ОЭСР независимо от их численности населения, то к 2050 г. порог в 30% пожилых превысят еще Чехия, Словакия, Португалия, Греция и Польша.

Интересно, что Китай в ближайшие два десятилетия по уровню старения населения обгонит Россию и станет похож на страны Западной Европы (рис. 2.12). Бразилия к концу прогнозного периода также имеет шанс опередить Россию по доле пожилых и старых. Из стран БРИКС Индия и ЮАР, а также многонаселенная Индонезия останутся с более молодым населением, чем Россия.

Рис. 2.12. Доля населения в возрасте старше трудоспособного в странах БРИКС и Индонезии

В целом за период 1970–2013 гг. возрастная композиция населения России была «выгоднее», чем в большинстве стран ОЭСР, благодаря сочетанию относительно низкой доли пожилых и высокой доли населения рабочего возраста. И несмотря на то что в ближайшие 10–15 лет демографическая нагрузка резко увеличится, в перспективе до 2050 г. это преимущество России должно сохраниться и, возможно, упрочиться. Отметим также, что глубина старения (доля лиц в возрасте 80 лет и старше и их соотношение к общему числу пожилых людей) в России будет несколько меньше, чем в большинстве развитых стран, на основании чего мы при прочих равных условиях можем прогнозировать для нашей страны меньшую нагрузку на социальную сферу, связанную со старением населения.

3. Брачность и разводимость

3.1. Число зарегистрированных браков начало снижаться, но интегральный показатель брачности остается на прежнем уровне

Число заключаемых браков за более чем полвека менялось в России волнобразно, что главным образом отражало перепады в численности мужчин и женщин в молодом бракоспособном возрасте (рис. 3.1).

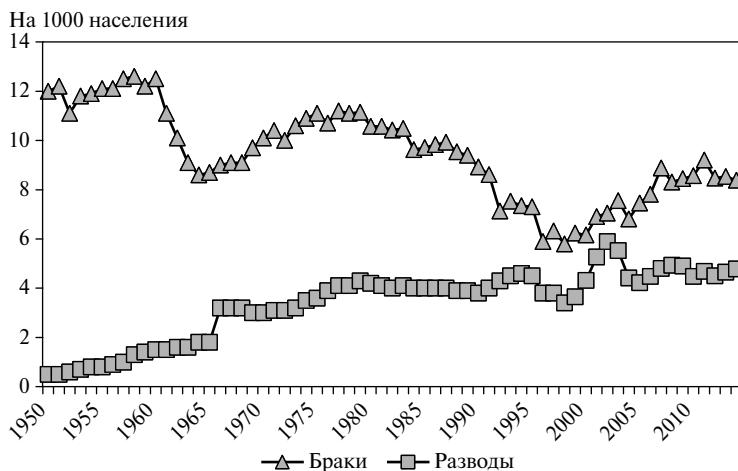

Рис. 3.1. Общие коэффициенты брачности и разводимости, Россия, 1950–2014 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. 2015.

Так, в первой половине 1960-х гг. заключали браки малочисленные поколения, рожденные в годы Второй мировой войны, что и объясняет резкое падение числа браков и общего коэффициента брачности. В 1970-х гг., когда пришла пора заключать браки более многочисленным поколениям, родившимся после войны, оба показателиросли. С конца 1970-х гг. и вплоть до середины 1990-х проходило снижение числа браков, особенно быстрое

в 1989–1995 гг. Минимальная точка была пройдена в 1998 г., когда было заключено 848,7 тыс. браков (табл. 3.1), а общий коэффициент брачности составил 5,8 на 1000 населения — минимальные величины в российской истории (см. рис. 3.1)¹.

В начале 2000-х гг. начался очередной этап повышения общих показателей брачности, который с некоторыми перепадами поддерживался вплоть до 2012 г. За десятилетие роста и число браков, и общий коэффициент брачности вернулись к уровню рубежа 1980-х и 1990-х гг.

В увеличение общего числа браков внесли свой вклад не только первые, но и повторные браки. Хотя повторные браки составляют от одной четверти до одной трети ежегодного числа заключаемых браков, т.е. существенно меньшую долю, темпы их увеличения в отдельные годы перекрывали темпы роста первых браков (как, например, в 2011 г.). В результате общий прирост числа повторных браков за весь период подъема с 1998 г. опередил общий прирост первых браков (первые увеличились за 1998–2011 гг. на 50%, повторные — более чем на 60%). В 2011 г. вклад повторных браков в общее число заключаемых браков достиг исторического рекорда для России: у мужчин — 30%, у женщин — 29,4%, а в 2012–2014 г. он оставался практически на том же уровне (в 2014 г. — соответственно 28,9 и 29,7%, см. табл. 3.1). Можно с уверенностью полагать, что повторные браки в последние десятилетия полнее компенсируют союзы, распадающиеся вследствие разводов и овдовения, чем в 1970-х и 1980-х гг.

В 2014 г. число зарегистрированных браков заметно снизилось, не только по сравнению с предыдущим годом, но и стало ниже, чем фиксировалось во всех годах после 2009 г. Снижение числа повторных браков выглядит менее заметным. Россия вступила в новую полосу длительного снижения числа браков, и в пер-

¹ В это число не входят браки, имевшие место в Чечне, число которых неизвестно. С 1993 по 2002 г. на данной территории (а также в 1994–1995 гг. на территории современной Ингушетии) система статистического учета демографических событий была нарушена. В то же время возможное число браков, заключенных на данной территории, составляло в те годы около 1% от общего числа браков в России, что существенным образом не могло повлиять на величину общероссийских показателей (браки на территории Чеченской и Ингушской республик составляли в 1992 г. 0,5%, в 2003 г. — 1,3% от общего числа браков в Российской Федерации).

Таблица 3.1. Число зарегистрированных браков и доля повторных браков в их общем числе, Россия, 1960–2014 гг.

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.*		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1960	1499,6	1370,0	1380,4	129,6	119,2	8,6	7,9
1965	1097,6	954,3	957,6	143,3	140,0	13,1	12,8
1970	1319,2	1119,8	1136,9	199,4	182,3	15,1	13,8
1975	1495,8	1249,0	1258,6	246,8	237,2	16,5	15,8
1980	1464,6	1188,0	1202,4	276,6	262,2	18,9	17,9
1985	1389,4	1058,7	1048,8	330,7	340,7	23,8	24,5
1990	1319,9	985,3	994,4	334,7	325,6	25,4	24,7
1995	1075,2	776,0	780,1	299,3	295,1	27,8	27,5
2000	897,3	650,2	661,2	247,1	236,1	27,5	26,3
2001	1001,6	726,4	734,0	275,1	267,6	27,5	26,7
2002	1019,8	744,8	755,0	274,0	264,8	27,0	26,0
2003	1091,8	808,0	820,3	283,8	271,5	26,0	24,9
2004	979,7	720,4	733,9	259,3	245,8	26,5	25,1
2005	1066,4	791,0	807,8	275,3	258,6	25,8	24,2
2006	1113,6	830,1	846,4	283,5	267,2	25,5	24,0
2007	1262,5	938,7	951,3	323,8	311,2	25,7	24,6
2008	1179,0	868,3	877,2	310,7	301,8	26,4	25,6
2009	1199,4	878,2	888,1	321,2	311,4	26,8	26,0
2010	1215,1	891,6	900,7	323,4	314,4	26,6	25,9
2011	1316,0	921,5	929,0	394,6	387,0	30,0	29,4
2012	1213,6	863,5	865,0	350,1	348,6	28,8	28,7
2013	1225,5	872,6	866,9	352,9	358,6	28,8	29,3
2014	1205,4	857,6	847,0	347,8	358,4	28,9	29,7
к 2013	0,9836	0,9828	0,9770	0,9855	0,9994	—	—

* В число повторных условно включены браки индивидов с неизвестным брачным состоянием, составляющих в 2013 г. менее 1% от общего числа браков.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

вую очередь первых по порядку, обусловленную особенностями российской возрастной пирамиды.

Если повышению общего числа браков с середины 1990-х гг. помогала благоприятная возрастная структура населения — в возрастах до 35 лет число мужчин и женщин увеличивалось за счет относительно многочисленных поколений, родившихся в 1980-е гг., то в настоящий момент Россия переживает отрицательную динамику численности молодежных возрастных групп.

Независящий от изменений в половозрастной структуре населения коэффициент суммарной брачности (КСБ) — интегральный показатель, который показывает ожидаемое число браков в расчете на одну женщину к возрасту 50 лет при неизменной возрастной интенсивности заключения браков, — также свидетельствует, что абсолютное число заключаемых браков снижается почти исключительно за счет снижения численности потенциальных женихов и невест. По крайней мере для женщин снижение интенсивности заключения браков мы не наблюдаем — КСБ для первых и повторных браков в 2013 и 2014 гг. у них увеличивался, а не снижался (табл. 3.2). Едва заметное снижение КСБ у мужчин в 2014 г. можно пока в расчет не принимать.

Установившаяся с середины 1990-х гг. величина КСБ на уровне 0,8 говорит о том, что при наблюдаемой интенсивности вступления в брак примерно 20% женщин к 50 годам не удастся вступить в брак. Эта доля, как минимум, в 2 раза выше, чем в советский период. Показатель «окончательного безбрачия» для мужчин ожидается на 5 п.п. выше (см. табл. 3.2, 3.3). Напомним, что здесь речь идет только об официально зарегистрированных союзах.

При сравнении брачности в разрезе городского и сельского населения обращают внимание аномально высокие значения КСБ в последние годы для сельских женщин. Так, для первых браков в 2011, 2013 и 2014 гг. показатель для селянок превысил единицу, а в 2012-м был очень близок к ней (0,966), что невозможно для реальных поколений (первый брак может быть заключен только один раз). Даже близкое приближение его к единице — свидетельство сильных подвижек в пользу более ранних браков у сельских женщин, поскольку равенство его единице означает, что все женщины без исключения когда-либо в своей жизни состояли в официальном браке, что на практике нереально.

Таблица 3.2. Коэффициент суммарной брачности для всех, первых и повторных браков во всем, городском и сельском населении (браки, заключенные мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет), Россия, 2011–2014 гг.

Браки	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>2011 г.</i>						
Все	1,078	1,119	1,066	1,071	1,122	1,288
Первые	0,803	0,848	0,769	0,794	0,905	1,032
Повторные	0,276	0,271	0,297	0,276	0,218	0,256
<i>2012 г.</i>						
Все	0,994	1,052	0,987	1,008	1,022	1,212
Первые	0,740	0,795	0,715	0,746	0,819	0,966
Повторные	0,254	0,257	0,272	0,261	0,203	0,245
<i>2013 г.</i>						
Все	1,011	1,088	0,997	1,033	1,061	1,283
Первые	0,751	0,817	0,721	0,761	0,847	1,014
Повторные	0,260	0,271	0,276	0,273	0,214	0,269
<i>2014 г.</i>						
Все	1,007	1,100	0,991	1,042	1,063	1,301
Первые	0,749	0,824	0,718	0,766	0,851	1,025
Повторные	0,258	0,276	0,273	0,276	0,213	0,276

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Заметим, что аномально высокие значения суммарной брачности российская статистика уже фиксировала прежде. Так, в 1970-х гг. КСБ для первых браков превышал единицу для всего населения страны, да и в 1980-х гг. его величина была завышенной (см. табл. 3.3, рис. 3.2). В этот период высокая величина КСБ свидетельствовала, что каждое новое поколение стремилось заключать браки в более молодом возрасте, в результате чего наблюдалась повышенная концентрация браков: одновременно регистрировали первые браки и поколения, следовавшие прежнему расписанию жизни, и последующие поколения, в которых распространялась идея более раннего брака. Плавно снижающаяся величина средне-

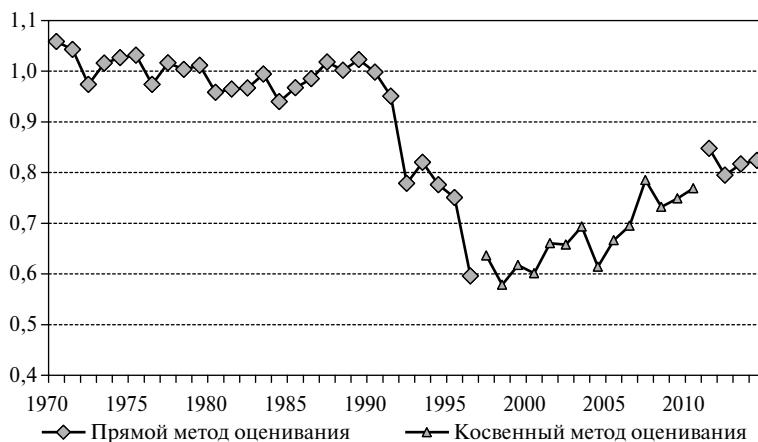
Таблица 3.3. Коэффициент суммарной брачности для первых браков, заключенных мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет, и вклад в его величину отдельных возрастных групп, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2011–2014 гг.

Год	Коэффициент суммарной брачности (к возрасту 50 лет)	Вклад лиц указанного возраста в коэффициент суммарной брачности, %			
		До 25 лет		25–29 лет	30 лет и старше
		Все до 25 лет	В том числе до 20 лет		
<i>Мужчины</i>					
1980	0,914	72,5	7,2	18,0	9,5
1985	0,883	73,2	6,9	18,4	8,4
1990	0,949	73,8	9,3	18,3	7,9
1995*	0,738	70,1	8,8	20,6	9,3
2011	0,803	38,3	2,5	38,1	23,6
2012	0,740	37,6	2,6	37,9	24,6
2013	0,751	36,2	2,6	38,4	25,4
2014	0,749	35,2	2,6	38,4	26,3
<i>Женщины</i>					
1980	0,958	82,5	33,3	10,7	6,8
1985	0,967	83,4	34,8	10,7	5,9
1990	0,998	85,0	40,2	9,5	5,5
1995*	0,751	83,9	38,3	10,5	5,6
2011	0,848	59,6	12,7	26,8	13,6
2012	0,795	58,8	13,2	26,7	14,5
2013	0,817	57,7	13,1	27,1	15,2
2014	0,824	57,2	12,8	27,1	15,8

* Без данных по Чеченской Республике.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

го возраста невесты и жениха при регистрации брака подтверждала факт омоложения брачности в те годы (см. следующий раздел, рис. 3.4). Решающую роль в этой тенденции играло сохранение традиции необходимости легитимации сексуальных отношений, происходивших во все более юном возрасте, а зачастую и незапланированных беременностей, наступавших вследствие них.

Рис. 3.2. Коэффициент суммарной брачности для первых браков (среднее число браков в расчете на одну женщину условного поколения к возрасту 50 лет), Россия, 1970–2014 гг.

Примечание. Прямой метод — расчет на основе возрастных коэффициентов заключения первых браков для однолетних возрастных групп, косвенный — интерполяционный расчет с использованием коэффициентов заключения всех браков (первых и последующих) для укрупненных возрастных групп (см. табл. 3.4).

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

В последующие два десятилетия мода на ранние браки у российской молодежи быстро исчезала. Вектор массового поведения был направлен в противоположную сторону — формирование семьи стало начинаться в социально и экономически более зрелом возрасте. Жесткие традиционные нормы, подталкивающие к регистрации брака, постепенно отступали, планирование беременностей становилось более эффективным, и в результате сокращалось количество неоправданно ранних браков, в том числе и «стимулированных» добрачной беременностью. В итоге если в 1980-х гг. женщины, вступающие в первый брак в возрастах до 25 лет, обеспечивали более 80% общей величины КСБ, то в 2011–2014 гг. — менее 60% (вклад браков у женщин моложе 20 лет сократился за тот же период с 33–35 до менее 13%), а у мужчин вклад женихов в возрастах до 25 лет упал еще заметнее — с более 70 до менее 35% (см. табл. 3.3).

Однако тенденция к откладыванию регистрации браков (и даже к отказу от официального брака вообще), по всей видимости, более очевидна в городском населении, чем в сельском. Хотя сельское население России следует в целом тем же тенденциям, что и городское, среди сельских жителей интенсивность заключения браков остается существенно выше, в особенности для женщин (см. табл. 3.2), а средний возраст вступающих в брак ниже. Можно предположить, что в настоящее время в более благоприятных экономических условиях мы наблюдаем, прежде всего в сельском населении, ускоренную реализацию отложенных браков в старших поколениях (и соответственно в старших возрастах), которая, с другой стороны, сопровождается сохранением достаточно высокой интенсивности заключения браков в молодом возрасте, все еще характерной для сельских окраин, но главным образом для национальных республик и автономий. В результате наложения различных календарей браков у различных поколений и этносоциальных групп мы получаем синергетический эффект — завышенные интегральные показатели брачности для сельских женщин.

3.2. Старение возрастной модели брака в городском населении более выражено, чем в сельском

Если пренебречь ежегодными колебаниями интенсивности заключения браков, то ведущей тенденцией для России остается постарение возрастного профиля брачности, начавшееся в середине 1990-х гг.

Увеличение интенсивности заключения браков у мужчин и женщин в возрастах старше 25 лет в России пришло на смену более чем 30-летнему периоду медленного, но последовательного «омоложения» брачности, которое сопровождало нормализацию брачного рынка, нарушенного Второй мировой войной. Долгая война вынудила россиян откладывать браки, что обернулось послевоенным ростом среднего возраста женихов и невест. Затем возраст вступления в брак постепенно возвращался к довоенным показателям. Тенденция к более раннему началу сексуальных отношений при сохранении необходимости их легитимации, ярко

проявившая себя в 1960–1970-х гг., поддержала всеобщий ранний брак у россиян.

В середине 1990-х гг., отреагировав на политические и экономические перемены, россияне на массовом уровне стали отказываться от прежней модели относительно раннего брака, характерной для их родителей. Непрерывно повышаясь, в 2001 г. показатели брачности для возрастной группы 25–34 года превысили уровень конца 1980-х гг., в 2007 г. показатели для лиц 35 лет и старше также стали выше, чем в поздний советский период (табл. 3.4).

Таблица 3.4. Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин (число заключенных браков на 1000 населения соответствующего пола и возраста), Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000–2014 гг.

Год	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет			
	до 18	18–24	25–34	35 и более	до 18	18–24	25–34	35 и более
1980	2,27	97,53	32,98	8,22	14,84	113,63	24,71	5,23
1985	3,12	97,91	32,14	8,60	19,60	111,90	26,14	5,77
1990	6,54	99,90	31,23	8,24	35,72	117,78	22,37	5,94
1995	3,66	75,50	28,53	7,08	29,88	88,52	19,65	5,15
2000	1,45	51,4	30,37	6,28	12,16	66,42	21,55	4,11
2001	1,40	53,75	35,23	7,16	11,53	71,15	25,14	4,64
2002	1,30	50,69	36,80	7,52	10,43	68,89	26,41	4,77
2003	1,32	51,49	40,38	8,00	10,54	71,72	28,75	4,93
2004	1,10	43,90	36,52	7,50	9,46	61,73	26,3	4,59
2005	1,00	46,93	40,74	7,87	8,91	66,65	29,53	4,70
2006	0,97	48,02	43,35	8,08	8,92	69,12	31,4	4,72
2007	0,87	51,80	49,79	9,53	8,90	75,47	37,18	5,56
2008	0,98	46,04	46,66	9,31	8,82	67,84	35,88	5,50
2009	0,85	45,12	48,10	9,65	8,28	67,84	37,83	5,70
2010	0,71	45,49	49,55	9,59	7,57	69,54	39,33	5,70
2011	0,71	48,62	54,61	10,40	7,66	75,88	44,19	6,21
2012	0,64	44,58	50,16	9,98	7,39	70,14	41,62	6,13
2013	0,67	43,88	51,38	10,30	7,26	70,78	43,50	6,45
2014	0,61	42,45	51,03	10,42	7,08	70,50	43,56	6,67

Источник: Расчеты на основе неопубликованных данных Росстата.

рис. 3.3). Интенсивность заключения брака среди мужчин старше 25 лет в 2009 г. превысила показатели среди 18–24-летних юношей. Одновременно с повышением коэффициентов брачности в старших возрастах мы наблюдаем медленное снижение или стагнацию коэффициентов в возрастах до 25 лет. До этого за короткий период

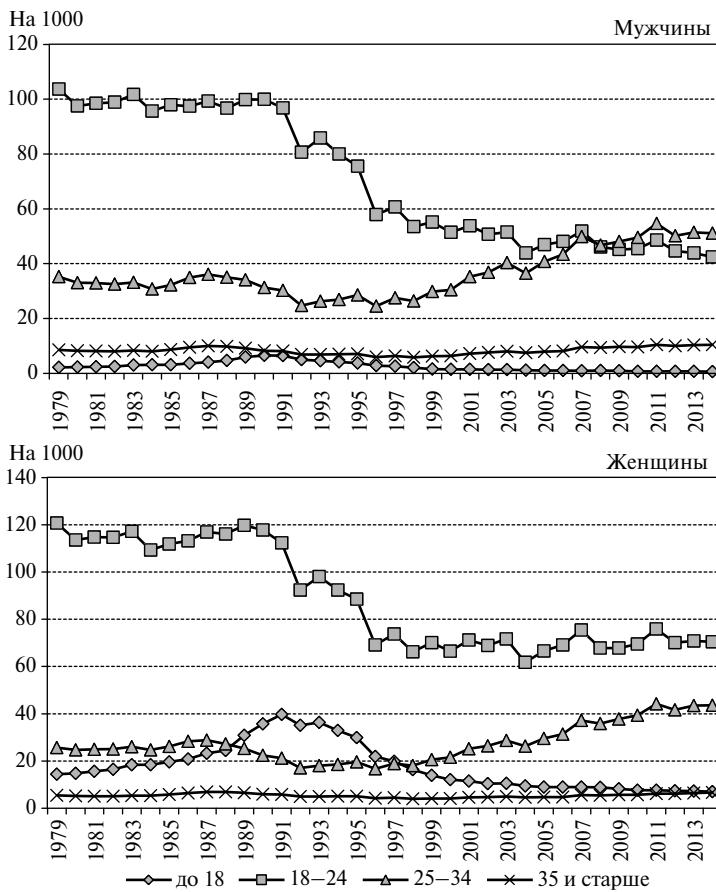

Рис. 3.3.

Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин, Россия, 1979–2014 гг.

Источник: Расчеты автора на основе Демографического ежегодника России 2014 и неопубликованных данных Росстата.

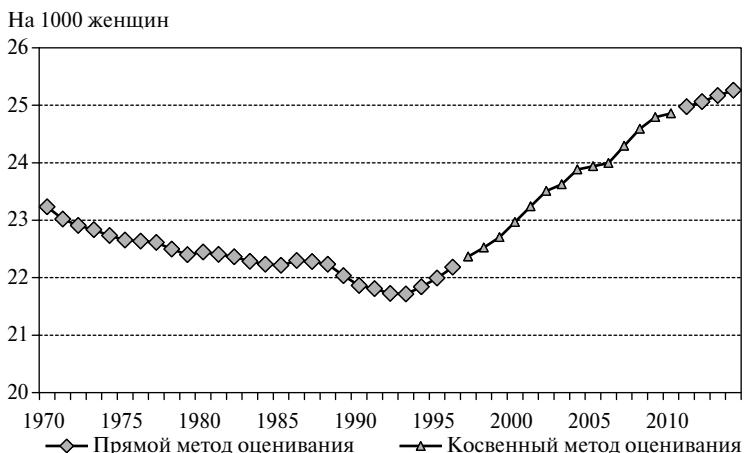
активных политических и экономических реформ (с конца 1980-х и до середины 1990-х гг.) показатели среди самых молодых возрастных групп уменьшились более чем наполовину и у мужчин, и у женщин (см. рис. 3.3).

Повышение возрастных коэффициентов брачности в старших возрастах и снижение (стагнация) коэффициентов в младших возрастах приводят к неизбежному росту среднего возраста вступления в брак. Если во второй половине 1990-х гг. средний возраст женихов и невест увеличивался главным образом за счет опережающего снижения интенсивности заключения браков в младших возрастах, то с начала 2000-х гг. увеличение продолжилось уже за счет опережающего роста коэффициентов для старших возрастов.

На рис. 3.4 представлен динамический ряд значений среднего возраста женщины при вступлении в первый брак, составленный из показателей, полученных на основе максимально детальных возрастных распределений, имеющихся в распоряжении Росстата². К сожалению, практика разработки статистических данных о браках за последние 50 лет неоднократно менялась. В 1997 г. она изменилась в крайне нежелательную сторону. Официальные статистические органы потеряли возможность разрабатывать данные по однолетним возрастным группам и по предшествующему брачному состоянию лиц, вступающих в брак. В результате для того, чтобы оценить изменения среднего возраста вступления в первый брак для периода 1997–2010 гг., приходится прибегать к интерполяционным процедурам, которые опираются на коэффициенты брачности для укрупненных возрастных групп, представленных в табл. 3.4, рассчитанных для первых и повторных браков суммарно.

В 2014 г. средний возраст регистрации первого брака составил для мужчин 27,8 года, для женщин — 27,6 года, что означает рост этого показателя по сравнению с 1990 г. более чем на три года и у мужчин, и у женщин. Средний возраст заключения повторного

² В 1959–1987 гг. российские официальные статистические формы включали распределения первых и повторных браков по следующим возрастным группам: однолетним до 30 лет, 30–34, 35–39, 40–49, 50–59, 60 лет и старше; в 1988–1996 гг. — однолетним до 60 лет, 60 лет и старше. В 1996–2010 гг. возрастная группировка была следующей: до 18, 18–24, 25–34, 35 и старше без выделения первых и повторных браков. Начиная с 2011 г. Росстат вновь смог вернуться к максимально подробной схеме однолетних возрастных группировок для первых и повторных браков, действовавшей с конца 1980-х и до 1997 г.

Рис. 3.4. Средний возраст заключения первого брака для женщин
(для заключивших брак до 50 лет),
Россия, 1970–2014 гг.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

браха для вступивших в него до 50 лет за тот же период также увеличился, но менее значимо: почти на два года у мужчин и чуть более чем на один год у женщин (табл. 3.5). Обращает внимание увеличение разницы в среднем возрасте жениха и невесты при вступлении в первый брак: если в 1980-х гг. она была чуть менее двух лет в пользу женихов, то в последние годы она составляет 2,5 года (см. табл. 3.5). Таким образом, процесс «постарения» брачности у мужчин более выражен. Для вступающих в повторные браки разница в возрастах женихов и невест была и остается несколько менее значимой.

Сельско-городские различия в возрастных профилях брачности в России ярко выражены, в особенности для женщин, вступающих в первый брак (табл. 3.6). В 2014 г. средний возраст регистрации первого брака для горожанки составлял 25,7 года, для селянки почти на полтора года ниже — 24,3. Те же показатели для мужчин различались менее значимо, соответственно 28,0 и 27,0 — разница в один год (см. табл. 3.6). Для повторных браков возрастные различия между городскими и сельскими женщинами менее значительны. И все же интенсивность заключения повторных браков у сель-

Таблица 3.5. Средний возраст при регистрации брака для мужчин и женщин, заключивших брак в возрастах до 50 лет, в том числе первый и повторный, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2011–2013 гг.

Год	Все браки	Первые браки	Повторные браки
<i>Мужчины</i>			
1980	26,29	24,28	34,60
1985	26,54	24,16	35,06
1990	26,14	23,93	34,88
1995	26,59	24,18	34,54
2011	29,74	27,38	36,58
2012	29,87	27,50	36,77
2013	30,01	27,62	36,92
2014	30,15	27,77	37,06
<i>Женщины</i>			
1980	24,34	22,45	32,88
1985	24,51	22,22	32,96
1990	24,14	21,86	33,26
1995	24,59	21,99	32,89
2011	27,23	24,97	34,28
2012	27,37	25,06	34,48
2013	27,51	25,17	34,57
2014	27,64	25,26	34,75
<i>Разница между мужчинами и женщинами</i>			
1980	1,95	1,83	1,72
1985	2,03	1,94	2,10
1990	2,00	2,07	1,61
1995	2,00	2,18	1,65
2011	2,50	2,40	2,30
2012	2,51	2,44	2,30
2013	2,50	2,45	2,34
2014	2,51	2,50	2,31

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Таблица 3.6. Средний возраст при заключении брака, в том числе первого и повторного брака во всем, городском и сельском населении (браки, заключенных мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет), Россия, 2011–2014 гг.

Браки	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>2011 г.</i>						
Все	29,74	27,23	30,19	27,74	28,48	25,83
Первые	27,38	24,97	27,61	25,36	26,79	23,96
Повторные	36,58	34,28	36,89	34,56	35,53	33,35
<i>2012 г.</i>						
Все	29,87	27,37	30,33	27,88	28,58	25,92
Первые	27,50	25,06	27,75	25,46	26,83	24,00
Повторные	36,77	34,48	37,09	34,79	35,68	33,47
<i>2013 г.</i>						
Все	30,01	27,51	30,47	28,03	28,71	26,10
Первые	27,62	25,17	27,88	25,57	26,91	24,15
Повторные	36,92	34,57	37,23	34,90	35,84	33,47
<i>2014 г.</i>						
Все	30,15	27,64	30,61	28,16	28,84	26,26
Первые	27,77	25,26	28,04	25,66	27,03	24,30
Повторные	37,06	34,75	37,36	35,08	36,04	33,65

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

ских жителей несколько уступает городским жителям, особенно в старших возрастах.

3.3. Разводимость продолжает увеличиваться

Рост разводимости — ведущая историческая тенденция для более чем столетней истории страны. Если в конце XIX в., когда разводы допускались с разрешения Священного Синода лишь в исключительных случаях, на 1000 существующих супружеских пар ежегодно приходилось 0,06 развода (специальный коэффициент разводимо-

сти), то в конце XX в. — 20 на 1000, или в 330 раз больше³. Неоднократные изменения в бракоразводном законодательстве оказывали заметное влияние на показатели разводимости. Максимально облегченная процедура развода в 1920-х гг. отозвалась десятикратным ростом специального коэффициента разводимости. Последовавшая за этим рестриктивная политика советского государства по отношению к разводу в 1930—1950-х гг. проявилась в снижении числа регистрируемых случаев. Правда, тенденция к увеличению вероятности прекращения брачных союзов сохранилась, что вскоре продемонстрировали и официальные статистические данные. В латентной форме, скрытой от статистики, тенденция тем более должна была усиливаться. Очередная либерализация брачно-семейного законодательства, произошедшая в середине 1960-х гг., более чем 2 раза повысила специальный коэффициент разводимости, доведя его значение до 14 на 1000 и подтвердив наличие высокого потенциала для роста разводов, с трудом сдерживаемого жесткими рамками закона, в особенности для тех пар, союз которых сохранялся лишь на бумаге.

Далее в 1970—1980-х гг. специальный коэффициент разводимости находился в пределах 16—18 на 1000 супружеских пар и, видимо, имел общую тенденцию к слабому росту. В 1990-х гг. разводимость пережила несколько более заметных всплесков и спадов⁴.

В 2003—2012 гг. маятник числа разводов продолжало раскачивать то в одном, то в противоположном направлении: в 2005 г. было зарегистрировано 605 тыс. разводов, или 4,2 на 1000 населения, что означает снижение показателя к уровню начала 1980-х гг. В 2006—2008 гг. число разводов за три года повысилось на 16,2%, достигнув 703,4 тыс., или 5 на 1000 населения. В 2009—2010 гг. число разводов вновь снижалось. В 2011 г. показатели неожиданно вновь подскочили, составив 669,4 тыс., или 4,7 на 1000 населения, а в 2012 г. в очередной раз снизились к уровню 2010 г. — 644,1 тыс. (4,5 на 1000). В 2013 г. наблюдался очередной подскок числа разводов — до 668 тыс. (4,7 на 1000), т.е. показатели вернулись к уровню 2011 г. Повышение числа разводов и общего коэффициента разводимости продолжилось в 2014 г. — в этом году было зафиксировано 688 тыс. разводов (4,8 на 1000). Последнее повышение в равной степени затронуло и городское, и сельское население.

³ См. таблицу с исторической динамикой: Население России 2012. С. 72.

⁴ См.: Население России 2006. М., 2008. С. 83—85.

Едва ли особенностями возрастного состава, изменениями в числе регистрируемых браков, перепадами в экономическом благополучии семей можно объяснить отсутствие стабильности абсолютных и относительных показателей частоты разводов. Тем более, невозможно искать причины в более фундаментальных переменах во взаимоотношениях брачных партнеров на массовом уровне. Скорее всего, речь должна идти о последствиях некоторых латентных изменений в регистрационной практике бракоразводных событий, которые плохо изучены.

Судить о тенденциях разводимости на основании существующей официальной статистики крайне сложно. В 1997–2010 гг. статистическими органами не разрабатывались данные о детальном возрасте разводящихся супружеских пар, о разводах по продолжительности брака, по очередности брака, по числу совместных детей. В 2011 г. Росстат смог вернуть в практику статистической отчетности прежние стандартные формы, отвечающие международным рекомендациям, в отношении возраста лиц, расторгнувших брак, продолжительности расторгнутого брака, числа совместных детей к моменту развода. В то же время серьезные проблемы с исходными данными все еще остаются.

В таблицах, представляющих распределение разводов по возрасту разводящихся, сохраняется недопустимо высокое число разводов у «лиц неизвестного возраста». Если, к примеру, в 1980-х — начале 1990-х гг. не более 2% мужчин и женщин не были распределены по возрасту, то в 2003 г. — уже 14% разведенных мужчин и 10% женщин. В 2014 г. число не распределенных по возрасту разведенных достигает 214 тыс. (31,2% от общего числа разводов) у мужчин и 106 тыс. у женщин (15,5%). Объяснение столь необычного явления лежит на поверхности — критически выросло и остается на высоком уровне число российских территорий, не предоставляющих информацию о возрасте разводящихся. Кроме того, сказывается, видимо, та же причина, что и вызвавшая сильный всплеск разводов после 1998 г. — несовершенство действующей практики статистической регистрации событий, при которой подсчитываются не столько сами разводы, сколько число выданных свидетельств о расторжении брака. Возраст лица, получающего свидетельство о расторжении брака (одного из бывших партнеров по браку), безусловно, известен и фиксируется в соответствующей учетной фор-

ме. Однако сведения о возрасте второго участника события в случае, если он не обращается в тот же ЗАГС (или не обращается во все), во многих случаях не фиксируются⁵.

Совокупность переживших развод мужчин и женщин «неизвестного возраста» столь велика, что ее приходится распределять пропорционально доле разводящихся лиц известного возраста (именно таким образом рассчитаны показатели, представленные в табл. 3.7). В то же время трудно сказать, в какой степени данная процедура адекватна реальности. Мы ведь не знаем в действитель-

Таблица 3.7. Число разводов на 1000 мужчин и женщин в отдельных возрастных группах, Россия, 1970–2014 гг.

Год	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет			
	до 18	18–24	25–39	40 и более	до 18	18–24	25–39	40 и более
1970	0,00	5,39	18,21	6,92	0,02	10,62	16,31	3,63
1975	0,00	7,10	20,67	7,65	0,05	13,09	18,35	4,31
1980	0,00	7,63	23,12	9,09	0,07	14,47	21,08	5,59
1985	0,00	8,18	20,68	7,62	0,08	15,51	19,17	4,79
1990	0,02	8,61	18,44	7,54	0,22	16,36	17,38	5,00
1995	0,03	10,85	23,60	8,06	0,41	20,40	21,57	5,55
2000	0,07	6,96	22,98	8,85	0,26	13,67	21,56	6,31
2001	0,06	6,78	27,47	11,81	0,21	13,89	26,19	8,46
2002	0,13	6,58	29,53	14,34	0,22	13,43	28,50	10,33
2003	0,06	5,93	27,39	13,65	0,19	12,31	26,56	9,65
2004	0,07	5,46	22,57	10,12	0,20	11,57	21,41	6,96
2005	0,05	5,04	21,62	9,55	0,16	10,76	20,61	6,45
2006	0,06	5,22	23,21	9,88	0,16	11,59	22,09	6,52
2007	0,10	5,85	24,76	10,37	0,25	13,10	23,48	6,74
2008	0,24	6,41	25,03	10,48	0,34	14,07	23,90	6,70
2009	0,03	6,72	24,60	10,27	0,27	14,93	23,44	6,50
2010	0,01	6,02	22,06	9,56	0,18	13,38	21,48	5,97
2011	0,01	5,68	23,04	10,11	0,14	13,18	22,89	6,20
2012	0,47	6,53	22,13	9,16	0,80	14,55	21,76	5,62
2013	0,44	6,57	22,44	9,67	0,60	14,74	22,69	5,85
2014	0,09	6,72	22,99	9,87	0,22	15,12	23,54	5,96

Источник: Расчеты на основе неопубликованных данных Росстата.

⁵ «Население России 2012» и другие доклады.

ности, как связан с возрастом индивида риск попасть в совокупность «разведенных неизвестного возраста».

Как уже было сказано, отчетливо выраженной тенденции в изменениях интенсивности разводов в России в последнее десятилетие не наблюдается. Возрастные коэффициенты, представленные в табл. 3.7, это подтверждают.

В табл. 3.8 представлены обобщающие характеристики разводимости за последние три года в соответствии с методикой, общепринятой на международном уровне, которые можно сравнивать с аналогичными показателями, характеризующими ситуацию в 1970-х, 1980-х и первой половине 1990-х гг. Правда, к подобным сравнениям нужно относиться с осторожностью, поскольку, как

Таблица 3.8. Некоторые обобщающие характеристики разводимости, Россия, 1970–1995 и 2011–2014 гг.

Год	Коэффициент суммарной разводимости*		Средний возраст при регистрации развода, лет**		Разводы на 1000 браков с учетом их продолжительности***	Средняя продолжительность расторгнутого брака, лет****
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
1970	0,489	0,422	37,8	33,6	319	9,8
1975	0,562	0,490	37,8	34,0	374	10,0
1980	0,621	0,553	38,4	34,6	426	10,5
1985	0,574	0,529	38,3	34,6	407	10,1
1990	0,553	0,567	38,1	34,6	396	10,2
1995	0,658	0,681	36,6	33,7	510	9,7
2011	0,661	0,604	39,7	35,7	590	10,1
2012	0,628	0,582	39,2	35,1	562	9,7
2013	0,649	0,606	39,4	35,2	577	9,7
2014	0,665	0,627	39,4	35,2	591	9,7

* Сумма возрастных коэффициентов разводимости.

** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты возрастные коэффициенты разводимости.

*** Сумма коэффициентов разводимости, приведенных к длительности расторгаемых браков.

**** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты разводимости, приведенные к длительности расторгаемых браков.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

уже было сказано, расчеты за 2011–2014 гг. базируются на неполной информации (не все территории собирают и предоставляют в Росстат соответствующие данные).

Первый из приведенных интегральных показателей — коэффициент суммарной разводимости (0,665 для мужчин и 0,627 для женщин в 2014 г.) — следует интерпретировать как ожидаемое при сохранении наблюдаемого уровня разводимости среднее число разводов, приходящееся на одного индивида в течение жизни, безотносительно того, вступит ли он когда-либо в брак. В то же время какая-то часть людей имеет опыт проживания в нескольких браках (по данным РиДМиЖ, к 50 годам на одного мужчину приходится 1,04 зарегистрированного брака, на одну женщину — 1,07, для тех, кто когда-либо состоял в браке, — соответственно 1,1 и 1,2⁶) и даже нескольких разводов (риск прекращения повторных союзов, по-видимому, не ниже первых и имеет столь же выраженную тенденцию к повышению⁷). Поэтому с учетом повторности ожидаемая доля мужчин и женщин с опытом развода в течение жизни будет несколько ниже 60% (коэффициент суммарной разводимости в 1995 и 2011–2014 гг., по нашим расчетам, был выше 0,6), но, видимо, никак не ниже 50%.

Увеличивалась ли в последние десятилетия доля мужчин и женщин, переживших развод, сказать сложно, учитывая большой временной разрыв в сравниваемых данных и качество самих данных. Скорее всего, тенденция увеличения от поколения к поколению числа лиц, имевших опыт развода, сохраняется. Для переживших развод это событие происходит в более позднем возрасте, чем

⁶ Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. Т. 16. № 4. С. 95.

⁷ Так, по расчетам автора, основанным на данных РиДМиЖ/RusGGS, из числа первых союзов (зарегистрированных и незарегистрированных суммарно), начавшихся в 1970-е гг., к пятому году распалось 13% (без прекратившихся в связи со смертью партнера), к десятому году — 21%, а из числа повторных союзов, начавшихся в те же годы, — соответственно 11 и 20%. Для брачно-партнерских союзов, начавшихся в 1990-е гг., доля прекратившихся к пятому году среди первых союзов составила 20%, к десятому году — 31%, и те же показатели — 20 и 31% — мы имеем для повторных союзов. Таким образом, наблюдается общая тенденция к снижению стабильности и первых, и повторных союзов, однако первые и повторные союзы едва ли существенно различаются между собой шансами завершиться расставанием партнеров.

прежде, что связано главным образом с постарением брачности, о чем говорилось выше. Ожидаемый возраст развода в 2011–2014 гг. для мужчин был выше 39 лет, для женщин — выше 35 лет, что более чем на один год выше, чем в 1970–1990-х гг. (см. табл. 3.8).

Другая важная интегральная характеристика уровня разводимости говорит о текущей интенсивности разводов с учетом продолжительности расторгнутых браков (см. табл. 3.8). Этот показатель также относится к категории индикаторов для условного поколения, вернее, условных брачных когорт. Его величина представляет собой оценку ожидаемой доли распавшихся браков при сохранении наблюдаемой интенсивности разводов с учетом продолжительности расторгнутых браков (часто используемое название этого показателя — «сумма разводов, приведенная к продолжительности браков», или, коротко, «приведенная сумма разводов»). Лежащие в основе расчета показателя коэффициенты разводимости рассчитываются как отношение числа разводов для браков определенной продолжительности к числу браков, заключенных соответствующее число лет назад. Заметим, что это итоговый показатель накопленной частоты разводов к 35-летнему брачному стажу и вероятность овдовения супружеских пар здесь не принимается в расчет. Так, по нашей оценке, следует ожидать, что при наблюдаемом в 2014 г. уровне разводимости из каждой 1000 заключенных сегодня браков 591 (или около 59%) распадется вследствие развода. Значение этого показателя выше, чем в 2012 и 2013 гг., но соответствует уровню 2011 г. У нас имеются основания утверждать, что, несмотря на то, что в последние годы очевидного тренда мы не наблюдаем, по сравнению с поздним советским временем стабильность брака заметно снизилась: для 1970–1980-х гг. ожидаемый риск развода был в 1,5–2,0 раза ниже и составлял 30–40% (см. табл. 3.8). В то же время средняя длительность расторгнутого союза за многие десятилетия практически не изменилась и колеблется вокруг 10 лет (см. табл. 3.8).

Важной тенденцией последнего десятилетия можно считать снижение доли распавшихся союзов с совместными детьми до 18 лет (табл. 3.9). Если в 1980-х и 1990-х гг. более 60% всех разводов затрагивали интересы совместных детей, то в последующие годы, если судить по нашим оценкам, этот показатель снизился до менее 40% (в 2012–2014 гг.). Среднее число детей на один рас-

Таблица 3.9. Число разводов и число общих детей в возрасте до 18 лет в расторгаемых браках, Россия, 1988–2014 гг.

Год	Всего разводов, тыс.	Разводов с общими детьми, тыс.	Доля разводов с общими детьми, %	Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
					Всего	В семьях с детьми
1988	573,9	350,4	61,1	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	358,9	62,0	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	345,7	61,7	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	382,8	64,0	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	415,7	65,0	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	433,6	65,4	593,8	0,90	1,37
1994	680,5	449,6	66,1	613,4	0,90	1,36
1995	665,9	434,9	65,3	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	347,4	61,8	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	353,0	63,6	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	308,6	61,5	389,7	0,78	1,26
1999	532,5	...	54,1*	...	0,67*	1,24*
2000	627,7	...	54,9*	...	0,67*	1,21*
2001	763,5	...	60,1*	...	0,73*	1,21*
2002	853,6	...	58,6*	...	0,70*	1,20*
2003	798,8	...	57,1*	...	0,68*	1,19*
2004	635,8	...	56,5*	...	0,68*	1,21*
2005	604,9	...	56,4*	...	0,67*	1,19*
2006	640,8	...	56,7*	...	0,67*	1,18*
2007	685,9	...	55,4*	...	0,66*	1,20*
2008	703,4	...	53,7*	...	0,64*	1,20*
2009	699,4	...	50,5*	...	0,61*	1,20*
2010	639,3	...	50,5*	...	0,61*	1,21*
2011	669,4	...	47,8*	...	0,59*	1,23*
2012	644,1	254,0**	39,5**	318,0**	0,49**	1,25**
2013	668,0	263,0**	39,3**	333,0**	0,50**	1,28**
2014	687,6	275,0**	39,9**	353,0**	0,51**	1,28**

* Расчет по совокупности территорий, представивших в Госкомстат/Росстат соответствующие данные (до 1999 г. — все территории РФ), в разные годы число таких территорий колебалось от 46 до 63 субъектов РФ (из 83), в которых регистрировалось от 60 до чуть менее 80% всех разводов в стране.

** Оценка с поправкой на неполный охват территорий данной формой статистического наблюдения. В 2014 г. данные были представлены всеми субъектами РФ, кро-

павшийся союз в последние годы составляет около 0,5, а в распавшихся семьях с одним и более совместных детей приходилось 1,25 ребенка на один развод в 2012 г. и 1,28 в 2013–2014 гг. (см. табл. 3.9). К сожалению, официальная статистика по данному вопросу в 1998–2011 гг. страдала большой неполнотой в смысле охвата российских территорий. Соответствующие отчетные формы в 2011 г. удовлетворительного качества заполнения были собраны только по 52 субъектам РФ, на территории которых было зарегистрировано около 68% всех разводов в стране. Начиная с 2012 г. ситуация начала исправляться. В 2012–2013 гг. заполненные формы предоставили в Росстат 78 субъектов РФ, в которых было зарегистрировано более 98% всех разводов в стране. В 2014 г. эта доля достигла 99%. Высокий показатель полноты охвата территорий дает нам основания после долгого перерыва получить вполне надежные оценки, которые интересно сравнить с наблюдавшимися в советское время.

Можно сделать следующие выводы о тенденциях последних трех десятилетий: 1) среднее число детей до 18 лет в распавшихся семьях мало изменилось за рассматриваемый период, главным образом по причине незначительных изменений в общем уровне рождаемости; 2) доля разводов с совместными детьми в общем числе разводов снижалась, что, вероятно, является следствием увеличения риска прекращения бездетных союзов, которые существенно увеличили свой вклад в общее число разводов — с 35–40 до 60%; 3) говорить о снижении вероятности развода для союзов с детьми (родительских союзов) пока нет оснований; 4) в последние годы имеется слабая тенденция к росту среднего числа детей, приходящегося на одно расторжение брачного союза с совместными детьми до 18 лет.

ме Ивановской области, Ингушской, Чеченской республик и Республики Тыва. Охват наблюдением в 2012–2014 гг. составил более 98% всех разводов в стране.

Источники: Опубликованные и неопубликованные данные Росстата, а также расчеты автора на их основе.

3.4. Российские тенденции на фоне стран ОЭСР

3.4.1. Брачность в России выше, чем в большинстве развитых стран

В послевоенный период Россия со своими характеристиками интенсивности заключения браков то сближалась с промышленно развитыми странами, то отдалялась от них. На рис. 3.5 и 3.6 представлена полутораковая российская траектория изменения общего коэффициента рождаемости в сравнении с динамикой, наблюдавшейся в странах ОЭСР, которые расположены в Западной, Северной, Южной и Восточной Европе, а также за пределами Европы.

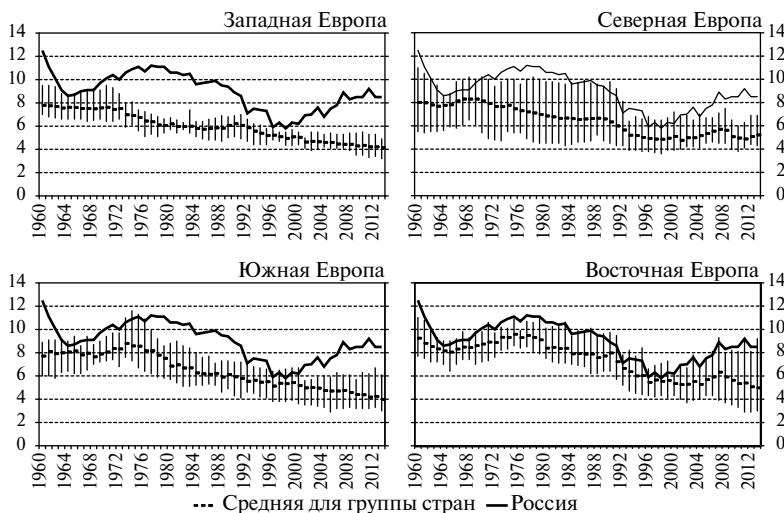
Если самым кратким и обобщенным образом описать местоположение, которое Россия занимала на протяжении последнего 50-летия по показателю интенсивности заключения браков, то это будет периферия статистического пространства континуума развитых стран с самыми высокими показателями брачности. Уровень российской брачности всегда существенно превышал среднюю для развитых стран, а чаще всего и максимальную границу межстрановой вариации, и не только общего коэффициента, но и коэффициента суммарной брачности для первых браков (рис. 3.7).

Высокие показатели российской брачности имеют глубокие исторические корни в универсальной модели ранней и всеобщей брачности, господствовавшей в традиционной аграрной России имперского периода. Пройденный с тех пор долгий путь политических и экономических перемен XX в. затронул практически все стороны бытия россиян, но удивительным образом в наименьшей степени они оказались на характеристиках брачности⁸.

Периодами максимальной конвергенции России со странами ОЭСР были середина 1960-х и середина 1990-х гг.

В 1960-х гг. сближение было обеспечено главным образом развитыми странами Запада, в которых в первые послевоенные десятилетия брак молодел и в ответ на благоприятные условия быстрого экономического развития становился более доступным

⁸ Подробнее см.: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006; Захаров С.В. Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 271–300.

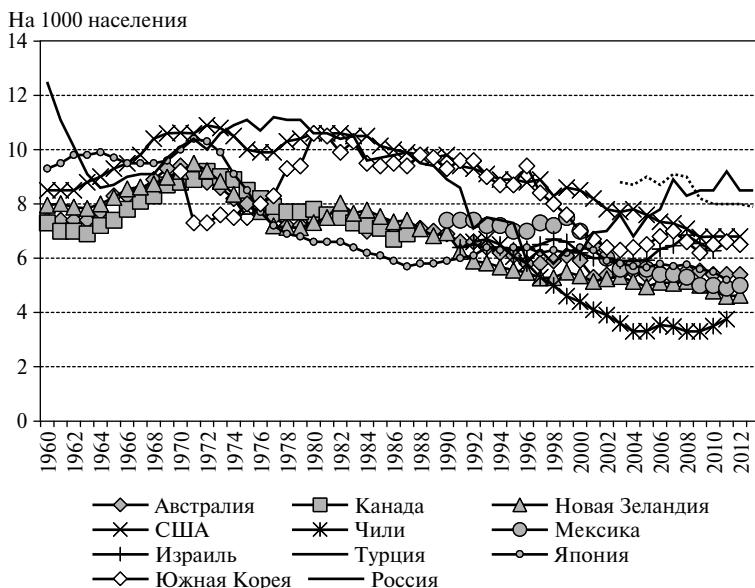
Рис. 3.5. Общий коэффициент брачности в России и странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран), 1960–2013 гг.

Примечание. Западная Европа: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария; Северная Европа: Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Швеция, Великобритания; Южная Европа: Хорватия, Греция, Италия, Мальта, Португалия, Словения, Испания; Восточная Европа: Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Белоруссия, Украина.

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

для самых широких социальных слоев населения («золотой век нуклеарной семьи», по определению П. Фести⁹). В России того времени зарегистрированный брак сохранял черты всеобщности и если имел какую-то тенденцию, то также к омоложению. В результате не столько Россия сблизилась с западными странами, сколько западные страны приблизились к модели универсальной

⁹ См.: Festy P. La fécondité des pays occidentaux de 1870 à 1970. Р.: INED, Presses universitaires de France. 1979; Фести П. Динамика брачности в Западной Европе после Второй мировой войны // Брак и семья (демографический аспект) / под ред. А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского. М.: Статистика, 1975. С. 129–159.

Рис. 3.6. Общий коэффициент брачности в России и неевропейских странах ОЭСР, 1960–2013 гг., на 1000 населения

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДЕН НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

брачности, поддерживавшейся в советской России. Естественно, что с наиболее близкими во всех отношениях восточноевропейскими странами степень конвергенции России была максимальной. Итак, в 1960-х гг. все европейские и неевропейские развитые страны, включая Россию, демонстрировали очень близкие показатели интенсивности заключения браков.

В 1970-х и 1980-х гг. уровень и возрастная модель брачности в России существенно разошлись с другими странами. Если в странах Запада брак начинал вновь «стареть», то в России он продолжал молодеть, если в западных странах официальный брак начинал терять свое монопольное доминирование как форма супружества в пользу официально незарегистрированных союзов (консенсуальных союзов, сожительств), то в России эти тенденции не получали развития вплоть до середины 1990-х гг. В результате уровень реги-

стрируемой брачности в западных странах снижался (в Южной Европе с некоторым запаздыванием), а в России продолжал оставаться на одном уровне. Наглядно конвергентно-дивергентное развитие процессов демонстрируется на рис. 3.7, на котором представлена динамика коэффициента суммарной брачности для первых браков в России на фоне динамики в других европейских странах. Различия в характере динамики показателей брачности для России, отраженных на рис. 3.5, 3.6 и на рис. 3.7, объясняются тем, что общий коэффициент брачности сильно зависит от особенностей половозрастной структуры населения и потому меняется волнообразно в зависимости от малочисленности/многочисленности когорт мужчин и женщин, достигающих возрастов максимальной брачности. В России эта волнообразность особенно выражена в силу тяжелых демографических последствий Второй мировой

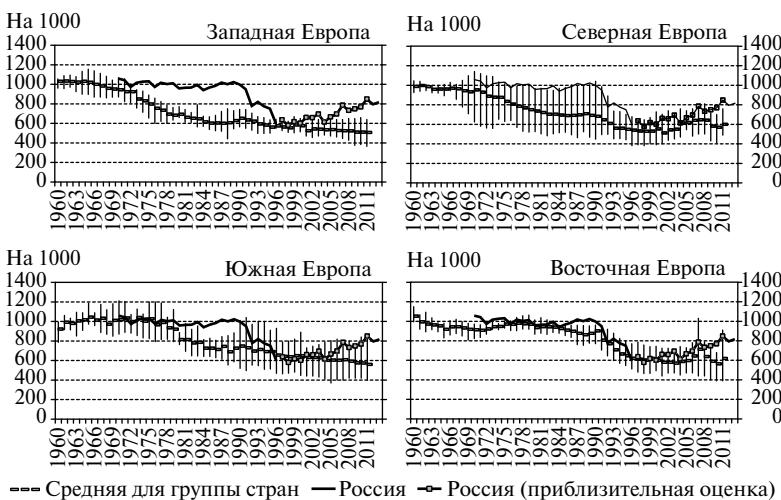

Рис. 3.7.

Коэффициент суммарной брачности для первых браков в России и странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран), на 1000 женщин, заключивших первый брак в возрастах до 50 лет

Примечание. Состав стран по группам см. примечание к рис. 3.5.

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДЭМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

войны. Коэффициент суммарной брачности, отраженный на рис. 3.7, призван устраниć этот недостаток.

В 1990-х гг. для России и стран Восточной Европы наступил период конвергентного развития: интенсивность заключения браков в России быстро падала, сближаясь с уровнями, достигнутыми в развитых странах Запада. Можно сказать, что к концу 1990-х гг. во всех странах ОЭСР за редкими исключениями (например, Турция) интенсивность заключения браков варьировала слабо, и на этот уровень вслед за странами Восточной Европы вышла Россия (см. рис. 3.7). Нет никаких сомнений, что политические и экономические перемены, происходившие в странах восточнее Берлинской стены с конца 1980-х гг., стимулировали трансформацию моделей брачности в конвергентном направлении.

Снижение брачности в России, как и в других странах, сопровождалось увеличением среднего возраста женихов и невест при вступлении в первый брак (рис. 3.8, 3.9). Отчетливо видно, что

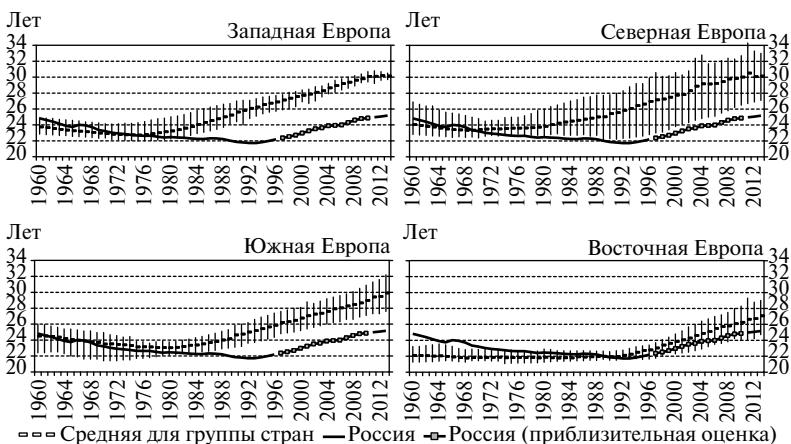
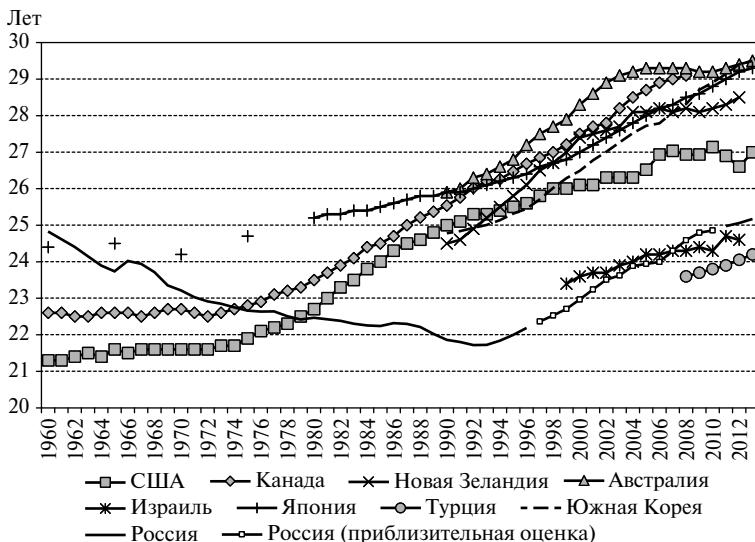

Рис. 3.8.

Средний возраст женщины при заключении первого брака в России и странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран)

Примечание. Состав стран по группам см. примечание к рис. 3.5.

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДЭМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

Рис. 3.9.

Средний возраст женщины при заключении первого брака в России и неевропейских странах ОЭСР, 1960–2013 гг.

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

процесс постарения брачности начался не одновременно во всех странах ОЭСР. В Южной Европе этот процесс начинается примерно на 10 лет позже по сравнению со странами Западной и Северной Европы, а в странах Восточной Европы и в России — еще на 10 лет позже, чем на юге Европы.

Важно отметить, что повышение возраста вступления в брак в России не только началось много позднее, чем в экономически более развитых странах, но и не происходило с более высокими темпами, в результате чего сближения российских показателей с показателями наиболее развитых стран ОЭСР вплоть до настоящего времени не наблюдается. Лаг не только сохраняется по отношению к странам Запада, но и имеет тенденцию к увеличению по отношению к странам Восточной Европы, которые более интенсивно сближаются со странами ОЭСР, находящимися в авангарде эволюции модели брачно-партнерских отношений. В резуль-

тате Россия все больше и больше отстает от своих соседей (за исключением не состоящих в ОЭСР Белоруссии, Украины, Молдавии).

Если в начале 1970-х гг. по всей Европе, включая Россию, средний возраст заключения брака для женщины колебался в интервале от 22 до 24 лет, то к началу 1990-х гг. он в странах Восточной Европы и в России все еще оставался на том же уровне, а в странах Западной и Северной Европы преодолел планку в 25 лет. К сегодняшнему дню в странах Севера, Запада и Юга Европы средний возраст невесты достиг 30-летия (южноевропейские страны нагнали северные), в восточноевропейских странах он почти достиг 27 лет (присутствие в этой группе Белоруссии и Украины занижает среднюю величину для группы), то в России лишь едва преодолел планку в 25 лет. Не прослеживается попытка догнать и большинство других неевропейских стран — членов ОЭСР. Видимо, только Турция и Израиль из списка стран ОЭСР сегодня немного отстают от России по возрасту заключения первого брака (см. рис. 3.9).

Безусловно, в России неспешная перестройка возрастной модели брачности как-то связана с процессом повышения общей интенсивности вступления в брак, начавшимся в начале 2000-х гг. и, с некоторыми колебаниями, продолжающимся в настоящее время.

Сегодня трудно однозначно ответить на вопрос, что лежит в основе повышения интенсивности заключения браков в России в 2000-х гг.: переживает ли Россия в отличие от всех развитых стран ренессанс института зарегистрированного брака или происходит достаточно эффективная реализация отложенных браков в поколениях, оказавшихся в ранней молодости в трудных социально-экономических условиях переходного периода 1990-х гг. и к тому же высокими темпами приобщавшихся к ставшему более доступным высшему профессиональному образованию? Так или иначе мы вынуждены для России зафиксировать новый этап дивергентного развития. В России увеличиваются показатели интенсивности заключения первых браков, тогда как в других развитых странах показатели брачности либо стоят на месте, либо продолжают снижаться. Судя по последним данным уровень брачности в России превышает показатели во всех прочих странах ОЭСР, включая Турцию, Израиль, Мексику и Чили. Возможно, только в Белоруссии, не состоящей, как и Россия, в ОЭСР, на сегодняшний момент об-

ший коэффициент брачности и коэффициент суммарной брачности для первых браков превышают российские.

Если опираться на значения коэффициента суммарной брачности, то можно ожидать, что при сохранении текущей интенсивности заключения браков в странах Севера и Юга Европы около 40% женщин к 50 годам не вступят в официальный брак, в странах Западной Европы еще больше — 50%. В России же ожидаемая доля на сегодняшний момент в 2 раза ниже — 20%. Заметим, что столь высокие оценки возможного «безбрачия» не означают наступление массового одиночества в развитых странах. Речь идет о распространении массовой практики отказа от официальной регистрации более или менее длительно сложившихся партнерских отношений (сожительств), а не отказа от супружества и семейной жизни вообще, о чем еще будет сказано ниже.

Таким образом, Россия, как и другие страны, пережила в последние десятилетия глубокую трансформацию форм семейно-брачных отношений, возрастной брачной модели и института брака в целом. Интенсивность заключения брака сейчас в России намного ниже, а возраст его заключения существенно выше, чем в конце советского периода (конец 1980-х — начало 1990-х гг.). В то же время Россия демонстрировала более медленные темпы модернизации института брака, чем другие страны ОЭСР, даже по сравнению с теми странами, которые некогда принадлежали к социалистическому блоку, ведомому советской Россией. Будет ли продолжена и далее тенденция к росту брачности, которая резко выделяет сегодня Россию из числа экономически развитых стран, покажет будущее. Кроме того, требуются углубленные социологические исследования брачного поведения и брачных ориентаций современной молодежи в России, в первую очередь сопоставимых на международном уровне, недостаток которых остро ощущается сегодня, когда требуется интерпретировать отклоняющееся поведение российской траектории брачности.

3.4.2. Разводимость в России находится на рекордно высоком в мире уровне

Если судить на основании общего коэффициента разводимости, то на всем протяжении послевоенного времени Россия сохраняла за собой мировое лидерство по интенсивности прекра-

шения брачных союзов (рис. 3.10, 3.11). Единственным конкурентом для России в 1960–1990-х гг. по величине общего коэффициента разводимости были США (см. рис. 3.11). Не есть ли это расплата за поддержание социумом высокого уровня брачности? Низкая избирательность брачного партнера (следствие всеобщей социальной нормы обязательного вступления в брак), ранние браки (социально-экономическая и психологическая неподготовленность к браку), низкий уровень эффективности планирования беременностей (браки стимулировались незапланированной беременностью) — все эти моменты присущи российскому населению в гораздо большей степени, чем в других странах ОЭСР, даже по сравнению с теми из них, что расположены в Восточной Европе.

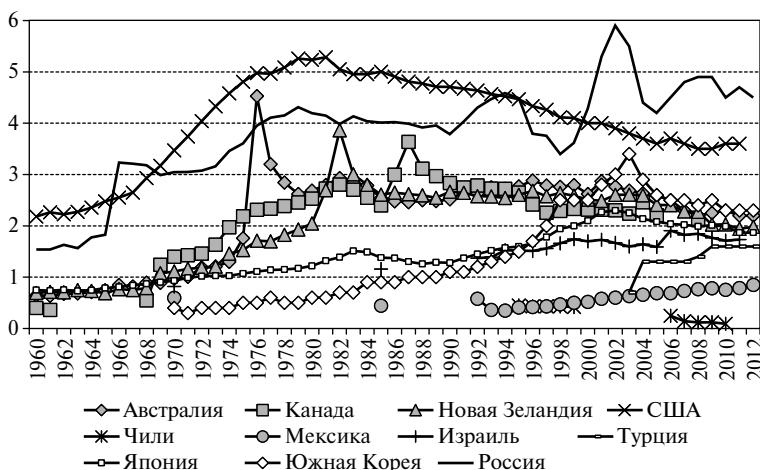

Рис. 3.10.

Общий коэффициент разводимости в России и странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран), 1960–2013 гг., на 1000 населения

Примечание. Состав стран по группам см. примечание к рис. 3.5.

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДЭМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

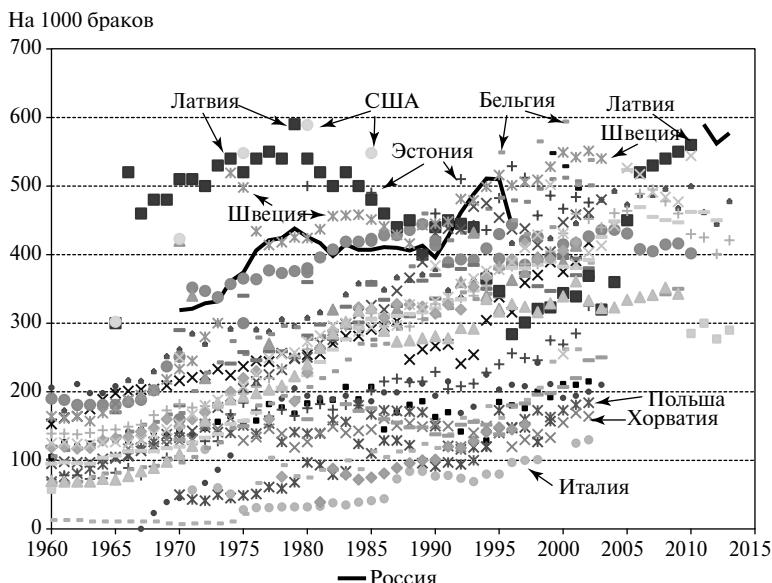

Рис. 3.11. Общий коэффициент разводимости в России и неевропейских странах ОЭСР, 1960–2013 гг., на 1000 населения

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

Если перейти к более совершенному индикатору интенсивности разводов, имеющему рас пространение в международной практике демографического анализа, — сумме разводов, приведенных к длительности расторгаемых браков, то чемпионство России по разводам не будет столь уж уверененным (рис. 3.12). Напомним, что данный показатель оценивает ожидаемое итоговое число разводов для брачной когорты расчетного года (т.е. для совокупности браков, заключенных в году, для которого производится оценка), если на протяжении жизни этой когорты будет сохраняться неизменной интенсивность расторжения браков различной длительности, зафиксированная в расчетном году.

По-видимому, в России отношение к разводу на массовом уровне близко к наблюдаемому в группе стран, в которых и в прошлом, и в настоящем велико представительство приверженцев протестантских религиозных систем и секуляризованного населения, демонстрирующих более либеральное отношение к расторжению брака. В этих странах расторжение брака на законодательном уров-

Рис. 3.12.

Коэффициент суммарной разводимости (сумма чисел разводов, приведенных к продолжительности расторгаемых браков) в 30 странах ОЭСР, Белоруссии, Украине и России, 1960–2013 гг., на 1000 браков

Источники: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), INED (http://www.ined.fr/en/everything_about_population/data/online-databases/developed-countries-database/).

не стало допускаться раньше, чем в странах с традиционным перевесом приверженцев католической церкви. Так, уже к началу 1970-х гг. в Швеции, Латвии, Финляндии, Эстонии и США коэффициент суммарной разводимости превышал 400 на 1000 браков, что говорило о том, что 40–50% браков из числа заключенных в те годы имели шанс закончиться разводом. Россия тогда имела более низкие показатели — 320–330 на 1000, что, правда, в десятки раз выше, чем в католических странах Южной Европы.

На сегодняшний день ожидаемая доля браков, которая прекратится вследствие разводов, для России приближается к 60%. Вероятно, это наиболее высокий показатель в мире. Ближайшее окружение для России составляют страны, в которых разводимость

высока уже не один десяток лет: Бельгия, Латвия, Эстония, Швеция, Чехия, Финляндия, Швейцария, Белоруссия (во всех них показатель имеет значения 500 и выше на 1000 браков). На другом полюсе — Италия, Хорватия, Греция, Польша, в которых сумма разводов, приведенная к длительности расторгнутого брака, находится в интервале от 100 до 200 на 1000 браков.

Средняя длительность брака, прекратившегося вследствие развода, в России одна из самых коротких в мире (рис. 3.13). К сожалению, далеко не по всем странам ОЭСР мы имеем оценки данного показателя. Однако среди стран, для которых имеются данные для второго пятилетия 2000-х гг., Россия выделяется самой низкой продолжительностью расторгнутого брака — менее 10 лет (10,0 года в 2011 г., 9,7 лет в 2012–2014 гг.). Ближайшее окружение России образуют очень разные страны: Япония, греческий Кипр, Турция,

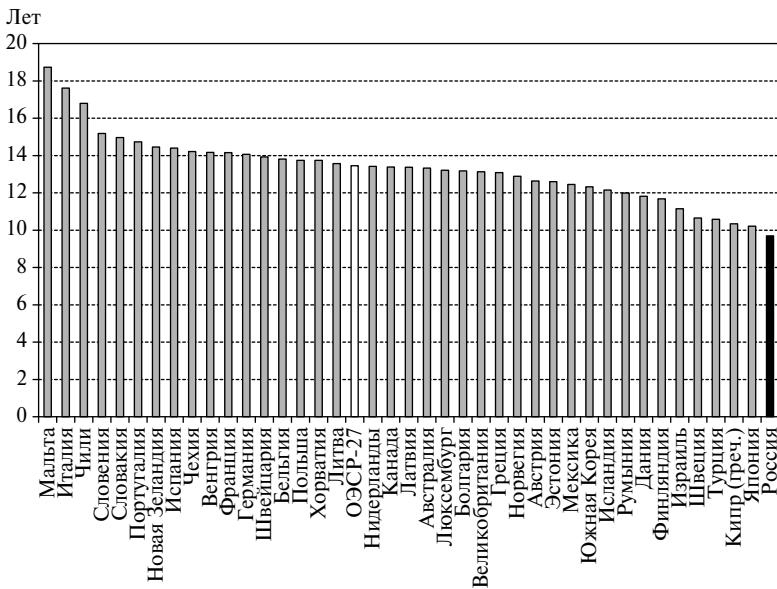

Рис. 3.13.

Средняя длительность брака, прекратившегося вследствие развода, в некоторых странах ОЭСР и в России, 2004–2012 гг.

Источник: База данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>).

Швеция, Израиль, в которых этот показатель находится в интервале 10–11 лет. Странами с наибольшей длительностью расторгающего брака являются не только те, в которых развод все еще затруднен по юридическим и религиозным причинам — Мальта, Италия, Чили (средняя продолжительность расторгнутого брака — более 16 лет), но и страны, в которых в брак вступают все реже, но сам брак остается достаточно стабильным образованием, — Словения, Словакия, Португалия, Новая Зеландия, Испания (средняя длительность расторгнутого брака — более 14 лет). Впрочем, среди стран с высоким риском развода также можно обнаружить высокие значения средней длительности расторгаемого брака, например, Чехия, Франция, Швейцария. Здесь нужно иметь в виду особенности действующего законодательства в отношении официальных разводов, а также особенности статистической регистрации данных событий. Практика бракоразводных процессов и системы статистического наблюдения весьма разнообразны в мире. Во многих странах, в частности во Франции, Германии, Швейцарии, бывшие партнеры могут годами проживать раздельно (в зарегистрированной сепарации), будучи официально не разведенными по решению суда. Статистика далеко не всегда способна отразить эти особенности. Так или иначе среднее значение для стран ОЭСР составляет более 13 лет брачного стажа при разводе, в то время как для России — на три года меньше (см. рис. 3.13).

Более низкая в России, чем в других странах, средняя длительность брака, закончившегося разводом, поддерживается более низкой долей разведенных пар с детьми, чем в большинстве стран ОЭСР (рис. 3.14). Важно отметить, что за пять лет с 2007 по 2012 г. доля браков с детьми среди разведенных пар в России существенно снизилась — с 55,4 до 39,5%. Таким образом, бездетные пары стали составлять большинство разведенных, что, как известно из российского и мирового опыта, не будет способствовать стабильности брачных отношений и соответственно приводить к более низкому брачному стажу разведенных. С другой стороны, число детей, вовлеченных в бракоразводные проблемы родителей, уменьшилось, что, очевидно, должно снижать остроту социальных последствий высокой разводимости в России.

Высокая разводимость в России неплохо компенсируется повторными браками. Косвенно об этом свидетельствует растущая

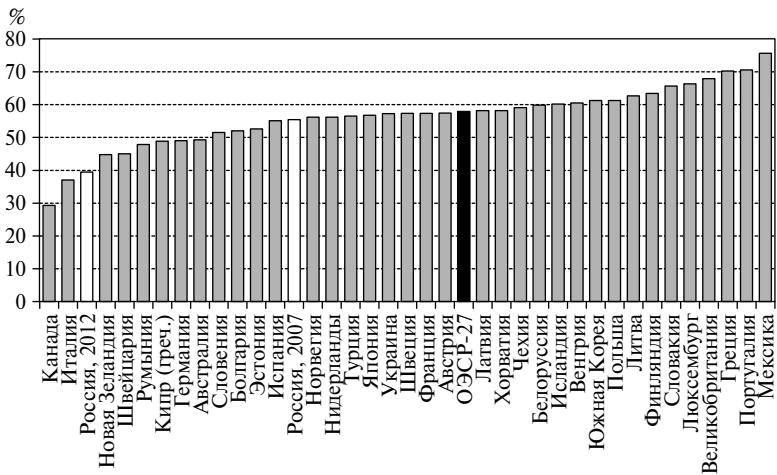
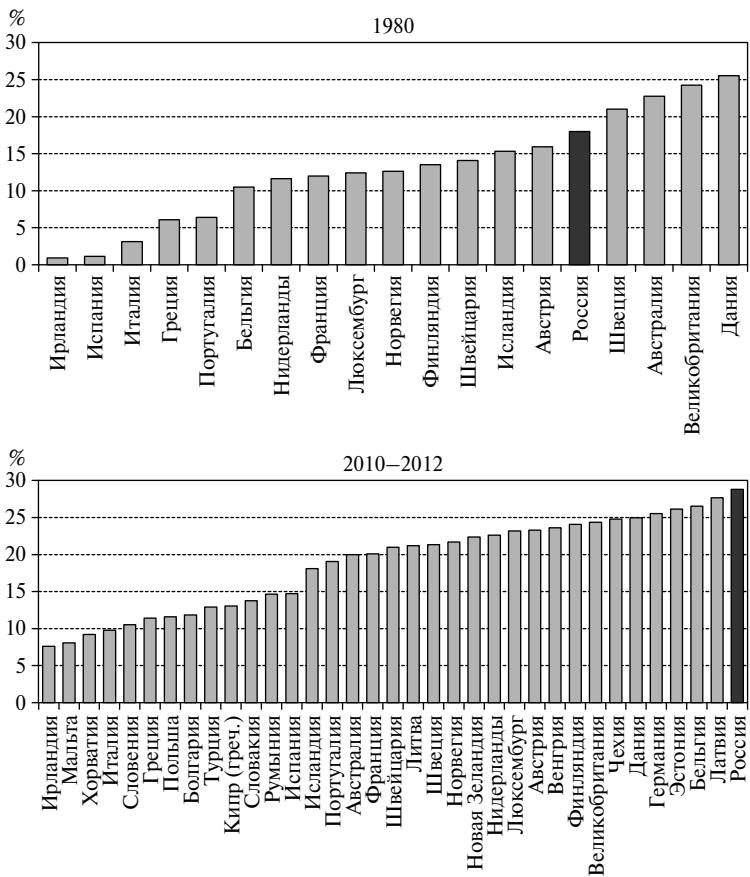

Рис. 3.14.

Доля браков с детьми до 18 лет в ежегодном общем числе браков, прекратившихся разводом, в некоторых странах ОЭСР (около 2007 г.) и в России (2007 и 2012 гг.)

Источники: База данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>); United Nations Demographic Yearbook (<http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2.htm>).

доля повторных браков среди общего числа ежегодно регистрируемых браков. Этот показатель увеличился на 10 п.п. за три десятилетия (с 18% в 1980 г. до 29% в 2012 г. и 30% в 2014 г.). Впрочем, и в других странах ОЭСР доля повторных браков имела тенденцию к увеличению (рис. 3.15). Тем не менее Россия по этому показателю занимает сегодня лидирующие позиции в развитых странах. В то же время нельзя забывать, что в современном мире повторные союзы еще реже, чем первые браки, обретают форму официально зарегистрированного союза. Поэтому рассматриваемый показатель едва ли служит надежным индикатором степени компенсации разводов повторными союзами.

Рис. 3.15. Доля повторных браков в общем числе браков в некоторых странах ОЭСР и в России, 1980 и 2010–2012 гг.

Источник: Расчеты автора на основе баз данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), United Nations Demographic Yearbook (<http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2.htm>).

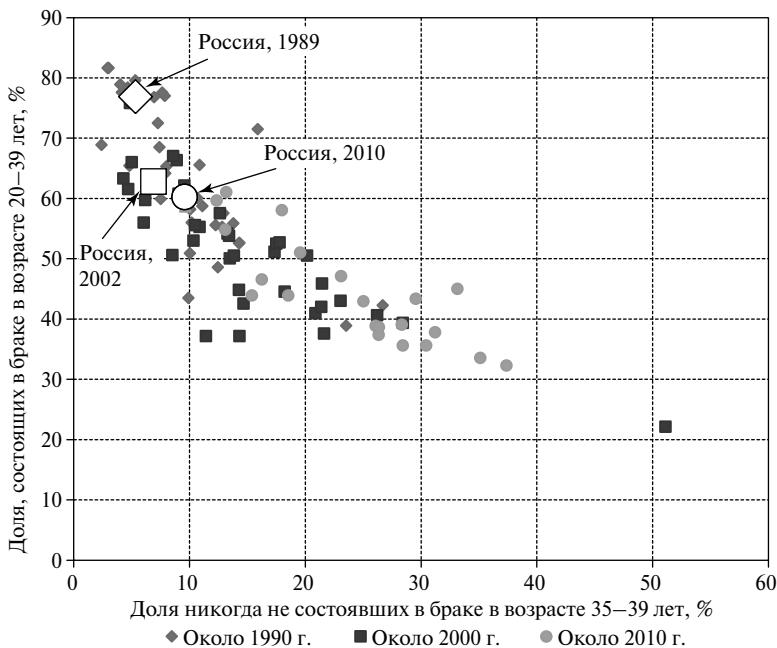
3.4.3. Брачная структура населения в России более благоприятна для рождаемости, чем в других странах ОЭСР

Результирующим отражением процессов брачности и прекращения брака становится та или иная брачная структура населения. Здесь нас интересует исключительно состояние в брачно-партнерских отношениях лиц детородного возраста в силу потенциально-го влияния сложившихся структурных пропорций на характеристики рождаемости.

На рис. 3.16 представлено распределение стран ОЭСР (с добавлением Белоруссии и Украины) и России в пространстве двух характеристик — доли состоящих в браке женщин в возрасте 20–39 лет и доли женщин, никогда не состоявших в браке, в возрасте 35–39 лет — на три даты переписей населения, разделенных десятью годами, т.е. по результатам раундов, проведенных около 1990, около 2000 и около 2010 гг.

Для всей группы развитых и быстроразвивающихся стран ОЭСР характерна общая тенденция постепенного сокращения доли женщин, состоящих в браке в репродуктивном возрасте, и увеличения доли женщин, никогда не состоявших в браке к возрасту 40 лет, после которого детородная функция быстро сходит на нет. Если в 1990 г. в большинстве стран 60–80% женщин состояли в браке, а доля женщин, никогда не состоявших в браке, редко превышала 15%, то к 2010 г. первый показатель в подавляющем большинстве стран становится ниже 60%, а для многих и ниже 50%, а среднее значение второго показателя превышает планку в 20%, а для десятка стран — и 25%. Рисунок 3.16 помогает сделать еще одно важное наблюдение: дисперсия стран ОЭСР в пространстве рассматриваемых характеристик заметно повышалась в последние десятилетия — распределение по данным переписей, проведенных около 2010 г., более вытянуто, чем по данным переписей, проведенных около 2000 г., а распределение стран по данным 2000 г., в свою очередь, менее однообразно, чем по данным переписей раунда 1990 г.

При сравнении с другими развитыми странами положение России выглядит привлекательнее — российские женщины сохраняют более высокие показатели состояния в браке в репродуктив-

Рис. 3.16.

Доля женщин, состоящих в браке, в возрасте 20–39 лет в 34 странах ОЭСР, в Белоруссии, Украине и России по данным трех раундов мировых переписей населения, проведенных около 1990, около 2000 и около 2010 гг.

Источник: Расчеты автора на основе United Nations Population's Censuses Datasets (<http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybcensusdata.htm>), United Nations Demographic Yearbook (<http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2.htm>).

ном возрасте. Хотя россиянки, видимо, следуют той же дорогой, что и жительницы других развитых стран, — откладывают брак и все большая часть из них никогда не вступают в него, тем не менее этот процесс в России идет много медленнее, чем в среднем по странам ОЭСР. Со своими показателями — 60% состоящих в браке в возрасте 20–39 лет и 10% никогда не состоявших в браке женщин в возрасте 35–39 лет — Россия находилась на краю общего распределения стран ОЭСР, практически вылетая за его грани-

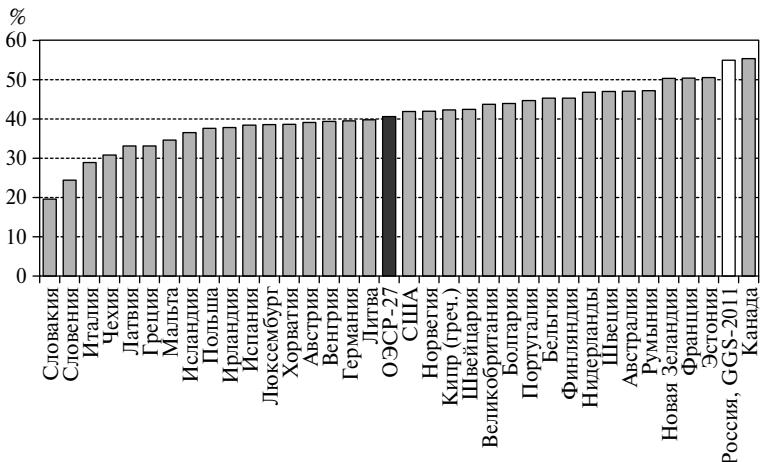

Рис. 3.17.

Доля женщин, проживающих с партнером в одном домохозяйстве (зарегистрированные и незарегистрированные союзы), в возрасте 20–34 лет в некоторых странах ОЭСР по данным переписей населения или выборочных исследований и в России по данным РиДМиЖ, около 2011 г.

Источник: Расчеты автора на основе баз данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), РиДМиЖ.

цы, учитывая, что ее соседями являются лишь Белоруссия, Украина (не страны ОЭСР), Израиль и Турция.

Характеристика брачного состояния российского населения в сравнении с другими развитыми странами была бы неполной, если бы мы не обратили внимание на различия в наиболее распространенных формах супружеских отношений. Как уже говорилось, отказ от регистрации брака далеко не всегда означает отказ от устойчивых супружеских отношений вообще. Во многих странах низкая доля женщин, состоящих в браке, сочетается с высокой долей проживающих в неформальных союзах (сожительствах), которые рассматриваются в общественном мнении и государством как вполне дееспособный социальный институт, альтернативный браку, в котором происходит рождение и социализация детей. Оставляя в стороне вопрос о причинах выбора в пользу неполной «формализации» брачно-партнерских отношений в современном мире,

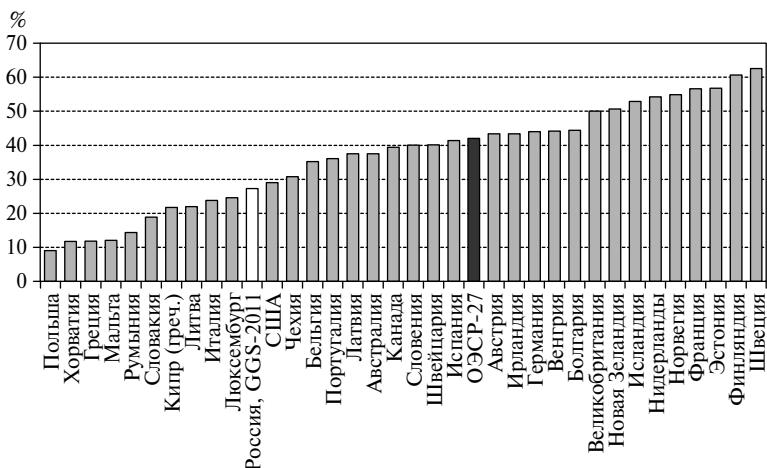

Рис. 3.18.

Доля женщин, состоящих в незарегистрированных союзах, среди женщин, проживающих с партнером в одном домохозяйстве, в возрасте 20–34 лет в некоторых странах ОЭСР по данным переписей населения или выборочных исследований и в России по данным РиДМиЖ, около 2011 г.

Источник: Расчеты автора на основе баз данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), РиДМиЖ.

заметим, что это быстро распространяющаяся практика в мире, в том числе и в России. Поэтому с целью более адекватной оценки потенциала деторождения требуется в число индивидов, находящихся под риском наступления беременности и рождения ребенка, включать не только лиц, состоящих в собственно браках, но и лиц, проживающих в бракоподобных партнерских союзах.

К примеру, во Франции половина женщин 20–34 лет проживает с партнером в одном домохозяйстве (рис. 3.17), но более 40% из них не зарегистрировали свои отношения (рис. 3.18). То же можно сказать про Эстонию и Новую Зеландию. А в Швеции на фоне чуть более низкой доли состояния в супружеских союзах в целом незарегистрированные сожительства составляют также более 60%.

В России по данным большого выборочного исследования РиДМиЖ-2011, которое, по-видимому, более адекватно, чем переписи населения, оценивает брачно-партнерский статус индиви-

дов¹⁰, мы имеем 55% женщин в возрасте 20–34 лет, состоящих в брачно-партнерских отношениях с совместно проживающим партнером, из которых чуть более 27% свои отношения не зарегистрировали. Первый показатель один из наиболее высоких среди развитых стран, а второй существенно ниже средней величины для стран ОЭСР. Если иметь в виду, что, как правило, партнеры, состоящие в зарегистрированных браках, более склонны иметь детей (мировая практика), то нельзя не прийти к выводу, что сложившаяся к сегодняшнему дню ситуация в России с точки зрения потенциала для рождаемости на фоне стран ОЭСР выглядит благоприятнее со всех сторон: и число женщин, находящихся под риском наступления беременности, выше, и среди последних выше доля состоящих в более прочных брачных союзах.

---

¹⁰ См.: Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. Т. XVI. № 4. С. 73–112.

4. Рождаемость

4.1. Рост числа рождений в 2014 г. и изменение структуры рождений по брачному статусу родителей

В 1999 г. число рождений в России достигло исторического минимума — 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке). В 2000–2014 гг. число рождений в России увеличивалось (исключения — 2005 и 2013 гг.). Сопоставимое число живорожденных в 2014 г. стало больше, чем в 1999 г., на 665,8 тыс., или на 54,8%.

Годовой прирост рождений был наиболее высок в 2007 г. — 8,7%. Далее в 2008–2011 гг. темпы прироста быстро падали — соответственно 6,4; 2,8; 1,5; 0,4%. Однако 2012 г. вновь принес весомый прирост числа новорожденных — 105,5 тыс. (5,9%). В 2013 г. число рождений впервые за продолжительный период времени снизилось на 6,3 тыс., или на 0,3%. В 2014 г. рост числа рождений возобновился и составил 0,9%, или 17,7 тыс. Общее их число достигло 1913,4 тыс., что практически означает возврат к значениям 1990–1991 гг.

В последние годы в России наблюдается сокращение доли детей, рожденных вне официального брака (2005 г. — 30%, 2014—22,5%), при относительной стагнации ежегодного числа внебрачных рождений на уровне 430–460 тыс. (рис. 4.1), а среди них снижается доля тех, которые регистрируются по заявлению одинокой матери (2007 г. — 56,5%, 2014 г. — 49,4%). Соответственно увеличиваются в общем числе родившихся доли брачных рождений и детей с признанным отцовством (табл. 4.1). Доля рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления, превысив долю рождений, зарегистрированных на основе заявления одинокой матери, в 2013 г. продолжала расти и в 2014-м. По сравнению с 1970 г., когда в России фиксировалось примерно такое же общее годовое число рождений, что и в 2012–2014 гг., — 1,9 млн, доля внебрачных рождений удвоилась, а среди внебрачных рождений стали

Рис. 4.1. Число родившихся вне зарегистрированного брака (левая ось) и их доля в общем числе родившихся (правая ось), Россия, 1958–2014 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2015; расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

преобладать те, которые регистрируются на основе декларации о признании отцовства

Доля детей раннего возраста, воспитываемых обоими биологическими родителями, судя по вышеупомянутым данным в последнее время увеличивается, что должно положительно сказываться на их социализации с точки зрения экономических условий и гендерной сбалансированности.

4.2. Увеличение численности женских возрастных групп с растущей рождаемостью подошло к концу

Изменения возрастного состава женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) всегда оказывают сильное влияние на динамику числа рождений.

Увеличению числа рождений в течение нулевых годов способствовала благоприятная возрастная структура населения — чис-

Таблица 4.1. Родившиеся в браке и вне брака, в том числе по виду регистрации, Россия, 2000–2014 гг.

Год	Всего, тыс.	В том числе родившиеся в зарегистрированном браке	Вне зарегистрированного брака*	Доля рожде- ний вне зарегистриро- ванного брака, %	Внебрачные рождение- ния зарегистрированные на основании, тыс.		Доля зарегист- рированных по заявлению одной матери, %
					совместного заявления	матери и отца	
2000	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	52,8
2001	1311,6	934,3	377,5	28,8	179,5	197,8	52,4
2002	1397,0	985,5	411,5	29,5	195,4	216,1	52,5
2003	1449,5	1018,9	430,7	29,7	208,4	222,3	51,6
2004	1502,5	1055,4	447,1	29,8	214,7	232,4	52,0
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	54,1
2006	1479,6	1048,1	431,5	29,2	189,9	241,6	56,0
2007	1610,1	1159,3	450,8	28,0	195,9	254,9	56,5
2008	1713,9	1253,5	460,4	26,9	202,8	257,6	55,9
2009	1761,7	1302,3	459,3	26,1	200,6	258,8	56,3
2010	1788,9	1344,1	444,9	24,9	199,2	245,7	55,2
2011	1796,6	1355,1	441,5	24,6	205,8	235,7	53,4
2012	1902,1	1448,6	453,5	23,8	215,5	238,0	52,5
2013	1895,8	1451,0	444,9	23,5	218,8	226,1	50,8
2014	1913,5	1479,6	433,9	22,7	218,2	215,7	49,7
2014/2013	1,009	1,020	0,975	—	0,997	0,954	—

* Включены рождания с неизвестным брачным состоянием родителей.

Источник: Демографический ежегодник России 2015. М., 2015.

ленность женщин в возрастах до 35 лет находилась в фазе роста, что положительно влияло на число рождений. Сейчас численность отдельных детородных возрастных групп меняется в противофазе: число женщин до 27 лет быстро сокращается, что уменьшает потенциальное число рождений, а число женщин старше 27 лет все еще продолжает увеличиваться, оказывая положительное влияние. Увеличение числа женщин в старших репродуктивных возрастах в современной России критически важно, поскольку средний возраст материнства растет и сейчас превысил 28 лет.

В первой половине 1990-х гг. число женщин в возрасте 25–29 лет сокращалось, а в возрасте 30–34 года сокращалось на протяжении всех 1990-х гг.

В 2000-е гг. число женщин в большинстве важнейших для материнства возрастов росло и все еще растет. Начиная с 2000 г. свыше 85%, а начиная с 2009-го — свыше 90% всех рождений приходилось на четыре возрастные группы женщин: 20–24 года, 25–29 лет, 30–34 года и 35–39 лет. Среди них только число 20–24-летних снизилось, но у них соответственно уменьшилось и число рождений. Прирост же числа рождений в 2004–2014 гг. обеспечили только возрастные группы, в которых число женщин продолжало расти.

Сопряженное увеличение числа потенциальных матерей в возрастах 25 лет и старше и интенсивности рождаемости в этих возрастах обеспечило прирост числа рождений с 2000 по 2014 г., а вклад более молодых женщин за этот период был отрицательным. По сравнению с 2000 г. число рождений на сопоставимой территории к 2014 г. увеличилось на 613,7 тыс., что вкупе с уменьшением числа смертей на 354,2 тыс. и сделало возможным преодоление естественной убыли населения в 2014 г. (в 2000 г. она была наибольшей — 958,5 тыс. человек).

Но сейчас рост численности женских возрастных групп с растущей рождаемостью подошел к концу — численность ключевой группы 25–29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего начала сокращаться, с каждым годом все быстрее. Ее численность уже к 2017 г. уменьшится более чем на 1 млн и станет меньше, чем была в 2000 г. Для 30–34-летних точкой перелома станет 2018 г. Поддерживать нынешнее число рождений при таком сокращении числа потенциальных матерей едва ли будет возможно.

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения, КСР) — также свидетельствует о том, что в России в 1999–2014 гг. (кроме 2005 г.) происходило увеличение интенсивности деторождения как в городской, так и в сельской местности, хотя у горожан до 2006 г. рост был заметно большим (табл. 4.2).

В 2007 г. впервые прирост показателя в сельской местности (0,2 ребенка на одну женщину) двукратно превысил прирост рождаемости у городского населения (0,08). В 2008–2009 гг. темпы роста КСР снижались и в городской местности, и в сельской, но на селе более интенсивно. В 2010–2014 гг. рост КСР в городах происходил более умеренными темпами, чем в сельской местности (см. табл. 4.2).

Таблица 4.2. Итоговая (суммарная) рождаемость, на одну женщину условного поколения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995–2014 гг.

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,87	1,70	2,51
1985	2,05	1,86	2,67
1990	1,89	1,70	2,60
1995	1,34	1,19	1,81
1996	1,27	1,14	1,70
1997	1,22	1,10	1,62
1998	1,23	1,11	1,64
1999	1,16	1,04	1,53
2000	1,19	1,09	1,55
2001	1,22	1,12	1,56
2002	1,28	1,19	1,63
2003	1,32	1,22	1,66
2004	1,34	1,25	1,65
2005	1,29	1,21	1,58
2006	1,30	1,21	1,60
2007	1,42	1,29	1,80
2008	1,50	1,37	1,91
2009	1,54	1,41	1,94

Окончание табл. 4.2

Год	Все население	Городское население	Сельское население
2010	1,57	1,44	1,98
2011	1,58	1,44	2,06
2012	1,69	1,54	2,21
2013	1,71	1,55	2,27
2014	1,75	1,59	2,32

Примечание. Рассчитано автором на основе однолетних возрастных коэффициентов с учетом пересчета численности населения после переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Значения показателей по причине пересчетов могут незначительно отличаться от приводившихся в предыдущих докладах. В 1995–2003 гг. — без Чеченской Республики.

Источник: Расчеты С. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

В начале 1990-х гг. итоговая рождаемость у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 ребенка на одну женщину. К 2005 г. разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, т.е. более чем в 2 раза. В 2006–2014 гг. различия в уровне рождаемости между городской и сельской местностью увеличивались в силу опережающего роста показателей на селе, и в 2014 г. достигли 0,73, что фактически означает постепенный возврат к ситуации, устойчиво воспроизведившейся на протяжении нескольких десятилетий с середины 1960-х до первой половины 1990-х гг., когда различия в КСР между городским и сельским населением поддерживались в районе 0,8–0,9.

4.3. Старение возрастной модели материнства замедляется

Прирост и убыль числа рождений в последние десятилетия были непропорциональны изменениям числа женщин детородного возраста, так как одновременно менялась, зачастую разном направлено, интенсивность деторождения в разных возрастах. Это объясняется тем, что в России с серединой 1990-х гг. идет «постарение» рождаемости, что соответствует общемировой тенденции, возникшей в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Россия и ее соседи по Восточной и Центральной Европе присоединилась к ней с некоторым опозданием. На протяжении длительного времени в Рос-

ции наиболее высокой рождаемостью отличались женщины в возрасте 20–24 года. Но в 1990-е гг., когда число женщин этого возраста увеличивалось, рождаемость у них быстро падала (табл. 4.3). С середины 1990-х гг. стала устойчиво увеличиваться рождаемость

Таблица 4.3. Возрастные коэффициенты рождаемости, 1980, 1985, 1990, 1995, 1999–2014 гг., Россия, на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возрастные группы						
	15–19*	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49**
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1985	47,2	165,0	112,9	59,7	23,3	3,6	0,3
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4
2014/1999	0,905	0,977	1,728	2,480	3,507	3,609	3,606
2014/2013	0,980	0,997	1,024	1,049	1,060	1,082	1,211

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

Источник: Демографический ежегодник России 2015. М., 2015; расчеты С. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

у женщин 30–34 лет, а с 2000 г. — у женщин 25–29 лет. В 2008 г. эта возрастная группа женщин впервые превзошла по уровню рождаемости группу 20–24 года, и разрыв между ними стал нарастать. Рождаемость в возрастной группе 30–34 года, увеличившись в 2,5 раза с конца 1990-х гг., не только превысила предыдущий пиковый уровень 1980-х, но и практически сравнялась с рождаемостью 20–24-летних. Еще более высокими темпами увеличивалась рождаемость у женщин старше 35 лет — рост за полтора десятилетия более чем в 3,5 раза (см. табл. 4.3).

Рождаемость у женщин до 24 лет либо продолжила снижение у самых молодых женщин, либо, как в возрастах 22 и 23 года, стагнировала на одном уровне с конца 1990-х гг. (рис. 4.2). Если бы

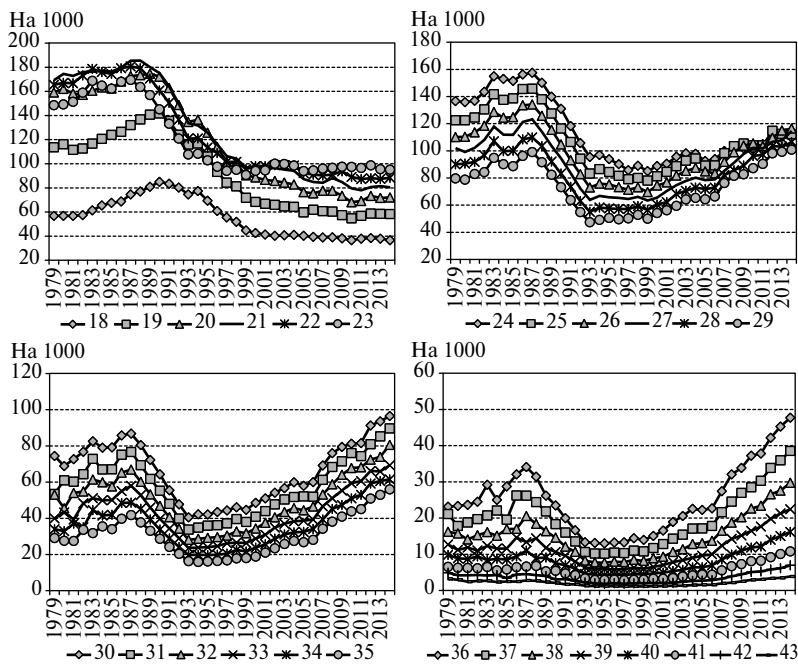

Рис. 4.2.

Возрастные коэффициенты рождаемости для однолетних возрастных групп в расчете на 1000 женщин указанного возраста, Россия, 1979–2014 гг.

Источник: Расчеты С. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005–2006 гг., то специфику динамики рождаемости в период действия новых мер демографической политики едва ли можно было заподозрить и в отношении коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет.

Повышение среднего возраста материнства в России началось только в середине 1990-х гг. В то время более раннее материнство можно было наблюдать только в Болгарии, Украине и Молдавии. И сегодня эти же страны, а также Белоруссия продолжают немного отставать от России в процессе перестройки возрастного профиля рождаемости, и все они, включая Россию, в свою очередь, отстают от стран Балтии, стран Восточной и Центральной Европы, начавших постарение материнства примерно в то же время.

Средний возраст материнства в 2014 г. составил 28,12 года, в том числе при рождении первого ребенка — 25,30; второго — 29,53; третьего ребенка — 32,21 года (табл. 4.4). Эти показатели не только намного выше тех, что наблюдались в 1990-х, когда они были минимальными за послевоенное время, но и превышают значения для 1970-х и 1980-х гг. Для первых трех очередностей рождения средний возраст материнства по сравнению с первой половиной 1990-х гг. увеличился примерно на 2,5–3,0 года.

Несколько десятилетий назад общий уровень рождаемости в России формировался более чем на $\frac{1}{2}$ за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет. Сегодня женщины старше 25 лет обеспечивают $\frac{2}{3}$ величины коэффициента суммарной рождаемости, в том числе женщины старше 30 лет — более $\frac{1}{3}$ его величины.

В то же время нельзя не заметить, что процесс повышения возраста материнства в России в последние годы замедлялся, особенно в сельской местности. В 2014 г. для вторых и последующих детей средний возраст женщин при их рождении даже уменьшился по сравнению с предыдущим годом, и повышение общего среднегоЗ возраста материнства сохранилось лишь по причине продолжающегося роста возраста матерей при появлении на свет первенцев (см. табл. 4.4).

Таблица 4.4. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995–2014 гг., лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третья	Четвер- тые	Пятые и следующие
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29395	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1996	25,04	22,88	27,10	30,11	31,78	34,35
1997	25,23	22,97	27,29	30,27	31,91	34,32
1998	25,41	23,12	27,53	30,47	32,13	34,44
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86

* Оценки с использованием неполных данных.

Источник: Расчеты С. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

4.4. Вероятность первых рождений продолжает стагнировать на одном уровне уже два десятилетия

Распределение рождений по очередности у матери — важнейшая исходная информация для углубленного изучения рождаемости и оценки таких важнейших ее характеристик, как вероятности увеличения семьи.

После десятилетнего спада в 1990-х гг. наступил перелом, и в 2001–2005 гг., т.е. до начала нового этапа политики по стимулированию рождаемости, наблюдалось медленное повышение вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Одновременно снижался вклад четвертых и следующих рождений.

В 2007–2014 гг. структура рождаемости по очередности стала меняться более динамично. Ожидаемая итоговая рождаемость для первых рождений по сравнению с 2006 г. изменилась незначительно, а рождаемость вторых и последующих детей существенно возросла (табл. 4.5). Вырос даже вклад четвертых и пятых рождений. За счет увеличения вклада повторных рождений структура рождаемости по очередности рождений вернулась к уровню середины 1980-х гг. (табл. 4.6).

Снижение доли первых и одновременно четвертых и последующих рождений длительное время взаимно компенсировали друг друга, так что средняя очередь рождения (СОР¹) в 1993–2006 гг. колебалась вокруг одного и того же уровня — 1,6 (см. табл. 4.6), оставаясь одной из наиболее низких в мире². Структурные изменения рождаемости в 2007–2014 гг. вызвали устойчивое увеличение СОР до 1,79, синхронно с аналогичным процессом на Украине. Если же неизвестные по очередности рождения в Чечне за 2014 г. распределить не по общероссийскому, а по ингушско-

¹ СОР рассчитывается как средняя арифметическая взвешенная величина биологического порядка рождений у матери, весами для которой служат коэффициенты суммарной рождаемости условного поколения для каждой очередности рождения.

² Из всех стран, по которым авторам доступна статистика рождаемости по очередности, более низкий уровень СОР в указанный период в отдельные годы наблюдался лишь в Испании, Южной Корее, Белоруссии и Украине.

Таблица 4.5. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения* на одну женщину, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000–2014 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)*
	Первые	Вторые	Третья	Четвертые	Пятые и следующие	
1980	0,967	0,643	0,147	0,048	0,061	1,866
1985	0,964	0,758	0,214	0,060	0,055	2,051
1990	0,995	0,624	0,178	0,052	0,045	1,893
1995	0,802	0,387	0,098	0,029	0,021	1,337
2000**	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018	1,195
2001**	0,720	0,368	0,090	0,027	0,018	1,223
2002**	0,742	0,394	0,099	0,028	0,019	1,281
2003**	0,758	0,412	0,103	0,028	0,018	1,319
2004**	0,772	0,420	0,105	0,029	0,018	1,344
2005**	0,743	0,406	0,100	0,028	0,017	1,294
2006**	0,753	0,409	0,100	0,027	0,016	1,305
2007**	0,761	0,475	0,125	0,033	0,020	1,416
2008**	0,787	0,515	0,143	0,037	0,020	1,502
2009**	0,801	0,535	0,147	0,038	0,021	1,542
2010**	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021	1,567
2011**	0,781	0,574	0,164	0,041	0,022	1,583
2012**	0,809	0,620	0,189	0,047	0,026	1,691
2013	0,811	0,625	0,198	0,049	0,025	1,708
2014	0,800	0,658	0,212	0,053	0,027	1,750

* Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет, при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Сумма показателей для всех очередностей дает традиционный показатель итоговой (суммарной) рождаемости условного поколения (тот же, что в табл. 3.1).

** Оценки для 2000–2011 гг. базируются на использовании неполных данных.

Примечание. Оценки за все годы с 1980 по 1999 см.: Население России 2005. М., 2007. С. 81–82.

Источник: Расчеты С. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

Таблица 4.6. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость (%) и средняя очередность рождения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000–2014 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередь рождени**
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,74
1985	47,1	36,9	10,4	2,9	2,7	100,0	1,80
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1995	60,0	28,9	7,3	2,2	1,6	100,0	1,58
2000	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002	57,9	30,8	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60
2003	57,5	31,2	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2004	57,5	31,3	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2005	57,4	31,4	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2006	57,7	31,3	7,7	2,0	1,2	100,0	1,59
2007	53,8	33,6	8,9	2,4	1,4	100,0	1,65
2008	52,4	34,3	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2009	52,0	34,7	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2010	50,1	36,0	10,0	2,5	1,4	100,0	1,70
2011	49,4	36,2	10,4	2,6	1,4	100,0	1,72
2012	47,9	36,7	11,1	2,8	1,5	100,0	1,75
2013	47,5	36,6	11,6	2,8	1,5	100,0	1,76
2014	45,7	37,6	12,1	3,0	1,6	100,0	1,79

* Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты суммарные коэффициенты рождаемости для каждой очередности.

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных в табл. 4.5.

му шаблону, то СОР за 2014 г. составит на 0,017 ребенка больше, т.е. 1,81. СОР как статистический индикатор уровня рождаемости выступает в качестве неплохого предиктора ее итоговой величины для когорт. Для них расхождений между СОР и итоговым показателем рождаемости не может быть, это по сути один и тот же показатель — среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае

плавных изменений возрастной модели рождаемости и стабильной доли ни разу не рожавших женщин расхождения между показателями также минимальны.

Однако в случае резких изменений календаря рождений расхождения между этими интегральными характеристиками уровня рождаемости для условных и реальных поколений становятся тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. КСР и СОР — показатели для условных поколений и, следовательно, должны трактоваться как *ожидаемые* характеристики итоговой величины рождаемости поколений. В случае повышенных темпов — дети рождаются у родителей в более молодом возрасте, с более короткими интервалами между рождениями, чем прежде, — коэффициент суммарной рождаемости дает *занышенную* оценку действительного уровня рождаемости и соответственно превышает СОР, который выступает в роли более консервативного индикатора ожидаемого уровня рождаемости реальных поколений. Пример — ситуация 1980-х гг., когда введенные в действие в 1981 г. меры семейной политики вызвали изменение прежнего календаря рождений. КСР подскочил с 1,87 в 1980 г. до 2,23 в 1987 г., или почти на 0,4 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимым, поскольку женщины не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 г. и 1,83 в 1987 г., разница — всего в 0,09 ребенка, очень близкая по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений³).

В 1990-х гг. наблюдалась обратная картина: показатель СОР заметно превышал коэффициент суммарной рождаемости, что свидетельствует о существенном замедлении темпов формирования семьи — женщины, родившиеся в 1970-х и 1980-х гг., стали обзаводиться детьми позднее, чем предыдущие поколения. В итоге КСР, оцененный для календарных лет (для условных поколе-

³ Подробнее см: Захаров С. В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf.

ний), дает заниженную оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости поколений, переживающих процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону более позднего материнства.

С 2000 г. растущий коэффициент суммарной рождаемости приближается к СОР, демонстрировавшей большую стабильность на протяжении последних десятилетий.

Опираясь на оценку СОР для последних 10 лет, можно предположить, что если не будет происходить дальнейшее повышение доли окончательно бездетных женщин (т.е. ни разу не рожавших живого ребенка) и структура матерей по числу рождений не будет меняться, то итоговая рождаемость реальных женских поколений, находящихся сейчас вблизи среднего возраста материнства 27–28 лет (т.е. родившихся в середине 1980-х гг.), составит не менее 1,7 ребенка в расчете на одну женщину. В случае если тенденция к росту СОР, отмеченная после 2006 г., сохранится, то можно расчитывать и на несколько более высокий результат для поколений, родившихся во второй половине 1980-х гг. Однако этому сценарию противостоит тенденция снижения вероятности первых рождений в реальных поколениях, о чем пойдет речь ниже.

Наиболее корректную оценку вероятности, с которой в данном календарном году происходило рождение детей той или иной очередности у матерей всех возрастов, дает показатель, называемый в демографии вероятностью увеличения семьи (в англоязычной литературе — parity progression ratio, PPR), т.е. доля женщин, родивших очередного ребенка в текущем году, среди тех, кто уже родил на одного ребенка меньше (например, вероятность рождения первого ребенка — это доля женщин, родивших первого ребенка в расчетном году среди ни разу не рожавших женщин к началу года, а вероятность рождения третьего ребенка — доля двухдетных матерей, рождающих в данном году третьего ребенка). Данный показатель получается на основе построения специальных таблиц рождаемости по очередности рождения — модели, аналогичной таблице дожития (смертности), в которой совокупностями, убывающими с возрастом, выступают числа женщин с тем или иным числом фактически рожденных детей.

Наши годовые оценки вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения за последние 35 лет, с оговоркой,

что с за период 1999–2011 гг. расчеты базируются на неполных данных, представлены на рис. 4.3.

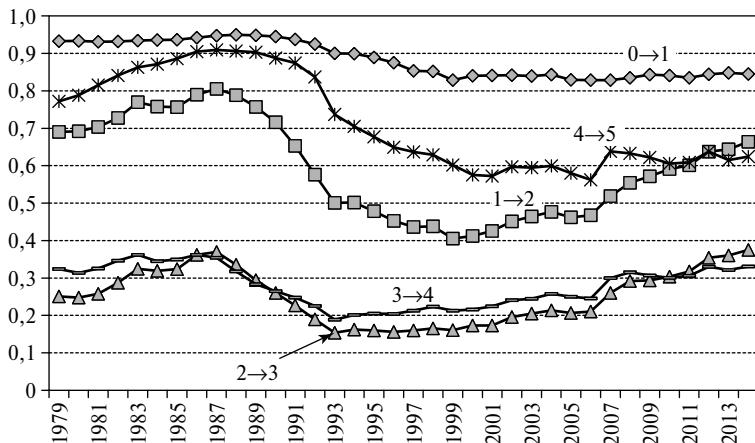

Рис. 4.3.

Итоговая вероятность увеличения семьи по очередности рождения для женщины к возрасту 50 лет, Россия, 1979–2014 гг.

Примечание. За 1999–2011 гг. оценка произведена на основе данных по территориям, представившим в Росстат сведения о рождении одновременно по возрасту матери и очередности рождения.

Источник: Специальные таблицы рождаемости, рассчитанные автором на основе неопубликованных данных Росстата.

В первой половине 1980-х гг. вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей, что было очевидной реакцией на новые меры демографической политики (в частности, введение отпусков по уходу за ребенком, льгот при предоставлении жилья и др.), но после 1987 г. движение пошло в обратном направлении. Откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже первенцев. Ситуация начала частичноправляться лишь в середине 1990-х гг. Начиная с 1994 г. медленно поползла вверх вероятность рождения третьих и четвертых детей, с 2000 г. — вторых. Вероятности появления на свет первых и пятых детей сохранились на уровне 1999 г. В 2007 г. произошел скачок вероятностей рождения детей второй, третьей и четвертой очередностей, что

можно связать с началом действия новых мер демографической политики, направленных на стимулирование рождаемости.

В то же время нельзя не заметить, что уже полтора десятилетия, с 1999 г., наблюдается стагнация вероятности рождения первенца на уровне 0,83–0,85 (и соответственно ожидаемой бездетности в условных поколениях на уровне 15–17%). Даже в 2007 и 2012 гг., когда происходил наибольший всплеск интенсивности рождений, увеличение вероятности первых рождений оказывалось незначительным. Таким образом, заметный прирост с конца 1990-х гг. итоговой рождаемости для условных поколений никак не связан с повышением шансов появления в семьях первенцев.

В 2014 г. по сравнению с предыдущим годом мы вновь отмечаем снижение вероятности рождения первого ребенка при относительно слабом приросте вероятности вторых и третьих рождений (соответственно на 2,0 и 1,5 п.п.) и еще более слабом приросте вероятности четвертых и последующих рождений (менее 1 п.п.).

При сохранении вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения, зафиксированных в 2014 г., доля женщин, родивших одного ребенка в течение жизни, среди всех женщин (рожавших и нерожавших) составит 28% против 44% в 2006 г. и 49% в 1999–2000 гг. (исторический максимум). Доля женщин с двумя рожденими ожидается на уровне 35% (31% – в 2006 г., 28% – в 1999–2000 гг.). Наконец, долю женщин с тремя и более рожденими можно ожидать на уровне 21% (8% – в 2006 г., 6% – в 1999–2000 гг.). Обращает на себя внимание более чем трехкратный рост ожидаемой доли многодетных, преимущественно трехдетных семей, произошедший с конца 1990-х гг. В то же время не очевидно, в какой мере этот рост может быть объяснен успехами проводимой политики по «стимулированию рождаемости» (по крайней мере, восходящий тренд обозначился задолго до активизации демографической политики), и, что еще более важно, мы не готовы уверенно ответить на вопрос, носят ли структурные изменения в российской рождаемости конъюнктурный или долговременный характер.

Если мы оставим в стороне бездетных женщин и сконцентрируем наше внимание на изменении структуры по ожидаемому числу рожденных детей для матерей, т.е. для женщин, когда-либо родивших живого ребенка, то в 30-летней ретроспективе увеличе-

ние доли многодетных, наблюдаемое в последние 10 лет, не выглядит столь уж впечатляющим (рис. 4.4). Во-первых, в период активизации демографической политики в 1980-е гг. прирост доли женщин с тремя и более детьми был примерно таким же, а сама доля достигла в пиковом 1987 г. 30%, т.е. более высокого значения, чем сегодня. На этом уровне, правда, удержаться показатель тогда не смог. Во-вторых, картина, представленная на рис. 4.4, скорее свидетельствует в пользу представлений о «компенсаторно-восстановительной» динамике структуры российской рождаемости по очередности рождений после возмущений, пережитых в 1980-х и 1990-х гг., нежели о радикальных подвижках, которые вызваны мерами демографической политики, принявшей открыто пронаталистский характер во второй половине 2000-х гг.

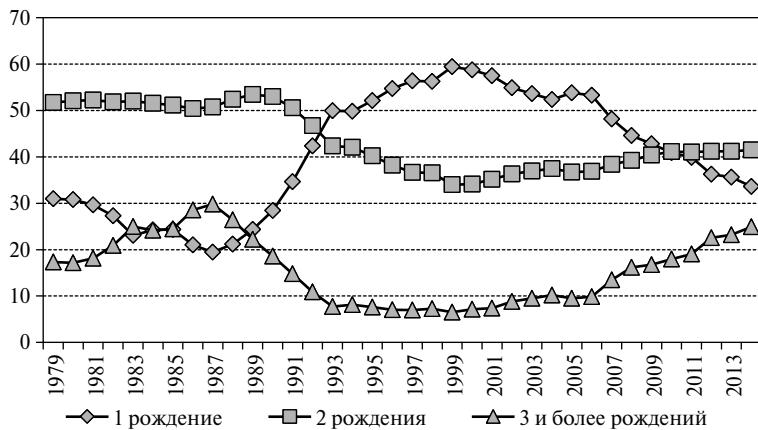

Рис. 4.4.

Ожидаемая доля матерей (женщин, родивших не менее одного живого ребенка) с указанным числом рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979–2014 гг.

Источник: Специальные таблицы рождаемости, рассчитанные автором на основе неопубликованных данных Росстата.

4.5. Рождаемость реальных поколений: есть повод для оптимизма?

Положительные сдвиги, которые мы наблюдаем в России в отношении вероятности рождения вторых и третьих детей по оче-редности рождения у матери, вполне возможно, смогут перевесить негативные последствия от снижения вероятности рождения первенцев. В этом случае можно будет надеяться на рост итоговых по-казателей рождаемости для реальных поколений — единственного бесспорного показателя, характеризующего истинный уровень рождаемости.

На рис. 4.5 представлены кумулятивные коэффициенты рождаемости для средних представителей женских поколений, родившихся в 1940–1990 гг., к возрасту 20, 25, 30, 35, 40 и 50 лет (накопленная рождаемость к 50 годам может считаться итоговой рождаемостью поколения), полученные на основе когортной трансформации фактически зафиксированных возрастных коэф-фициентов рождаемости за период с 1959 по 2014 г.

Накопленная рождаемость к возрасту 25 лет у поколений, родившихся в середине 1980-х гг., на 40% ниже, чем у поколений второй половины 1960-х гг. (0,6 рождения в среднем на одну жен-щину против 1,0 рождения). Никаких признаков роста у самых молодых поколений в молодом возрасте мы не наблюдаем.

Поколения, родившиеся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и достигшие к 2013 г. 30 и 35 лет, демонстрируют некоторое едва заметное оживление показателей накопленной рождаемости, сви-детельствующее о некоторой стабилизации или даже едва замет-ных признаках роста. В то же время накопленная рождаемость к сопоставимому возрасту у данных поколений более чем на 20–35% ниже, чем у поколений россиянок, родившихся в 1960-х гг.: к 30 годам накопленная рождаемость у когорты 1979 года рожде-ния составила 1,08 против 1,60 у когорты 1960 года рождения, к возрасту 35 лет для тех же когорт — соответственно 1,45 против 1,78.

Близкий к итоговой рождаемости поколений показатель ку-мулятивной рождаемости к возрасту 40 лет достиг дна после сни-жения, начавшегося у поколений, рожденных в начале 1960-х гг.

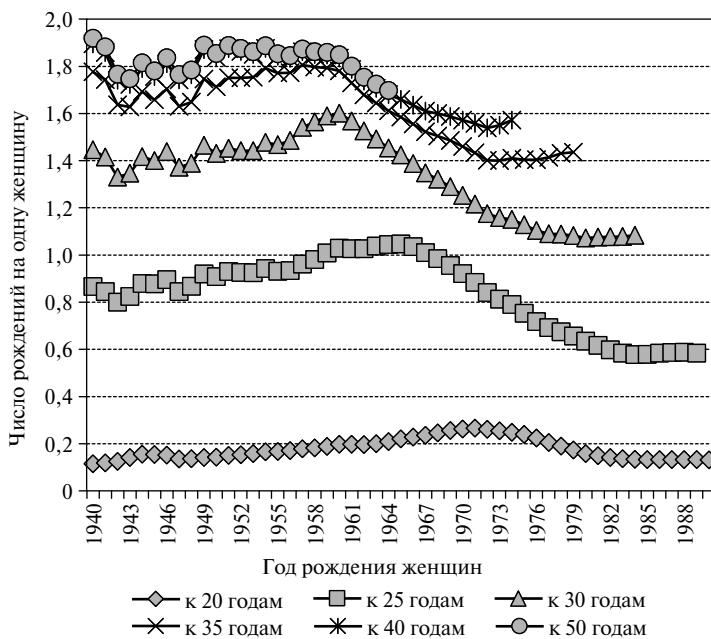

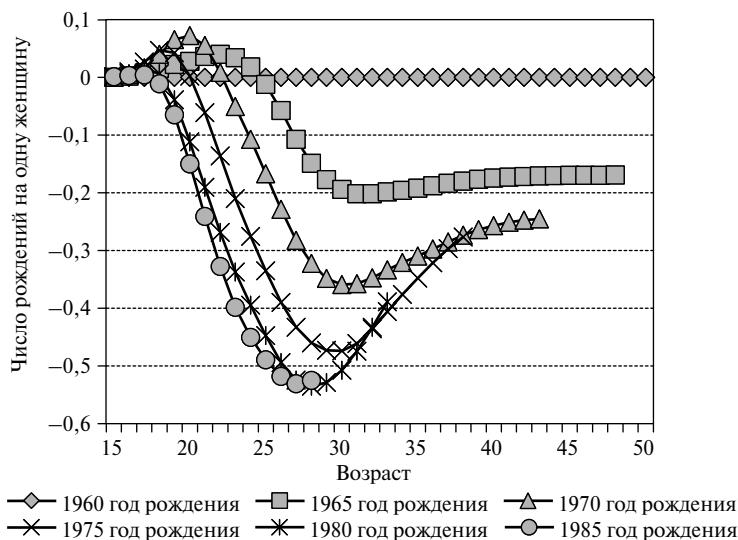
Рис. 4.5.

Кумулятивные коэффициенты рождаемости к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.), Россия, однолетние женские поколения 1940–1990 годов рождения

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

Смогут ли поколения 1980-х годов рождения своими показателями итоговой рождаемости вернуться к уровню, характерному для их матерей, рожденных в 1950–1960-е гг. (1,8–1,9 рождений на одну женщину)? Планка на уровне 1,8 рождений на одну женщину будет для них весьма оптимистическим прогнозом (см. рис. 4.6, на котором представлено отклонение кумулятивных возрастных коэффициентов рождаемости поколений 1965–1985 годов рождений от коэффициентов для поколения 1960 года рождения).

Ожидаемый итоговый результат поколений, родившихся в 1980-е гг. — 1,7–1,8 рождания в среднем на одну женщину при условии, что тенденции последних лет сохранят свою силу в бли-

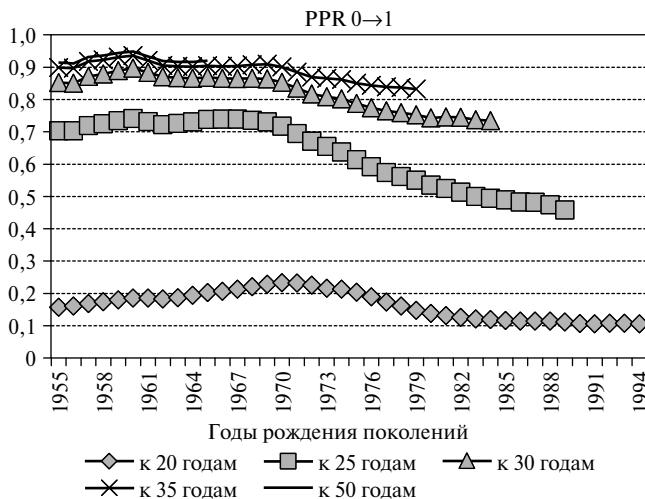
Рис. 4.6. Отличия значений возрастных кумулятивных коэффициентов рождаемости для женщин 1965, 1970, 1975, 1980 и 1985 годов рождения от значений для поколения 1960 года рождения (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.), Россия

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

жайшее десятилетие. Это будет означать остановку многолетнего снижения рождаемости в России и соответственно снижения числа детей в российских семьях. Однако подобный уровень рождаемости все равно остается слишком низким, чтобы выйти из суженного режима замещения поколений.

Специальные таблицы рождаемости, построенные с учетом очередности рождения для реальных поколений, позволяют оценить накопленные значения вероятности увеличения семьи к тому или иному возрасту. Эти показатели аналогичны по своей сути тем, о которых шла речь выше применительно к таблицам рождаемости для условных поколений, т.е. они также представляют собой накопленную долю женщин, родивших очередного ребенка, среди тех, кто родил к фиксированному возрасту на одного ребенка мень-

ше: первого ребенка среди ни разу не рожавших, второго среди родивших первого и т.д. Но если в случае условных поколений мы трактовали вероятности увеличения семьи как ожидаемые показатели при сохранении интенсивности рождаемости текущего года, то для реальных поколений, фактически достигших того или иного возраста, вероятности увеличения семьи к данному возрасту отражают долю женщин, фактически реализовавших возможность перехода к состоянию с числом детей на одного больше. Так, вероятность увеличения семьи для ни разу не рожавших женщин (PPR 0→1) показывает долю женщин из некоторого поколения, фактически родивших первого ребенка к тому или иному возрасту (рис. 4.7). Кумулятивный показатель к возрасту 50 лет позволяет оценить окончательную долю бездетных женщин, для чего нужно вычесть из единицы (теоретическое значение, говорящее о полном отсутствии бездетности) полученную по таблицам величину веро-

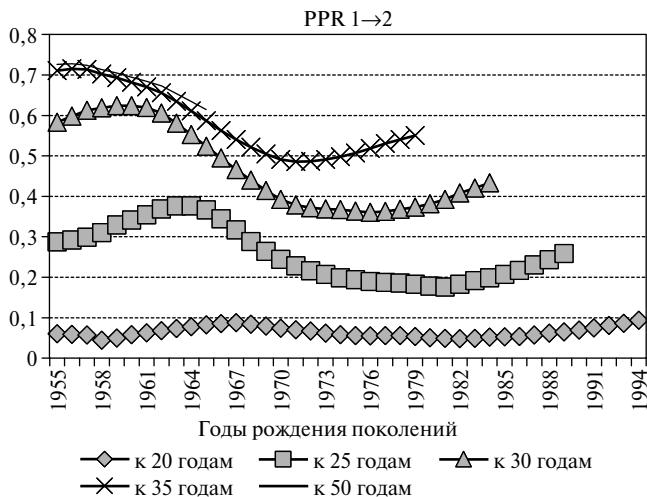
Рис. 4.7. Кумулятивные значения вероятности рождения первого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.), Россия, женские поколения 1955–1995 годов рождения

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

ятности рождения для первого ребенка. К примеру, поколение 1960 года рождения завершило свою репродуктивную биографию с вероятностью рождения первого ребенка, равной 0,95, что свидетельствует о 5%-м уровне окончательной бездетности (в расчет принимаются только живорождения и не учитывается смертность детей). Для женщин 1970 года рождения, перешагнувших 40-летний возрастной рубеж, ожидаемая величина составляет 0,92 (8% остаются окончательно бездетными). Полученные нами оценки накопленных вероятностей первого рождения к 35-летнему возрасту (самое молодое поколение, достигшее этого возрастного рубежа, — женщины 1979 года рождения) позволяют утверждать, что в России сохраняется тренд увеличения доли ни разу не рожавших женщин. Значения данного показателя для 35-летних женщин слабо отличаются в меньшую сторону от значений для 50-летних, что дает основания для прогноза доли окончательной бездетности для женщин, родившихся в конце 1970-х гг., на уровне 12–13%. За период, равный репродуктивной деятельности 19 однолетних поколений, распространенность бездетности в России увеличилась в 2,5 раза.

Демографическая политика после 2007 г. положительно сказалась на вероятности вторых и третьих рождений (рис. 4.8, 4.9). Интересно, что политика, изначально задуманная как политика «второго ребенка», принесла сопоставимый или даже более весомый результат в отношении вероятности рождения третьих детей. Имеются даже некоторые признаки роста вероятности рождения четвертых и последующих детей в раннем возрасте (рис. 4.10).

К 30 годам среди тех, кто родил к этому возрасту первого ребенка, второго ребенка родили 43% представительниц когорты 1984 года рождения (самой молодой когорты, достигнувшей данного возраста). По сравнению с минимальным значением, продемонстрированным когортой 1976 года рождения (36%), прирост составил 7 п.п. К 35 годам этот показатель составил 55% у самой молодой когорты, достигшей этого возраста (когорта 1979 года рождения), против исторического минимума в 49% (когорта 1971 года рождения), т.е. прирост составил 6 п.п. Вероятность рождения третьего ребенка к возрасту 30 лет для самой молодой когорты находится на уровне 18%, что на 3 п.п выше исторического для России минимума. К 35 годам для самых молодых поколений вероятность третьего рождения находится на уровне 24%, что озна-

Рис. 4.8.

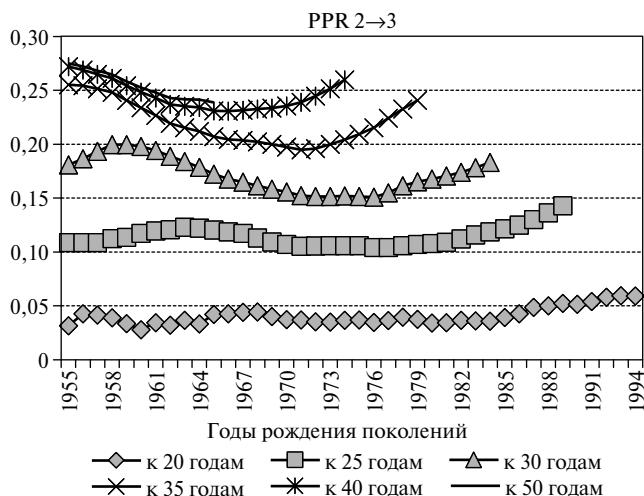
Кумулятивные значения вероятности рождения второго ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.),
Россия, женские поколения 1955–1995 годов рождения

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

Част прирост на 5 п.п. по сравнению с минимальными значениями. Последние оценки для вероятности третьих рождений свидетельствуют о близком их приближении к максимальным значениям, достигнутым представителями поколений 1950-х годов рождения, репродуктивная активность которых пришла также на период активизации демографической политики в 1980-х гг. В то же время вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е гг. поколениями 1950–1960-х годов рождения.

Затруднительно объяснить существенный рост вероятности третьих рождений только лишь усилением материальных стимулов, на которые усиленно обращает внимание российская официальная пропаганда. Этот феномен заслуживает более пристального внимания исследователей. Как уже указывалось ранее⁴, возможности

⁴ Население России 2012. С. 146–188.

Рис. 4.9.

Кумулятивные значения вероятности рождения третьего ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.),
Россия, женские поколения 1955–1995 годов рождения

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

объяснения выходят за рамки собственно демографического анализа и, видимо, связаны с социально-экономической, региональной и этнической неоднородностью российского общества. Не исключено также, что миграционная привлекательность России усиливает социокультурную неоднородность ее населения, в том числе и в отношении реализуемых репродуктивных стратегий. В то же время нельзя не обратить внимание, что складывающаяся ситуация с повторными рожданиями во многом напоминает ситуацию, которую пережила Россия в 1980-х гг., когда вслед за принятием новых мер семейной политики также последовало ускоренное формирование семей за счет вторых и третьих рождений, которое, однако, не привело к значимому увеличению итоговой рождаемости поколений. Станем ли мы свидетелями повторения опыта 1980-х гг. или нас ожидает иная, более обнадеживающая ситуация, покажет будущее.

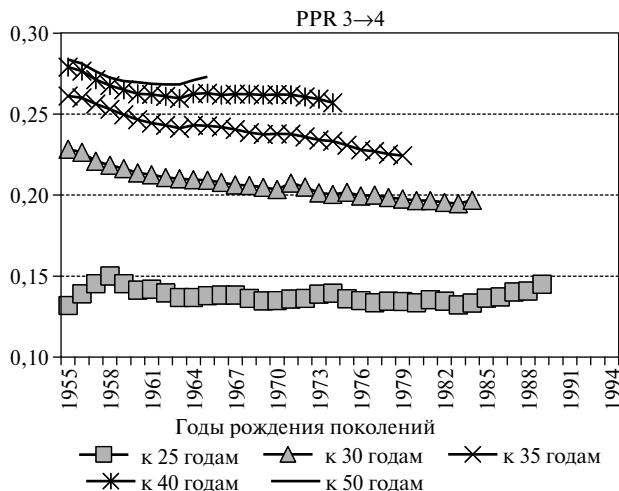

Рис. 4.10.

Кумулятивные значения вероятности рождения четвертого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2014 г.),
Россия, женские поколения 1955–1990 годов рождения

Источник: Расчеты С. Захарова на основе международной базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и неопубликованных данных Росстата.

Представления об итоговой величине рождаемости для реальных поколений, еще не вышедших из прокреативного возраста и соответственно еще не завершивших формирование семей, можно получить, если «достроить» фактически рожденные к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения некоторым образом полученными для них ожидаемыми числами «еще пока не рожденных детей». На международном уровне принят подход, при котором производится суммирование фактически рожденного к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения женщин и гипотетического числа детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали в год наблюдения женщины, достигшие этих возрастов. При таком подходе для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости полностью базируется на «ожидаемой» компоненте и численно совпадает с обыч-

ным КСР для условных поколений, т.е. это совершенно условная величина. Чем старше поколение, тем вклад «ожидающей» компоненты сильнее уменьшается, и в оценке итоговой величины рождаемости все более значимую роль играет уже реализованная, фактическая рождаемость.

Если производить регулярные оценки, учитывающие меняющиеся год от года возрастные коэффициенты рождаемости, то можно получить динамическую картину последовательных изменений в оценках и «фактической», и «ожидающей» компонент итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а следовательно, и их суммарное значение. В последние десятилетия в развитых странах и России происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, ожидаемые оценки итоговой рождаемости будут пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт с растущим вкладом поздней рождаемости.

Посмотрим, какие можно было бы сделать оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений, опираясь на ретроспективные данные, ограниченные 1999 г. (год исторически минимальной величины коэффициента суммарной рождаемости), и сравним их с оценками, полученными для тех же поколений на основе последних имеющихся данных за 2014 г. (табл. 4.7). Кроме того, чтобы оценить особо значимый вклад роста рождаемости после 2006 г. (т.е. после того, как были введены в действие новые меры демографической политики), в таблице воспроизведены оценки ожидаемой итоговой рождаемости, выполненные ранее с опорой на данные за 2006 г.

Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт второй половины 1950-х годов рождения (1,88 ребенка на одну женщины) не менялась — эти поколения уже в первой половине 2000-х гг. были близки к завершению репродуктивной карьеры, а в 2010 г. из нее уже вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х гг., изменились по сравнению с оценкой 1999 г. в сторону увеличения едва заметно — 1,76 против 1,75, а изменения, произошедшие после 2006 г., выходят за пределы принятой нами значимости индикатора (два знака после запятой). Рост рождаемости, отмеченный в последнее десятилетие, не прошел

Таблица 4.7.

Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины
1955–1989 годов рождения

Годы рожде- ния женщин	Итоговое число рождений		Оценка на основе данных 2014 г.			Разница между оценками	
	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2006 г.	Фактически рождено к 2014 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	1999 и 2014 гг.	2006 и 2014 гг.
1955–1959	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00	0,00
1960–1964	1,75	1,76	1,76	0,00	1,76	0,01	0,00
1965–1969	1,58	1,63	1,64	0,00	1,64	0,06	0,01
1970–1974	1,40	1,52	1,58	0,01	1,59	0,19	0,07
1975–1979	1,23	1,43	1,52	0,12	1,64	0,42	0,20
1980–1984	1,16	1,33	1,31	0,41	1,72	0,56	0,39
1985–1989	—	—	0,86	0,89	1,75	—	—

Источник: Расчеты С. Захарова, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979–2014 гг.

бесследно для поколений женщин, рожденных во второй половине 1960-х гг.: их итоговая рождаемость перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,64 против 1,58 в 1999 г.). Правда, прирост рождений в 2007–2014 гг. для них едва значим — 0,01 в расчете на одну женщину.

Более значимо изменились ожидаемые показатели рождаемости для когорт, родившихся в 1970-х гг.: по сравнению с оценками, исходившими из фактической накопленной и ожидаемой рождаемости к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,2–0,4 ребенка в расчете на одну женщину. За один только 2007 г. эти поколения «добрали» к величине итоговой рождаемости 0,03–0,07 ребенка, а в сумме за 2007–2014 гг. — 0,1–0,2. Легко подсчитать, что если тенденция к увеличению рождаемости в возрастах старше 30 лет сохранится, то поколения женщин, родившиеся в 1970-х гг., будут иметь в итоге в среднем 1,62 рождения. К сожалению, эти поколения уже не имеют шансов перешагнуть за указанный порог, поскольку их представительницы неумолимо приближаются к 40-летнему юбилею или уже его отпраздновали. Итоговая рождаемость поколений 1970-х годов рождения, без сомнений, будет ниже, чем у предшествующих поколений.

Поколения, родившиеся в 1980-х гг., возможно, завершат свою репродуктивную биографию с несколько большей рождаемостью, чем поколения 1970-х. С учетом наблюдаемых сегодня тенденций у них имеются шансы достигнуть в среднем 1,75 рождения на одну женщину. Если эта величина будет достигнута, это будет означать, что долговременное снижение итоговой рождаемости в России остановится и можно будет даже надеяться на ее рост. С такими характеристиками Россия будет не сильно отличаться от прогнозируемых в среднем для Европы показателей рождаемости для условных и реальных поколений.

Итак, при фиксированных возрастных коэффициентах рождаемости на уровне 2014 г. для поколений, достигших 25 лет и старше к 2015 г., перспектива, как минимум, стабилизации итоговой рождаемости реальных поколений в России на уровне 1,7 выглядит вполне обоснованной.

4.6. Воспроизводство поколений продолжает оставаться суженным, не обеспечивающим рост населения

При анализе рождаемости важное значение имеет оценка ее уровня с точки зрения того, насколько она обеспечивает замещение поколений, режим воспроизводства населения в целом. Последнее зависит не только от рождаемости, но и от смертности, поэтому необходим показатель, учитывающий оба эти процесса. В качестве такого интегрального показателя обычно используется нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства населения — число девочек, рожденных в среднем одной женщиной и доживающих до среднего возраста, в котором их родила мать. В этом показателе отражается не общий уровень смертности, а лишь смертность женщин в возрастах от рождения до окончания репродуктивного периода (в качестве верхней возрастной границы репродукции для женщин обычно принимают возраст 50 или 55 лет). В современных условиях ведущим фактором замещения поколений выступает рождаемость, поскольку смертность женщин в детских и молодых возрастах в России уже давно достаточно низка и ее дальнейшее снижение не способно существенным образом сказываться на интегральных показателях воспроизводства. Об этом и свидетельствуют данные табл. 4.8, где представлены основные компоненты расчета нетто-коэффициента воспроизводства населения в России.

Россия была одной из первых крупных стран, в которых после Второй мировой войны рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений (рис. 4.11). Это произошло в 1964 г., и тогда нетто-коэффициент воспроизводства ниже единицы наблюдался только в Венгрии, Латвии, Эстонии, Румынии и Японии. В 1968 г. нетто-коэффициент воспроизводства был ниже, чем в России, только в двух республиках СССР — Украине и Латвии, а также в Чехии.

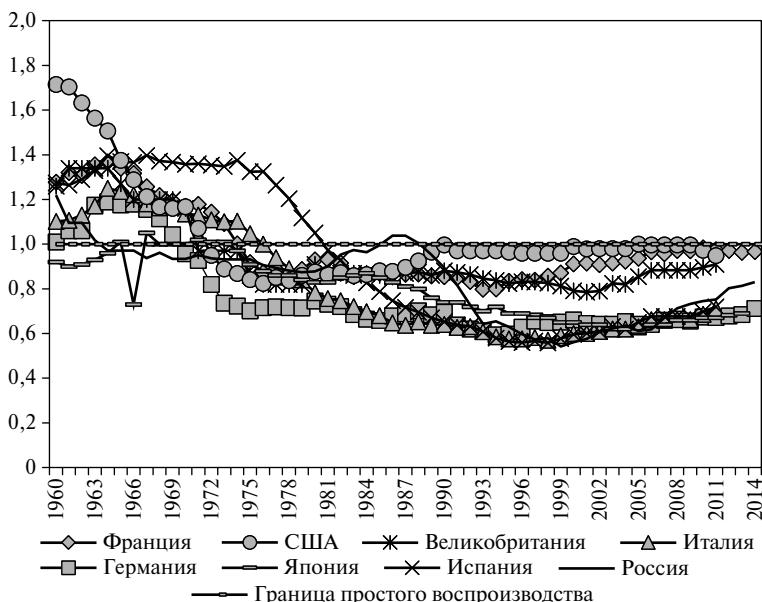
Однако вскоре положение изменилось. Процесс снижения рождаемости охватил все промышленно развитые страны, и в 1980-е гг. ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений.

Таблица 4.8. Компоненты нетто-коэффициента воспроизводства женского поколения, Россия, 2000–2014 гг.

Год	Среднее число детей на одну женщину	В том числе девочек (брутто-коэффициент воспроизводства)	Средний возраст матери, лет	Вероятность для девочки дожить до среднего возраста матери	Нетто-коэффициент воспроизведения	Истинный коэффициент естественного прироста населения, на 1000*
2000	1,19	0,58	25,8	0,97	0,56	-22,2
2001	1,22	0,59	25,9	0,97	0,58	-21,1
2002	1,29	0,62	26,1	0,97	0,61	-19,1
2003	1,32	0,64	26,3	0,97	0,62	-18,1
2004	1,34	0,65	26,4	0,97	0,63	-17,3
2005	1,29	0,63	26,5	0,97	0,61	-18,6
2006	1,30	0,63	26,6	0,97	0,62	-18,2
2007	1,42	0,69	27,0	0,98	0,67	-14,9
2008	1,50	0,73	27,2	0,98	0,71	-12,5
2009	1,54	0,75	27,4	0,98	0,73	-11,4
2010	1,57	0,76	27,7	0,98	0,74	-10,7
2011	1,58	0,77	27,7	0,98	0,75	-10,3
2012	1,69	0,82	27,9	0,98	0,80	-7,9
2013	1,71	0,83	28,0	0,98	0,81	-7,4
2014	1,75	0,85	28,1	0,98	0,83	-6,4

*Истинный (собственный) коэффициент естественного прироста рассчитан по формуле $r = \ln R_0/T$, где R_0 – нетто-коэффициент воспроизводства; T – длина поколения или среднее число лет в интервале между рождением условного поколения матери и их дочерей. Длина поколения обычно статистически оценивается как средний возраст матери при рождении девочки, дожившей до возраста своей матери. При текущих возрастных функциях рождаемости и смертности оценка величины длины поколения лишь незначительно отличается от среднего возраста матери при рождении ребенка без учета смертности, представленного в таблице. Так, в 2014 г. в России, по нашей оценке, длина поколения составила 28,09 года, а средний возраст матери без учета смертности – 28,12 года.

Источники: Опубликованные и неопубликованные данные Росстата, а также расчеты С. Захарова на основе общих таблиц рождаемости, построенных с учетом смертности для однополых возрастных групп женщин.

Рис. 4.11. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960–2014 гг.

В 2011–2014 гг. не было ни одной развитой страны, в которой значение этого показателя находилось бы на уровне простого воспроизводства населения. Максимально близко приближаются к границе простого воспроизводства Ирландия, Исландия, Новая Зеландия и Франция, имеющие нетто-коэффициент в пределах 0,95–0,99. В то же время во всех странах Южной, Восточной и Центральной Европы, в Восточной Азии режим воспроизводства далек от границы простого замещения поколений.

Наблюдаемая в 2014 гг. в России величина нетто-коэффициента воспроизводства 0,83 указывает на то, что с учетом смертности текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 83%. Поэтому если на протяжении двух–трех десятилетий текущие (т.е. наблюдаемые сегодня) режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то можно ожидать, что каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего материнского на 17%. В таком стабильном (т.е. име-

ющем неизменный режим воспроизведения) населении ежегодный коэффициент естественного прироста (так называемый истинный, или собственный, коэффициент естественного прироста, очищенный от влияния возрастной структуры) будет отрицательным на уровне 6,4 на 1000 населения, и численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться ежегодно на 0,64% (см. табл. 4.8).

В 2014 г. фактический коэффициент естественного прироста для всего населения России составил 0,2%, т.е. едва отличался от нуля в положительную сторону (в городской местности — 0,4; в сельской — 0,0 на 1000 населения). Причина расхождения между «истинным» и фактическим коэффициентами объясняется тем, что фактическая возрастная структура населения России сильно отличается от структуры модельного стабильного населения, соответствующего сегодняшним уровням рождаемости и смертности. Сегодня возрастной состав населения России благоприятствует тому, чтобы население не слишком быстро сокращалось. Но если наблюдаемый режим замещения поколений будет сохраняться продолжительное время, то фактический коэффициент естественного прироста станет приближаться к истинному, что будет означать усиливающуюся естественная убыль и городского, и, тем более, сельского населения. Существенное увеличение рождаемости условного поколения в 2007–2014 гг. и суммарно за весь период с 1999 г. — после достижения ее исторического минимума — не могло не сказаться в положительную сторону на интегральных показателях режима воспроизведения населения, которые тоже относятся к условному поколению. В то же время путь, который необходимо преодолеть России, чтобы выйти из зоны суженного режима демографического воспроизведения, еще долг.

Принципиальным образом улучшить ситуацию с воспроизведением населения может только повышение рождаемости у ныне живущих поколений и отчасти, как учит нас опыт зарубежных стран, иммиграция молодежи, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России. Впрочем, воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения в семьях мигрантов. Мигрируют в большинстве своем молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это,

в свою очередь, увеличивает число браков и рождений и соответственно тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту в развитых странах. В то же время возможность перехода к устойчивому отрицательному балансу рождений и смертей в подавляющем большинстве развитых стран следует рассматривать как весьма вероятную угрозу, о чем предупреждают величины нетто-коэффициента воспроизводства меньше единицы и соответственно истинного коэффициента естественного прироста ниже нуля, поддерживающиеся в них с середины 1970-х гг.

4.7. Рождаемость в странах ОЭСР и в России: сходства и различия

4.7.1. Классификация стран и регионов с низкой рождаемостью

Если рассматривать особенности в моделях низкой рождаемости по странам мира, то можно выделить следующие регионы с более или менее однородными характеристиками:

- англоязычные страны (кроме Канады);
- страны Северной Европы, преимущественно Скандинавские (исключая Великобританию, Ирландию и Прибалтику), а также Нидерланды;
- Францию и Бельгию;
- германоязычные страны — Германию (всю или только Западную), Австрию, Швейцарию;
- страны Южной Европы;
- страны бывшей Югославии;
- страны Центральной Европы (со странами Балтии или без, без Болгарии и Румынии);
- страны Восточной Европы — бывшие европейские республики СССР, Болгарию, Румынию, страны Балтии (или без них);
- Японию;
- ряд быстроразвивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур).

Внутри каждой из этих групп стран общий уровень рождаемости, ее возрастная концентрация (дисперсия возрастного распределения) и направленность изменений уровня и возрастного

профиля рождаемости схожи, а между группами наблюдаются существенные отличия в этих параметрах.

В табл. 4.9 представлены описательные характеристики моделей рождаемости в развитых странах из списка ОЭСР.

Таблица 4.9. Некоторые характеристики рождаемости в группах развитых стран — членов ОЭСР

Группа стран	Уровень рождаемости по величине КСР*	Возрастной профиль рождаемости	Концентрация рождаемости	Динамика уровня итоговой рождаемости реальных поколений
Англоязычные страны	Высокий (1,8–2,0)	Средний и моложе среднего	Низкая и средняя	Стабилен или растет
Северная Европа и Нидерланды	Высокий и средний (1,6–1,9)	Старее среднего	Высокая	Стабилен
Бельгия и Франция	Высокий (1,8; 2,0)	Средний	Высокая	Растет
Германоязычные страны	Низкий (1,4–1,5)	Средний и старый	Средняя	Стабилен
Южная Европа	Низкий и очень низкий (1,2–1,4)	Старый	Средняя и высокая	Стабилен или падает
Центральная Европа и страны Балтии	Средний и низкий (1,3–1,6)	Моложе среднего и молодой	Средняя	Стабилен или падает
Япония	Низкий (1,4)	Старый	Высокая	Растет
Южная Корея	Очень низкий (1,2)	Старый	Очень высокая	Падает или стабилизируется на низком уровне

* В скобках указано значение коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений в соответствии с самыми последними имеющимися данными.

Указанная классификация не включает Россию и другие страны Восточной Европы. По уровню рождаемости в 2014 г. Россия превосходит средний по ОЭСР уровень. Это касается как общего коэффициента рождаемости (OKP), вычисляемого на 1000 человек всего населения, так и более точного индикатора — коэффициента суммарной рождаемости (КСР).

По величине OKP в 2014 г. Россия уступала всем развивающимся странам — членам ОЭСР (Мексике, Турции, Израилю и Чили), но при этом превосходила все развитые страны — участницы этой организации, за исключением Ирландии и Исландии, и лишь незначительно — Австралию и Новую Зеландию. Однако, как уже говорилось в предыдущем разделе, возрастная и брачная структура населения России пока еще более благоприятна для рождения детей, чем в большинстве развитых стран, входящих в ОЭСР, и, таким образом, общий коэффициент рождаемости не дает должного представления об уровне рождаемости в России в сравнении с этими государствами.

По величине КСР, являющегося более корректной характеристикой ее уровня, Россия в 2014 г. уступала всем развивающимся странам ОЭСР (четыре государства), всем англоязычным странам, кроме Канады (еще пять стран), а также Франции, Исландии, Швеции, Норвегии и находилась чуть выше середины списка, разделяя 14- и 15-е места с Бельгией.

Если бы Россия входила в ОЭСР, то она, несомненно, занимала бы лидирующую позицию по росту рождаемости за последние годы. КСР в России с 1999 по 2015 г. вырос более чем на 53%. По этому показателю к России приближается только Латвия (почти 50%), лишь отдаленно — Белоруссия, Украина (не входящие, как и Россия, в ОЭСР) и Болгария (где рост с минимальных величин составил около 40%), а также Чехия и Литва. Столь сильный рост в России главным образом был обеспечен эффектом низкой базы, так как к концу 1990-х гг. уровень рождаемости в России был одним из самых низких в ОЭСР (КСР ниже российского в 1999 г. наблюдался только на Украине и в Чехии). Во многом этот рост в России и странах Восточной Европы является компенсаторным по своей сути, восстанавливающим после глубокого провала прежний уровень на основе другой, более поздней возрастной модели деторождения.

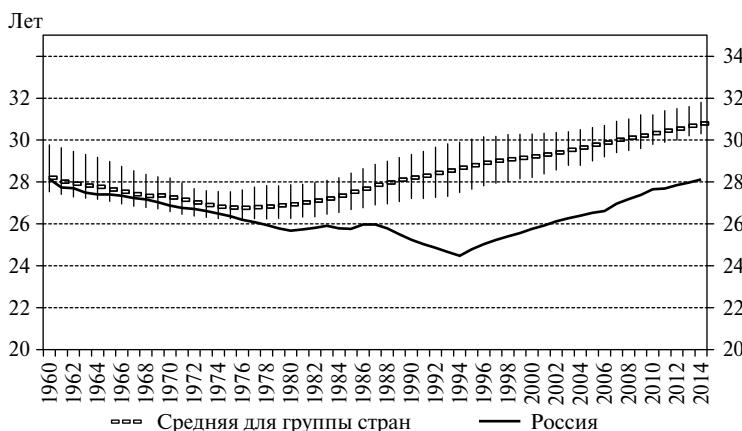
4.7.2. Различия в возрастных профилях рождаемости в странах ОЭСР

Во всех развитых странах — членах ОЭСР уже не первое десятилетие идет процесс постарения рождаемости, начавшийся с англоязычных стран и стран Северной Европы еще в конце 1960-х гг. и постепенно охвативший все другие развитые и быстро развивающиеся страны. По мнению ряда исследователей, это служит главным признаком второго демографического перехода в рождаемости⁵. Из всех развитых стран — членов этой организации самую «старую» рождаемость имеют Ирландия, Италия, Испания, Швейцария и Южная Корея. В этих странах средний возраст материнства приблизился или превысил отметку 32 года.

Последними на путь постарения рождаемости вступили страны Восточной Европы, а среди них позже всего процесс начался в славянских республиках бывшего СССР (в середине 1990-х гг.). Восточноевропейские страны до сих пор выделяются своим более молодым профилем рождаемости на фоне других стран ОЭСР (если, правда, не считать некоторые развивающиеся страны, также входящие в ОЭСР). Причем если страны бывшего социалистического лагеря, находящиеся в Центральной Европе (особенно Чехия и Словения), демонстрируют очень быстрое постарение материнства и таким образом быстро приближаются к модели рождаемости, более характерной для Западной Европы, то группа стран Восточной Европы, куда входят Россия, Украина, Белоруссия, Болгария, Румыния и Молдавия, характеризуется более медленным протеканием этого процесса, и в итоге разница в среднем возрасте материнства между ними и странами Запада не уменьшается (рис. 4.12). Так, в ряде восточноевропейских стран средний возраст деторождения пока не достиг 28 лет. Напомним, что в России средний возраст материнства превысил 28 лет лишь в 2014 г.

Еще одно отличие данной группы стран, в которую входит Россия, от большинства других государств континентальной Европы заключается в том, что рождаемость в молодых возрастах (до 25

⁵ Lesthaeghe R. The second demographic transition: A concise overview of its development // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). 2014. December 23. Vol. 111. No. 5. P. 18112–18115. URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1420441111.

Рис. 4.12.

Средний возраст материнства в России и странах Западной Европы (размах вариации и средняя арифметическая невзвешенная для группы стран), 1960–2014 гг.

Примечание. К странам Западной Европы отнесены Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария.

Источник: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>), ИДМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

или 30 лет), и без того одна из самых высоких среди развитых стран, не уменьшается. Одновременно с этим рождаемость в возрастах старше 30 лет в этих странах увеличивается, в итоге кривая возрастной функции распределения интенсивности деторождения имеет все менее выраженный «пик» (статистическую моду). Другими словами, экспесс распределения возрастной кривой рождаемости снижается. Чем дальше на восток Европы, тем более затяжным является этот процесс, и Россия выступает самым ярким примером продолжающегося «расползания» моды деторождения по различным возрастам. Если сравнивать с развитыми странами ОЭСР, то возрастной профиль рождаемости в России (и даже уровень) становится все больше похожим на Великобританию и США.

Если проанализировать развитые страны — участницы ОЭСР по соответствию уровня суммарной рождаемости и величине экспесса распределения ее возрастной функции (характеризующему степень концентрации рождаемости), то можно отметить следующее:

- далеко не во всех случаях более высокой рождаемости сопутствует менее выраженная мода («плосковершинность») ее возрастного профиля — во франкоязычных и Скандинавских странах при довольно выраженной моде наблюдается относительно высокий уровень рождаемости;
- в англоязычных странах уровень рождаемости относительно высок, а ее распределение по возрастам «размазано»;
- в Южной Корее и на Тайване очень низкой рождаемости соответствует довольно выраженная мода возрастного распределения;
- страны Южной и Центральной Европы имеют весьма низкую рождаемость и умеренно выраженную моду ее распределения по возрасту.

Заметим, что в прошлом все развитые страны имели хотя и неодинаковую, но более выраженную, чем теперь, моду на возраст леторождения. В последние полвека высокий эксцесс возрастного профиля рождаемости сглаживался, однако исторические особенности у многих стран сохраняются. Так, группа стран бывшего социалистического блока до падения «железного занавеса» имела очень высокую концентрацию рождаемости в молодых возрастах, которая в 1990-х гг. быстро снижалась. Однако если, к примеру, Чехия быстро приближается по этим характеристикам к германоязычным странам (продолжающееся снижение рождаемости у молодых женщин сопровождается ее ростом в старших возрастах), то Россия, пройдя обвал рождаемости в 1990-х гг., двигается скорее в сторону США и Англии: общий уровень рождаемости растет при уменьшении эксцесса возрастного распределения (в молодых возрастах снижение рождаемости застопорилось, в старших имеется ее быстрый рост, выравнивающий распределение).

Итак, совокупность стран ОЭСР по характеристикам модели рождаемости крайне неоднородна: в то время как в некоторых странах второй демографический переход начался еще в конце 1960-х гг., в ряде развивающихся стран для всего населения еще не завершился первый демографический переход (Мексика, Турция, Израиль).

Как будет показано далее, Россия имеет различное положение среди развитых стран — членов ОЭСР по разным характеристикам рождаемости. Уровень рождаемости в России, еще недавно

бывший одним из самых низких в мире, сегодня занимает серединное положение среди стран ОЭСР, но тенденция к его росту, по крайней мере в краткосрочной перспективе, проявляется наиболее отчетливо на фоне других стран. По среднему возрасту материнства, в том числе возрасту женщин при рождении первенца, она находится в числе стран с молодой рождаемостью, что роднит ее с другими странами в Восточной Европе. Одновременно профиль возрастного распределения интенсивности деторождения в России имеет весьма низкий и снижающийся экспесс распределения, приближая нашу страну по этому признаку к ангlosаксонским странам. Российское распределение женщин по числу рожденных детей имеет выраженную специфику, что сближает Россию одновременно и с такими разными странами, как восточноевропейские, германоязычные и быстроразвивающиеся страны Азии. Наконец, изменения в уровне внебрачной рождаемости в России выглядят достаточно уникально на фоне стран ОЭСР.

4.7.3. Особенности динамики рождаемости реальных поколений в России и странах ОЭСР в последние годы

Если перейти к анализу рождаемости реальных поколений, то Россия опустится еще ниже в ранжировании стран ОЭСР по уровню рождаемости и займет место чуть ниже середины, правда, с перспективой повышения ее до уровня выше среднего. Текущий уровень когортной рождаемости в России на уровне 1,6–1,7 в расчете на одну женщину выше, чем во всех странах Центральной и Восточной Европы — членах ОЭСР, за исключением Эстонии. Примечательным является тот факт, что показатель итоговой рождаемости реальных поколений в России показывает признаки перелома тенденции — снижение сменяется некоторым увеличением. Однако Россия далеко не одинока в такой ситуации.

Показатель итоговой рождаемости реальных поколений в России свидетельствует о том, что вопреки распространенным представлениям рождаемость у поколений, родившихся между концом 1950-х и началом 1970-х гг., в том числе и тех, чей период наибольшей прокреативной активности пришелся на считающиеся успешными 1980-е гг., снижалась. Повышаться же она стала у по-

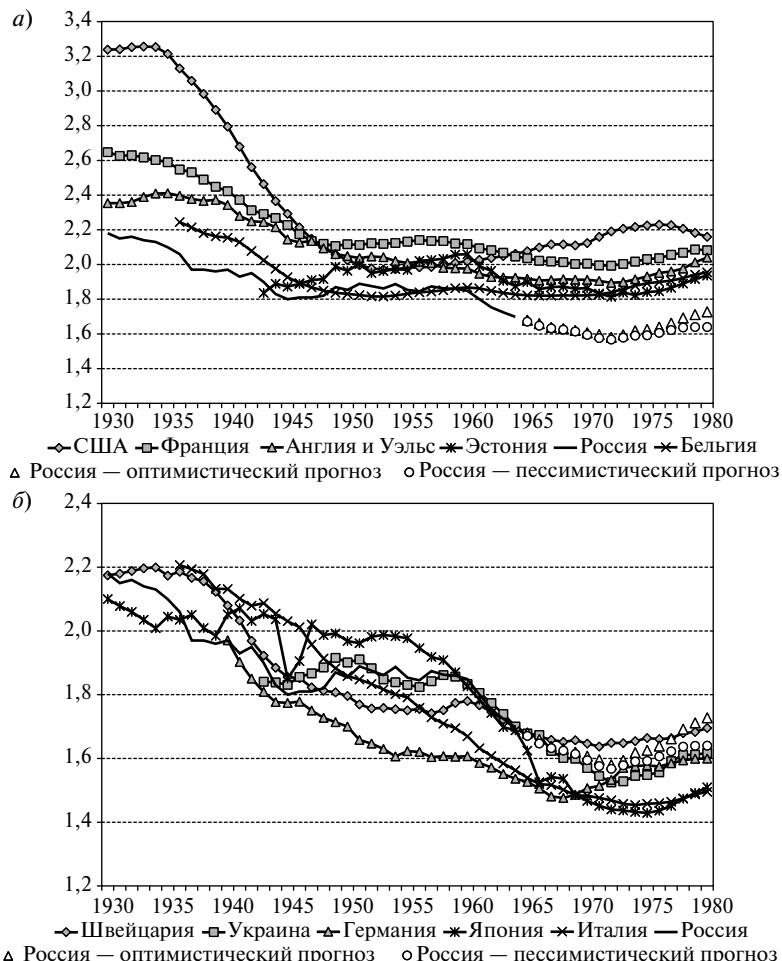
колений, родившихся после 1972 г., которые достигали возраста материнства в начале 1990-х гг., и этот рост продолжается до сих пор. Подобную тенденцию для этих же поколений можно наблюдать и в некоторых других странах как с более высокой (США, Франция, Англия, Бельгия, Эстония), так и с более низкой (Швейцария, Германия, Италия, Украина, Япония), чем в России, итоговой рождаемостью (рис. 4.13). Продолжающееся падение показателя характерно для Южной Кореи, Португалии, Венгрии и Польши.

4.7.4. Различия стран ОЭСР в рождаемости по очередности рождения

Исторически уровень бездетности в западной половине Европы был выше, чем на Востоке. Так называемая «линия Хаджнала», соединяющая Санкт-Петербург и Триест, отделяет католическую и протестантскую часть Европы от православной⁶. Народам, проживающим к северу и западу от этой воображаемой линии, еще на рубеже XIX и XX вв. были присущи более позднее вступление в брак, более высокая доля никогда не состоявших в браке и соответственно относительно высокая доля окончательной бездетности. Феномен «западноевропейской брачности», существовавший столетия в западных странах, имел наиболее экстремальное проявление в островной Ирландии. В заморских англоязычных странах характеристики брачности и рождаемости напоминали западноевропейские. Даже в США, где были распространены ранние браки и относительно низкий возраст рождения первенца, уровень бездетности был высок и приближался к показателям Западной Европы с ее более поздним и не всеобщим браком. В XX в., особенно в 1950–1960-х гг., этот тип брачности отступил под написком бэбибума, охватившего исключительно страны Запада, и уровень бездетности временно снизился.

Начало второго демографического перехода в начале 1970-х гг. ознаменовалось повсеместным повышением уровня бездетности. Сегодня ожидаемый уровень окончательной бездетности достиг в Англии и США почти 20%, а в Западной Германии, Японии, Южной Корее превысил этот уровень. Большинство западноевропей-

⁶ Хаджнال Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М.: Статистика, 1979.

Рис. 4.13. Итоговый уровень рождаемости женских когорт 1930–1980 годов рождения в России и некоторых развитых странах с относительно высокой (а) и относительно низкой (б) рождаемостью, а также его прогноз на ближайшие годы

Источники: Международные базы данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), ИДЭМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>), а также расчеты авторов.

ских стран характеризуется показателями бездетности на уровне 15–20%.

Россия, большая часть Белоруссии и Украины, Молдавия, Болгария и большая часть Румынии находятся к востоку от «линии Хаджнала». Соответственно в странах Восточной Европы вплоть до 1990-х гг. сохранялись норма всеобщего и раннего замужества, относительно раннее рождение первенца. Несмотря на то что во всех постсоциалистических странах уровень бездетности растет, происходит это с разной скоростью. Так, Чехия и Польша приближаются по этому показателю к уровням, больше характерным для Западной Европы, в то время как в России, по прогнозам, уровень бездетности для когорт 1980-х годов рождения не превысит 13–15%, т.е. будет ниже средней для развитых стран.

Ситуация с рождением вторых и последующих детей в развитых странах – участницах ОЭСР также разнообразна. Так, в англоязычных странах, особенно в США, а также в Скандинавии и во Франции, несмотря на относительно высокий уровень бездетности, велика доля вторых и последующих детей, а рождение только одного ребенка нехарактерно. США особенно выделяются уровнем рождаемости третьих, четвертых и последующих детей. Причина этого не только в более высоком уровне рождаемости детей высоких порядков рождения у черных и испаноязычных жителей США, но и, как отмечает ряд исследователей, в более высокой религиозности всего населения в целом, в том числе белого европейского происхождения, а также, возможно, в более низком образовательном уровне значительной части населения. Такую модель рождаемости, отличающуюся более высокой по сравнению с другими развитыми странами долей третьих и последующих детей при пониженной доли первенцев, можно было бы назвать «открытой двухдетной идеальной моделью». В этих странах уровень рождаемости выше среднего для развитых стран.

В противоположность этому в большинстве бывших социалистических стран ОЭСР доля вторых и особенно третьих и последующих детей намного ниже. В странах Южной Европы, Восточной Азии и германоязычных странах – участницах ОЭСР пропорция третьих и следующих рождений также низка. Такую модель можно назвать «закрытой двухдетной моделью».

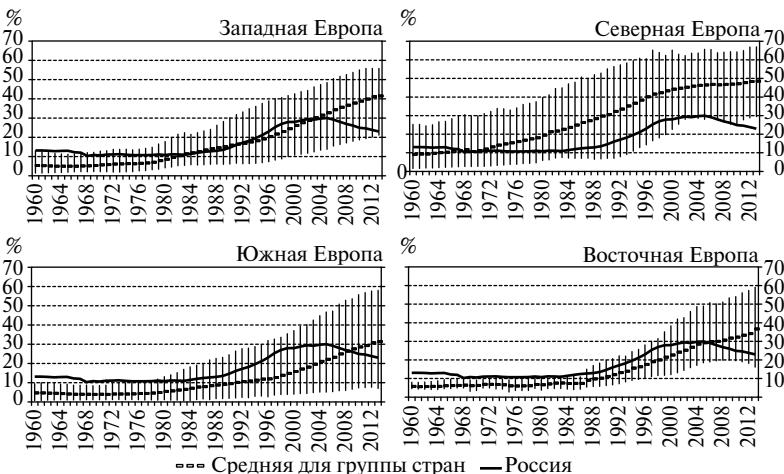
Для России в период с конца 1970-х гг. (а для ее городского населения уже с 1960-х гг.) и вплоть до 2007 г. была характерна, пользуясь выше используемыми терминами, скорее «закрытая полуторадетная» модель, так как средняя очередность рождения (СОР) была одной из самых низких в мире, а с начала 1990-х и вплоть до 2007 г. — самой низкой в мире из всех стран, разрабатывающих статистику по очередности рождения. Всеобщее и раннее рождение первого ребенка сопровождалось тем, что второй появлялся на свет у рекордно малой доли женщин. Ситуация стала меняться в 2007 г. и к настоящему времени изменилась очень существенно. Так, рождаемость третьих детей почти утроилась, а СОР в России выросла с 1,65 до 1,79 в 2014 г. (для сравнения: в США этот показатель составляет 2,12; в Германии и Японии — 1,7–1,75).

Интересно, что различия между странами по доле появляющихся на свет детей различной очередности весьма устойчивы как во времени, так и в пространстве. Показатель СОР колеблется крайне незначительно, и указанный выше рост СОР в России — беспрецедентное явление среди развитых стран со времен бэбибума.

4.7.5. Внебрачная рождаемость: необычная траектория России на фоне стран ОЭСР

Российские особенности тенденций брачности и эволюции брачной структуры находят свое отражение в динамике внебрачной рождаемости. Если обратиться к наиболее простому статистическому показателю, имеющемуся в наличии по всем странам ОЭСР, — доле рождений у матери, не состоящей в зарегистрированном браке, в общем числе рождений — и сравнить траекторию поведения этого показателя в России с обобщенными траекториями для европейских и неевропейских стран, то мы легко обнаружим существенное отличие российской динамики в послевоенные годы и в особенности в последние 10 лет (рис. 4.14, 4.15).

В первые послевоенные десятилетия до начала 1970-х гг. советская Россия отличалась очень высокой по тогдашним меркам внебрачной рождаемостью (более 10% от общего числа рождений). По этому показателю ей были близки только некоторые страны Северной Европы (см. рис. 4.14). С одной стороны, это было связано с последствиями войны, вызвавшей сильные нарушения в до-

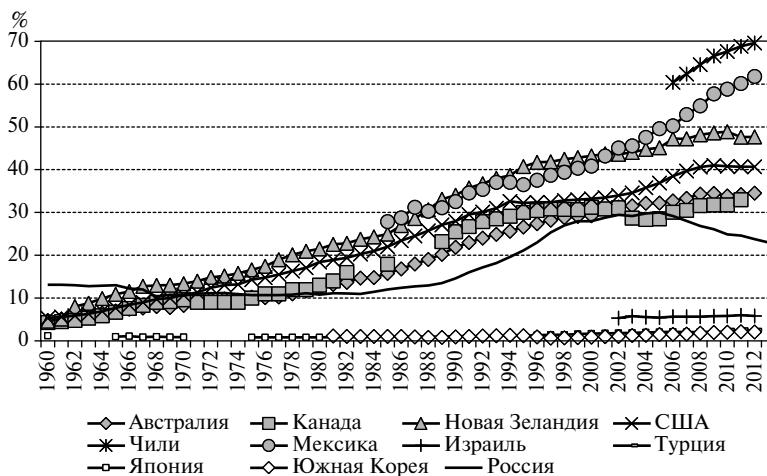
Рис. 4.14. Доля внебрачных рождений в России и странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран), 1960–2013 гг.

Примечание. Состав стран по группам см. примечание к рис. 3.5.

Источник: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), ИДМ НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

военных брачно-семейных связях и брачного рынка в целом, в результате чего принцип моногамии не соблюдался в полной мере. С другой стороны, вплоть до середины 1960-х гг. в СССР действовало весьма жесткое брачно-семейное законодательство, сильно ограничивавшее разводы и соответственно снижавшее шансы на официальную регистрацию повторного брака, что также во многих случаях не позволяло новорожденному ребенку быть брачным в повторных союзах.

Нормализация брачного рынка и принятие в РСФСР более либерального Семейного кодекса во второй половине 1960-х гг. способствовали снижению доли внебрачных рождений, продолжавшемуся до начала 1980-х гг. Напротив, в развитых странах Западной и Северной Европы, а также в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии уже в начале 1970-х гг. начинает формироваться устойчивая тенденция увеличения доли внебрачных рождений (см. рис. 4.14, 4.15). Как уже говорилось выше, это было

Рис. 4.15. Доля внебрачных рождений в России и неевропейских странах ОЭСР, 1960–2013 гг.

Источник: Базы данных OECD.stat (<http://stats.oecd.org/>), ИДЕН НИУ ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>).

связано с повышением возраста вступления в брак, распространением практики добрачных сожительств, которые все более активно теснили брак как единственную форму супружества. В 1980-х гг., когда в России обозначается восходящая динамика внебрачной рождаемости, большинство развитых европейских и англосаксонских неевропейских стран уже имели более высокие показатели, чем у России. Отставали только страны Южной и Восточной Европы, а также азиатские — Япония, Южная Корея, Израиль и Турция.

С начала 1990-х гг. в России наступает 15-летний период ускоренного, догоняющего роста доли внебрачных рождений, легко ассоциирующийся с распространением практики откладывания брака и добрачных сожительств. Именно в этот период, продолжавшийся до середины 2000-х гг., развитие ситуации в России проходило вполне по сценарию большинства развитых стран.

Перелом обозначился во второй половине 2000-х гг., когда Россия стала демонстрировать нехарактерную для современных обществ отрицательную динамику доли внебрачных рождений. Причина видится не столько в снижении интенсивности внебрач-

ных рождений, сколько в повышении брачной рождаемости, которое, видимо, простилировали новые меры демографической политики, принятые в 2006 г. Относительное повышение брачного компонента привело к снижению относительного вклада внебрачного. Как уже было сказано, в России по сравнению с другими развитыми странами весьма благоприятная брачная структура — большинство российских женщин репродуктивного возраста состоит в зарегистрированном браке, что, видимо, и позволяет им оперативнее менять семейные планы и в более полной мере пользоваться государственными мерами, направленными на поощрение рождаемости.

4.8. Благоприятные тенденции в сфере внутрисемейного контроля рождаемости продолжаются, но по уровню абортов Россия по-прежнему опережает большинство стран ОЭСР

Подавляющее большинство россиян полностью контролируют рождаемость на семейном уровне. Семьи планируют число детей и время их рождения. Большинство пар хотят иметь двоих детей, а это значит, что на протяжении многих лет жизни женщине приходится уклоняться от нежелательной беременности. Для регулирования рождаемости пары используют либо методы контрацепции, позволяющие предотвратить беременность, либо аборт, т.е. прерывание наступившей беременности. Эффективным контролем рождаемости можно назвать в том случае, когда основную роль во внутрисемейном контроле рождаемости играют методы предотвращения беременности, а не ее прерывание, и число беременностей у женщины приблизительно равно числу здоровых и желанных детей.

В течение десятилетий большую роль во внутрисемейном регулировании рождаемости в России играл искусственный аборт. Россия была первой в мире страной, легализовавшей искусственный аборт по желанию женщины. Не имея альтернативы в виде надежной контрацепции, семьи были вынуждены прибегать к прерыванию беременности. За постсоветские годы ситуация суще-

ственно изменилась. Несмотря на то что российское законодательство, регламентирующее искусственное прерывание беременности, остается одним из самых либеральных в мире, России удалось значительно продвинуться по пути перехода к современному и эффективному типу контроля рождаемости.

Согласно ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (от 21.11.2011 № 323-ФЗ) каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве, в том числе право на искусственное прерывание беременности по своему желанию при сроке беременности до 12 недель. Женщина также имеет право на прерывание беременности по социальным показаниям при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний — независимо от срока беременности. Медицинская помощь при производстве абортов должна предоставляться в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования, т.е. бесплатно.

Аналогичное российскому право на прерывание беременности по желанию гарантировано женщине только в $\frac{1}{3}$ стран мира (в 58 из 196 стран)⁷. В эту группу входит большинство развитых стран, а также Китай, поэтому доля проживающего в этих странах населения приближается к 60%. В остальных странах искусственный аборт доступен только при наличии определенных оснований. Несколько стран, среди которых Чили, Доминиканская Республика, Сальвадор, Ватикан, Мальта, Никарагуа, не допускают искусственного прерывания беременности ни при каких обстоятельствах.

Среди стран — членов ОЭСР большинство имеют, как и Российская Федерация, либеральное законодательство: 23 из 34 стран разрешают аборт по желанию женщины. Еще 5 стран — Великобритания, Исландия, Люксембург, Финляндия и Япония — предоставляют право на прерывание беременности по социально-экономическим причинам, которые трактуются достаточно широко. Четыре страны — Израиль, Южная Корея, Новая Зеландия и Польша — законодательно разрешают аборт только при определенных условиях, например при аномалиях развития плода, если беременн-

⁷ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2014). Abortion Policies and Reproductive Health around the World (United Nations publication, Sales No. E.14.XIII.11).

ность наступила в результате изнасилования или инцеста или если есть медицинские показания для прерывания беременности. В Израиле, хотя закон и налагает значительные ограничения, прерывание беременности является вполне доступной услугой, женщине следует получить разрешение специальной комиссии⁸. А в Польше легальный аборт, действительно, почти недоступен. Даже если жительница Польши имеет законное основание для прерывания беременности, реализовать свое право ей непросто, врачи часто отказываются делать аборт, ссылаясь на идеологические мотивы⁹. Польские женщины вынуждены обращаться к нелегальным услугам в частные клиники или ехать в другую страну¹⁰. Ирландия — одна из немногих стран Европы, где искусственный аборт допускается законом только в одном случае: когда беременность представляет угрозу жизни женщины. Но и в тех редких случаях, когда у женщины есть легальные основания для абORTA, прерывание беременности почти никогда не проводится¹¹.

Общей мировой тенденцией последних десятилетий является либерализация законодательства в отношении искусственного прерывания беременности. Таких стран, как Ирландия, среди развитых стран единицы. В России, напротив, наблюдается тенденция наступления на репродуктивные права — за последние 10 лет был принят ряд законодательных актов, ограничивающих доступность абORTA. В России, в частности, сокращены перечни медицинских и социальных показаний для абORTA, введены «неделя тишины» (период ожидания между обращением женщины в клинику и самой процедурой) и обязательное ультразвуковое исследование женщины, пришедшей на аборт, запрещена реклама абORTов. В Государственной Думе РФ рассматривается инициатива исключить абORTы из программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, кроме абORTов по медицинским показаниям, т.е. кроме тех случаев, когда беременность угрожает

⁸ Steinfeld R. Wars of the wombs: Struggles over abortion policies in Israel // Israel Studies. 2005. Vol. 20 No. 2. Summer. P. 1–26.

⁹ См., например: Сакевич В.И. Помог ли Польше запрет абORTа? URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/reprod01.php>.

¹⁰ Abortion legislation in Europe. IPPF European Network, Rue Royale 146 1000 Brussels Belgium, May 2012. URL: www.ippfen.org.

¹¹ См., например: Сакевич В.И. Ирландия — остров запрещенного абORTа. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0413/reprod02.php>.

жизни и здоровью женщины. Предложения исключить аборты из программы госгарантий уже не раз отклонялись Государственной Думой, но это не останавливает противников репродуктивного выбора. Тем более что рекомендация исключить финансирование абортов из системы ОМС исходит от Патриарха Московского и Всех Руси¹².

Известно, что законодательство в отношении аборта мало влияет на его распространенность, но в значительной степени определяет степень безопасности процедуры прерывания беременности¹³, и если Россия пойдет по пути законодательных запретов, последствия могут быть неблагоприятными с точки зрения здоровья женщин. Легальный статус аборта также влияет на наличие и качество статистики абортов. Для стран, где аборт запрещен, существуют только косвенные оценки его распространенности. В России за государственную статистику абортов отвечает Росстат, который дополняет статистику прерванных беременностей, учтенными Министерством здравоохранения РФ (Минздрав), данными из медицинских учреждений других министерств, а также из негосударственных организаций, имеющих лицензию на производство аборта. По нашему мнению, полноту учета прерванных беременностей в России можно считать удовлетворительной¹⁴.

В 2014 г. Росстат зарегистрировал 919,1 тыс. прерванных беременностей, или 26,0 в расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста (табл. 4.10), а с учетом Крымского федерального округа (10,8 тыс.) — 930,0 тыс., или 25,9 на 1000 женщин. Большинство абортов выполняется в организациях, подведомственных Минздраву; в 2014 г. в системе Минздрава было сделано 817,5 тыс. абортов, что составило 89% от общего числа абортов в стране (без Крымского федерального округа). Роль других организаций, кроме Минздрава, в оказании медицинской помощи при аборте невелика. В целом по России в медицинских организациях негосударствен-

¹² См.: РИА «Новости», 29.01.2016. URL: <http://ria.ru/religion/20160129/1367013979.html>.

¹³ Sedgh G. et al. Induced abortion: Incidence and trends worldwide from 1995 to 2008 // Lancet. 2012. No. 379. P. 625–632.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Денисов Б.П., Сакевич В.И. АбORTы в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма? // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 144–169. URL: <http://demreview.hse.ru/2014-1/120991286.html>.

Таблица 4.10. Основные показатели зарегистрированных абортов, Россия, 1990, 1995, 2000, 2005, 2010–2014 гг.

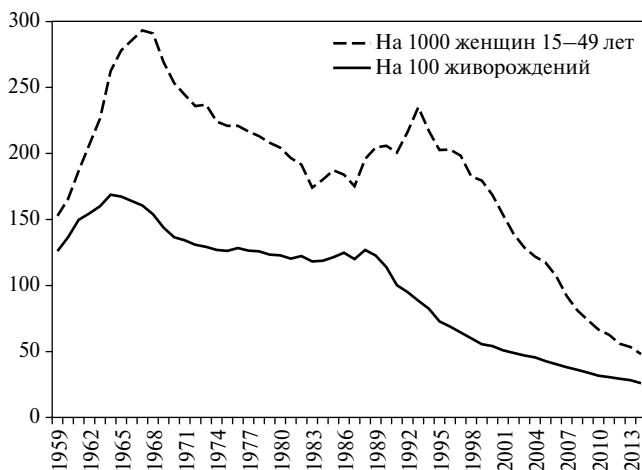
Год	Число абортов			По данным Минздрава, тыс.	
	По данным Росстата		на 100 живорождений		
	тыс.	на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет			
1990	4103,4	113,9	206	3920,3	
1995	2766,4	72,8	203	2574,8	
2000	2138,8	54,2	169	1961,5	
2005	1675,7	42,7	117	1501,6	
2010	1186,1	31,7	66	1054,8	
2011	1124,9	30,5	63	989,4	
2012	1064,0	29,3	56	935,5	
2013	1012,4	28,3	53	881,4	
2014	919,1	26,0	48	817,5	
1990 к 2014, разы	4,5	4,4	4,3	4,8	

Примечание. Данные за 1995, 2000, 2005 гг. без Чеченской Республики; за 2014 г. — без Крымского федерального округа.

ной формы собственности в 2014 г. было произведено 96,4 тыс. абортов, т.е. 10,5% зарегистрированных прерываний беременности.

С конца 1980-х гг. официальная статистика фиксирует неуклонное снижение ежегодных чисел абортов в России (рис. 4.16). С 1988 (года, после которого началось постоянное снижение) по 2014 г. абсолютное число прерванных беременностей уменьшилось в 5 раз, а специальный коэффициент абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет — в 4,9 раза. Среднегодовой темп снижения коэффициента абортов за весь указанный период составил 6%.

В 2007 г. произошло знаменательное событие — годовое число рождений в России превысило годовое число прерванных беременностей, чего не наблюдалось в течение нескольких десятилетий до этого. В 1967 г. на 100 живорождений приходилось 293 абORTA (максимум), в 1990 г. — 206, в 2007 г. — 92, а в 2014 г. — 48 абортов. Иными словами, в 1960-е гг. на одни роды приходилось около трех абортов, а сейчас родов вдвое больше, чем абортов.

Рис. 4.16. Число абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет и на 100 живорождений, Россия, 1959–2014 гг.

Источник: Данные Росстата.

Снижение частоты абортов в России происходит во всех возрастных группах, при этом чем моложе женщины, тем быстрее снижаются абORTы. За 1991–2014 гг. коэффициент абортов в возрасте моложе 20 лет сократился в 6 раз, в возрасте 20–34 года — в 3,9 раза и в возрасте 35 лет и старше — в 3,5 раза (табл. 4.11). С 2008 г. Росстат разрабатывает статистику абортов по пятилетним возрастным группам, эти данные также свидетельствуют о более быстром снижении распространенности абортов среди самых молодых россиянок (табл. 4.12, рис. 4.17). За последние шесть лет (1998–2014) возрастной коэффициент абортов сократился в возрасте 15–19 лет в 2,2 раза, в возрасте 20–24 — в 1,6 раза, в возрасте 25–29 лет — в 1,5 раза и в гораздо меньшей степени среди женщин старше 35 лет. Очевидно, что молодые поколения ведут себя иначе, чем поколения их матерей.

В результате изменился вклад возрастных групп в суммарный коэффициент абортов. Если в 2008 г. вклад 15–19-летних составлял 10,1%, то в 2014 г. он снизился до 6,8%, в то же время вклад женщин старше 35 лет вырос с 20,8 до 24,1%. Максимальная интенсивность абортов (как и максимальная рождаемость) наблюдается

Таблица 4.11. Число абортов* по укрупненным возрастным группам и суммарный коэффициент абортов, Россия, 1991, 1995, 2000, 2005, 2010–2014 гг.

Год	Число абортов на 1000 женщин в возрасте, лет			Суммарный коэффициент абортов***
	15–19**	20–34	35 и старше	
1991	69,7	152,5	50,5	3,39
1995	57,1	122,4	33,1	2,62
2000	36,0	97,6	23,8	2,00
2005	28,4	72,7	18,3	1,51
2010	19,1	49,5	15,2	1,07
2011	17,2	47,1	15,2	1,02
2012	15,7	44,7	15,1	0,97
2013	14,0	42,8	15,2	0,93
2014	11,6	39,5	14,3	0,85
1991 к 2014, разы	6,0	3,9	3,5	4,0

* Включая самопроизвольные аборты.

** Включая абORTы в возрасте до 15 лет.

*** Среднее число абортов, приходящееся на одну женщину за весь репродуктивный период, при сохранении возрастной интенсивности производства абортов в расчетном году. До 2008 г. рассчитан по укрупненным возрастным группам, в 2008–2014 гг. — по пятилетним возрастным группам.

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

в возрастной группе 25–29 лет (см. табл. 4.12) — на этот возрастной интервал приходится четверть учтенных абортов. Средний возраст женщины, прервавшей беременность, вырос за шесть последних лет почти на год: с 28,8 лет в 2008 г. до 29,7 лет в 2014 г. В стране происходит «постарение» не только рождаемости, но и абортов.

Наиболее корректный показатель уровня абортов, не зависящий от возрастного состава женщин, — суммарный коэффициент абортов (СКА) условного поколения — снизился в России с 3,39 абORTа в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 0,85 в 2014 г., т.е. при возрастных коэффициентах абортов 1991 г. на 100 женщин можно было бы ожидать в среднем 339 абортов за всю жизнь, а при возрастных коэффициентах 2014 г. — 85 абортов, или в 4 раза меньше.

Таблица 4.12. Показатели абортов* по пятилетним возрастным группам, Россия, 2008–2014 гг.

Год	Возраст, лет						
	15–19**	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49***
<i>Возрастные коэффициенты абортов, на 1000 женщин</i>							
2008	25,3	57,9	62,6	52,7	37,0	13,8	1,2
2009	21,9	53,1	58,4	50,1	35,2	13,7	1,1
2010	19,1	48,1	53,8	46,5	33,0	12,9	1,1
2011	17,2	45,3	51,1	44,5	32,0	12,7	1,1
2012	15,7	42,7	48,2	42,8	31,2	12,4	1,1
2013	14,0	39,9	46,0	42,0	30,8	12,3	1,1
2014	11,6	36,6	42,1	39,0	28,6	11,5	1,0
<i>Вклад возрастных групп в общее число абортов, %</i>							
2008	10,1	23,1	25,0	21,0	14,8	5,5	0,5
2009	9,4	22,7	25,0	21,5	15,1	5,9	0,5
2010	8,9	22,4	25,1	21,7	15,4	6,0	0,5
2011	8,4	22,2	25,1	21,8	15,7	6,2	0,5
2012	8,1	22,0	24,9	22,1	16,1	6,4	0,5
2013	7,5	21,4	24,7	22,6	16,5	6,6	0,6
2014	6,8	21,5	24,7	22,9	16,8	6,7	0,6

* Включая самопроизвольные аборты.

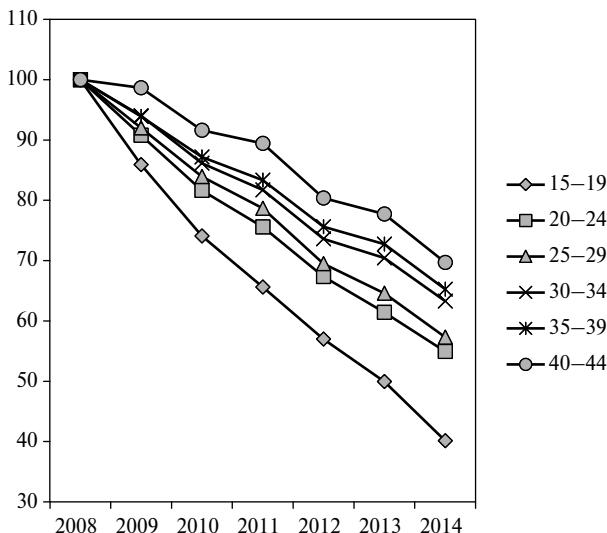
** Включая аборты в возрасте до 15 лет.

*** Включая аборты в возрасте старше 49 лет.

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Тем не менее, несмотря на очевидные успехи постсоветского периода, по уровню абортов Россия по-прежнему опережает большинство европейских стран и стран — членов ОЭСР (точнее, 22 страны ОЭСР, имеющие достоверную статистику абортов). Среднее значение коэффициента абортов для стран ЕС составляет примерно 10 на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет, что вдвое ниже, чем в России¹⁵. Причем для международных сравнений мы используем скорректированные российские показатели. Дело

¹⁵ Gissler M., Fronteira I., Jahn A., Karro H., Moreau C., Oliveira da Silva M., Olsen J., Savona-Ventura C., Temmerman M., Hemminki E. The REPROSTAT group. Terminations of pregnancy in the European Union // BJOG. 2012. No. 119. P. 324–332.

Рис. 4.17. Снижение возрастных коэффициентов абортов без учета самопроизвольных абортов, Россия, 2008–2014 (2008 г. = 100%)

Источник: Рассчитано по данным табл. 4.12.

в том, что официальная статистика абортов в России включает не только искусственные, но и самопроизвольные (выкидыши) и внебольничные (по поводу которых женщина поступила в стационар, часть из них, возможно, тоже является самопроизвольными) абORTы. Тем самым российские показатели завышаются относительно других стран, где в официальную статистику, как правило, попадают только легальные искусственные абORTы. В табл. 4.13 представлены основные показатели абортов в России, рассчитанные без учета соответствующим образом зарегистрированных самопроизвольных абортов (выкидышей)¹⁶.

Из стран ОЭСР ближе всех к России Эстония и Швеция (рис. 4.18). На другом полюсе, с самой низкой частотой абортов, — Швейцария и Германия. Заметим, что все эти страны имеют либе-

¹⁶ Число самопроизвольных абортов, зафиксированных медучреждениями, не относящимися к системе Минздрава, неизвестно. Мы вынуждены принять его равным нулю.

Таблица 4.13. Специальный коэффициент абортов (на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет) и суммарный коэффициент абортов, рассчитанные без учета самопроизвольных абортов, Россия, 2008–2014 гг.

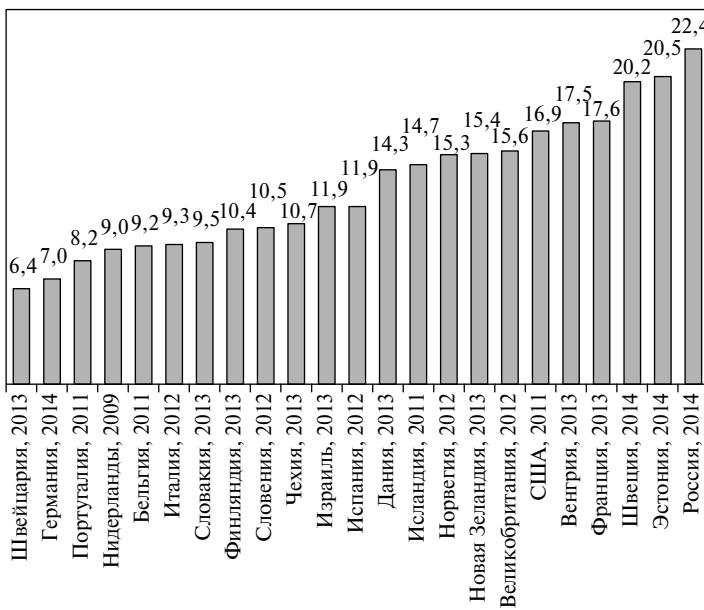
Год	Коэффициент абортов	
	Специальный	Суммарный
2008	31,5	1,094
2009	29,4	1,008
2010	27,1	0,916
2011	25,7	0,860
2012	23,2	0,767
2013	21,8	0,718
2014	19,4	0,636

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата и Минздрава.

ральное законодательство в отношении искусственного прерывания беременности, значит, различия между ними обусловлены другими факторами. Российский показатель выше швейцарского в 3,5 раза. Предположительно более высоким, чем в России, уровнем абортов характеризуются Мексика¹⁷, а также многие другие страны Латинской Америки и Африки, но эти страны не располагают надежной статистикой абортов, в том числе по причине регистрационного абортного законодательства.

Основываясь на более точном, чем специальный коэффициент, измерителе уровня абортов — суммарном коэффициенте абортов, рассматриваемые страны можно условно разделить на три группы: 1) с низким уровнем абортов, СКА = 0,2–0,3 (Швейцария, Германия, Португалия, Нидерланды, Словакия, Бельгия, Италия, Словения, Чехия, Финляндия); 2) со средним уровнем, СКА = = 0,4–0,55 (Израиль, Испания, Дания, Исландия, Норвегия, Великобритания, Франция, Новая Зеландия, Венгрия) и 3) с высоким уровнем, СКА около 0,6 и выше (США, Швеция, Эстония, Россия) (рис. 4.19). России стоило бы внимательно изучить опыт стран первой группы по снижению числа нежелательных беременностей.

¹⁷ Juarez F., Singh S. Incidence of induced abortion by age and state, Mexico, 2009: New estimates using a modified methodology // International Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2012. No. 38 (2). P. 58–67.

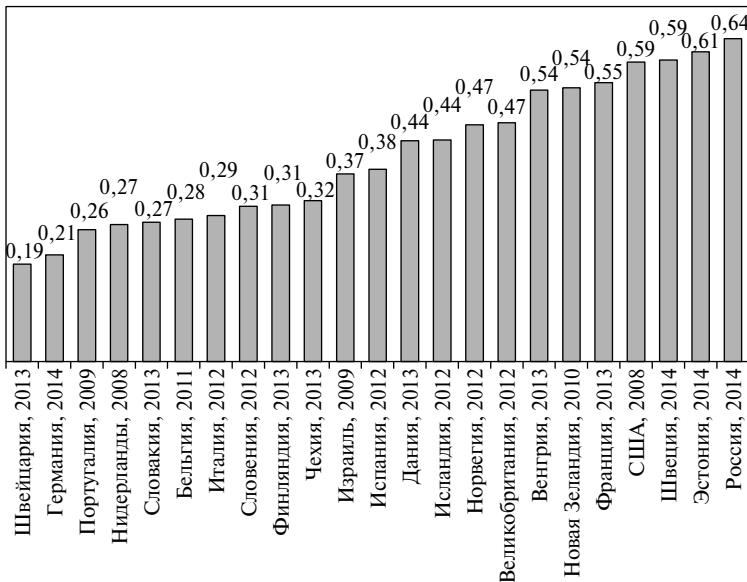
Рис. 4.18. Специальный коэффициент абортов (на 1000 женщин в возрасте 15–44 лет) в странах ОЭСР и России

Примечание. Показатель по России не включает самопроизвольные абORTы.

Источники: Рассчитано на основе базы данных Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>); Эстония — Statistics Estonia (<http://pub.stat.ee/px-web.2001/dialog/statfile1.asp>); Швеция — Statistics on induced abortions 2014, Socialstyrelsen 2015; США — Институт Гуттмахера (<http://www.guttmacher.org/sections/abortion.php>); Израиль — Central Bureau of Statistics of Israel (http://cbs.gov.il/reader/cw_usr_view_SHT-ML?ID=595); Новая Зеландия — Statistics New Zealand (http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/health/abortion/info-releases.aspx).

Еще одна особенность отличает Россию от многих западных стран и стран ОЭСР, а именно возрастное распределение абортов. В западных странах, особенно в англосаксонских и странах Северной Европы, абORTы чаще всего являются результатом случайной беременности у молодых незамужних девушек и служат средством отложить рождение ребенка на более поздний возраст¹⁸, тогда как в современной России аборт в большей степени служит средством

¹⁸ Gissler M. et al. Terminations of pregnancy in the European Union // BJOG. 2012. No. 119. P. 324–332.

Рис. 4.19.

Суммарный коэффициент абортов в странах ОЭСР и России

Примечание. Показатель по России не включает самопроизвольные abortionы.

Источники: Рассчитано на основе базы данных Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/> data/database); Эстония — Statistics Estonia (<http://pub.stat.ee/px-web.2001/dialog/statfile1.asp>); Швеция — Statistics on induced abortions 2014, Socialstyrelsen 2015; Норвегия, Исландия — Nordic Statistics (<http://norden.statbank.dk/heal15>); Франция — INED (http://www.ined.fr/en/everything_about_population/data/france/abortion-contraception/abortions/); Новая Зеландия, Израиль, Португалия, Нидерланды, США (*Sedgh G., Bankole A., Singh S., Eilers M. Legal abortion levels and trends by woman's age at termination // International Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2012. No. 38 (3). P. 143–153.*)

избежать рождения у женщин, уже имеющих желаемое число детей, или для регулирования интергенетического интервала. Видимо, влияет фактор более раннего формирования семьи и рождения детей в России по сравнению с западными странами. В результате вклад молодежных возрастных групп в суммарный коэффициент абортов там существенно выше, чем в нашей стране. Доля искусственных абортов в возрастах моложе 25 лет в суммарном коэффициенте абортов в 11 из 22 рассматриваемых стран ОЭСР превыша-

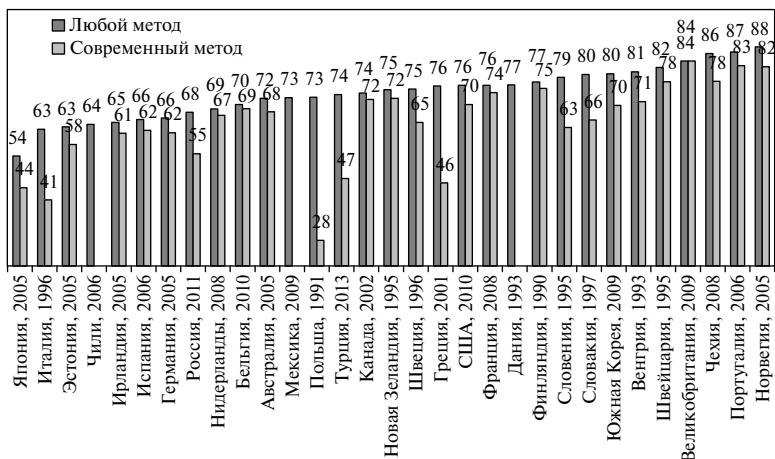
ет 40%, а в США и Новой Зеландии — 50%, тогда как в России она ниже 30% (табл. 4).

За исключением нескольких стран в восточной и южной частях Европы, максимум абортов в странах ОЭСР приходится на возрастной интервал 20–24 года, при этом уровень абортов среди 30-летних женщин, как правило, ниже, чем среди 20-летних. В России же максимум абортов приходится на возраст 25–29 лет, а вклад возрастной группы 30–34 года в суммарный коэффициент абортов больше, чем вклад возрастной группы 20–24 года. Россия характеризуется самыми высокими среди рассматриваемых стран коэффициентами абортов в возрастных интервалах 30–34 и 35–39 лет, тогда как по уровню прерванных беременностей среди подростков наша страна далеко не лидер — 13 из 22 стран обходят Россию по частоте абортов в возрасте 15–19 лет. Самые высокие показатели абортов среди подростков имеют на сегодня такие страны ОЭСР, как Новая Зеландия, США, Великобритания и Венгрия.

Распространенность абортов тесно связана с доступностью и уровнем использования методов контрацепции. На рис. 4.20 представлены два показателя, характеризующие контрацептивное поведение: распространность контрацепции (любого метода) и распространность современных методов контрацепции¹⁹ среди женщин, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке. Данные для расчета этих показателей были получены в ходе последнего обследования репродуктивного поведения населения той или иной страны. К сожалению, в некоторых странах такого рода обследования проводились очень давно, а в ряде стран (Австрия, Исландия, Израиль и Люксембург) вообще не проводились (или о них неизвестно международным наблюдателям).

Доля пар, применяющих любой метод контрацепции, варьируется от 54% в Японии до 88% в Норвегии. Кроме Норвегии, среди стран ОЭСР очень высока распространность контрацепции в Португалии, Чехии и Великобритании. Указанные страны

¹⁹ «Современные» методы контрацепции включают: женскую и мужскую стерилизацию, гормональные таблетки, ВМС, мужской и женский презерватив, инъекции, импланты, вагинальные барьерные методы (механические и химические), срочную контрацепцию. «Традиционные» методы включают: периодическое воздержание (метод ритма), прерванный половой акт, метод лактационной аменореи, спринцевание и разные народные методы.

Рис. 4.20. Доля женщин репродуктивного возраста, использующих методы контрацепции, среди женщин, состоящих в браке/партнерстве, по данным выборочных обследований, страны ОЭСР и Россия, %

Источники: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015); 2015 Update for the MDG Database: Contraceptive Prevalence (POP/DB/CP/A/MDG2015).

входят в число мировых лидеров по уровню использования методов контрацепции. В России согласно Выборочному обследованию репродуктивного здоровья населения России 2011 г. 68% состоящих в партнерстве женщин в возрасте от 15 до 44 лет применяют методы контрацепции²⁰ — это средний уровень использования контрацепции для развитых стран. Схожие с российским показатели распространенности контрацепции характерны для таких стран, как Бельгия, Нидерланды, Испания, Германия. Можно сказать, что Россия по этому показателю не выделяется на фоне стран с близким уровнем рождаемости.

Доля применяющих современные, эффективные методы планирования семьи довольно высока сейчас в России, особенно если

²⁰ Итоговый отчет «Репродуктивное здоровье населения России 2011» / Росстат, Минздрав РФ, ЮНФПА, Отдел репродуктивного здоровья Центров по контролю и профилактике заболеваний (США), Информационно-издательский центр «Статистика России». Май 2013.

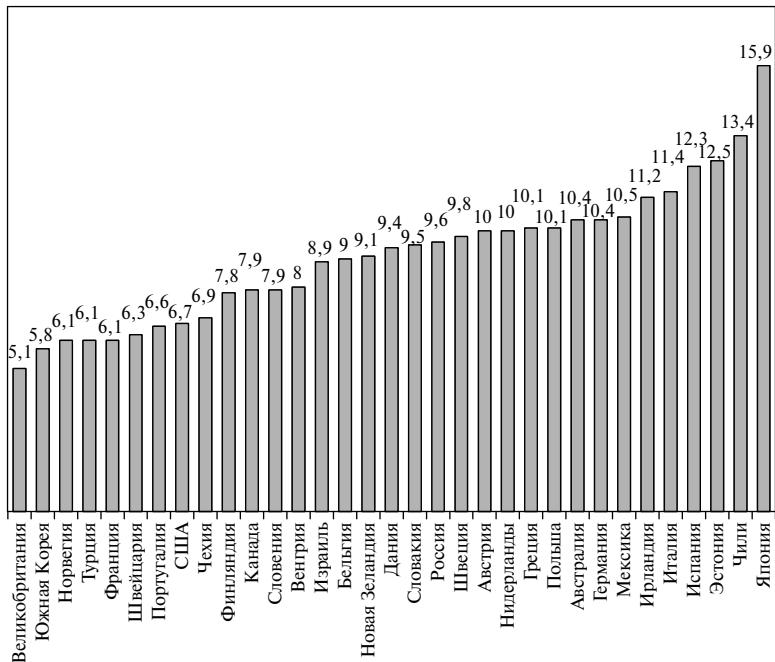
сравнить с советским периодом. Более 80% пользователей контрацепции в России предпочитают современные методы. А, например, в Польше эта доля не доходит до 40%, в Италии, Греции, Турции — чуть выше 60%. Правда, во многих странах ОЭСР эта доля приближается к 100%, т.е. малонадежные традиционные методы практически не используются.

На показатель использования контрацепции влияет уровень рождаемости в стране: чем больше распространено желание/намерение родить ребенка, тем меньше пары нуждаются в методах предотвращения беременности. Поэтому наряду с распространностью контрацепции обычно рассматривается показатель *неудовлетворенной потребности в планировании семьи*, который определяется как доля женщин, состоящих в партнерстве, которые хотят прекратить или отсрочить деторождение, но при этом не используют методов контрацепции. Для измерения неудовлетворенной потребности в планировании семьи требуются данные специальных выборочных опросов, содержащие информацию о репродуктивных планах, календаре беременностей, грудном вскармливании, применении контрацепции и бесплодии, а такие опросы проводятся далеко не везде. Коллектив авторов, представляющих, в частности, Отдел народонаселения ООН, разработал модель, которая позволяет оценивать неудовлетворенную потребность в планировании семьи для всех стран мира, включая те, для которых существует мало эмпирических данных²¹.

Согласно оценочным данным неудовлетворенная потребность в планировании семьи колеблется от 5–6% в Великобритании, Южной Корее, Норвегии, Турции, Франции и Швейцарии до почти 16% в Японии (рис. 4.21). Средний уровень для развитых стран составляет около 10%, для стран ОЭСР — 9%. Для сравнения: в странах Африки к югу от Сахары этот показатель превышает 24%.

Россия находится приблизительно в середине ранжированного ряда рассматриваемых стран. Причем реальный показатель в нашей стране по данным Выборочного обследования репродук-

²¹ Alkema L., Kantorova V., Menozzi C., Biddlecom A. National, regional, and global rates and trends in contraceptive prevalence and unmet need for family planning between 1990 and 2015: A systematic and comprehensive analysis // The Lancet. 2013. No. 381 (9878). P. 1642–1652.

Рис. 4.21. Неудовлетворенная потребность в планировании семьи, оценка на 2015 г., страны ОЭСР и Россия, %

Источники: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015); Model-based Estimates and Projections of Family Planning Indicators 2015 / United Nations.

тивного здоровья населения России 2011 г. составил 8% (а не 9,6% по расчетам ООН).

В ряде стран, например в Испании и Италии, наблюдается парадоксальная картина: низкий уровень абортов сочетается с довольно высоким для развитых стран показателем неудовлетворенной потребности в контрацепции. В случае с Россией — наоборот: высокий уровень использования контрацепции и относительно низкая неудовлетворенная потребность в планировании семьи сочетаются с высоким для развитой страны уровнем абортов. Это говорит о том, что проблема России заключается не в отказе от контрацепции и не в выборе абORTA как метода регулирования

рождаемости, а в регулярности и адекватности применения любого из методов контрацепции (а, может быть, отчасти и в «приукрашивании» своего поведения во время выборочных опросов). При использовании россиянами методов контрацепции часто происходят сбои, или «контрацептивные неудачи». Снижение числа абортов в России можно было бы ускорить именно путем повышения контрацептивной культуры, а не ограничением доступности искусственного прерывания беременности, как это происходит в последние годы.

4.9. Семейная политика и рождаемость: Россия и страны ОЭСР

4.9.1. Федеральные меры семейной политики

В 2014 г. для расчета пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком и некоторых других применялись точно такие же правила, как и в 2013 г. Никакие изменения в базовом законе о расчете пособий — Федеральном законе № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» — с 1 января 2014 г. не появились. В частности, продолжало действовать правило замены периода, которое для женщины, находящейся в отпуске по уходу за ребенком, более выгодно — начисления могут производиться исходя из среднего заработка в тот период в течение последних двух лет, когда ее заработок был максимальным.

Абсолютный размер пособий, однако, изменился — произошла их 5%-я индексация по сравнению с 2013 г. (п. 2 ст. 9 Федерального закона от 2 декабря 2013 г. № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов»). Данная индексация никаких региональных пособий не касалась. В то же время на изменение размера пособий в той или иной местности влияют не только индексация, проводимая в соответствии с федеральным законом, но и районный повышающий коэффициент, призванный учитывать особенности региональных рынков товаров и услуг. Там, где применяется данный коэффициент, размеры пособий в среднем несколько больше.

Итак, в 2014 г. на федеральном уровне действовала следующая система мер и пособий в области поддержки семьи и рождаемости (см. также табл. 4.14).

1. Ежемесячные пособия по уходу за ребенком (родным или усыновленным) до достижения им возраста 1,5 года: для работающих матерей — 40% среднего заработка, но не менее 2576,63 руб. по уходу за первым ребенком и 5153,24 руб. по уходу за вторым и последующими детьми, и не более 10 306,50 руб. для уволенных в период отпуска по уходу за ребенком в связи с ликвидацией предприятия. Максимально это пособие могло составлять 18 000 руб. в месяц, исходя из условия, что оно рассчитывалось из среднемесячного заработка за два года, предшествовавших выходу в такой отпуск, при этом зарплата не должна была превышать максимальную базу для налогообложения 512 тыс. руб. в год для 2012 г. и 568 тыс. руб. в год для 2013 г.

2. В 2014 г. также в большинстве регионов выплачивались ежемесячные пособия в размере регионального прожиточного минимума на третьего и каждого последующего ребенка в возрасте от полутора до трех лет. На 2014 г. перечень регионов, выплачивающих соответствующие пособия, был дополнен такими субъектами РФ, как Вологодская область, Республика Карелия, Забайкальский край, Карачаево-Черкесская Республика²². Дополнительную актуальность вопрос о продлении срока ежемесячной выплаты в виде пособия по уходу за ребенком до трех лет в России приобрел в 2014 г. после присоединения Крыма и Севастополя, поскольку на территории Украины аналогичное пособие предоставляется именно до достижения ребенком трех лет. В конечном счете было решено не изменять правила выплаты федерального ежемесячного пособия, а вместо этого с 1 января 2015 г. ввести для жителей Крыма более широкий набор региональных пособий.

3. Компенсация родителям, дети которых посещают государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения. Для семьи с одним ребенком она составляла 20% от внесенной платы, с двумя детьми — 50, с тремя и более — 70% от указанной родительской платы. Часть оплаты за частный детский сад (такие же доли оплаты соответственно для семьи, где один, два

---

²² Остальные регионы, в которых можно получить такое пособие, перечислены в: Население России 2013. С. 166–167.

Таблица 4.14.

Материнские и семейные пособия, выплачиваемые из федерального бюджета России, 2001–2014 гг., руб.

	2001	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Единовременное пособие женщинам, выставшим на учет в медицинские учреждения в ранние сроки беременности (до 12 недель)	100	300	300	325,50 до 30.06.08; 331,52 до 31.12.08	374,60	412,08	438,87	465,20	490,79	515,33
Родовой сертификат	—	7000	10000	11000 – 1 ребёнок; 13000 – двойня						
Единовременное пособие при рождении ребенка	1500	8000		8680 до 30.06.08; 8840,58 до 31.12.08	9989,86	10988,85	11703,13	12405,32	13087,61	13741,61
Единовременное пособие при усыновлении ребенка	—	—	—							105000 усыновле- ние, особые случаи

Продолжение табл. 4.14

	2001	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Государствен- ный сертификат на материнский (семейный) капитал	—	—	250 000	276 250	312 162	343 378	365 698	387 640	408 960	429 408,5
По уходу за первым ребенком				1627,50–6510 до 30.06.2008; 1657,61– 6630,40 до 31.12.2008	Мин 1873,10. Макс 7492,40	Мин 2060,41. Макс 13 833,33	Мин 2194,34. Макс 13 433,33	Мин 2326,00. Макс 15 433,33	Мин 2453,93. Макс 16 250	Мин 2576,63. Макс 18 000
По уходу за вторым и последу- ющими детьми	200	700		3255–6510 до 30.06.2008; 3315,22– 6630,40 до 31.12.2008	Мин 3746,20. Макс 7492,40	Мин 4120,82. Макс 13 833,33	Мин 4388,67. Макс 13 433,33	Мин 4651,99. Макс 15 433,33	Мин 4907,85. Макс 16 250	Мин 5153,24. Макс 18 000
Ежемесячное пособие на каждого ребенка (до 16 лет и на учащихся в общеобразова- тельных учреждениях до 18 лет)					—	—	—	—	Зависит от региона	

Окончание табл. 4.14

	2001	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Ежемесячное пособие на детей одиноких матерей	140	—	—							
Ежемесячное пособие на детей военнослужащих, проходящих воинскую службу по призыву, на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов	105	—	—							
Ежемесячное пособие на содержание ребенка в семье опекуна	—	—	4000							Мин 4000 (зависит от региона)
Оплата труда приемных родителей	—	—	2500							Мин 2500 (зависит от региона)

и три ребенка) также можно было вернуть в семейный бюджет. Однако процесс получения такой компенсации бюрократически усложнен, и ее оформляют далеко не все семьи. В 2014 г. выплачивалась также компенсация за непредоставление детского сада, ее размер зависел от региона.

4. Пособия по беременности и родам на период 70 дней до родов и 70 дней после родов в 2014 г. составляли 100% от среднего заработка, не превышающего предельную величину базы для начисления страховых взносов в ФСС РФ, установленную на годы, предшествующие рождению ребенка (512 тыс. руб. в год для 2012 г. и 568 тыс. руб. в год для 2013 г.). Для женщин, уволенных в связи с ликвидацией организаций и неработающих, это пособие составляло только 515,33 руб. в месяц. При усыновлении ребенка выплачивалось такое же пособие (и с тем же «потолком» ежемесячных выплат — 45 тыс. руб. в месяц).

5. Родовые сертификаты. Их стоимость в 2014 г. не изменилась по сравнению с 2013 г. и составляла 3 тыс. руб. на оплату медицинских услуг в период беременности, 6 тыс. — в период родов, 2 тыс. передавалось в детскую поликлинику.

6. Единовременное пособие при рождении (усыновлении, передаче под опеку или в приемную семью) ребенка в 2014 г. составляло 13 741,61 руб. За раннюю постановку на учет по беременности (до 12 недель) выплачивалось, кроме того, 515,33 руб. Повышенное пособие при усыновлении предусматривалось в случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка в возрасте старше семи лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами.

7. Ежемесячные пособия на ребенка в возрасте от 0 до 16 лет (на учащихся в образовательных учреждениях до 18 лет). Согласно положениям федерального законодательства²³ эти пособия выплачиваются за счет регионального бюджета, так что их размер и порядок выплаты регулируются региональным законодательством, и они полагаются только малоимущим. Их размер во всех регионах крайне невелик (колеблется в пределах от 90 до 2500 руб., послед-

---

²³ Вся информация о федеральных законах и размере пособий в 2008–2013 гг. взята с сайта Фонда социального страхования (<http://www.fss.ru/>). В 2014 г. выплаты начали осуществляться напрямую из федерального бюджета, информация получена на сайте Министерства труда и социальной защиты РФ (<http://www.rosmintrud.ru/>).

нее — исключение, как правило, базовое пособие составляет 200—500 руб. в месяц на каждого ребенка).

8. Материнский (семейный) капитал. В 2007 г., в первый год введения в действие этой меры, он составлял 250 тыс. руб. В дальнейшем размер «капитала» индексировался с учетом инфляции и составлял, руб.: в 2008 г. — 276 250; в 2009 г. — 312 162; в 2010 г. — 343 378; в 2011 г. — 365 698; в 2012 г. — 387 640; в 2013 г. — 408 960 и в 2014 г. — 429 408,5 руб. Средствами этого «капитала» можно было по-прежнему воспользоваться для приобретения, строительства или ремонта жилья, погашения основного долга и уплаты процентов по жилищным кредитам и займам (причем ипотечные платежи можно было совершать, не дожидаясь достижения ребенком трехлетнего возраста), для увеличения размера накопительной части пенсии матери и (или) для оплаты образования любого ребенка из этой семьи (до достижения им возраста 25 лет).

4.9.2. Региональные меры семейной политики

Начиная с 2009 г. региональные меры семейной политики включают, кроме минимальных по размеру детских пособий для детей в возрасте до 16/18 лет из малоимущих семей, намного более существенные по величине выплаты.

Региональные материнские капиталы (РМК), как правило, являются единовременной выплатой, которая назначается и выплачивается независимо от получения женщиной федерального материнского капитала и финансируется из средств областных бюджетов. В большинстве регионов РМК стали назначаться с 2011 г. Как правило, РМК можно воспользоваться через 1–3 года после рождения ребенка. Выплаты как таковые в некоторых регионах начались уже с 2012–2013 гг. В 2014 г. соответствующих законов и выплат по-прежнему не было только в г. Москве, Пензенской области, Республике Татарстан и Чеченской Республике. Право на РМК, как правило, дается женщине при рождении (или усыновлении) третьего или последующего ребенка. Однако в Нижегородской, Сахалинской, Смоленской, Московской и Ульяновской областях такое право предоставляется при рождении второго ребенка, а в республиках Алтай, Тыва и Дагестан — только на четвертых и (или) последующих детей. Есть регионы, где размер РМК возрас-

тает при увеличении очередности рождения. Размер регионального материнского капитала варьирует по субъектам РФ в основном в пределах от 50 тыс. до 100 тыс. руб. (62 региона выплачивают именно 100 тыс.), но в отдельных случаях размер бывает больше (до 350 тыс.) или меньше (от 25 тыс.).

Единовременные выплаты при рождении ребенка (дополнительно к федеральному единовременному пособию на рождение ребенка) — так называемые губернаторские выплаты. Размер этих пособий и условия их предоставления сильно варьируют по регионам.

4.9.3. Затраты на семейные пособия в 2014 г.

Даже с учетом выплат материнского капитала затраты на семейные пособия в России относительно ВВП и денежных доходов населения в 2014 г. оставались низкими, и после 2012 г. этот показатель уменьшался. Коэффициент индексации пособий не успевал за ростом цен, и по отношению к средней реальной заработной плате значение размеров основных федеральных пособий также уменьшалось, с каждым годом все заметнее (табл. 4.15).

В целом в 2014 г. семейная политика начала в некоторой степени терять свое приоритетное значение для государства по сравнению с другими статьями расходов. Экономическая ситуация, впрочем, оставалась еще относительно благоприятной, номинальная средняя зарплата несколько выросла. С другой стороны, хотя уже началось обсуждение различных мер возможной экономии государственных расходов, все-таки не был принят ни один законопроект, который резко сокращал бы расходы именно на семейную политику. В этом можно видеть продолжение стремления проводить политику пронаталистской направленности. Демографическое развитие оставалось одним из важнейших направлений заботы государства, по меньшей мере на декларируемом уровне.

Таблица 4.15. Доля семейных пособий в ВВП, общем объеме денежных доходов и соотношение с заработной платой

Показатель	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
	Доля, %													
В общей величине ВВП	0,8	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2	0,4	0,4	0,6	0,6	0,8*	0,8	1,0	0,9
В общем объеме денежных доходов населения	1,3	0,7	0,5	0,4	0,3	0,3	0,6	0,7	0,8	1,1*	1,2	1,6	1,42	1,25
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинские учреждения в ранние сроки беременности (до 12 недель)	—	3,8	5,5	4,5	3,5	2,8	2,2	1,9	2,0	2,1	1,85	1,74	1,63	1,59
Единовременное пособие при рождении/усыновлении ребенка	22	119	82	67	70	75	59	50	53	55	50	46,5	43,4	42,39 Повы- шенно- е 323

Окончание табл. 4.15

* С 2010 г. и далее – с учетом материнского капитала

Источники: рассчитано по данным Росстата: Уровень жизни населения России, М., 1996; Социальное положение и уровень жизни населения России за 1998–2007 гг.; О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малолетнего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2008 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/36.htm; Россия в цифрах. 2008. Разд. 5.1: Численность населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/reg1/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05_01.htm; О социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации в 2008 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/43sbl18.htm; а также по: Захарова В.Е. О расходах на поддержку семей с детьми, материнства, отцовства в федеральном бюджете на 2009–2011 гг. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/mert_new/2012/001.ru/rights/discussion2004/804.htm; для 2009, 2010, 2011, 2012 и 2013 гг. рассчитано О.Г. Иступовой по оперативным данным Росстата за 2009–2013 гг. о средней реальной зарплате, БВП, объеме денежных доходов населения и о расходах бюджета на социальную семейную политику по различным статьям. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/mert_new/2012/001.ru/7.htm

4.9.4. Семейная политика в странах ОЭСР

4.9.4.1. Типы семейной политики в развитых странах

Наиболее популярная, в своем роде классическая, типология режимов семейной политики выглядит следующим образом²⁴.

Либеральный режим. Помощь семьям осуществляется по «остаточному» принципу, так, чтобы помочь была оказана только наиболее нуждающимся, а остальные решают свои проблемы с помощью рыночных средств и механизмов. Эта модель доминирует в англоговорящих странах. Ее истоки можно проследить вплоть до 1598 г., когда в Великобритании был принят «Закон о бедняках». Этую идеологию в значительной мере разделяют международные финансовые институты, помогающие развивающимся странам.

Социально-демократические режимы, напротив, предполагают универсализм, основываются на принципе солидарности всех членов общества, согласно которому пособия и услуги должны доставаться всем на равных условиях (характерны для Швеции, других Скандинавских стран, Нидерландов).

Корпоративистские режимы также стремятся к универсализму, но изначально здесь дополнительные блага распределялись пропорционально вкладу индивидов в национальную экономику и только затем постепенно распространялись на все общество в целом. Такие режимы сложились в странах, которые несколько позже совершили «большой скачок» в экономическом развитии (Германия, Япония). Исторически к этому типу относится и Франция.

В дальнейшем к типологии был добавлен также *средиземноморской режим*, включающий страны Южной Европы, где изначально была очень сильна идеология семейной поддержки как основной в жизни людей. За прошедшие с момента ее появления годы эта типология подвергалась как критике, так и модификациям. Мнение большинства экспертов на данный момент таково, что, хотя за ней и стоит некое революционное представление разнообразия общих принципов организации существующих политик по отношению к семье, с 1990 г. многое изменилось, некоторые страны перешли из одной группы в другую, а также добавились

²⁴ Esping-Andersen G. Three world of welfare capitalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.

новые страны с развитыми семейно-политическими системами, опыт которых также нуждается в осмыслиении. Поэтому необходимо создание новых классификаций с учетом уже существующих.

Одна из новых классификаций режимов семейной политики предложена А. Эйрнсом (A. Ejrnæs) и Т. Бойе (T.P. Boje) из Университета Рокилда в Дании в 2009 г.²⁵

Данная классификация базируется:

- на стремлении, высказанном странами — членами Евросоюза, создать дружественную по отношению к семье социальную среду, обеспечивающую возможность поддержания баланса между семьей и работой;
- изучении реальных стратегий домохозяйств в попытках примирить противоречивые требования со стороны рынка труда, с одной стороны, и семьи, с другой.

При составлении своей типологии авторы принимали во внимание:

- структуру семьи и гендерные отношения — кто кормилец, кто выполняет домашнюю работу;
- фамилиализацию/дефамилиализацию — как организовано выполнение и предоставление заботы внутри семьи или вне ее;
- права социального гражданства — право получать заботу и право ее предоставлять.

Другие типологии кажутся авторам проблематичными, поскольку режимы семейной политики в них некогерентны, базируются прежде всего на данных по странам Северной и Западной Европы, включают в число возможных агентов предоставления заботы только государство и рынок, недостаточно учитывают семью как таковую и ее внутреннюю динамику на разных этапах ее жизненного цикла.

Кластерный анализ элементов политики позволил авторам выделить следующие режимы.

Кластер 1. Модель включает длинный отпуск по уходу за ребенком, частичный рабочий день. Яркие представители этого кластера — Германия, Австрия и Люксембург. В этих странах длитель-

²⁵ Ejrnæs A., Boje T.P. Family policy and welfare regimes. Paper presented at: WORK CARE: Social Quality and the Changing Relationship between Work, care and Welfare in Europe. Brussels, Scotland House, 2009. June 16.

ный отпуск по уходу за ребенком, относительно хорошо оплачиваемый. Для большинства матерей этот длительный период затем продолжается еще более долгим периодом вне рынка труда и уже неоплачиваемой заботы о детях. Уровень частичной занятости также высок, к ней обращаются матери, когда период интенсивной заботы о детях заканчивается. Это частичная занятость на нестабильных рабочих местах с небольшим числом часов работы в неделю. При этом уровень затрат государства на семейную политику весьма высок, так как оплата долгих отпусков по уходу за ребенком весьма щедрая.

Кластер 2. Модель предполагает короткий отпуск по уходу за ребенком и занятость неполное рабочее время. В этот кластер входят Великобритания и Нидерланды. В данных странах родительский отпуск довольно короткий и плохо оплачиваемый, уровень развития учреждений по уходу за малолетними детьми (в возрасте 0–3 года) довольно скромный, а часы их работы слишком недолгие. Уход за детьми в таких учреждениях весьма часто комбинируется с работой матерей в течение неполного рабочего дня. Частичная занятость женщин, с другой стороны, как правило, предполагает именно сокращенные рабочие часы.

Кластер 3. Модель экстенсивной семейной политики. Характерными представителями являются Дания, Швеция, Франция и Бельгия. Здесь существуют права на родительский отпуск для практически всех категорий работающего населения с достаточно щедрой оплатой в этот период, высокий уровень развития учреждений по уходу за малолетними детьми (0–3 года) при интенсивном их использовании населением, высокий уровень занятости матерей в рыночной экономике, высокий уровень затрат на семейную политику.

Кластер 4. Модель семейной заботы. К этому кластеру относятся все южноевропейские страны и две балтийские страны. Здесь период отпуска по уходу за ребенком варьируется, но везде он весьма плохо оплачивается, таким образом вынуждая матерей рассчитывать на мужчину-кормильца. Учреждений по уходу за детьми недостаточно, и, если они доступны, часы их работы коротки и неудобны для работающих родителей. К тому же обычно стоимость их услуг высока. В результате пропорция работающих даже неполное время матерей очень мала.

Кластер 5. Модель продолжительного отпуска по уходу за ребенком. Характерна для Венгрии, Польши и Чехии, а также Литвы и Финляндии. Здесь отпуск по уходу за ребенком очень длительный, до трех лет на каждого ребенка. За исключением Финляндии, система яслей/детских садов развита мало и (или) мало используется. Опять же за исключением Финляндии, мало матерей, работающих неполное рабочее время. После отпуска по уходу детьми занимаются другие члены семьи или частные учреждения/няни.

Тип семейной политики влияет на практики материнского ухода за детьми и стратегии домохозяйств в их попытках сочетать оплачиваемую работу, неоплачиваемую работу и обязанности по заботе о членах семьи.

Для модели (кластера) 1 характерно присутствие матери дома в течение периода длительного отпуска по уходу за ребенком, а затем, если она и возвращаются на работу, то, как правило, это рабочее место с неполным временем и крайне низкой зарплатой.

Модель 2 предполагает короткий отпуск, учреждений по уходу за ребенком также недостаточно и они часто недешевы, матери либо работают неполное время, либо покидают рынок труда совсем.

В странах с моделью 3 матери выходят на работу по истечении шестимесячного периода отпуска по уходу за ребенком, а в дальнейшей забота о детях возлагается в основном на широко распространенные государственные или муниципальные ясли/детские сады.

Модель 4 приводит к поляризации: здесь часть матерей выходит на работу как можно скорее после рождения ребенка, полагаясь на помочь бабушек и дедушек в уходе за ним, другая часть матерей совсем не участвует в рынке труда.

В странах с моделью 5 матери остаются дома с ребенком очень долго, но в типичном случае возвращаются на работу с полной занятостью, когда их детям исполняется 3 года. Дети после этого остаются с бабушками и дедушками.

Большая часть предложений в области семейной политики в Евросоюзе фокусируется на том, чтобы обеспечить женщинам доступ к рабочим местам, убирая барьеры, стоящие перед ними на пути к участию в рынке труда, но не на обеспечении равенства в области семейных отношений и повседневных практик домохозяйств.

Ни одно из государств Евросоюза в области дружественной по отношению к семье политики не рассматривает мужчин и женщин на равных основаниях, адресуясь только отдельным частям системы организации семейной заботы, но не всей этой системе в целом.

Авторы предлагают следующие меры, которые, с их точки зрения, могли бы улучшить ситуацию и дать родителям больше выбора в области сочетания работы и семейной заботы:

- введение всеми государствами — членами Евросоюза родительских отпусков как для матерей, так и для отцов;
- усиление инвестиций в развитие общественных яслей и детских садов, доступных по цене и работающих в течение полного рабочего дня;
- усиление возможностей для того, чтобы родители могли взять дополнительный короткий отпуск или «отпуск», продолжая работать неполное время, но на основном рабочем месте, увеличивая тем самым совокупность возможных вариантов сочетания работы и заботы;
- обеспечение родителям защищенного законом права возвращения на их рабочее место по истечении периода отпуска по уходу за ребенком.

4.9.4.2. Семейная политика в странах ОЭСР: большие различия в отпусках в связи с рождением и уходом за ребенком

В 2013 г. имелись только две страны в мире, где нет отпуска в связи с рождением ребенка для официально работающей женщины, — это США и Папуа — Новая Гвинея. Соответственно среди членов ОЭСР США — это еще и единственное государство, которое не выплачивает пособий родителям, находящимся в таком отпуске (табл. 4.16). В Австралии, Новой Зеландии, Норвегии и Швеции по состоянию на 2010 г. отпуска по материнству (в связи с рождением ребенка) не было тоже, но давно существует отпуск по уходу за ребенком различной длительности (от 14 недель в Новой Зеландии до 68,6 недель в Швеции). В этот период пособие (по данным А. Готье) в Австралии не выплачивается, но там существует так называемый Baby Bonus — единовременная выплата при рождении ребенка, в Новой Зеландии и Норвегии пособие составляет 100% среднего женского заработка в промышленности, в Швеции — 65,1%.

Таблица 4.16. Характеристика отпусков и пособий по уходу за ребенком в некоторых странах ОЭСР, 2010 г.

Страна	Длительность отпуска по беременности и родам, недели			Длительность отпуска по уходу за ребенком, недели	Размер пособий, % к среднему заработку	
	Всего	До родов	После родов		Отпуск по беременности и родам	Отпуск по уходу за ребенком
Австрия	16	8	8	104	100,0	17,9
Франция	16	6	10	156	100,0	25,8
Германия	14	6	8	156	100,0	22,3
Люксембург	16	8	8	52	100,0	90,2
Нидерланды	16	6	10	52	100,0	24,6
Португалия	17,1	4,3	12,9	26	100,0	25,0
Испания	16	HO*	HO*	156	100,0	0,0
Италия	21,7	4,3	17,3	44	82,0	30,0
Ирландия	26	2	24	28	80,0	0,0
Чехия	14	0	14	0	80,0	0,0
Бельгия	15	6	9	26	76,9	25,2
Финляндия	25,8	8,3	17,5	31,6	70,0	70,0
Япония	14	HO*	HO*	52	60,0	40,0
Канада	15	HO*	HO*	35	55,0	55,0
Греция	17	8	9	26	50,0	0,0
Дания	18	4	14	32	39,1	39,1
Великобритания	39	HO*	HO*	26	14,5	0,0
Австралия	0	0	0	52	0,0	0,0
Новая Зеландия	0	0	0	14	0,0	100,0
Норвегия	0	0	0	56	0,0	100,0
Швеция	0	0	0	68,6	0,0	65,1
США	0	0	0	0	0,0	0,0

* Не определено в законодательстве.

Источник: Gauthier A.H. Comparative family policy database. Ver. 3 [computer file]. Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute and Max Planck Institute for Demographic Research (distributors). 2010. URL: <http://www.demogr.mpg.de>.

Пособие в отпуске по материнству (в связи с рождением ребенка) составляет 100% среднего женского заработка в Австрии, Франции, Германии, Люксембурге, Нидерландах, Португалии и Испании. При этом продолжительность этого отпуска в перечисленных странах — от 14 (Германия) до 17,1 недели (Португалия), в остальных странах этой группы — 16 недель. В большинстве случаев этот отпуск делится в неравных пропорциях, и большая его часть может быть использована только после родов, а до родов в типичном случае его продолжительность составляет 6 недель (в Австрии — 8, в Португалии — 4,3). В Испании и ряде других стран нет принудительного разделения этого отпуска на периоды до и после родов.

После отпуска в связи с рождением ребенка многие страны предоставляют также возможность взять отпуск по уходу за ним, при этом все больше стран, где часть его или весь отпуск целиком может быть использован отцом ребенка (в табл. 4.16 указана максимальная длительность отпуска, который предоставляется матери). В Австрии, Франции, Испании и Германии это длительный период — от 104 до 156 недель, в Люксембурге, Нидерландах — 52 недели, а в Португалии — всего лишь 26 недель. Размер оплаты отпуска по уходу за маленьким ребенком относительно среднего женского заработка в промышленности также сильно варьирует по странам: от 17,9% в Австрии до чуть более 90% в Люксембурге и 100% в Норвегии, а в Испании этот отпуск не оплачивается вовсе.

Можно выделить еще две основные группы развитых стран по длительности и размеру оплаты отпусков.

В *первой группе* оплата отпуска по материнству (по беременности и родам) выше 60%, но ниже 100% женского заработка в промышленности. К этой группе относятся Италия, Ирландия, Чехия (в этих странах выплаты составляют 80–82%), Бельгия, Финляндия и Япония (выплаты — от 60 до 80%). Продолжительность отпуска в связи с рождением ребенка здесь составляет от 14–15 (в Бельгии, Японии и Чехии) до 21–26 (в остальных странах) недель, при этом только в Японии мать сама может решать, взять ли ей какую-то часть этого отпуска до родов, а какую-то после, а в Чехии весь отпуск полностью можно взять только после родов. В остальных странах меньшая часть (от 2 в Ирландии до 8,3 недель в Финляндии) должна быть обязательно использована до родов.

Продолжительность родительского отпуска (по уходу за ребенком) составляет: нулевая в Чехии (на 2010 г.), от 26 до 32 недель в Бельгии, Ирландии и Финляндии и максимальна для этой группы — 44 и 52 недели соответственно — в Италии и Японии. В Ирландии достаточно продолжительный отпуск по уходу за ребенком не оплачивается, в Италии, Бельгии и Японии его плата составляет 25–40% среднего женского заработка, и наиболее щедрой является его плата в Финляндии — 70%.

Во *второй группе* оплата отпусков по материнству относительно низка: Канада, Греция — 50–55% от среднего заработка женщины в промышленности, Дания — 39,1 и Великобритания — 14,5%. При этом в Великобритании этот отпуск более длительный (39 недель) по сравнению с другими странами группы, но зато отпуск по уходу за ребенком (26 недель) в этой стране и вовсе неоплачиваемый. В остальных трех странах отпуск в связи с материнством составляет 15–18 недель. Только в Канаде и Великобритании женщина сама решает, какую часть отпуска ей использовать до родов, а какую — после. Отпуск по уходу за ребенком в странах данной группы достаточно короткий (26–35 недель), в Греции он не оплачивается, в Канаде и Дании плата составляет 55 и 39,1% женского заработка соответственно.

В целом между странами заметны весьма существенные различия в политике по обеспечению совмещения родительства и оплачиваемой работы. Эти различия, скорее всего, стали бы еще существеннее, если бы мы приняли во внимание различия в уровне жизни населения разных стран. Если учитывать только суммарный размер выплат в процентах к средним заработкам, то он больше всего там, где суммарный отпуск длиннее всего и при этом наиболее высоко оплачивается. Это позволяет женщинам не чувствовать себя «оштрафованными за материнство» экономически, однако оставляет открытый вопрос о том, как они в дальнейшем смогут организовать свою трудовую деятельность и не потеряют ли они свою квалификацию за время нахождения в отпуске.

Если отпуск длительный, но мало- или вовсе неоплачиваемый, то это скорее похоже на осознанное или неосознанное вытеснение матерей с рынка труда, что в реальности должно приводить к сильной дифференциации в репродуктивном поведении между разными группами женщин.

Если отпуск короткий или средний, но оплачивается относительно хорошо, то можно предположить, что такой отпуск будет сильно востребован, но за недолгий отрыв от рабочего места потеря квалификации будет минимальной. Очень короткий или отсутствующий, мало- или неоплачиваемый отпуск заставляет женщин принудительно решать вопрос о выборе между участием в рынке труда и материнством без какой-либо амортизации в виде пособий или дополнительного времени вне рабочего места.

4.9.4.3. Исторические изменения в соотношении семейных пособий и среднего заработка в странах ОЭСР

Под руководством А. Готье в Институте демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия) была создана Международная база данных по семейной политике (Family Policy Database)²⁶, которая предоставляет возможность исследовать эволюцию различных параметров семейной политики в 22 странах ОЭСР за период с 1960 по 2008 г. (на момент нашего обращения к базе данных в конце 2015 г.). В ней, в частности, содержатся данные о семейных пособиях (денежных и налоговых льготах), продолжительности отпусков в связи с рождением детей и дальнейшим уходом за ними, а также данные о развитии системы яслей и детских садов, дополненные релевантной экономической и демографической информацией по включенным в базу данных странам.

Интересно проследить, как менялось за длительное время в разных странах соотношение размера пособий к среднему зарплату, в том числе женскому и мужскому.

Можно видеть, что в Австралии и Новой Зеландии динамика несколько отличается от той, которую можно видеть в остальных странах «либерального» режима социальной политики: там в последние годы пособия значительно увеличились по отношению как к средней зарплате, так и к мужским и женским заработкам. В остальных странах заметны периодические колебания — пособия иногда повышают, затем их значение по отношению к заработку постепенно уменьшается, и их снова увеличивают. В Австралии и Новой Зеландии, где пособия в среднем в 2 раза выше, чем в дру-

²⁶ Gauthier A.H. Comparative family policy database. Ver. 3 [computer file]. Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute and Max Planck Institute for Demographic Research (distributors). 2010. URL: <http://www.demogr.mpg.de>.

гих странах «либерального» типа, размер пособий на троих детей не превышают 0,2 от зарплаты. В Ирландии вплоть до последнего времени величина пособий была даже меньше 0,1 от средней зарплаты, но в последние годы заметно подросла. Видна тенденция постепенного сближения размера выплат на детей всех трех очередностей. Кроме того, можно видеть, что во многих странах как этой, так и других групп пособия изначально платили только начиная со второго ребенка.

В странах «корпоративного» режима социальной политики выплаты в среднем больше и составляют на троих детей от 0,15 до 0,25 от среднего заработка в разные годы. Заметно некоторое падение значения пособий во Франции в последнее время. В Японии, напротив, в какой-то момент пособия были существенно увеличены (до 0,2 от средней зарплаты — на троих детей). Выше всего размер выплат в Люксембурге — в некоторые годы их значение доходило до 0,3 от средней зарплаты на троих детей.

В группе «социал-демократических» режимов отношение размера пособий на троих детей к средней зарплате варьирует примерно в границах от 0,1 до 0,2, но тренды в каждой стране разные — в Швеции и Норвегии максимум достигнут в середине рассматриваемого периода (на рубеже 1980—1990-х гг.). В Дании до конца 1990-х происходило постепенное уменьшение значения пособий, затем наблюдался скачкообразный рост с дальнейшей стабилизацией на высоком уровне. В последние годы, а в некоторых из этих стран и в течение всего рассматриваемого исторического периода очень близкие или идентичные суммы выплачиваются на детей всех очередностей — видимо, в связи с представлениями о равенстве детей и необходимости справедливого распределения средств между всеми детьми в стране.

В группе «средиземноморского» режима социальной политики значение пособий ниже всего — в среднем происходят флуктуации их размеров вокруг 0,05 от средней зарплаты на семью с тремя детьми. Тренды при этом разные — в Португалии в течение всех 1960-х и 1970-х гг. значение пособий падало (с величины коэффициента 0,2 в начале периода) и затем стабилизировалось на низком уровне — 0,05. В Испании значение коэффициента колеблется, периодически повышаясь и затем постепенно падая. В Греции самые высокие значения наблюдались на рубеже 1970—

1980-х гг., а в последующем они снижались и затем стагнировали на низком уровне. Италия составляет исключение в данной группе стран: в конце 1980-х гг. значение пособий в ней повышается до 0,15–0,2 от средней зарплаты и с тех пор уже значительно не падает, поскольку довольно часто происходит повышение их размера. В большинстве стран данной группы выплаты, очевидно, рассматриваются именно как дополнительные к каким-то другим источникам дохода, и размер их совсем невелик. Видимо, заранее предполагается помочь работающих и неработающих членов семьи как в финансовом отношении, так и в каждодневной заботе о детях.

Наконец интересно посмотреть, как развивалась политика пособий в Чехии, стране бывшего социалистического лагеря. Картина в ней чем-то напоминает германскую: выплаты колеблются около значения 0,1 к средней женской зарплате в промышленности, то постепенно растут, то также постепенно снижаются. И все-таки значение данного коэффициента в постсоциалистические десятилетия в среднем не намного, но выше, чем было в 1970-х и 1980-х гг.

Итак, можно видеть, что, хотя режимы социальной политики в странах ОЭСР можно определенным образом сгруппировать, исторически любая типология так или иначе обречена на изменения, поскольку государства периодически меняют не только объем выплат и содержание мер семейной политики, но и, вероятно, идеологию, стоящую за применением этих мер. Отдельные страны переходят из группы в группу, а со временем становится видно, что уже, вероятно, и сами группы пора называть иначе. С этой точки зрения, несмотря на то что классическая модель Эспин-Андерсена продолжает оставаться релевантной с точки зрения истоков систем политики, заложенных в национальной истории и культуре, на наш взгляд, пришло время для новых моделей, в частности Бойе — Эйрнса, рассмотренной выше, которая лучше отражает современное состояние и развитие семейной политики в развитых странах.

Российским разработчикам социальной политики следует принять во внимание мнение ученых, опирающихся на международный опыт, что слишком длительный отпуск в связи с материнством неблагоприятен с точки зрения поддержки участия женщин на рынках труда, а что касается выплат, они могут быть не чрезмер-

но большими, но должны быть привязаны к экономической ситуации и меняться вместе с изменениями средней зарплаты в стране. При этом, естественно, не должно быть проблем с их получением, как нередко бывает в России, когда женщины испытывают затруднения в получении причитающихся им по закону денег, находясь в отпуске по уходу за ребенком.

Многочисленные исследования показывают, что связь между направлением семейной политики и уровнем рождаемости хотя в определенной степени и прослеживается, но вариативность здесь очень велика, что означает важность учета сложного переплетения идеологических, политических и экономических составляющих при принятии конкретным государством решений в этой области.

Так или иначе согласованное мнение международного сообщества специалистов заключается в том, что даже если непосредственное влияние семейной политики на рождаемость труднодоказуемо или невелико, семейная политика имеет значение с точки зрения общего благосостояния семей, а также она имеет и символический смысл, показывающий людям заинтересованность общества в том, чтобы дети появлялись на свет желанными, благополучно росли и социализировались.

5. Смертность и продолжительность жизни в России

5.1. Снижение числа умерших приостановилось в 2014 г.

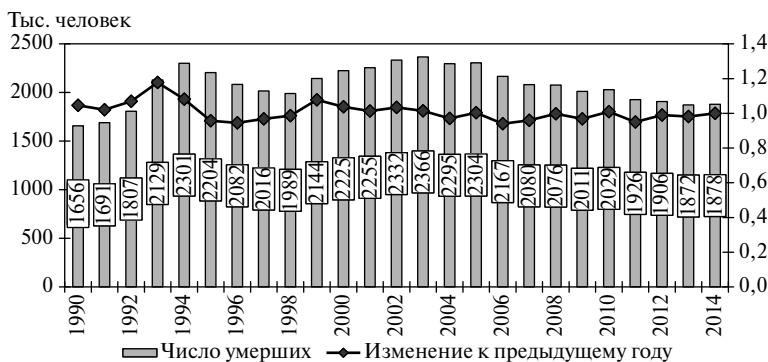
Начиная с 2003 и до 2013 г. число умерших в России год за годом сокращалось (за исключением 2005 и 2010 гг., в последнем случае увеличение было вызвано на редкость жарким летом и многочисленными пожарами в лесах и на торфяниках). Однако в 2014 г. число умерших в России составило 1878,0 тыс. человек, что означает прирост на 6,2 тыс. по сравнению с 2013 г. Число умерших от болезней увеличилось на 4,8 тыс. человек, а число умерших от внешних причин (несчастных случаев, травм, убийств и самоубийств) — на 1,4 тыс. Тем не менее по сравнению с 2003 г. число умерших все еще меньше на 487,8 тыс. человек, в том числе за счет болезней на 339,4 тыс.¹ и за счет внешних причин на 148,4 тыс., что говорит о позитивных тенденциях предшествующих лет. В то же время достижения не столь уж велики — абсолютное число смертей в России все еще выше, чем в начале 1990-х гг., при несколько меньшей численности населения (рис. 5.1).

Если в сельской местности в 2014 г. по сравнению с 2013-м отмечалось, хоть и незначительное, снижение абсолютного числа умерших (на 0,1%), то в городских поселениях, напротив, отмечалася вполне заметный рост (на 0,5%), причем у мужчин больше (на 0,7%), чем у женщин (на 0,3%).

Как известно, на динамику числа умерших сильное влияние оказывают изменения возрастной структуры населения России. В последние 12 лет это влияние было неблагоприятным, так как увеличивались число и доля пожилых и престарелых людей, приводившие к росту общего числа умерших (лишь один раз и только у женщин в 2001 г. изменение возрастной структуры немного сни-

---

¹ Данные о числе умерших в Чеченской Республике за 1994–2003 гг. и причинах смерти за 2003 г. отсутствуют. В данном случае показатель по Чеченской Республике за 2003 г. оценен с учетом данных за последующие годы.

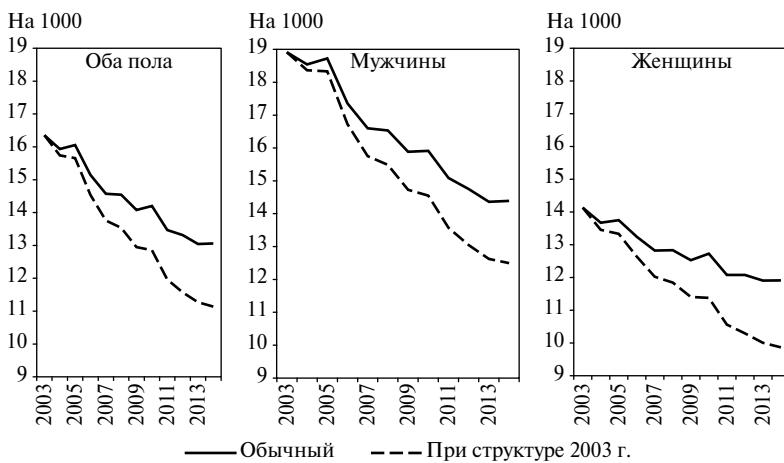
Рис. 5.1. Число умерших в России (левая ось) и годовые темпы его изменений (правая ось), 1990–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

зило число умерших)². И все же решающее значение на изменение числа смертей оказывали колебания возрастных интенсивностей смертности, то увеличивая, то снижая общее число умерших. Если сравнить общий коэффициент смертности, который так же, как и абсолютное число умерших, зависит от возрастной структуры, со стандартизованным коэффициентом, позволяющим освободиться от этой зависимости (приняв в качестве стандарта возрастную структуру 2003 г.), то можно увидеть некоторое снижение смертности и в 2014 г. как у мужчин, так и у женщин (рис. 5.2).

Таким образом, использование абсолютных чисел смертей при анализе долговременных тенденций может приводить к ошибкам, но при анализе краткосрочной динамики использование чисел умерших вполне оправдано. На рис. 5.3 представлено изменение чисел умерших в России по месяцам за период после распада СССР. Поскольку число дней в месяцах разное, было рассчитано среднее число умерших в день. Видно, как по мере свертывания антиалкогольной кампании число умерших в стране росло все быстрее, достигнув максимума в конце 1994 — самом начале 1995 г. Быстрый рост сменился более медленным снижением с достижением минимума в конце 1997 г. Новый рост, значительно более

² Население России 2007: пятнадцатый ежегод. демогр. доклад. М.: Изд. дом ВШЭ, 2009. С. 176–178.

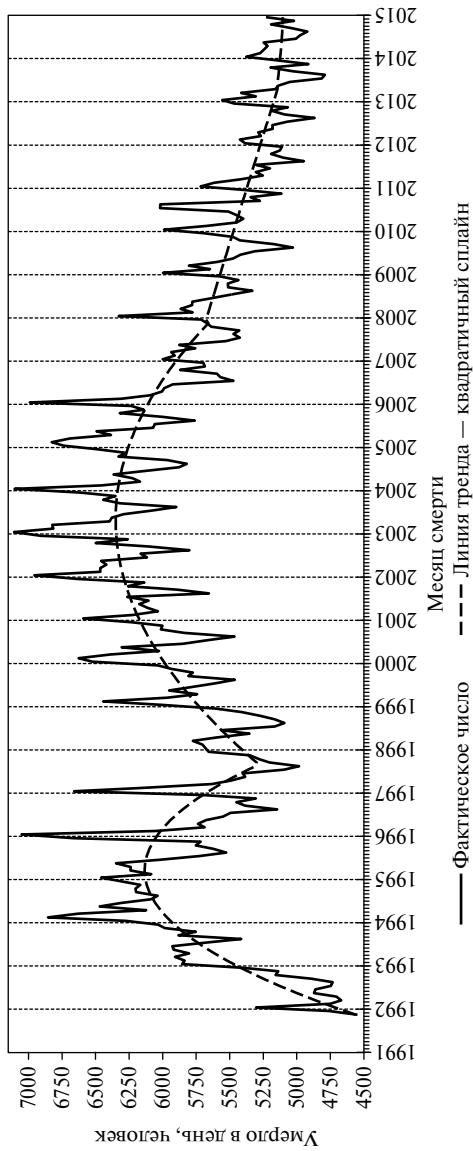
Рис. 5.2. Общий коэффициент смертности в России в 2003–2014 гг. и стандартизованный коэффициент при возрастно-половой структуре 2003 г.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

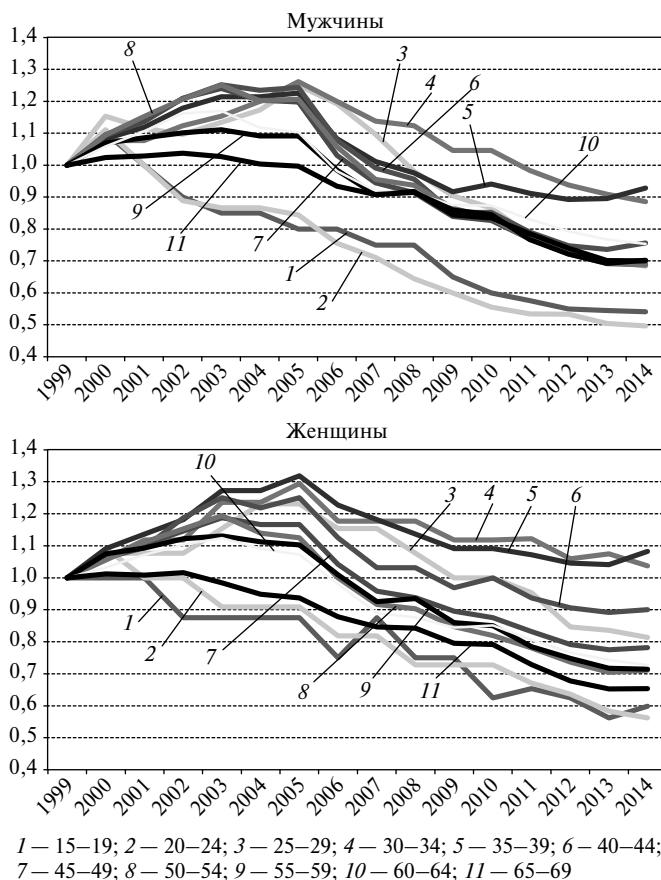
медленный, чем в 1991–1993 гг., продолжался примерно до апреля 2003 г., а затем произошло ускоренное снижение чисел умерших. Летом 2006 г. ситуация стабилизировалась, снижение чисел умерших замедлилось и продолжилось относительно неизменным темпом до конца 2013 г. В отношении 2014 г. можно говорить о некоторой стагнации абсолютных чисел умерших.

На протяжении последних 16 лет изменение возрастных коэффициентов смертности было разнонаправленным. Так, если в средних возрастных группах (от 25 до 60 лет) отмечались и подъемы, и спады показателей, то интенсивность смертности в более молодых возрастных группах 15–24 лет снижалась на всем протяжении данного периода (рис. 5.4). В самых младших и старших возрастных группах преобладали стагнация или даже снижение возрастных коэффициентов (особенно у детей 1–4 и 5–9 лет).

В 2014 г. по сравнению с 2013-м изменение смертности в отдельных возрастных группах было неоднозначным: в возрастах 35–44 лет и у мужчин, и у женщин отмечался рост возрастных коэффициентов на 1–4%, в возрастах 10–14 лет — на 2%, а у женщин

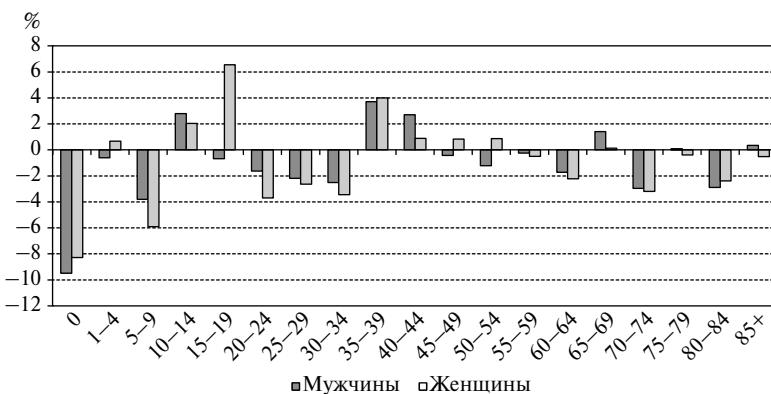
Рис. 5.3. Среднее число умерших в день в России по месяцам с ноября 1991 по декабрь 2014 г.
Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Рис. 5.4. Изменение возрастных коэффициентов смертности в возрастах от 15 до 70 лет, 1999–2014 гг., 1999 г. = 1

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

в возрастах 15–19 лет — даже на 6,5% (рис. 5.5). Все это вызывает необходимость более внимательного изучения последних тенденций смертности среди подростков и молодежи.

Рис. 5.5. Изменение возрастных коэффициентов смертности в возрастных группах в 2014 г. по сравнению с 2013 г.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

5.2. Рост продолжительности жизни почти остановился

На восстановительный характер изменений смертности после 2003 г. помимо динамики числа умерших указывает и динамика продолжительности жизни населения России (табл. 5.1, рис. 5.6).

Существенно различаются по годам темпы роста продолжительности жизни, различны они в городах и сельской местности. Меньше всего в 2003–2014 гг. выросла продолжительность жизни сельских женщин — на 4,5 года, более всего — городских мужчин — на 6,8 года. Рост в 2003–2005 гг. был весьма медленным, особенно в сельской местности, а у сельских женщин вообще до 2005 г. можно говорить о стабильности уровня. После 2005 г. скорость заметно возросла, но неустойчивость сохранилась. Замедление роста в 2010 г. можно рассматривать как последствие необычной жары, и коснулось оно только городского населения.

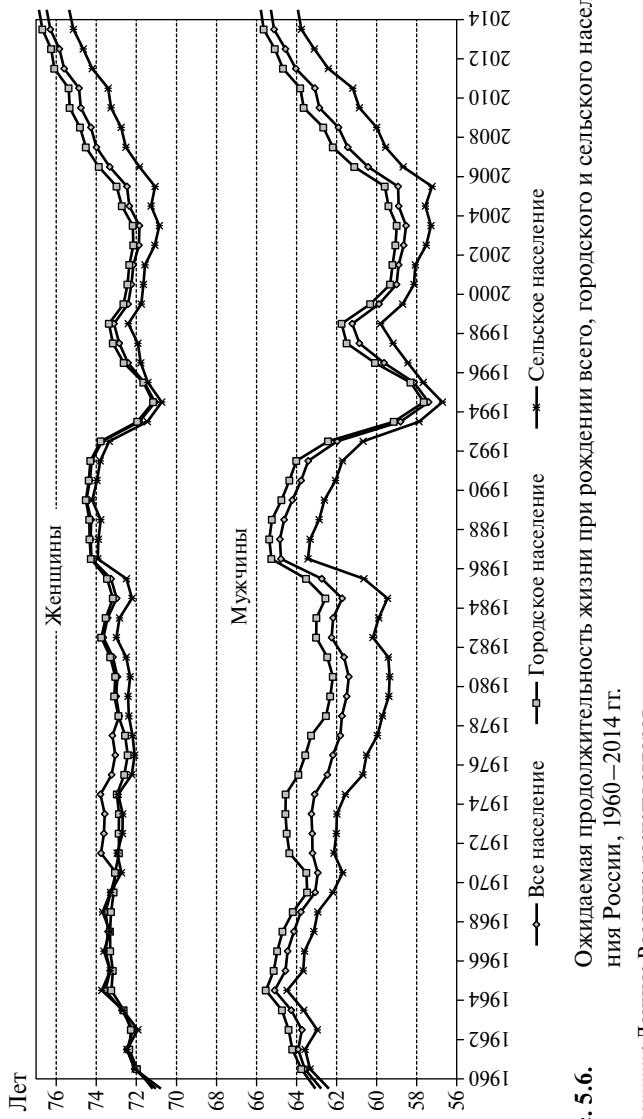
В 2014 г. отмечался незначительный прирост ожидаемой продолжительности жизни, причем он был выше у женщин (0,19 года), чем у мужчин (0,16 года), и немного выше у сельского, чем у городского населения (соответственно 0,19 и 0,15 года).

Таблица 5.1. Ожидаемая продолжительность жизни в России по расчетам Института демографии НИУ ВШЭ, лет

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
1987	69,90	64,83	74,28	70,21	65,36	74,33	68,84	63,32	73,90
1988	69,74	64,61	74,26	70,12	65,23	74,36	68,48	62,87	73,79
1989	69,59	64,20	74,50	69,91	64,75	74,52	68,47	62,60	74,21
1990	69,22	63,76	74,32	69,59	64,35	74,37	67,99	62,05	73,96
1991	68,97	63,42	74,23	69,35	64,01	74,30	67,70	61,70	73,81
1992	67,85	61,96	73,71	68,17	62,42	73,78	66,82	60,67	73,36
1993	65,09	58,81	71,85	65,37	59,14	71,95	64,21	57,88	71,46
1994	63,83	57,40	71,07	64,07	57,64	71,16	63,12	56,71	70,74
1995	64,54	58,13	71,61	64,71	58,30	71,65	64,01	57,66	71,42
1996	65,81	59,63	72,42	66,22	60,07	72,63	64,64	58,44	71,78
1997	66,74	60,86	72,85	67,30	61,50	73,17	65,16	59,17	71,92
1998	67,06	61,21	73,12	67,53	61,74	73,37	65,74	59,80	72,40
1999	65,94	59,88	72,42	66,35	60,32	72,64	64,75	58,70	71,76
2000	65,32	59,00	72,24	65,67	59,33	72,44	64,33	58,13	71,65
2001	65,21	58,90	72,15	65,54	59,20	72,35	64,25	58,07	71,57
2002	64,92	58,65	71,88	65,36	59,05	72,15	63,66	57,52	71,08
2003	64,84	58,53	71,84	65,34	58,98	72,18	63,41	57,28	70,85
2004	65,30	58,90	72,35	65,85	59,40	72,72	63,77	57,56	71,27
2005	65,37	58,92	72,48	66,09	59,58	72,99	63,46	57,23	71,06
2006	66,68	60,42	73,33	67,42	61,11	73,87	64,73	58,68	71,84
2007	67,59	61,44	73,99	68,35	62,18	74,52	65,56	59,54	72,53
2008	67,98	61,90	74,27	68,75	62,65	74,81	65,91	59,99	72,76
2009	68,77	62,86	74,78	69,56	63,64	75,33	66,66	60,86	73,27
2010	68,93	63,08	74,87	69,68	63,81	75,38	66,91	61,18	73,41
2011	69,83	64,04	75,61	70,51	64,67	76,10	67,99	62,40	74,21
2012	70,23	64,55	75,84	70,82	65,08	76,26	68,60	63,11	74,65
2013	70,76	65,12	76,29	71,33	65,64	76,69	69,18	63,75	75,14
2014	70,93	65,28	76,48	71,48	65,78	76,87	69,37	63,93	75,35

Примечание. Как отмечалось в предыдущих докладах «Население России», наши оценки продолжительности жизни несколько отличаются от официальных, но отличие невелико. Главное преимущество представленных показателей в том, что продолжительность жизни населения России за длительный период рассчитана по единой методике. По официальным данным ожидаемая продолжительность жизни в 2014 г. составила для мужчин на 0,01 больше, а для женщин — на 0,01 меньше, чем по нашим расчетам.

Источник: Расчеты авторов на основе неопубликованных данных Росстата.

Рис. 5.6.

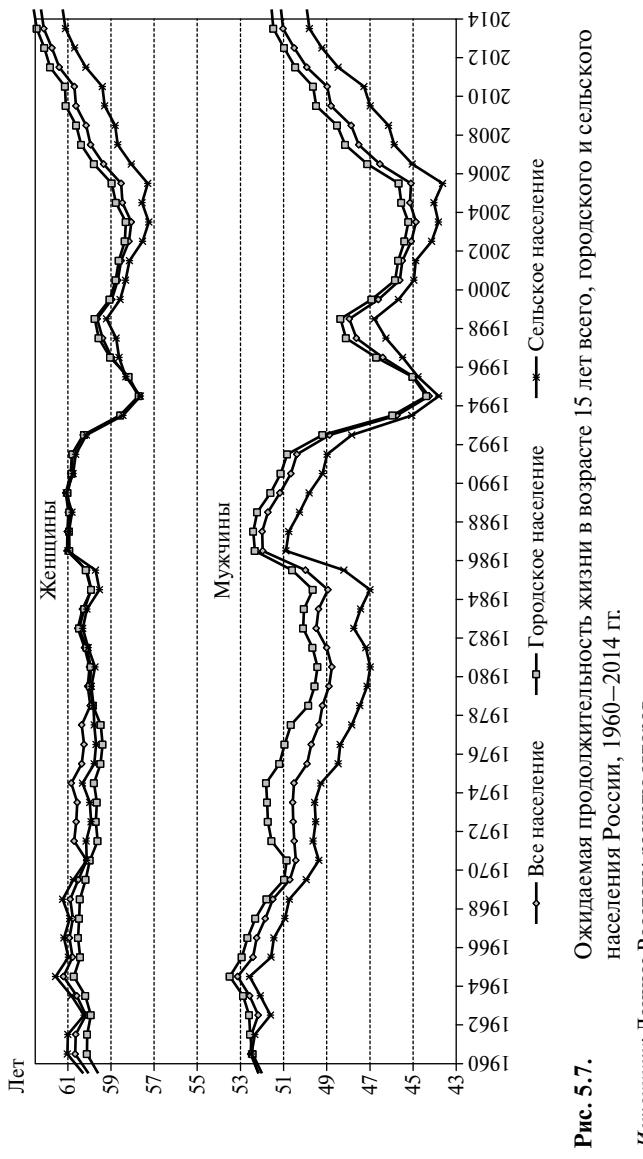
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего, городского и сельского населения России, 1960–2014 гг.

Источники: Данные Росстата, расчеты авторов.

Длительное снижение продолжительности жизни мужчин после 1964 г. связано преимущественно с ростом смертности взрослых: с 1964 по 1980 г. продолжительность жизни для достигших возраста 15 лет снизилась на 4,2 года.

Динамика продолжительности жизни в возрасте 15 лет в целом повторяет динамику продолжительности жизни при рождении (рис. 5.7). Разница двух показателей зависит главным образом от уровня смертности детей в возрасте 0–15 лет. В начале 1960-х гг. продолжительность жизни детей в возрастном интервале 0–15 лет составляла около 11 лет, вплоть до настоящего времени она почти монотонно росла и в 2014 г. была немногим более 14 лет. Поскольку ее максимальная возможная величина — 15 лет, то это означает, что резерв увеличения продолжительности жизни за счет детской, в том числе младенческой, смертности близок к исчерпанию. Еще один факт, который необходимо учитывать, — это переход на новое определение живорождения. Он несколько повысил показатель младенческой смертности в России в 2012 г., но влияние этого увеличения на продолжительность жизни при рождении было невелико ($-0,08$ года у мужчин и $-0,09$ года у женщин). Последующее снижение младенческой смертности в 2013–2014 гг. на 1,2% до 7,4 на 1000 родившихся живыми увеличило по сравнению с 2012 г. ожидаемую продолжительность жизни при рождении и у мужчин, и у женщин на 0,1 года.

Различия в продолжительности жизни и при рождении, и в возрасте 15 лет между женщинами, живущими в городах и сельской местности, были незначительными и нерегулярными вплоть до начала 1990-х гг. Однако в некоторые годы продолжительность жизни женщин во всем населении оказывалась выше, чем в городах и сельской местности. Это не ошибка расчетов. Такая возможность вытекает из принципов расчета таблиц смертности. Она означает, что смертность в одних возрастах, как правило детских и рабочих, была несколько ниже в городах, а в других, как правило пенсионных, была ниже в сельской местности. Соотношение численностей соответствующих возрастов сложилось так, что в детских и рабочих возрастах показатели всего населения были ближе к городским, а в пенсионных — к сельским. В результате продолжительность жизни всех женщин оказалась выше, чем в городах и сельской местности.

Рис. 5.7. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет всего, городского и сельского населения России, 1960–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

В целом рост продолжительности жизни после 2003 г. скорее можно охарактеризовать как восстановительный, надеясь, что в последующие годы, задействовав научные открытия и наработанные методики, сохраняющие человеческие жизни, удастся удержать благоприятные тенденции. Однако по современным меркам отмечающийся уровень крайне низок. По показателям продолжительности жизни Россия отстает от большинства развитых стран, и это отставание нарастает, иногда превышая 10, а у мужчин — почти 15 лет (рис. 5.8).

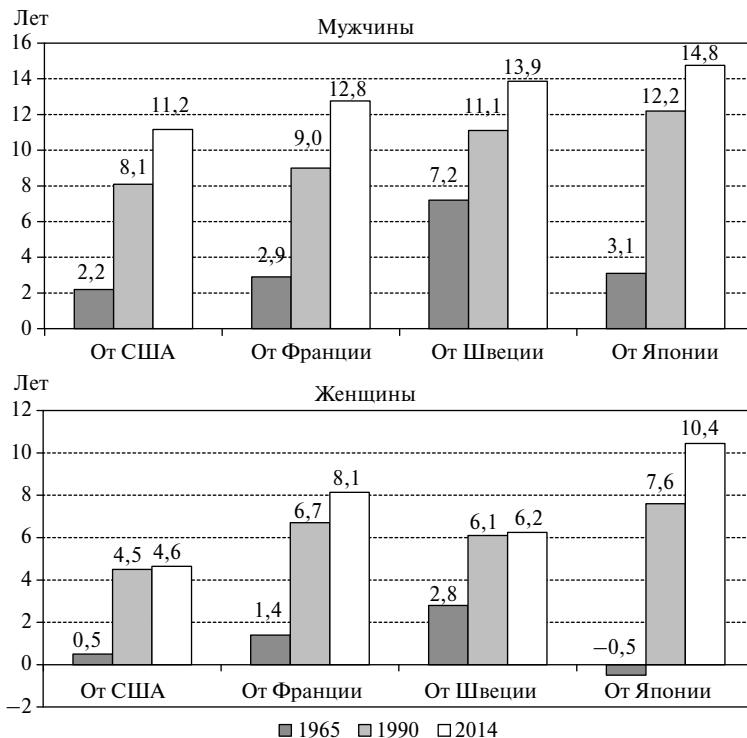

Рис. 5.8.

Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни при рождении от США, Франции, Швеции и Японии в 1965, 1990 и 2012–2014 гг. (Россия — 2014 г., остальные страны — 2012 г.)

Источники: Данные Росстата и Евростата, ВОЗ, CDC; расчеты авторов.

5.3. Неодинаковое влияние возрастных групп и основных причин смерти на продолжительность жизни в России

В табл. 5.2 представлено разложение роста продолжительности жизни при рождении по возрастным группам³ за период с 1990 по 2014 г. Границы временных интервалов выбраны с учетом чередовавшихся периодов роста и снижения уровней смертности в России. Как видим, за рассматриваемый период последовательно рас-

Таблица 5.2. Вклад отдельных возрастных групп в изменение продолжительности жизни в России, лет

Период	Все возраста	0–14 лет	15–44 года	45–64 года	65 лет и более
<i>Мужчины</i>					
1990–1994	−6,37	−0,17	−2,74	−2,76	−0,7
1994–1998	3,82	0,23	1,36	1,82	0,41
1998–2003	−2,68	0,32	−1,11	−1,57	−0,32
2003–2013	6,65	0,55	2,10	2,82	1,18
2013–2014	0,16	0,07	−0,02	0,06	0,05
1990–2014	1,58	1,00	−0,41	0,37	0,62
<i>Женщины</i>					
1990–1994	−3,25	−0,18	−0,86	−1,4	−0,81
1994–1998	2,06	0,18	0,42	0,97	0,49
1998–2003	−1,28	0,28	−0,5	−0,78	−0,28
2003–2013	4,63	0,45	0,60	1,54	2,04
2013–2014	0,19	0,07	0,01	0,01	0,10
1990–2014	2,35	0,80	−0,33	0,34	1,54

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

³ Метод декомпозиции изменений продолжительности жизни по возрастным группам и причинам смерти описан в работе: *Андреев Е.М.* Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики. 1982. № 9. С. 42–48. Его современный вариант представлен в статье: *Andreev E.M., Shkolnikov V.M., Begun A.Z.* Algorithm for decomposition of differences between aggregate demographic measures and its application to life expectancies, healthy life expectancies, parity progression ratios and total fertility rates // Demographic Research. 2002. Vol. 7. P. 499–521.

тет положительный вклад детских возрастов. Колебания смертности во взрослых возрастах способствовали то снижению, то росту продолжительности жизни, и в последние годы вплоть до 2013 г. значительно вырос вклад возрастов старше 65 лет. Но в 2014 г. снижение смертности было минимальным практически во всех возрастах, а у мужчин в возрастах 15–44 лет отмечался даже незначительный ее рост, который способствовал снижению продолжительности жизни на 0,02 года. В целом же ситуации для мужчин и женщин очень похожи, лишь масштаб колебаний у женщин существенно меньше. Так, если сравнить влияние изменений смертности в возрастных группах в целом за период с 1990 по 2014 г. (рис. 5.9), то более 70% роста продолжительности жизни определило снижение смертности у мужчин в возрастах от 20 до 64 лет, а у женщин — от 50 лет и старше.

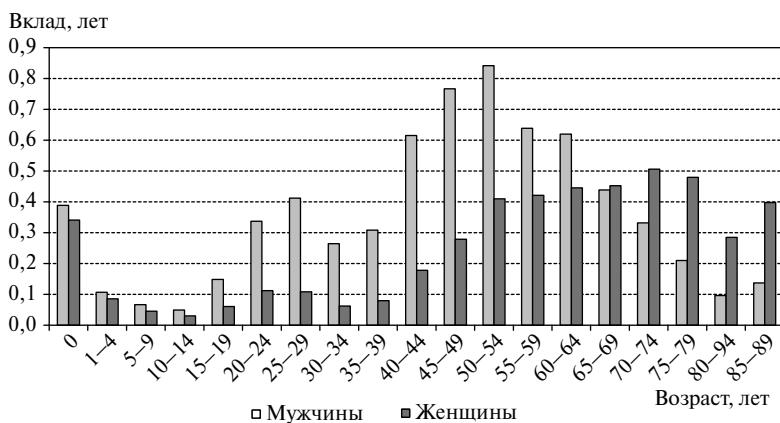
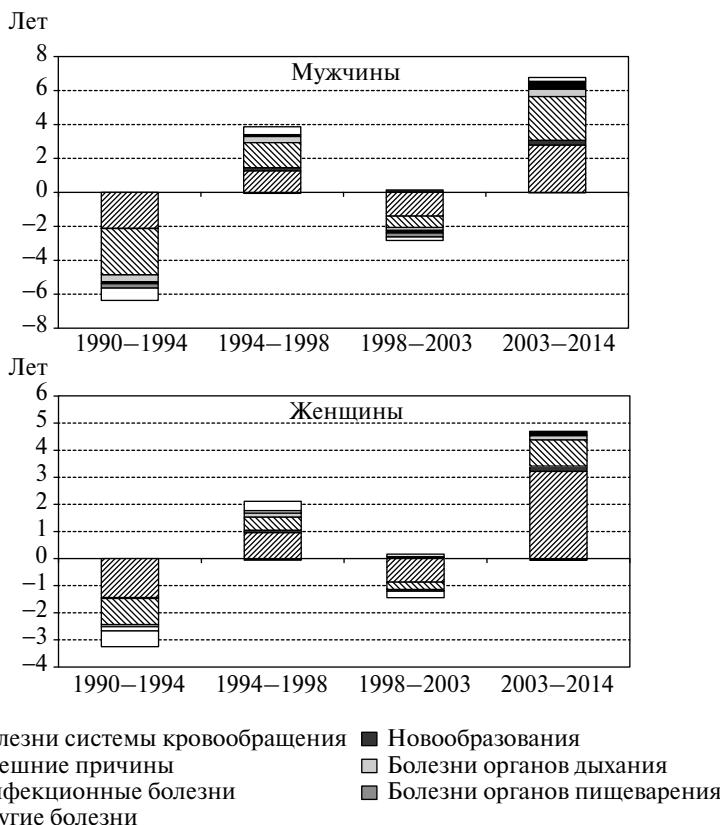

Рис. 5.9.

Вклад отдельных возрастов в рост продолжительности жизни в России, 2003–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Анализ вклада в рост продолжительности жизни изменений смертности от крупных классов причин смерти также указывает на восстановительный характер этого роста. В благоприятные годы снижалась смертность от тех причин, от которых она выросла, когда шел рост смертности, т.е. происходило наверстывание утраченного (рис. 5.10). Так, снижение продолжительности жизни в 1990–

Рис. 5.10.

Вклад крупных классов причин смерти в падение
и рост ожидаемой продолжительности жизни
в 1990–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

1994 гг. на три четверти и у мужчин, и у женщин было следствием роста смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин, но вклад этих причин различался. У мужчин 43% внесло снижение смертности от внешних причин и 34% — от БСК, а у женщин, напротив, вклад БСК был значительнее, чем внешних причин, соответственно 47 и 29%. Эти же причины внесли основ-

ной вклад (у мужчин — 77% и у женщин — 85%) в рост продолжительности жизни в 2003–2014 гг. При этом у мужчин вклад и БСК, и внешних причин был практически равнозначным, соответственно 39 и 38%, а у женщин вклад БСК был в 3 раза больше, чем внешних причин, соответственно 65 и 20%. Однако, несмотря на то что получен определенный выигрыш, особенно у женщин, за счет снижения смертности от заболеваний системы кровообращения в целом, он все же очень невелик.

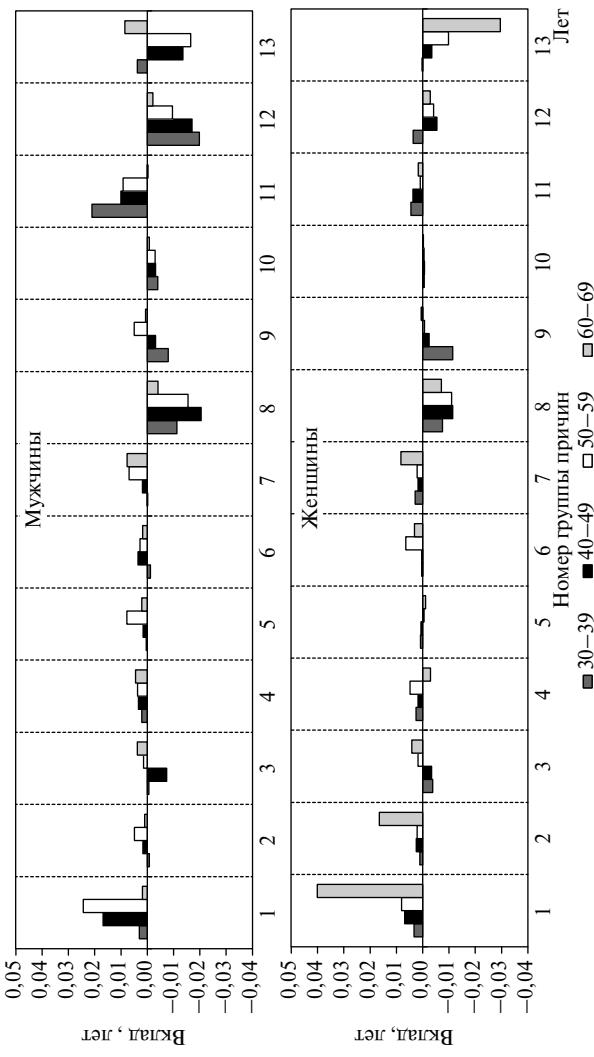
Крайне незначительный рост продолжительности жизни в 2014 г. был следствием снижения смертности в большей степени в детских возрастах. Напротив, увеличение смертности в более старших возрастах определило снижение, хотя и незначительное, показателя продолжительности жизни. При этом основными причинами, которые оказали отрицательное влияние на изменение продолжительности жизни, были болезни органов пищеварения, инфекции, другие болезни БСК (кроме ишемии и инсультов), внешние причины (без самоубийств и убийств) и группа других причин (рис. 5.11).

Таким образом, в 2014 г. наметились весьма тревожные изменения в смертности в России. Постараемся разобраться в сложившейся ситуации со смертностью более тщательно.

5.4. Что произошло с российской смертностью в 2014 г.?

С 2003 по 2013 г. продолжительность жизни мужчин в России выросла на 6,6 года, а женщин — на 4,5 года, среднегодовой прирост продолжительности жизни составлял 0,66 и 0,45 года соответственно. Падение темпов роста в 2010 г. было компенсировано в 2011 г., так что среднегодовой рост с учетом 2010–2011 гг. и без их учета совпадают.

В 2014 г. не было ни жары, ни пожаров, внутригодовая динамика смертности, как мы покажем дальше, не указывает ни на какие чрезвычайные обстоятельства, а прирост продолжительности жизни снизился до уровня 0,17 года (0,16 года у мужчин и 0,19 года у женщин). При этом вклад всех 15-летних возрастных групп в рост продолжительности жизни, кроме возрастов 0–14 лет, резко сокра-

Рис. 5.11. Вклад крупных групп причин смерти в изменение ожидаемой продолжительности жизни в 2014 г. по сравнению с 2013 г.

причины смерти: 1 — ишемия; 2 — инсульты; 3 — другие кардиоваскулярные болезни; 4 — болезни органов дыхания; 5 — рак трахеи, бронхов и легких; 6 — рак органов пищеварения; 7 — другие новообразования; 8 — болезни органов пищеварения; 9 — инфекции; 10 — слуховые отравления алкоголем; 11 — самоубийства и убийства; 12 — другие причины; 13 — все другие причины

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

тился по сравнению как со среднегодовым для 2003–2012 гг., так и с предыдущим годом (табл. 5.3), а вклад возрастных групп 30–44 лет у мужчин и 30–44 и 45–59 лет у женщин стал отрицательным.

Таблица 5.3. Вклад возрастных групп в рост продолжительности жизни в России в 2003–2012 гг., с 2012 по 2013 г. и с 2013 по 2014 г., лет

Возраст, лет	Мужчины			Женщины		
	В среднем в 2003–2012 гг.	С 2012 по 2013 г.	С 2013 по 2014 г.	В среднем в 2003–2012 гг.	С 2012 по 2013 г.	С 2013 по 2014 г.
0–14	0,05	0,07	0,02	0,04	0,08	0,05
15–29	0,09	0,09	-0,04	0,03	0,03	0,00
30–44	0,13	0,12	0,02	0,03	0,03	-0,01
45–59	0,23	0,22	0,06	0,12	0,11	-0,01
60–74	0,13	0,13	0,03	0,13	0,13	0,08
75+	0,04	0,04	0,02	0,09	0,09	0,07

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Единственное обстоятельство, которое привлекает внимание при анализе возрастных и стандартизованных коэффициентов смертности, — это рост с 16,2 на 100 тыс. до 17,1, или на 5,6%, стандартизованного коэффициента смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем. Напомним, что до этого стандартизованный коэффициент смертности от этой причины устойчиво снижался с 2004 г. Случайные отравления алкоголем сами по себе на уровень продолжительности жизни влияют незначительно, этот рост привел к сокращению продолжительности жизни мужчин на 0,01 года. Но смертность от данной причины в условиях России является самым надежным индикатором потребления крепкого алкоголя⁴.

В предыдущем демографическом докладе «Население России 2013» мы предприняли попытку определить основные факторы роста продолжительности жизни населения России за 10 лет⁵. Общий рост продолжительности жизни был представлен как сумма

⁴ Немцов А.В., Терехин А.Т. Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России // Наркология. 2007. № 12. С. 29–36.

⁵ Население России 2013. С. 202–206.

трех компонентов. Первый связан со снижением смертности в результате опасного потребления алкоголя. Второй компонент — следствие успехов в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, современный этап которой получил название «кардиоваскулярной революции». Наконец третий компонент не имеет четко выраженной причины и отражает общий положительный тренд в условиях жизни и охране здоровья населения (табл. 5.4).

Таблица 5.4. Оценка компонентов роста продолжительности жизни в России в 2003–2013 гг., лет

Рост продолжительности жизни	Мужчины	Женщины
Общий	6,6	4,5
В том числе в результате:		
снижения смертности от ситуаций и болезней, связанных с опасным потреблением алкоголя	2,6	1,0
снижения смертности от болезней системы кровообращения, помимо снижения, связанного с потреблением алкоголя	2,1	2,5
в результате благоприятной динамики смертности от большинства других причин	1,9	1,0

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Расчеты показывают, что ситуации и болезни, связанные с опасным потреблением алкоголя, включают случайные отравления алкоголем, ишемическую болезнь и другие болезни сердца в возрастах до 65 лет, значительную часть самоубийств, убийств и несчастных случаев во взрослых возрастах. Связь потребления алкоголя со смертностью от внешних причин кажется очевидной, но влияние алкоголя на смертность от болезней системы кровообращения до сих пор у многих вызывает сомнения. Эпидемиологические исследования показали, что «опасное потребление алкоголя», выражающееся в систематическом единовременном потреблении большого объема крепкого алкоголя, запоях и т.д.⁶, существенно увеличивает риск смерти от болезней системы кровообращения в относительно молодых возрастах.

⁶ Leon D.A., Saburova L., Tomkins S., Andreev E.M., Kiryanov N., McKee M., Shkolnikov V.M. Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: a population based case-control study // Lancet. 2007. Vol. 369 (9578). P. 2001–2009.

Факт роста смертности от алкогольных отравлений и, весьма вероятно, от других причин, связанных с потреблением алкоголя, заставляет вновь обратиться к вопросу о причинах снижения алкогольной смертности после 2003 г. Известные специалисты в области алкогольной смертности в России совершенно по-разному оценивают причины снижения смертности. Так, Д.А. Халтурина и А.В. Коротаев⁷ связывают снижение алкогольной смертности с изменениями, внесенными в 2005 г. в законодательство. А.В. Немцов и К.В. Шелыгин⁸ гораздо осторожнее оценивают влияние законотворчества на снижение смертности и в большей мере связывают его с неразберихой, возникшей при реализации принятых законов. П.М. Григорьев и Е.М. Андреев⁹ не смогли найти соответствие между хронологией мер по борьбе с алкогольной смертностью в Белоруссии и России и хронологией изменений смертности. Антиалкогольная политика, вероятно, способствовала значительному сокращению смертности в обеих странах в 2005–2006 гг., а в Белоруссии — и в 2012 г. Но, по мнению авторов, эффект мер политики был весьма скромным, а наблюдаемое снижение смертности есть продолжение колебаний смертности под действием событий, которые произошли в прошлом.

Начало колебаниям смертности и продолжительности жизни положила антиалкогольная кампания. Население страны весьма неоднородно по отношению к алкоголю, но долгое время состав живущих с точки зрения активности потребления алкоголя и тяжести последствий оставался стабильным. Ограничение доступа к алкоголю в годы антиалкогольной кампании отсрочило смерть довольно многочисленной группы лиц, склонных к «опасному потреблению алкоголя», кто в отсутствие антиалкогольной кампании умер бы гораздо раньше. После конца кампании смертность резко возросла. Так и началась серия колебаний алкогольной смертно-

⁷ Khatourina D., Korotayev A. Effects of specific alcohol control policy measures on alcohol-related mortality in Russia from 1998 to 2013 // Alcohol and Alcoholism. 2015. Sept. No. 50 (5). P. 588–601.

⁸ Немцов А.В., Шелыгин К.В. Антиалкогольные законы 2005 г. и снижение потребления алкоголя в России // Вопросы наркологии. 2015. № 1. С. 83–93.

⁹ Grigoriev P., Andreev E.M. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures? // PLoS One. 2015. No. 10. P. 9.

сти¹⁰. В странах Балтии эти колебания прекратились в конце 1990-х гг., в России и Белоруссии продолжились дольше. Рост смертности от случайных отравлений алкоголем в 2014 г. заставляет опасаться, что колебания алкогольной смертности не закончились.

Многим кажется чрезмерной наша оценка влияния потребления алкоголя на продолжительность жизни. В этой связи мы приводим известный график, впервые опубликованный А.В. Немцовым и В.М. Школьниковым в 1994 г.¹¹ (рис. 5.12). Колебания продолжительности жизни мужчин в России и стандартизованного коэффициента смертности от случайных отравлений алкоголем

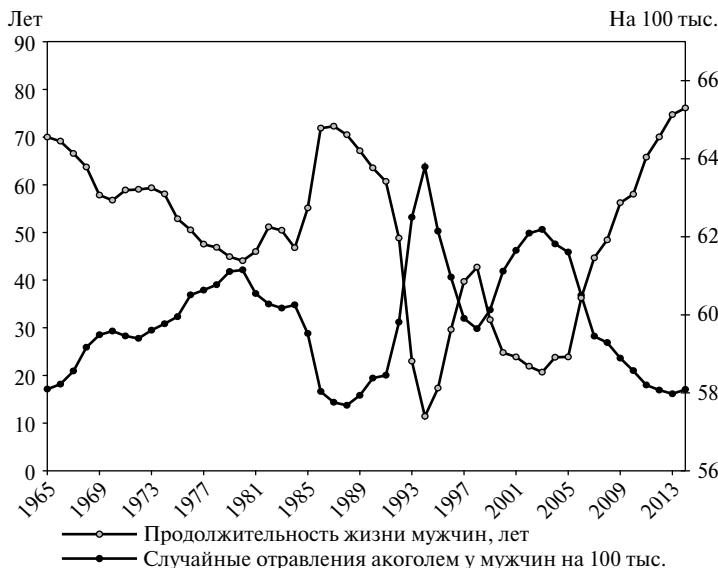

Рис. 5.12.

Колебания продолжительности жизни мужчин (левая ось) и стандартизированного коэффициента смертности от случайных отравлений алкоголем (правая ось)

¹⁰ Avdeev A., Blum A., Zakharov S., Andreev E. Réaction d'une population hétérogène à une peretrubation. un modèle d'interprétation des évolutions de mortalité en Russie // Population. 1997. No. 1. P. 7–44.

¹¹ Немцов А.В., Школьников В.М. Жить или пить // Известия. 1994. 19 июля.

почти зеркально повторяют друг друга на протяжении 50 лет. Лишь дважды (в 1984 и 1989 гг.) снижение коэффициента не сопровождалось немедленным ростом продолжительности жизни, и дважды (в 1974 и 2014 гг.) рост коэффициента не сопровождался снижением.

Снижение смертности от болезней системы кровообращения, помимо снижения, связанного с потреблением алкоголя, наблюдалось среди женщин старших возрастов. Начиная с 2004 г. снижалась смертность женщин от инсультов. Потом снижение затронуло и мужчин. Его можно связать с распространением в населении контроля артериального давления¹². Позже началось снижение смертности от ишемической болезни сердца. Представляется, что определенную роль сыграл рост доступности высокотехнологической медицинской помощи в результате реализации национального проекта «Здоровье». За 10 лет с 2003 по 2013 г. число операций на сердце по поводу ишемии выросло в 8,4 раза. В 2014 г. продолжился рост числа операций на сердце в связи с ишемической болезнью сердца. По сравнению с 2013 г. число операций возросло на 22%, возобновился после снижения рост числа операций аортокоронарного шунтирования, число операций ангиопластики коронарных артерий выросло на 28%.

К сожалению, анализ смертности по причинам смерти за последние годы серьезно осложнен тем, что регионы, стремясь достичь целевых показателей смертности, меняют практику кодирования причин смерти, причем не вполне ясно, насколько эти изменения оправданы. Мы сравнили числа умерших от трех ведущих классов причин смерти — болезни системы кровообращения, внешние причины и новообразования и остальных причин в 2013 и 2014 гг. При росте общего числа умерших по России в целом на 0,3% число умерших от болезней системы кровообращения уменьшилось за один год на 6,1%, а от группы «остальные причины» выросло на 17,2%, что само по себе кажется маловероятным. Анализ региональных данных не оставляет сомнения в том, что число умерших от болезней системы кровообращения упало особенно сильно именно там, где сильно выросло число умерших от «остальных причин» (коэффициент корреляции $-0,95$, значим

¹² Школьников В.М., Андреев Е.М., Макки М., Леон Д.А. Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов // Демографическое обозрение. 2014. № 2. С. 5–37.

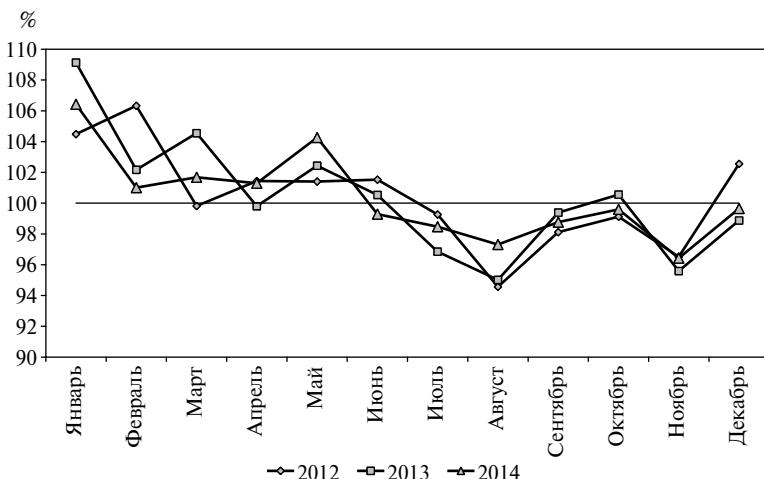
при уровне 0,01). В результате изменения практики кодирования снизилось число кардиоваскулярных диагнозов. Как следствие, изменение показателя смертности от болезней системы кровообращения в возрастах старше 60 лет увеличило продолжительность жизни мужчин в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 0,18 года, а женщин — на 0,45 года, но рост частоты смертей от других болезней снизил продолжительность жизни мужчин на 0,09 года, а женщин — на 0,30 года. Вклад внешних причин в этом возрасте был нулевым, а общий итог — 0,09 года у мужчин и 0,15 года у женщин.

В 2014 г. продолжилось снижение детской и младенческой смертности, и, как следует из табл. 5.3, в группе до 15 лет снижение смертности практически не замедлилось по сравнению с 2013 г.

Известно немало примеров, когда внимательный анализ месячных чисел умерших позволял привязать снижение или рост смертности к какому-то событию. Наиболее известный пример — антиалкогольная кампания, когда падение числа умерших началось сразу после публикации постановлений и указов в мае 1985 г., а рост чисел умерших — в феврале и марте 1992 г., следом за освобождением цен и снятием ограничений на торговлю алкоголем¹³. В поисках момента перелома тенденции мы проанализировали отклонения числа умерших мужчин в данном месяце от ожидаемого числа умерших в этом месяце при среднегодовом уровне смертности (рис. 5.13) и не обнаружили ничего необычного, никаких переломов тенденции.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что отравления алкоголем учитываются не полностью. В Москве, например, число случайных отравлений алкоголем очень мало: в 2011 г. — 139, в 2012 г. — 148, в 2013 г. — 37 и 2013 г. — 42. Соответственно стандартизованный коэффициент смертности снизился с 2,3 на 100 тыс. до 0,7. И то и другое абсолютно неправдоподобно, так как смертность от алкогольного психоза и алкоголизма в Москве существенно выше средней по России. В Хабаровском крае смертность от алкогольного психоза и алкоголизма находится примерно на среднем для страны уровне, а от отравлений алкоголем — в 10 раз ниже. Список подобных свидетельств неполноты учета умерших от алкогольных отравлений может быть продолжен.

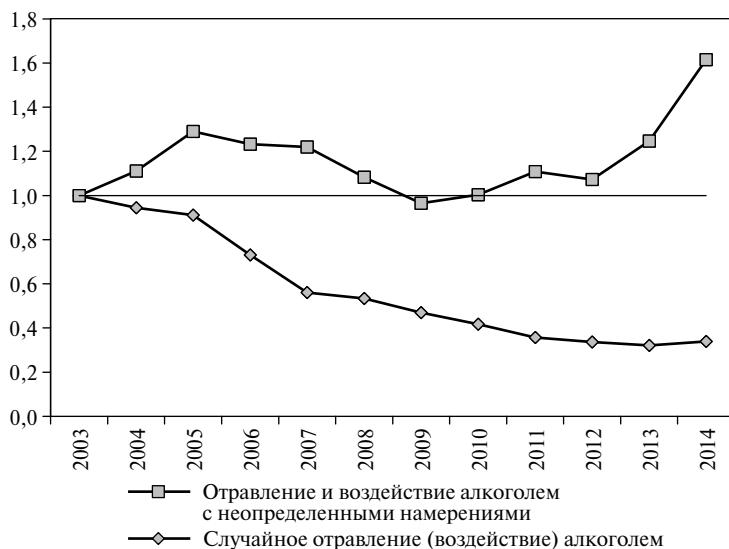
¹³ Андреев Е.М. Возможные причины колебаний продолжительности жизни в России в 90-е годы // Вопросы статистики. 2002. № 11. С. 3–15.

Рис. 5.13. Доля умерших в данном календарном месяце при среднегодовом уровне смертности за 2012–2014 гг., % к ожидаемому числу умерших

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Еще одно важное обстоятельство. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ 10), а с 2011 г. и краткая национальная классификация болезней помимо случайных отравлений алкоголем включают преднамеренные самоотравления алкоголем и отравления алкоголем с неопределенными намерениями. За четыре года в России было зафиксировано 51 295 случайных отравлений, 25 преднамеренных самоотравлений алкоголем и 7718 отравлений с неопределенными намерениями. В процентах это выглядит как 86,89; 0,04; 13,07. В странах ОЭСР за всю историю использования МКБ 10 было зафиксировано 52 700 случайных отравлений, 3011 преднамеренных самоотравлений алкоголем и 6639 отравлений с неопределенными намерениями. В процентах — 84,52; 4,83; 10,65. В российских данных поражает огромное число отравлений с неопределенными намерениями при почти полном отсутствии преднамеренных самоотравлений. Мы рассчитали стандартизованные коэффициенты смертности от случайных отравлений и отравлений алкоголем с неопределенными намерениями за период после 2000 г. (рис. 5.14). Как следует из рисунка,

Рис. 5.14. Стандартизованный коэффициент смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем и отравлений алкоголем с неопределенными намерениями, 2000 г. = 1

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

в отличие от случайных отравлений частота отравлений алкоголем с неопределенными намерениями не только не снизилась, но даже после 2012 г. резко возросла. В ряде регионов судмедэксперты явно стали отдавать предпочтение диагнозу «отравление с неопределенными намерениями». В Брянской области, например, число случайных отравлений с 2013 по 2014 г. сократилось на 153, а число отравлений с неопределенными намерениями выросло на 148. В Красноярском крае число случайных отравлений снизилось на 146, а число отравлений с неопределенными намерениями выросло на 169.

Стандартизованный коэффициент смертности от всех алкогольных отравлений в 2011 г. составил 20,4 на 100 тыс.; в 2012 г. — 19,3; в 2013 г. — 18,9; а в 2014 г. — 20,6. Рост в 2014 г. составил 9,2%. При этом продолжился рост смертности с диагнозами «алкогольный психоз и алкоголизм» и «цирроз печени». Впрочем, рост

смертности от цирроза шел в течение всего периода снижения смертности от алкогольных отравлений и, возможно, связан не с ростом потребления алкоголя, а с изменением структуры потребления¹⁴. Так или иначе рост алкогольной смертности в России — неприятная реальность.

Ранее мы высказали допущение, что трехлетний период стабильной алкогольной смертности может стать началом ее нового роста¹⁵. К сожалению, это допущение реализовалось. Важно отметить, что рост алкогольной смертности начался в условиях самой высокой минимальной цены на водку, равной 403 руб. за 1 л водки¹⁶. Кроме того, по данным Росстата, продажа водки и ликероводочных изделий в абсолютном выражении сократилась в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 6,7%, а всех алкогольных напитков на душу населения в пересчете на абсолютный алкоголь — с 8,5 л в 2013 г. до 8,3 л в 2014 г., или на 2,4%¹⁷.

Проделанный анализ продемонстрировал весьма тревожные изменения в смертности в России, произшедшие в 2014 г. В условиях нарастающих экономических трудностей весьма вероятным становится сценарий прекращения снижения смертности взрослого населения России, переход к стагнации или росту смертности в средних и пожилых возрастах.

И все же продолжительность жизни в 2014 г. пусть немного, но увеличилась. Это связано с продолжающимся снижением смертности детей и существенно замедлившимся, но не прекратившимся снижением смертности пожилых.

¹⁴ Grigoriev P., Andreev E.M. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: Is it attributable to anti-alcohol measures? // PLoS One. 2015. No. 10. P. 9.

¹⁵ Население России 2013. С. 206–210.

¹⁶ Приказы Росалкогольрегулирования от 13 декабря 2012 г. № 372, от 28 января 2014 г. № 9. Указана минимальная цена, средневзвешенная с учетом периода действия разных цен.

¹⁷ Розничная торговля и услуги населению. Таблица 4.3 «Продажа алкогольных напитков населению». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/#.

5.5. Уменьшаются ли региональные различия в смертности?

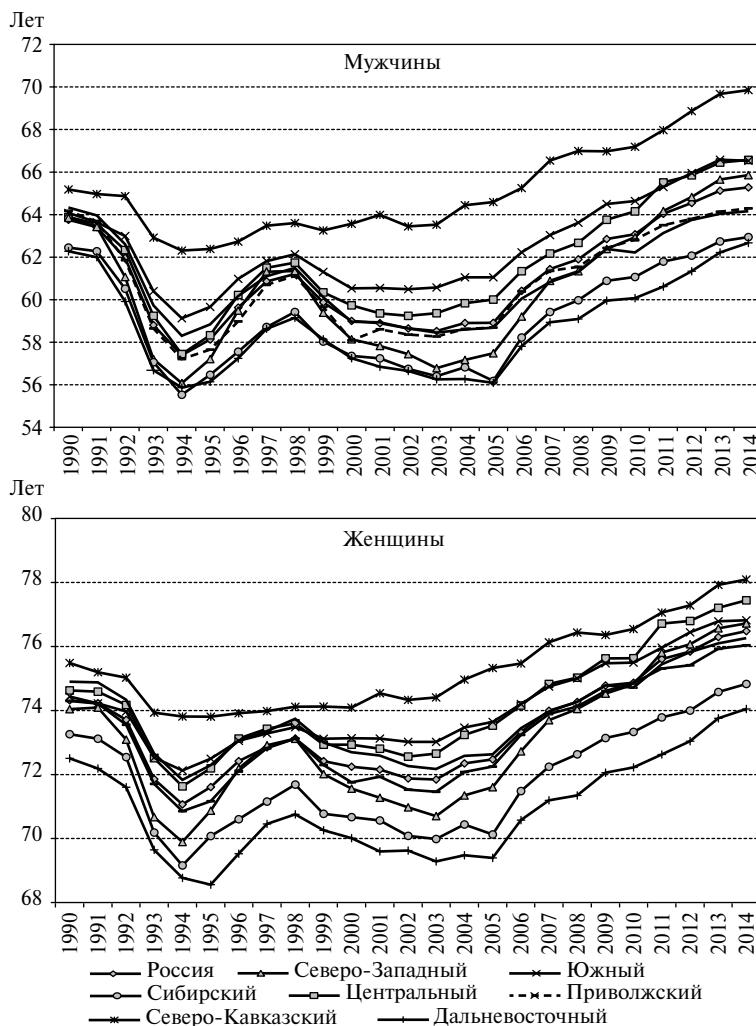
Тенденции смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении в федеральных округах (ФО) в целом повторяют общероссийскую динамику (рис. 5.15). По сравнению с 1990 г. в 2014-м продолжительность жизни увеличилась у женщин во всех федеральных округах, причем наибольший прирост отмечается в Центральном (2,82 года) и Северо-Западном (2,68 года) (табл. 5.5). У мужчин также отмечается увеличение во всех округах, кроме Приволжского (отставание в последнем от уровня 1990 г. составляет $-0,17$ года). Вместе с тем весьма фантастическим выглядит прирост продолжительности жизни в Северо-Кавказском ФО у мужчин — на 4,67 года. Не связан ли он с полнотой текущего учета демографических событий, миграции, а также с возможным завышением численности населения при переписях населения?

К 2014 г. продолжительность жизни преодолела рубеж 1990 г. в большинстве регионов. Однако у мужчин в 29 регионах эта планка еще не взята. В частности, в Чукотском автономном округе и Оренбургской области ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 2014 г. отставала от показателей 1990 г. соответственно на 5,1 и 2,3 года, в Еврейской автономной области, Мурманской области, Республике Башкортостан, Амурской и Челябинской областях отставание составляло от 1–2 года, еще в семи регионах — от 0,5 до 1 года и в 15 регионах — менее 0,5 года. У женщин в 2014 г. только в четырех регионах ожидаемая продолжительность жизни была ниже 1990 г.: Чукотский автономный округ (на 5,3 года), Республика Тыва (на 1 год) и Оренбургская и Амурская области (менее чем на 0,3 года).

Несмотря на то что неоднократно отмечалось увеличение нероднородности регионов России по ожидаемой продолжительности жизни после 1991 г.¹⁸, связь роста или снижения смертности и роста и уменьшения межрегионального неравенства перед лицом смерти не всегда обнаруживается. В частности, анализ, построенный

---

¹⁸ Население России 2000: восьмой ежегод. демогр. доклад. М.: Кн. дом «Университет», 2001. С. 93–94; Население России 2012: двадцатый ежегод. демогр. доклад. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 266–268.

Рис. 5.15. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах, 1990–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Таблица 5.5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах, 1990 и 2014 гг.

Федеральный округ	Мужчины			Женщины		
	1990	2014	Изменение	1990	2014	Изменение
Россия	63,76	65,28	1,52	74,32	76,48	2,16
Центральный	63,89	66,58	2,69	74,63	77,45	2,82
Северо-Западный	63,85	65,86	2,01	74,04	76,72	2,68
Южный	64,08	66,53	2,45	74,44	76,82	2,38
Северо-Кавказский	65,19	69,85	4,66	75,49	78,09	2,60
Приволжский	64,34	64,16	-0,18	74,90	76,26	1,36
Уральский	64,18	64,30	0,12	74,30	76,04	1,74
Сибирский	62,45	62,94	0,49	73,26	74,83	1,57
Дальневосточный	62,28	62,67	0,39	72,51	74,05	1,54

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

на рассмотрении однородности регионов по основным показателям смертности в период ее быстрого снижения с использованием коэффициента Джини, показал, что по величине ожидаемой продолжительности жизни однородность территорий медленно возрастает¹⁹. Однако в терминах стандартизованного коэффициента смертности от всех причин однородность регионов скорее остается стабильной. Если учитывать тот факт, что коэффициент Джини весьма чувствителен к небольшим колебаниям численностей населения и показателей по большим регионам (например, по Москве), то расчет без участия Москвы дает существенно меньшую неоднородность.

Неоднозначными были и изменения продолжительности жизни в 2014 г. по сравнению с 2013 г. (табл. 5.6). Различное по величине снижение продолжительности жизни отмечается одновременно и у мужчин, и у женщин в восьми регионах: Брянской, Липецкой, Калининградской, Ульяновской и Астраханской областях, Республике Коми, Чеченской и Чувашской республиках. Еще в 14 регионах отмечается снижение продолжительности жизни мужчин, и также в 14 других регионах — женщин. Наибольшее снижение

¹⁹ Население России 2013: двадцать первый ежегод. демогр. доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 201–223.

Таблица 5.6. Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионах России, 2013–2014 гг., лет

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни		Изменение в 2014 г. по сравнению с 2013 г.
	2014	2013	
<i>Мужчины</i>			
Ингушская Республика, г. Москва, Республика Дагестан, Чеченская Республика	70–76	70–76	От –0,24 до 0,46
г. Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ставропольский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край, Республика Калмыкия	67–70	65–70	От –0,18 до 1,33
Ямало-Ненецкий автономный округ, Белгородская область, Республика Адыгея, Республика Татарстан, Тюменская область, Ростовская область, Волгоградская область, Пензенская область, Астраханская область, Тамбовская область, Московская область, Саратовская область, Республика Мордовия	65–67	64–67	От –0,38 до 0,49
Томская область, Калининградская область, Рязанская область, Ленинградская область, Воронежская область, Ненецкий автономный округ, Ульяновская область, Липецкая область, Чувашская Республика, Кировская область, Новосибирская область, Алтайский край, Республика Саха (Якутия), Архангельская область, Ярославская область, Костромская область, Омская область, Мурманская область, Курская область, Республика Башкортостан, Ивановская область, Свердловская область, Вологодская область,	63–65	62–66	От –1,13 до 4,60

Продолжение табл. 5.6

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни		Изменение в 2014 г. по сравнению с 2013 г.
	2014	2013	
Тульская область, Красноярский край, Челябинская область, Удмуртская Республика, Калужская область, Приморский край, Смоленская область, Самарская область, Орловская область, Нижегородская область, Пермская область, Республика Коми, Брянская область, Республика Хакасия, Республика Карелия			
Владимирская область, Республика Марий Эл, Камчатская область, Оренбургская область, Республика Бурятия, Курганская область, Тверская область, Новгородская область, Хабаровский край, Сахалинская область, Псковская область, Республика Алтай, Магаданская область, Читинская область, Кемеровская область, Амурская область	61–63	60–63	От –0,31 до 1,40
Иркутская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Республика Тыва	Менее 61	Менее 61	От 0,21 до 0,69
<i>Женщины</i>			
Ингушская Республика, г. Москва	Более 80	Более 80	
Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, г. Санкт-Петербург, Республика Северная Осетия — Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Пензенская область, Белгородская область, Ставропольский край, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Воронежская область, Республика	77–79	76–79	От –0,58 до 1,27

Продолжение табл. 5.6

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни		Изменение в 2014 г. по сравнению с 2013 г.
	2014	2013	
Адыгейя, Республика Калмыкия, Волгоградская область, Тамбовская область, Чувашская Республика			
Ярославская область, Кировская область, Ямalo-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, Рязанская область, Калужская область, Липецкая область, Курская область, Орловская область, Удмуртская Республика, Томская область, Саратовская область, Республика Марий Эл, Московская область, Ненецкий автономный округ, Ростовская область, Архангельская область, Ульяновская область, Новосибирская область, Омская область, Костромская область, Брянская область, Чеченская Республика, Республика Башкортостан, Астраханская область, Вологодская область, Самарская область, Ленинградская область, Челябинская область, Алтайский край, Ивановская область, Мурманская область, Республика Карелия, Нижегородская область, Свердловская область, Смоленская область, Владимирская область, Калининградская область, Тульская область, Республика Саха (Якутия), Курганская область, Республика Коми	75–77	74–77	От –0,32 до 1,12
Оренбургская область, Пермская область, Красноярский край, Тверская область, Республика Хакасия, Республика Бурятия, Новгородская область, Приморский край, Псковская область, Сахалинская область, Кемеровская область, Хабаровский край, Республика	73–75	72–75	От –0,26 до 1,45

Окончание табл. 5.6

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни		Изменение в 2014 г. по сравнению с 2013 г.
	2014	2013	
Алтай, Камчатская область, Читинская область, Иркутская область, Магаданская область, Амурская область			
Еврейская автономная область, Республика Тыва, Чукотский автономный округ	Менее 72	Менее 72	От -0,27 до -0,73

у мужчин отмечается в Мурманской (-1,13 года), Орловской (-1,05 года) и Калужской (-1,02 года) областях, а у женщин — в Астраханской области (-0,78 года), Чукотском автономном округе (-0,75 года) и Республике Северная Осетия — Алания (-0,58 года).

Четкая зависимость между уровнем ожидаемой продолжительности жизни в 2013 г. и величиной изменений в 2014 г. по сравнению с предшествующим годом не прослеживается (см. табл. 5.6). Единственное, что обращает на себя внимание, — у мужчин в регионах с минимальными значениями продолжительности жизни отмечается рост, тогда как у женщин — напротив, снижение.

Различные темпы роста или снижения смертности мужчин и женщин в регионах в 2014 г. способствуют увеличению или уменьшению гендерного неравенства в продолжительности жизни. В частности, более чем в половине регионов в 2014 г. отмечается увеличение разницы между продолжительностью жизни мужчин и женщин. Наибольший рост гендерного неравенства оказался в Калужской области — на 2,3 года (с 11,3 года в 2013 г. до 13,3 года в 2014 г.), более полутора лет прироста разницы между женщинами и мужчинами мы находим в Орловской (с 11,6 до 13,2 года) и Мурманской (с 10,1 до 11,7 года) областях. Напротив, в 40 регионах отмечается некоторое уменьшение гендерных различий. Так, в Ненецком автономном округе различия значительно сократились (с 15,2 до 11,7 года), несколько меньше — в Новгородской области (с 13,9 до 12,2 года), а в 24 регионах уменьшение разрыва не превышает 0,25 года. Таким образом, снижение гендерного неравенства в смертности продолжает оставаться приоритетной задачей

для общества. Прежде всего это касается дальнейшего снижения смертности мужчин трудоспособного возраста.

Картина региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни при рождении мужчин и женщин, а также гендерного неравенства в России в 2014 г. хорошо видна на картах (рис. 5.16, 5.17).

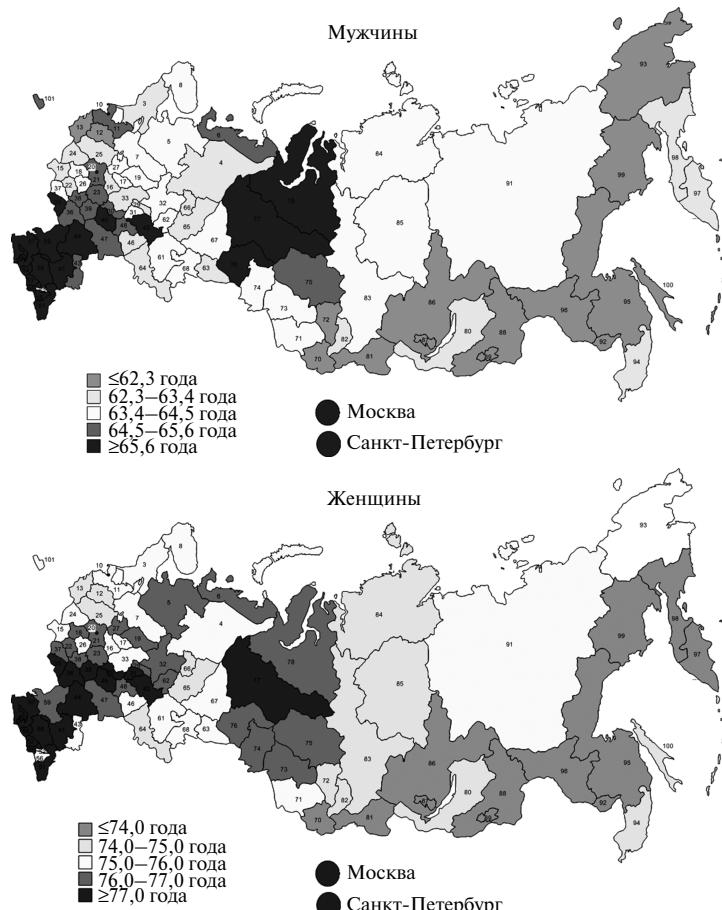
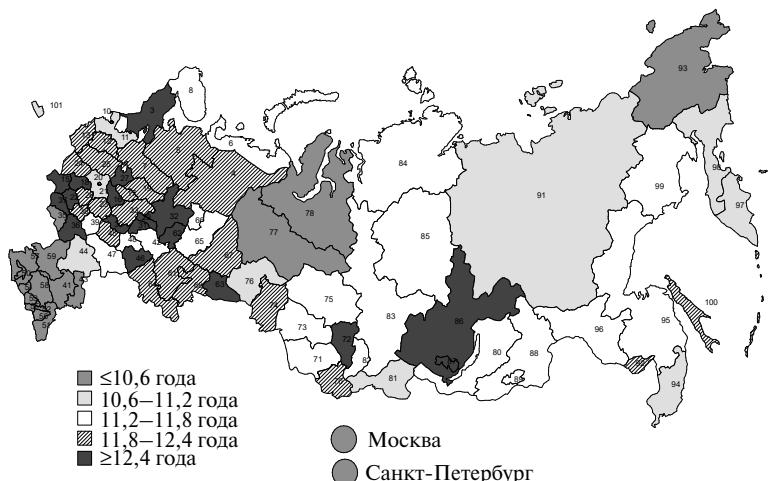

Рис. 5.16.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, 2014 г.

Рис. 5.17. Разность в ожидаемой продолжительности жизни при рождении между женщинами и мужчинами в России, 2014 г.

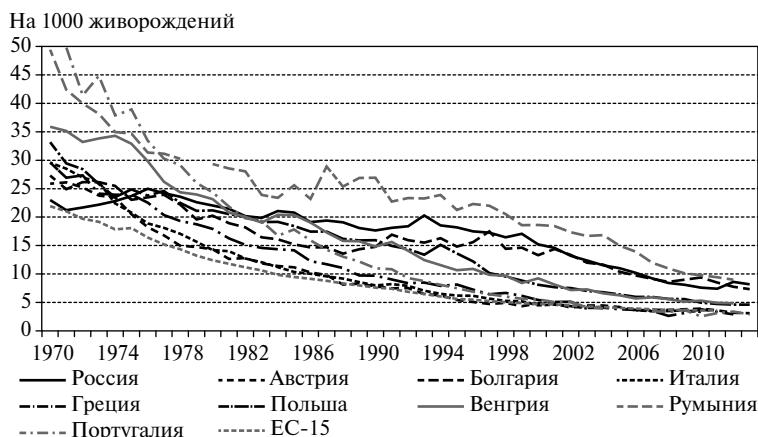
5.6. Младенческая смертность в России продолжает снижаться, но отставание от большинства развитых стран не уменьшается

5.6.1. Новейшие тенденции младенческой смертности на фоне долговременных трендов: роль изменений в системе регистрации новорожденных

Младенческая смертность, определяющая смертность всей детской возрастной группы в России (и других странах), в отличие от смертности других возрастных групп демонстрирует снижение на протяжении нескольких десятилетий. Это снижение началось еще в конце 1970-х гг., но оно не было непрерывным: годами роста были 1984, 1987, 1991–1993 и 2012 гг. За период с 1976 г. (точка максимума коэффициента младенческой смертности после подъема в начале 1970-х) по 2014 г. младенческая смертность в России снизилась в 3,4 раза и достигла 7,4% в 2014 г.

Но сегодняшний российский уровень до сих пор продолжает оставаться почти в 4 раза выше, чем в странах с минимальными ее значениями, а также существенно выше, чем во многих других европейских странах, включая страны Восточной Европы и часть стран — бывших республик СССР. К сожалению, за последние годы этот разрыв изменился мало. По данным базы данных Евростата²⁰ за 2013 г. минимальные уровни младенческой смертности были зафиксированы на Кипре (1,6‰), в Финляндии (1,8‰), Исландии (1,8‰), а также в Эстонии (2,1‰), Норвегии (2,4‰), Чешской Республике (2,5‰). В том же 2013 г. коэффициент младенческой смертности в России составлял 8,2‰.

Еще в начале 1970-х гг. показатели младенческой смертности в России были ниже, чем в целом ряде европейских стран, или соизмеримы с другими (рис. 5.18). Но к началу второго десятилетия XXI в. почти все представленные на рис. 5.18 страны обогнали Россию в деле снижения младенческой смертности. Наиболее наглядный пример — Португалия, где в 1971 г. уровень младенческой

Рис. 5.18. Младенческая смертность в ряде европейских стран, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; база данных Европейского бюро ВОЗ European health for all database (HFA-DB); данные Евростата; расчеты авторов на их основе.

²⁰ См.: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.

смертности был в 2,3 раза выше, чем в России, а к 2014 г. уже Россия отстает от Португалии по этому показателю в 2,6 раза. За период с 1971 по 2013 г. младенческая смертность в Португалии снизилась более чем в 17 раз. Из числа стран, представленных на рис. 5.18, только в Румынии уровень смертности детей до одного года остается немного выше, чем в России. Также сильного снижения уровня младенческой смертности удалось добиться в Италии — с 1970 по 2014 г. младенческая смертность здесь снизилась более чем в 10 раз и также стала намного ниже, чем в России, хотя в 1970 г. в России этот уровень был ниже на 6%. Из стран Восточной Европы показателен пример Венгрии, где за 1970–2013 гг. коэффициент младенческой смертности снизился в 7 раз. Похожих успехов добилась и Эстония — снижение в 6,5 раза, и теперь она входит в список стран с наименьшими уровнями смертности детей до одного года в мире. В России же за 1970–2014 гг. снижение коэффициента младенческой смертности было менее значимым — в 3,1 раза. Нужно также иметь в виду, что использование в России до 2012 г. критерия, не соответствующего в полной мере международным критериям определения живо- и мертворождения, уменьшало рассчитываемый напрямую по нескорректированным российским данным коэффициент младенческой смертности, и в реальности до 2012 г. различия по уровню младенческой смертности в России с развитыми странами были еще большими²¹.

В России в 2012 г. был официально заявлен переход на использование определений живо- и мертворождений в соответствии с критериями Всемирной организации здравоохранения. И именно с этим связан рост коэффициента младенческой смертности, отмеченный в том же году.

До 2012 г. в России использовались определения мертво- и живорождения, сходные с применявшимися длительное время в СССР²². С 2012 г. в России живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного

---

²¹ Население России 2013. С. 201–223.

²² Подробнее об изменении определений живо- и мертворождения в России см.: Кваша Е.А. Смертность детей до одного года в России: что изменилось после перехода на новые определения живорождения и мертворождения // Демографическое обозрение. 2014. № 2. С. 38–56.

500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхания, сердцебиения, пульсации пуповины или произвольных движений мускулатуры независимо от того, перерезана ли пуповина и отделилась ли плацента)²³.

Необходимо отметить, что и после перехода на новые определения живо- и мертворождения нельзя считать, что эти определения в точности соответствуют рекомендациям ВОЗ, так как в определениях ВОЗ нет критериев, ограничивающих ни вес ребенка, ни сроки беременности.

Все изменения определений живо- и мертворождения влияют прежде всего на рост числа умерших в раннем неонатальном периоде (в первые 168 ч жизни) и числа детей, родившихся мертвыми, т.е. тех, которые в основном умирают в медицинских учреждениях. Суммарно мертворожденные и умершие в ранний неонатальный период образуют перинатальную смертность.

Изменения перинатальной смертности в России за последние почти полвека представлены на рис. 5.19, на котором хорошо видно, как отразились переходы на новые определения живо- и мертворождения.

В целом за период с 1970 по 2011 г. (год наименьших показателей перинатальной и младенческой смертности) коэффициент перинатальной смертности в России снизился в 2,6 раза (коэффициент младенческой смертности — в 3,1 раза). В начале 1980-х гг. отмечался рост перинатальной смертности, в результате чего ее уровень к середине 1980-х гг. оказался выше, чем в начале 1970-х. Самый высокий уровень перинатальной смертности (18,7%) был в 1987 г. Этот рост был обусловлен в основном увеличением ранней неонатальной составляющей, что привело к тому, что в 1991 г. уровень ранней неонатальной смертности превысил уровень мертворождаемости, т.е. больший вклад в перинатальную смертность стала вносить ранняя неонатальная смертность. В 1993 г. в России были частично изменены определения живо- и мертворождения, что сильно повлияло на рост ранней неонатальной составляющей. В результате 1993 г. стал точкой наибольшей неонатальной смертности за весь рассматриваемый период. После этого (с 1994-го

²³ См.: <http://www.rg.ru/2012/03/23/kriterii-rozhd-dok.html>.

Рис. 5.19. Младенческая (на 1000 родившихся живыми), перинатальная смертность и ее составляющие (на 1000 родившихся живыми и мертвыми) в России, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

и до 2011 г.) перинатальная смертность снижалась. В эти годы изменения происходили в основном за счет смертности в первые 168 ч жизни ребенка. Если с начала 1970-х и до 1993 г. наблюдался постепенный рост вклада ранней неонатальной смертности в общий уровень перинатальной смертности, то в 1994 г. эта тенденция сменила направление, что явилось результатом изменений в российских критериях мертво- и живорождения. В 2012 г., как уже было сказано, произошел очередной пересмотр официальных definicij, что не замедлило отозваться ростом коэффициента перинатальной смертности. В 2013–2014 гг. перинатальная смертность снова стала снижаться. Причем если в 2013 г. снижение происходило только за счет ранней неонатальной составляющей, то в 2014 г. отмечалось снижение и ранней неонатальной смертности, и мертворождаемости.

Остановимся немного подробнее на изменениях 2011–2014 гг. (т.е. до и после последнего изменения определений живо- и мертворождений). К сожалению, использовать в анализе для этого регламентные формы статистической отчетности Росстата мы в пол-

ной мере пока не можем, так как данные о родившихся и умерших детях по весу детей и возрасту матери собираются только с 2011 г., а заполняемость новых таблиц оставляет желать лучшего — довольно большая часть детей попадает в группы с неизвестным весом, возрастом матери и т.д. Но с каждым годом полнота данных становится лучше, и можно надеяться, что в ближайшие годы мы в анализе будем опираться на более полные данные Росстата.

А пока рассмотрим детальную динамику перинатальной смертности под влиянием изменения определений на основе ведомственной медицинской статистики (Министерства здравоохранения РФ), точнее, таблицы 2245 «Распределение родившихся и умерших по массе тела при рождении» отчетной формы 32 «Сведения о медицинской помощи беременным, роженицам и родильницам» Федерального статистического наблюдения.

За 2011–2012 гг. общее число родившихся детей (родившиеся живыми плюс мертворожденные) с экстремально низкой массой тела (ЭНМТ), т.е. с весом 500–1000 г, снизилось на 36% (табл. 5.7). Это снижение происходило по большей части за счет мертворожденных, число которых снизилось на 65%. Число живорожденных, наоборот, за тот же год выросло на 25%. В форме 32 весовая группа 500–999 г подразделяется на две части — 500–749 и 750–999 г. В первой весовой группе общее число рождений снизилось на 45%, а во второй — на 27%. Число родившихся живыми выросло в группе с весом 500–749 г на 66%, а в группе с весом 750–999 г — на 11%, а число мертворожденных указанных весовых категорий снизилось на 67 и 63% соответственно. В целом такое снижение в 2012 г. по сравнению с 2011 г. числа мертворожденных детей, родившихся с массой тела до 1000 г, привело к общему большому снижению числа мертворожденных (на 32%) и небольшому снижению числа умерших в первые 168 ч. Интересным также представляется и изменение числа умерших в первые 6 дней жизни. Для детей с ЭНМТ их число уменьшилось на 12%, при этом для новорожденных с массой 500–749 г зафиксирован рост на 17%, зато для группы 750–999 г — снижение на 29%.

В группе детей с весом 1000–1499 г, т.е. с очень низкой массой тела (ОНМТ), отмечается динамика, противоположная группе с ЭНМТ. Произошел рост и родившихся живыми (на 17%), и родившихся мертвыми (на 49%), соответственно общее число родив-

Таблица 5.7.

Родившиеся живыми, мертвыми и умершие в перинатальном периоде по массе тела при рождении, Россия, 2011–2014 гг.

Год	С массой тела при рождении, г					Всего
	500–749	750–999	1000–1499	1500–1999	2000–2499	
<i>Родилось живыми</i>						
2011	1239	3867	10 167	23 032	66410	273 424
2012	2054	4308	11 917	24 612	70 867	282 616
2013	2259	4614	12 218	24 726	71 121	283 790
2014	2048	4692	12 355	24 758	71 127	289 567
<i>Из них умерло в первые 168 ч, чел.</i>						
2011	788	1318	738	764	565	549
2012	923	937	878	620	579	540
2013	912	861	816	577	483	468
2014	728	786	737	423	404	431
<i>Родилось мертвыми, чел.</i>						
2011	6482	4104	1180	1469	1522	1486
2012	2153	1506	1759	1646	1557	1518
2013	1920	1451	1765	1545	1554	1478
2014	1785	1282	1752	1650	1564	1482
<i>Родилось всего, чел.</i>						
2011	7721	7971	11 347	24 501	67 932	274 910
2012	4207	5814	13 676	26 258	72 424	284 134

Окончание табл. 5.7

Год	С массой тела при рождении, г					Всего
	500–749	750–999	1000–1499	1500–1999	2000–2499	
2013	4179	6065	13983	26271	72675	285268
2014	3833	5974	14107	26408	72691	291049
			<i>Ранняя неонатальная смертность*, %</i>			
2011	102,1	165,3	65,0	31,2	8,3	2,0
2012	219,4	161,2	64,2	23,6	8,0	1,9
2013	218,2	142,0	58,4	22,0	6,6	1,6
2014	190,0	131,6	52,2	16,0	5,6	1,5
			<i>Мертворождаемость*, %</i>			
2011	839,5	514,9	104,0	60,0	22,4	5,4
2012	511,8	259,0	128,6	62,7	21,5	5,3
2013	459,4	239,2	126,2	58,8	21,4	5,2
2014	465,6	214,5	124,2	62,5	21,5	5,1
			<i>Перинатальная смертность*, %</i>			
2011	941,6	680,2	169,0	91,1	30,7	7,4
2012	731,2	420,2	192,8	86,3	29,5	7,2
2013	677,7	381,2	184,6	80,8	28,0	6,8
2014	655,6	346,1	176,5	78,5	27,1	6,6
			<i>3000 и более</i>			
						2,3
						8,6

* В расчете на 1000 родившихся живыми и мертвыми.

Источники: Рассчитано авторами по данным формам 32 Федерального статистического наблюдения «Сведения о медицинской помощи беременным, роженицам и родильницам».

шихся выросло на 20%. Мы видим, что рост весовой группы детей с ОНМТ был меньшим, чем снижение детей, родившихся с ЭНМТ. Число умерших в ранний неонатальный период у детей с ОНМТ при рождении выросло на 19%.

В целом, сравнивая показатели перинатальной смертности по весовым группам новорожденных, на которых должно было отразиться изменение критериев определения живо- и мертворождения и одновременно было направлено основное внимание медиков, мы видим резкое улучшение этих показателей для детей с самым маленьким весом, т.е. ЭНМТ, и небольшой рост их у детей с ОНМТ. Эти изменения вызывают некоторое удивление. Не очень верится, что столь быстрые изменения показателей могут быть вызваны большими успехами в неонатологии в течение одного года. Скорее всего, данные сдвиги в показателях отражают результаты намеренного или непреднамеренного ухудшения качества ведения медицинской статистики, в частности продолжение практики так называемых перебросов, которые существовали и ранее. В ситуации, возникшей после изменения официальных критериев того, родился ли ребенок живым или мертвым, может производиться «переброс» новорожденных из категории детей с ЭНМТ в группу детей с меньшим весом и меньшим сроком беременности, чтобы смерть этих детей учитывалась как аборт.

При сравнении перинатальной смертности и ее составляющих по весу новорожденных бросаются в глаза резкое улучшение этих показателей для категории детей с ЭНМТ и небольшой рост их у детей с ОНМТ.

Также вызывает вопросы и значительное изменение показателей для группы с весом 1000–1500 г, которая формально не должна была быть затронута изменением определений мертво- и живорождений. На наш взгляд, такое изменение подтверждает существование в России недоучета мертворожденных и умерших детей с массой тела немногим более 1000 г путем намеренного занижения массы тела и соответственно отнесения этих детей к мертворожденным или даже поздним выкидышам. На этот неприятный факт указывали ранее многие эксперты. С изменением критериев живорождения применительно к детям с ОНМТ подобная практика утратила смысл, отсюда и рост их доли в перинатальных смертях. В группе детей с ОНМТ стали проводить более полную регис-

трацию, и дети, родившиеся с массой тела немногим более 1000 г, учитываются с реальным весом при рождении. С другой стороны, резкое уменьшение чисел мертворожденных в самой низкой весовой категории и рост числа абортов на сроках до 21 недели (на 20%) говорят о том, что практика занижения массы тела не исчезла, а просто теперь применяется к новорожденным с ЭНМТ.

В 2013–2014 гг. специфика изменений в показателях перинатальной смертности стала несколько иной.

Общее число родившихся детей с массой тела до 1000 г в 2014 г. в сравнении с предыдущим годом снизилось на 4,3%, при этом в данной весовой категории число родившихся живыми снизилось на 1,9%, число мертворожденных также продолжило снижение и уменьшилось на 9%. В группе с самым маленьким весом (500–749 г) общее число рождений снизилось на 8,3%, а в группе с весом 500–999 г снижение составило лишь 1,5%. Число родившихся живыми в первой группе снизилось на 9,3%, а во второй увеличилось на 1,7%, а вот число мертворожденных снизилось в обеих группах — на 7 и 11,6% соответственно. Число детей, умерших в ранний неонатальный период, уменьшилось на 14,6%, при этом у детей, родившихся с массой 500–749 г, снижение составило даже 20,2%. Коэффициент мертворождаемости в этой группе после двухлетнего снижения также немного вырос

В группе детей с массой тела 1000–1500 г, как и в 2013 г., наблюдается рост общего числа родившихся (на 0,9%), в том числе родившихся живыми — на 1,1%, а число родившихся мертвыми, напротив, снизилось на 0,7%. Также, как и у детей с ЭНМТ, в этой весовой группе зафиксировано снижение числа умерших в ранний неонатальный период (9,7%).

Следует обратить внимание еще на один факт, обнаруживший себя в последние несколько лет. При сравнении показателей мертворождаемости по данным государственной статистики (Росстата) и ведомственной медицинской статистики (Минздрава) выясняется, что число всех мертворожденных по форме 32 Минздрава больше, чем по данным Росстата. Так, в 2013 г. по данным Росстата число мертворожденных составляло 12 226, а по данным Минздрава — 12 300, в 2014 г. — 11 593 и 12 044 соответственно. Такое соотношение выглядит странным, поскольку статистика Росстата включает данные не только Минздрава, но и других раз-

личных ведомств, имеющих право на медицинскую деятельность, в результате чего цифры, получаемые Росстатом, должны быть больше. Отсюда возникает логическое предположение в том, что часть детей, попавших в ведомственную статистику, по каким-то причинам не попадает в государственную или попадает туда, но оказывается в других категориях. С другой стороны, этот факт является косвенным подтверждением наличия выше отмеченных «перебросов» новорожденных между различными категориями и неполной регистрации детей с ЭНМТ. Отмеченные выше различия в числе мертворожденных по данным Росстата и Минздрава отразились на тенденции изменения коэффициента мертворождаемости в России: если по данным Росстата в 2014 г. он немного вырос, то по данным Минздрава он продолжил тенденцию снижения.

5.6.2. Компоненты младенческой смертности с учетом прожитых ребенком дней: проблема поздней неонатальной смертности

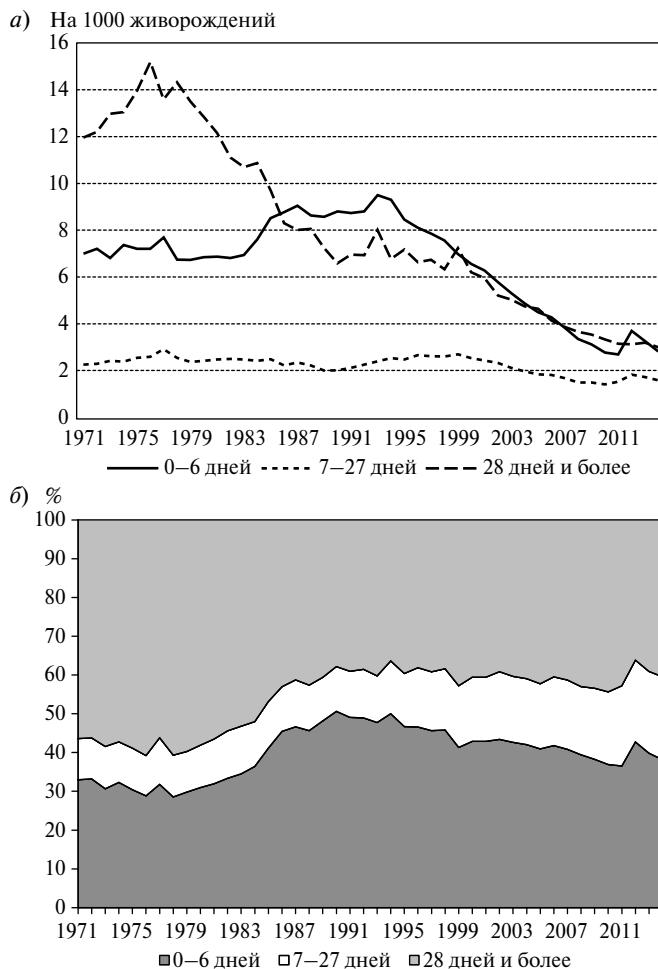
Как уже было сказано, принятые в 2012 г. изменения определений живо- и мертворождений затрагивают прежде всего перинatalный период жизни ребенка. Но эти изменения отразились не только на смертности детей в ранний неонатальный период жизни, но и на смертности детей в возрасте от 7 до 28 дней (поздней неонатальной смертности), а следовательно, и всей младенческой смертности.

После подскока в 2012 г. с 7,4 до 8,6% коэффициент младенческой смертности в России продолжил снижение в 2013–2014 гг. (рис. 5.20). При этом в 2014 г. по сравнению с 2013 г. более всего снизилась ранняя неонатальная, несколько меньше — поздняя неонатальная и менее всего — постнеонатальная смертность. Эти изменения могут быть связаны с двумя явлениями, которые оцениваются по-разному.

Развитая медицина старается до последнего бороться за жизнь каждого новорожденного, в результате чего смерти, которые раньше происходили в первые дни и часы жизни ребенка, теперь отодвигаются во времени²⁴. Снижение младенческой смертности

---

²⁴ Andreev E.M., Kingkade W.W. Average age at death in infancy and infant mortality level: Reconsidering the Coale-Demeny formulas at current levels of low mortality. MPIDR Working Paper WP-2011-016. 2011.

Рис. 5.20.

Смертность детей в возрасте до одного года с учетом прожитых дней, Россия, 1971–2014 гг.:

а — коэффициенты смертности для основных возрастных периодов жизни;
б — вклад основных возрастных периодов жизни в общий коэффициент смертности детей до одного года

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

в развитых странах во второй половине XX в. сопровождалось увеличением концентрации смертей на неонатальном отрезке жизни ребенка, а внутри этого периода — на первых 168 ч жизни, т.е. в раннем неонатальном периоде. Это произошло потому, что в этот период жизни ребенка предотвратить его смерть в случае возникновения заболевания или патологии намного сложнее, чем в более старшем возрасте, когда его организм становится менее уязвимым. Прожив максимально опасный период жизни и получив, если надо, необходимое лечение, младенец в развитых странах сегодня получает намного большие шансы на выживание. К настоящему времени доля неонатального компонента в большинстве стран европейского региона стабилизировалась в среднем на уровне 60–70%.

В России же в последние несколько десятилетий наблюдается неоднозначная динамика как самих возрастных компонентов младенческой смертности, так и вклада этих компонентов в младенческую смертность. Доля умерших в неонатальный период за 1971–2014 гг. выросла с 44 до 60% (см. рис. 5.20), оставаясь на относительно низком уровне по сравнению с развитыми странами. В то же время доля ранней неонатальной составляющей снизилась за 1994–2014 гг. на 12 п.п. (в 1994 г. эта доля была максимальной — 50%). При этом коэффициент ранней неонатальной смертности за 1994–2014 гг. уменьшился в 3,3 раза, и это с учетом скачка в 2012 г., связанного с изменением определения живорождения.

Подобные изменения, с одной стороны, можно интерпретировать как хорошую работу медиков в учреждениях родовспоможения. Но считать такую интерпретацию полностью верной нам мешает рост в последние годы доли умерших детей в позднем неонатальном периоде при снижении коэффициентов поздней неонатальной смертности за четыре десятилетия с 1971 по 2013 г. всего в 1,4 раза. Поздний неонатальный период имеет отношение к детям, которых, как правило, уже выписывают из медицинских учреждений домой, и ответственность медиков за эти смерти с формальной точки зрения снижается. На наш взгляд, и в этом случае нельзя исключить так называемых перебросов случаев смертей из одной категории в другую, чтобы не «портить» официальную статистику медицинских учреждений. Это когда умерших на 7-й

день жизни записывают умершим на 8, 9 или 10-й день жизни. Возможность таких «перебросов» подтверждают и распределения умерших младенцев по прожитым дням.

Для того чтобы понять, в чем изменения структуры младенческой смертности в России сходны или различны с другими европейскими странами, мы сравнили ее с двумя характерными странами (рис. 5.21). Мы выбрали Португалию и Болгарию: первую — как страну, сумевшую за период в несколько десятилетий снизить уровень младенческой смертности с высокого до относительно

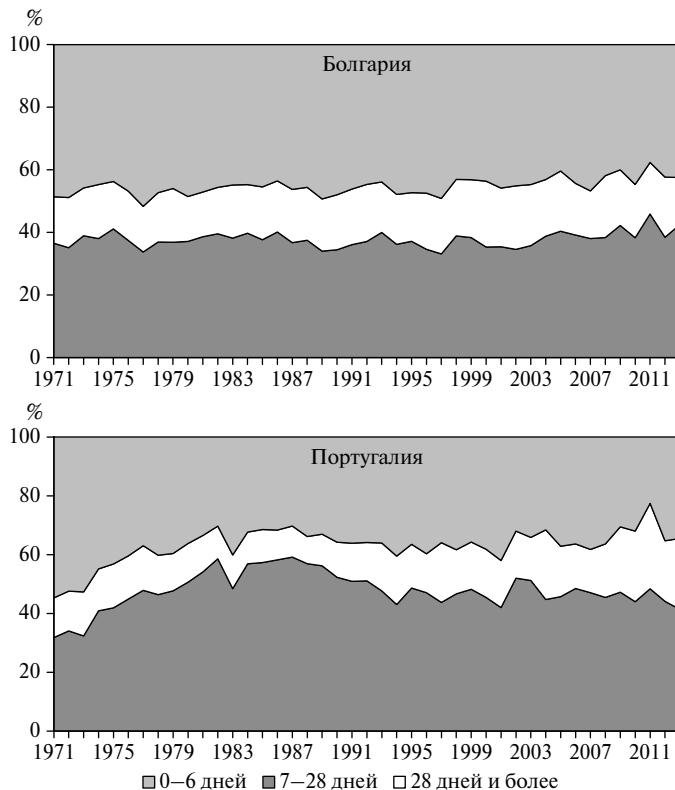

Рис. 5.21.

Структура младенческой смертности в Болгарии и Португалии, 1971–2013 гг.

Источники: Данные Евростата; расчеты авторов.

низкого, а вторую — как страну, издавна близкую к России не только по уровню младенческой смертности, но и по историческому прошлому, языку и культуре.

В целом за 1971–2014 гг. 30% снижения младенческой смертности в России связано с ранней неонатальной, 66% — с постнеонатальной и всего 5% с поздней неонатальной смертностью. Посмотрим, как за тот же исторический период дела складывались в Португалии и Болгарии.

В Португалии с 1980-х гг. после довольно быстрого и резкого роста в 1970-е гг. (в этот период шло резкое снижение уровня младенческой смертности в стране) доля неонатальной смертности в общей смертности младенцев колеблется год от года, но в целом меняется мало. При этом доля поздней неонатальной смертности в последние годы немного выросла. В Болгарии же на протяжении всего периода структура младенческой смертности по возрасту заметных изменений не претерпела. В Болгарии сейчас вклад раннего неонатального компонента значительно выше, чем в Португалии, а общий уровень младенческой смертности, напротив, именно в Португалии в 2,5 раза ниже, чем в Болгарии.

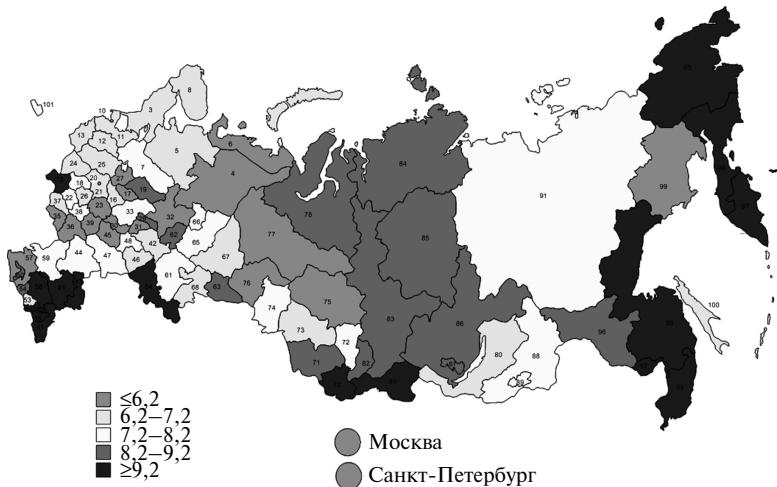
5.6.3. Динамика младенческой смертности в регионах: высока ли результативность программы строительства перинатальных центров?

Как и все другие показатели, младенческая смертность — это средняя от уровней по всем регионам страны, и без снижения показателей младенческой, перинатальной смертности и их составляющих во всех регионах страны невозможно добиться их устойчивого снижения по стране в целом. Но страна идет к этому очень медленными шагами. Темпы и направленность изменения уровня младенческой смертности в регионах, особенно под влиянием перехода на новое определение живорождения, были разнонаправленными.

Так, за 2013–2014 гг. более чем в половине регионов (в 60 субъектах РФ) уровень смертности детей до одного года снизился. Наибольшее снижение отмечено в Еврейской автономной области (на 4,7 промильных пункта), Тверской области (на 3,3)

и Республике Алтай и Магаданской области (на 3). В 21 регионе уровень младенческой смертности вырос. Наибольший прирост отмечен в Республике Калмыкия (на 1,8), в Республике Адыгея (на 1,4) и Калининградской области (на 1,4).

В 2014 г., как и в течение многих последних лет, к регионам с минимальными показателями младенческой смертности относятся г. Санкт-Петербург и Кировская область (по 4,3%), а также Тамбовская область и Чувашская Республика (4,4%) (рис. 5.22). Максимальными остаются показатели в Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе, Республике Тыва и Чеченской Республике. Для сравнения отметим, что в 2013 г., по данным Евростата, коэффициент младенческой смертности для 28 стран Европейского союза был равен 3,7%.

Рис. 5.22. Младенческая смертность в России в 2014 г., на 1000 родившихся живыми

Источники: Данные Евростата; расчеты авторов.

На протяжении последних восьми лет в России предпринимается ряд усилий, направленных на снижение младенческой смертности как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных регионов. Согласно распоряжению Правительства РФ от 4 декабря 2007 г. № 1734-р было введено в эксплуатацию 22 перинатальных

центра. После их открытия стали говорить о строительстве еще 32 центров. Распоряжение Правительства РФ от 9 декабря 2013 г. № 2302-р утвердило программу развития перинатальных центров и завершение строительства этих новых центров к концу 2016 г. На эти цели выделяли десятки миллиардов рублей даже в условиях финансово-экономических кризисов. Строительство первой волны перинатальных центров производилось с учетом перехода в 2011 г. на так называемую трехуровневую систему оказания медицинской помощи беременным женщинам и новорожденным. Эти меры, наряду с другими, должны были привести к снижению младенческой смертности в первую очередь в регионах, где построены перинатальные центры, что соответственно должно было положительно сказаться и на показателях по стране в целом.

Но настолько ли эффективны эти центры именно в снижении перинатальной и младенческой смертности, как предполагалось при их строительстве?

Первая очередь из 22 перинатальных центров вводилась в действие с конца 2010 г. до конца 2012 г. Данные официальной статистики подтверждают, что ввод в действие большинства перинатальных центров привел к снижению уровня перинатальной смертности. Однако в трех регионах, где были открыты эти центры (Тверская, Кемеровская, Волгоградская области), перинатальная смертность на следующий год после ввода центров не снизилась, а возросла. Более того, в целом ряде регионов, где специальные центры не строились, было зафиксировано снижение и перинатальной, и младенческой смертности. В 2012 г. в большинстве регионов, где действуют перинатальные центры, зафиксирован рост показателей перинатальной смертности. Мы отдаляем должное ответственной работе статистических подразделений этих центров и регионов.

В 2013 г. в половине регионов с введенными перинатальными центрами показатели перинатальной смертности выросли, а в половине уменьшились. В 2014 г. в большинстве регионов с новыми перинатальными центрами коэффициент младенческой смертности снизился, но в семи регионах опять отмечается рост. Так что с оценкой результативности специализированной медицинской помощи новорожденным не все так однозначно, как хотелось бы. Напрашивается вывод, что младенческая смертность —

та область, где не удается совершить быстрый прорыв, но требуются постоянные и планомерные усилия. Также надо учитывать, что коэффициент младенческой смертности — один из важных показателей, по которому оценивается уровень работы руководства региона, и потому, как показывает многолетний советский и постсоветский опыт, данный статистический показатель находится под риском возможных манипуляций со стороны ответственных лиц.

5.6.4. Структура младенческой смертности по причинам смерти сигнализирует о неудовлетворительной работе соответствующих служб здравоохранения

Как отмечено выше, снижение младенческой смертности в России, пусть с небольшими перерывами, идет с конца 1970-х гг. Если до начала этого этапа и в России, и во всем мире снижение происходило по большей части за счет причин *экзогенного характера*²⁵, то снижение показателей за счет другой группы — *эндогенных причин*²⁶ — началось лишь в последних десятилетиях XX в. Более того, до наступления нового исторического этапа в снижении младенческой смертности отмечался рост смертности младенцев от эндогенных причин. Постепенно именно причины эндогенного характера все больше и больше стали влиять на изменение младенческой смертности в России (табл. 5.8). Хотя, к сожалению, до сих пор в нашей стране остаются довольно высокой уровень и относительный вклад инфекционных и паразитарных болезней в младенческую смертность.

На протяжении последних десятилетий первое место среди причин младенческой смертности занимают такие причины, как «отдельные состояния, возникающие в перинatalный период».

²⁵ К экзогенным причинам смерти условно относят причины, связанные с экзогенными («внешними») факторами смертности: несчастные случаи, травмы, отравления, инфекционные и паразитарные болезни, острые заболевания органов дыхания и пищеварения, а также некоторые другие.

²⁶ К эндогенным причинам смерти условно относят причины, вызванные болезнями, связанные прежде всего с эндогенными («внутренними», т.е. обусловленными процессами в самом организме человека) факторами смертности: болезни системы кровообращения, врожденные пороки развития, наследственные и некоторые другие.

Таблица 5.8 Коэффициенты младенческой смертности по причинам смерти (на 10000 родившихся живыми) и вклад отдельных причин смерти в общее число умерших в возрасте до одного года, Россия, 1993–2014 г.

Причины	Коэффициенты младенческой смертности, %							2013	2014
	1993	1995	2000	2005	2010	2011	2012		
Некоторые инфекционные и паратитарные болезни	14,2	12,7	9,2	5,0	3,0	2,7	3,1	2,9	2,7
Болезни системы кровообращения	1,3	1,3	1,2	1,1	1,3	0,9	0,6	0,9	0,8
Болезни органов дыхания	30,9	24,2	16,5	8,3	4,6	4,5	4,1	4,2	3,7
Болезни органов пищеварения	1,5	1,1	0,9	0,7	0,5	0,5	0,5	0,4	0,5
Врожденные аномалии	40,7	41,8	35,5	26,9	18,2	18,0	18,5	17,3	16,0
Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	88,0	78,5	67,7	49,1	34,5	34,9	48,1	44,5	39,2
Симптомы, признаки и отклонения от нормы	5,7	5,6	7,3	7,0	4,4	4,3	4,1	4,0	3,3
Внешние причины	9,8	10,1	9,7	7,6	4,7	4,6	4,3	4,2	4,1
Другие причины	6,7	5,9	5,3	4,0	3,9	3,1	3,1	3,2	3,5
Всего	198,8	181,2	153,3	109,7	75,1	73,5	86,4	81,6	73,7
Некоторые инфекционные и паратитарные болезни	7,1	7,0	6,0	4,5	4,1	3,7	3,6	3,6	3,7
Болезни системы кровообращения	0,7	0,7	0,8	1,0	1,8	1,2	0,7	1,1	1,0
Болезни органов дыхания	15,5	13,4	10,7	7,5	6,2	6,1	4,7	5,1	5,0
Болезни органов пищеварения	0,8	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,7

Окончание табл. 5.8

Причины	1993	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Брожденные аномалии	20,5	23,1	23,1	24,6	24,2	24,5	21,4	21,2	21,7
Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	44,3	43,3	44,2	44,8	45,9	47,5	55,7	54,5	53,2
Симптомы, признаки и отклонения от нормы	2,8	3,1	4,8	6,4	5,8	5,8	4,7	4,9	4,4
Внешние причины	4,9	5,6	6,3	6,9	6,3	6,3	5,0	5,1	5,6
Другие причины	3,4	3,3	3,5	3,7	5,2	4,2	3,5	3,9	4,7
Всего	100,0								

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

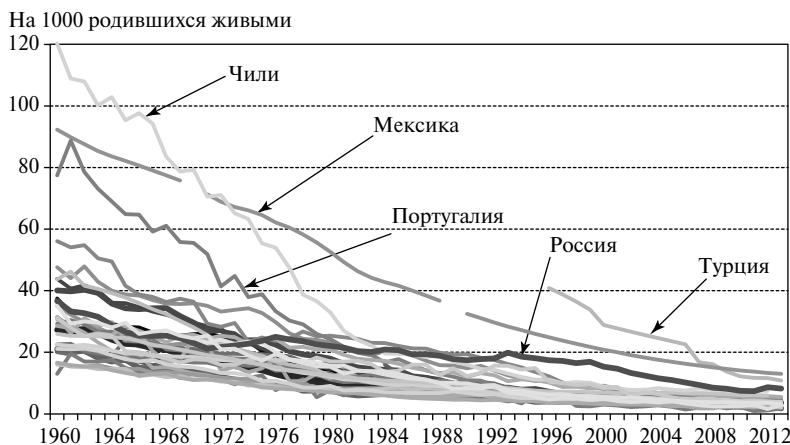
Смерть младенцев от этих причин, на наш взгляд, частично является результатом не совсем удовлетворительной работы как системы родовспоможения, так и всей системы здравоохранения в целом. Второе место принадлежит врожденным аномалиям. А вот на третьем месте с 2009 по 2012 г. находились внешние причины, которые обогнали болезни органов дыхания, занимавшие это место ранее. В 2013 г. коэффициент смертности от болезней органов дыхания снова сравнялся с коэффициентом смертности от внешних причин. В 2014 г. внешние причины опять обогнали болезни органов дыхания. В этом соревновании важную роль играют такие причины, как «случайные удушения», и группа причин «повреждения с неопределенными намерениями», которые вносят основной вклад в смерть младенцев в классе внешних причин.

До 2009 г. в России отмечался рост уровня и вклада смертности от группы болезней системы кровообращения, который проходил за счет таких причин, как «легочное сердце», «внутримозговые и другие внутричерепные кровоизлияния», и в значительной степени от такой собирательной причины, как «другие причины болезней сердца», к которой может быть отнесен любой случай смерти, связанный с патологией системы кровообращения. Большая часть смертей младенцев от болезней системы кровообращения приходится на постнеонatalный период жизни. В 2013 г. зафиксирован рост смертности младенцев от этого класса причин смерти. В 2014 г. отмечено минимальное снижение вклада этого класса. Вклад болезней кровообращения в общую смертность младенцев довольно мал, но не обращать внимания на эти изменения тоже нельзя, поскольку они свидетельствуют о технологических возможностях специализированных служб здравоохранения.

5.6.5. Младенческая смертность в России и странах ОЭСР: общее и особенное

В Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) входят страны, различающиеся по уровню социально-экономического развития, что ведет к существенным различиям и в уровне младенческой смертности. При этом нельзя забывать, что качество статистики в странах ОЭСР, особенно в начале создания организации, различалось.

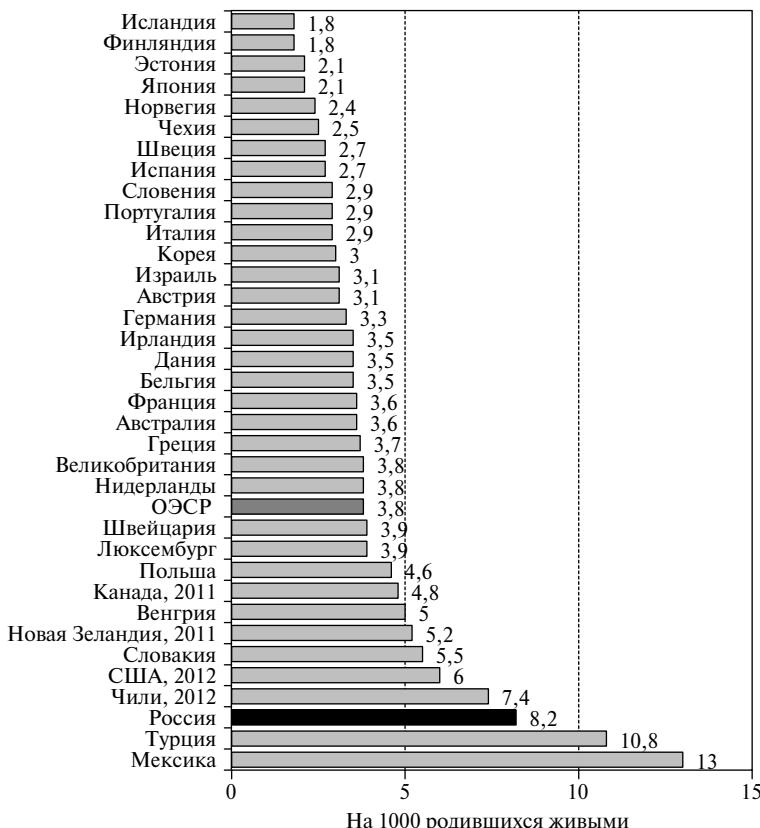
За более чем 50-летний период уровень младенческой смертности во всех странах ОЭСР снизился, но темпы снижения были разными (рис. 5.23). Более всего младенческая смертность с 1960 по 2013 г. снизилась в Португалии (в 26,7 раза), Испании (16,2), Италии (15,1), Эстонии (14,8) и Японии (в 14,6 раза). Значительных успехов в снижении младенческой смертности удалось добиться Чили (за 1960–2011 гг. — в 16,3 раза) и Южной Корее (за 1970–2013 гг. — в 15 раз). В результате к 2013 г. разрыв между максимальными и минимальными показателями младенческой смертности в странах ОЭСР снизился до 7,2 раза (в 1960 г. — 9,2 раза).

Рис. 5.23. Младенческая смертность в странах ОЭСР и России, 1960–2013 гг.

Источники: Базы данных ОЭСР, Росстата; расчеты авторов.

В 2013 г. к странам с наименьшими показателями младенческой смертности, как показано на рис. 5.24, относились Исландия, Финляндия, Эстония, Япония (страна, которая за 50-летний период перешла из группы с высокими показателями смертности детей до одного года в группу с минимальными показателями). В этих странах на протяжении последних лет уровень младенческой смертности стабильно низок. В Мексике, Турции, а также Чили уровень младенческой смертности по-прежнему остается высоким по сравнению с другими странами ОЭСР. Уровень младенческой

Рис. 5.24. Младенческая смертность в странах ОЭСР и России, 2013 г.

Источники: Базы данных ОЭСР, Росстата; расчеты авторов.

смертности в России по сравнению с подавляющим большинством стран ОЭСР выглядит высоким. Только Мексика и Турция имеют более высокие показатели. Даже в Чили показатель младенческой смертности ниже, чем в России.

На уровень младенческой смертности влияют определения живо- и мертворождения, используемые в стране. В начале создания организации ОЭСР определения, используемые странами, отличались от рекомендуемого ВОЗ. Если бы коэффициент младенческой

смертности во всех странах рассчитывался в точном соответствии с рекомендациями ВОЗ, то различия между странами были бы еще больше. К 2013 г. все страны ОЭСР используют национальные определения, максимально учитывающие требования ВОЗ, где в число живорождений включаются дети, родившиеся, как минимум, при сроке беременности 22 недели и выше и с весом не менее 500 г²⁷. Поэтому на сегодняшний день показатели, рассчитанные для стран ОЭСР, вполне сопоставимы с показателем для России.

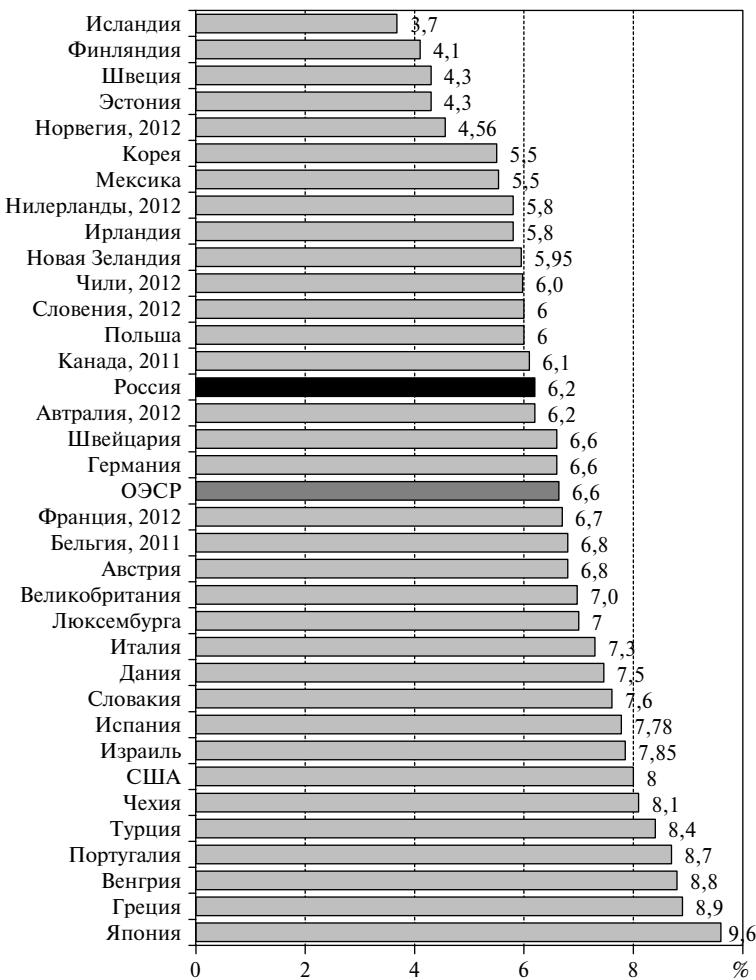
Несколько стран, в том числе США, используют более широкое определение живорождения (включаются новорожденные при сроке от 20 недель беременности), и это частично ведет к более высокому уровню младенческой смертности.

Статистические данные, приведенные на сайте ОЭСР, позволяют нам сравнить страны этой организации и Россию по доле младенцев, рожденных с низкой массой. Низкой массой при рождении в странах ОЭСР считается вес ребенка менее 2500 г. Как отмечается, масса тела — «важный индикатор здоровья младенца из-за тесной связи между весом при рождении и младенческой заболеваемостью и смертностью»²⁸.

Среди стран ОЭСР с наименьшей долей детей, рожденных с массой менее 2500 г, в 2013 г. — Исландия, Финляндия, Швеция, т.е. страны с наименьшими показателями младенческой смертности (рис. 5.25). Но, с другой стороны, в число стран с высокой долей детей, рожденных с той же низкой массой, входят Япония, Греция, Венгрия, Португалия. В этих странах уровень младенческой смертности также низок по сравнению со средним уровнем для стран ОЭСР. Это говорит о более сложной связи между уровнем младенческой смертности и долей родившихся с низким весом. Эта разница связана со сложным переплетением социально-демографических, экономических и поведенческих факторов. Так, считаются особо важными причинами распространенность курения, потребления алкоголя, наличие лишнего веса у матерей, а также изменения в практике акушерских вмешательств (в частности, использование кесарева сечения).

²⁷ Health at a Glance 2015: OECD Indicators. P: OECD Publishing, 2015. P. 58. URL: http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en.

²⁸ Health at a Glance 2015: OECD Indicators. P. 60. URL: http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en.

Рис. 5.25. Доля родившихся с весом менее 2500 г в странах ОЭСР и России, 2013 г.

Источники: Базы данных ОЭСР, Минздрава России; расчеты авторов.

В наиболее экономически продвинутых странах научились выхаживать детей с низкой массой тела, но последствия медицинских вмешательств в ранний неонатальный период отражаются в будущем на здоровье этих детей.

В России доля детей родившихся с низким весом находится на среднем уровне стран ОЭСР.

Данные, собираемые ВОЗ²⁹, дают нам возможность сравнить смертность детей до одного года в странах ОЭСР и России по причинам смерти и вкладам различных классов причин смерти в общий уровень младенческой смертности (табл. 5.9).

В большинстве стран, особенно в странах с наименьшими показателями младенческой смертности, для структуры причин смерти в возрасте до одного года сегодня характерно преобладание причин, связанных с перинатальным периодом и врожденными аномалиями, т.е. причинам в основном эндогенного характера.

В России, особенно после изменения определения живорождения, эта доля приблизилась к соответствующим показателям в развитых странах.

В ряде стран ОЭСР, причем как с низкими, так и с не очень низкими уровнями младенческой смертности (Бельгия, Южная Корея, Новая Зеландия, США, Чехия, Эстония, Япония), как и в России, довольно серьезная доля умерших детей приходится на внешние причины смерти.

В некоторых странах ОЭСР (Израиль, Мексика, Новая Зеландия, США, Япония) остается относительно высокой доля умерших от инфекционных и паразитарных болезней, что мы отмечаем и в России. Повышенная доля болезней органов дыхания, наряду с Россией, характерна для Мексики, Словакии, Чехии, Японии.

Особую озабоченность вызывает высокая доля умерших в ряде стран от «симптомов и неточно обозначенных состояний». В этот класс чаще всего попадают умершие, причины смерти которых не могут быть отнесены к другим классам. Обычно высокий уровень смертности от этих причин связывают с качеством кодирования причин смерти в стране. И если в Исландии высокая доля смертей от данной причины может объясняться случайными факторами, связанными с маленьким числом умерших вообще, то вы-

²⁹ WHO Mortality Database. URL: http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/.

Таблица 5.9.

Доля различных причин смерти в общем числе умерших детей в возрасте до одного года (%) и коэффициент младенческой смертности от всех причин в странах ОЭСР и России, последние имеющиеся данные

Страна, год	Число смертей из-за болезни	Число смертей от травм, ожогов и отравлений	Число смертей от инфекций	Число смертей от новорожденных	Коэффициент младенческой смертности, на 1000 живорождений							
					1	2	3	4	5	6	7	8
Австралия, 2011	1,4	1,1	1,0	1,9	0,4	24,4	53,2	11,1	1,4	4,2	3,8	3,8
Австрия, 2013	1,2	0,0	0,4	0,8	1,2	33,9	49,8	5,3	0,8	6,5	3,1	3,1
Бельгия, 2012	1,9	1,2	1,2	0,0	0,4	29,0	42,2	10,6	5,4	8,1	3,8	3,8
Великобритания, 2013	1,6	0,7	2,1	1,8	0,4	25,0	53,2	9,0	1,6	4,6	3,8	3,8
Венгрия, 2013	1,3	1,5	0,7	2,2	0,0	21,6	61,5	4,6	2,6	4,0	5,1	5,1
Германия, 2013	1,6	0,7	0,9	0,8	0,4	29,6	48,2	11,2	2,4	4,2	3,3	3,3
Греция, 2012	0,3	1,4	0,0	4,4	0,0	47,4	43,0	0,3	1,0	2,0	2,9	2,9
Дания, 2012	1,5	0,5	2,0	0,5	0,5	22,8	52,5	15,3	1,5	3,0	3,5	3,5
Израиль, 2012	3,1	0,2	0,8	1,5	0,2	34,2	41,6	10,6	2,3	5,6	3,6	3,6
Ирландия, 2010	0,7	0,7	1,4	1,4	0,0	39,4	42,3	7,2	0,4	6,5	2,2	2,2
Исландия, 2009	0,0	0,0	11,1	0,0	0,0	11,1	44,4	33,3	0,0	0,0	1,8	1,8
Испания, 2013	1,0	0,8	0,9	0,9	0,3	23,5	59,5	4,9	1,6	6,5	2,7	2,7
Италия, 2012	1,7	1,2	3,1	2,0	2,0	22,7	56,7	3,8	0,8	6,0	3,2	3,2

Окончание табл. 5.9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Канада, 2011	0,7	0,6	1,5	0,8	0,7	22,1	59,2	8,7	2,2	3,4	4,8
Южная Корея, 2012	1,1	1,3	1,6	1,0	0,3	19,5	54,0	12,5	5,5	3,4	2,9
Люксембург, 2013	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	28,6	57,1	7,1	0,0	7,1	2,3
Мексика, 2012	4,6	0,5	2,0	7,4	1,7	23,3	49,6	2,1	3,9	4,9	13,3
Нидерланды, 2013	0,8	0,9	1,6	0,8	0,3	25,0	52,6	9,6	1,7	6,8	3,8
Новая Зеландия, 2011	2,8	0,3	0,9	2,5	0,3	24,1	45,4	9,6	10,2	4,0	5,2
Норвегия, 2013	1,4	1,4	1,4	0,0	1,4	30,1	53,8	5,6	0,0	4,9	2,4
Польша, 2013	0,8	0,9	0,7	3,4	0,2	37,0	49,3	3,6	2,0	2,0	4,6
Португалия, 2013	2,4	0,0	2,4	1,6	1,6	23,3	56,7	7,8	0,4	3,7	2,9
Россия, 2014	3,7	0,7	1,0	5,0	0,7	21,7	53,2	4,4	5,6	4,0	7,4
Словакия, 2010	2,0	0,0	1,2	6,1	1,2	29,1	45,9	7,0	2,9	4,7	5,7
Словения, 2010	0,0	0,0	0,0	3,6	0,0	10,7	73,2	3,6	1,8	7,1	2,5
США, 2010	2,8	0,4	2,1	2,3	0,8	20,8	48,8	12,4	6,3	3,2	6,1
Турция, 2013	2,0	0,5	1,5	2,9	0,8	30,0	52,4	3,4	1,2	5,2	10,1
Финляндия, 2013	2,0	1,0	3,1	0,0	1,0	31,6	41,8	12,2	2,0	5,1	1,7
Франция, 2011	1,6	0,8	1,6	0,5	0,3	20,3	49,4	16,6	2,6	6,2	3,5
Чехия, 2013	2,6	1,1	2,3	3,4	1,5	17,0	51,7	10,9	4,9	4,5	2,5
Чили, 2012	1,3	0,9	0,6	2,9	0,6	38,6	44,3	6,3	2,0	2,5	7,4
Швейцария, 2012	0,3	1,4	0,7	0,0	0,0	53,4	35,1	5,4	0,3	3,4	3,6
Швеция, 2013	1,0	1,3	1,6	1,3	0,3	25,1	44,3	16,0	0,7	8,5	2,7
Эстония, 2012	0,0	2,0	2,0	0,0	0,0	32,0	44,0	6,0	8,0	4,0	3,6
Япония, 2013	3,4	1,4	3,2	4,9	2,9	37,1	25,1	12,7	5,3	4,0	2,1

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

сокая доля умерших от этого класса причин в Швеции, Японии, Франции и др. вызывает удивление, а потому требует более внимательного изучения.

5.7. Российские тенденции продолжительности жизни и смертности от отдельных причин и на фоне трендов в странах ОЭСР

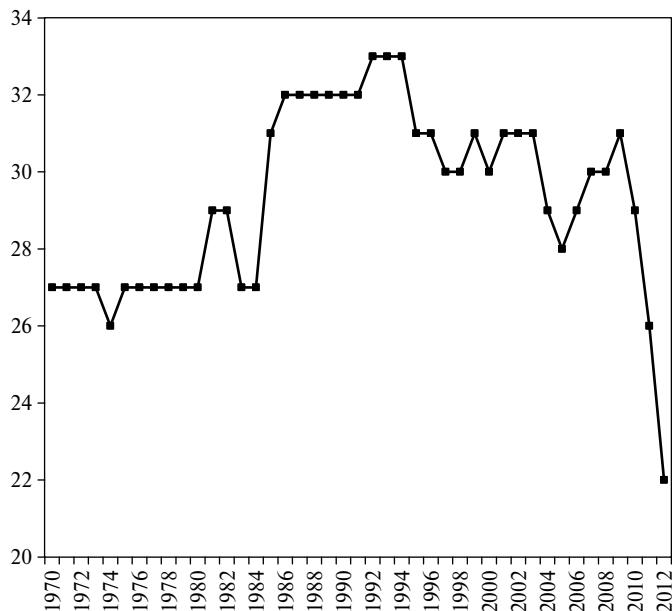
Страны ОЭСР — достаточно широкая совокупность развитых и быстроразвивающихся стран, сравнительный анализ ситуаций в которых несет в себе новые возможности для понимания общих и специфических черт российских тенденций смертности. Недавно вышедшее издание, посвященное проблемам здоровья населения стран ОЭСР³⁰, в значительной степени облегчило выполнение задачи по сравнительному анализу трендов.

В состав ОЭСР входит 34 страны, большинство из которых состоят в этой организации более 50 лет. Это довольно разнородная группа стран, куда наряду с мировыми лидерами снижения смертности, такими как Швеция или Япония, входят страны, чьи успехи менее впечатляющи и нередко качество статистики смертности далеко не безупречно (Мексика, Южная Корея, Турция). Поэтому прежде всего мы выбрали критерий для включения стран в анализ. В анализе за каждый год участвуют данные по странам, которые в настоящее время являются членами ОЭСР независимо от года вступления и которые представили национальные данные за этот год в базу данных ВОЗ о смертности по причинам смерти³¹. Причем предполагается, что данные включают сведения о возрастном составе населения и представлены достаточно подробные данные с точки зрения списка причин смерти и возрастной группировки. Мы ограничились периодом начиная с 1970 г. Число стран, данные по которым доступны по годам после 1970 г., представлено на рис. 5.26.

Уменьшение числа стран в конце периода связано с установленными правилами разработки данных об умерших во многих

³⁰ Health at a Glance 2015: OECD Indicators. P. 58. URL: http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en.

³¹ WHO Mortality Database. URL: http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/.

Рис. 5.26. Число стран, данные по которым доступны в данном году

Источник: База данных ВОЗ WHO Mortality Database.

станах, которые с целью повышения их полноты и качества обрабатывают данные по несколько лет.

Основной анализ будет проводиться с использованием стандартизованного коэффициента смертности (СКС) на 100 тыс. населения. Мы используем Европейское стандартное население 1976 г. Мы не ограничились сравнением данных по России со средними значениями показателей для стран ОЭСР, но также включили в анализ минимаксные границы их варьирования. Когда минимальные значения показателей рассчитываются по причинам смерти, возникает одна трудность. В некоторых странах и в отдельные периоды доля неустановленных диагнозов оказывается чрезмерно высокой: например, в Южной Корее в некоторые годы она была больше четверти всех смертей. Это мало влияет на среднюю величину для всех стран ОЭСР, но сильно занижает минимальные

показатели смертности. Из 1260 наблюдений (стран, периодов) в 89 наблюдениях (7%) доля неопределенных диагнозов составила больше 10%. Мы решили исключить их из подсчета экстремальных показателей по причинам смерти.

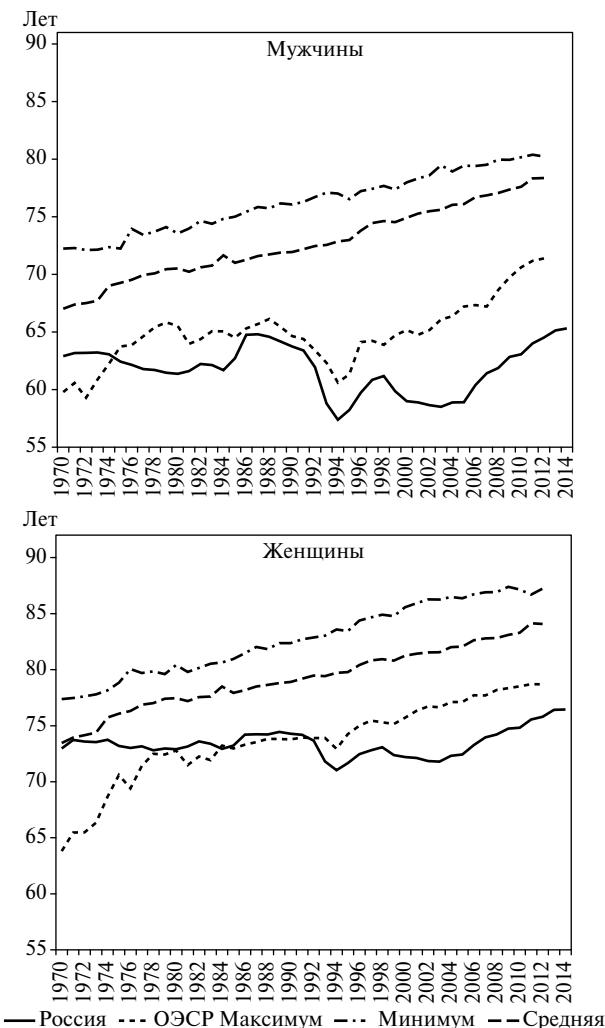
5.7.1. Ожидаемая продолжительность жизни: долгое соревнование России со странами-аутсайдерами

За период с 1970 по 2012 г. ожидаемая продолжительность жизни для новорожденного в странах ОЭСР в среднем выросла примерно на 11 лет, точнее, на 11,3 года у мужчин и на 10,6 года у женщин. Небольшие флуктуации линии роста продолжительности жизни, как показано на рис. 5.27, связаны с изменением числа стран, участвующих в расчете (см. рис. 5.26). Мы отметили линии на графике продолжительности жизни словами «максимум» и «минимум», имея в виду максимум и минимум уровня смертности, а не конкретного показателя, в данном случае продолжительности жизни. Для СКС (а именно на нем сделан акцент в сравнительном анализе) это одно и то же, но максимальная продолжительность жизни соответствует минимальной смертности.

Ситуация с продолжительностью жизни в России в начале периода выглядела лучше, чем в странах ОЭСР с максимальной смертностью. Затем вплоть до 1994 г. ситуация в России стала близкой или несколько хуже (для мужчин) при сравнении со странами ОЭСР с самыми плохими показателями. Далее аутсайдеры ОЭСР уходят вперед по продолжительности жизни, а Россия пускается вдогонку только после 2005 г. (см. рис. 5.27).

Интересны списки лидеров и аутсайдеров в гонке за повышение продолжительности жизни. У мужчин в начале периода в числе лидеров чередуются Греция, Исландия, Швеция, в конце периода — Австралия, Исландия, Япония. У нас есть основания думать, что высокая продолжительность жизни в Греции в 1970-х гг. — статистический артефакт. У женщин в начале периода лидируют Исландия, Норвегия и Швеция, но с 1984 г. бессменным лидером становится Япония.

В списке аутсайдеров, с которыми соревнуется Россия, в начале периода стоят Мексика и Чили. С 1980 г. у мужчин и с 1990 г.

Рис. 5.27. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и в странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

у женщин их сменяют Венгрия и Эстония. С 1990 г. у мужчин самая низкая продолжительность жизни среди стран ОЭСР в Эстонии, у женщин — как правило, в Венгрии. Эстония 4 раза занимает нижнюю позицию и у мужчин, и у женщин.

Наконец отметим, что женщины России в последние годы приближаются к области показателей продолжительности жизни стран ОЭСР несколько быстрее, чем мужчины, у которых разрыв почти не уменьшается.

5.7.2. Смертность от болезней системы кровообращения

График динамики СКС от болезней системы кровообращения (рис. 5.28) похож на зеркальное отражение графика ожидаемой продолжительности жизни (см. рис. 5.27). Разрыв между Россией и странами ОЭСР вырос после 1994 г., а его уменьшение началось после 2005 г.

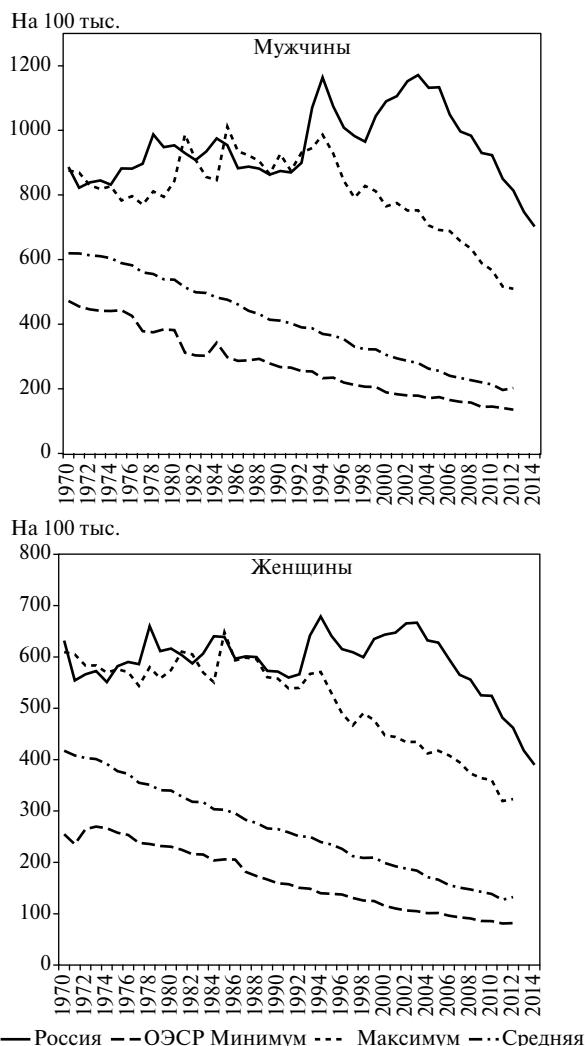
Мы не пытались на графиках СКС сделать одинаковыми шкалы для мужчин и женщин. Это привело бы к тому, что графики для женщин практически не читались бы. В силу этого динамику на графиках можно понимать как относительные изменения при своем для каждого пола уровне.

Наиболее высокие СКС женщин от болезней системы кровообращения весь период были в Венгрии, Словакии и Эстонии. У мужчин до 1977 г. самые высокие показатели наблюдались в Финляндии, потом до 1984 г. — в Венгрии, далее до 2010 г. — в Эстонии, а два последних года — вновь в Венгрии.

Российский читатель свяжет лидерство Финляндии с злоупотреблением алкоголем. Но помимо потребления алкоголя это было результатом массового курения, высокого содержания жиров в пище и низкого потребления овощей. В ответ была создана национальная программа, направленная на оздоровление питания и борьбу с курением. В результате показатели смертности от сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин к середине 1980-х гг. были сокращены по меньшей мере на 65%³².

---

³² WHO Chronic diseases and health promotion. URL: <http://www.who.int/chp/en/>.

Рис. 5.28.

Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

5.7.3. Смертность от новообразований

Кривая СКС от новообразований в России весь период начиная с 1970 г. лежит в области вариации этого показателя для стран ОЭСР (рис. 5.29). Новообразования, как мы увидим, — неединственный класс причин смерти, обладающий таким свойством. Но диагностика новообразований значительно более однозначна (если речь идет о классе в целом) и меньше меняется от страны к стране. Поэтому выявленное соотношение уровней смертности от этой причины вряд ли есть следствие национальных особенностей диагностики.

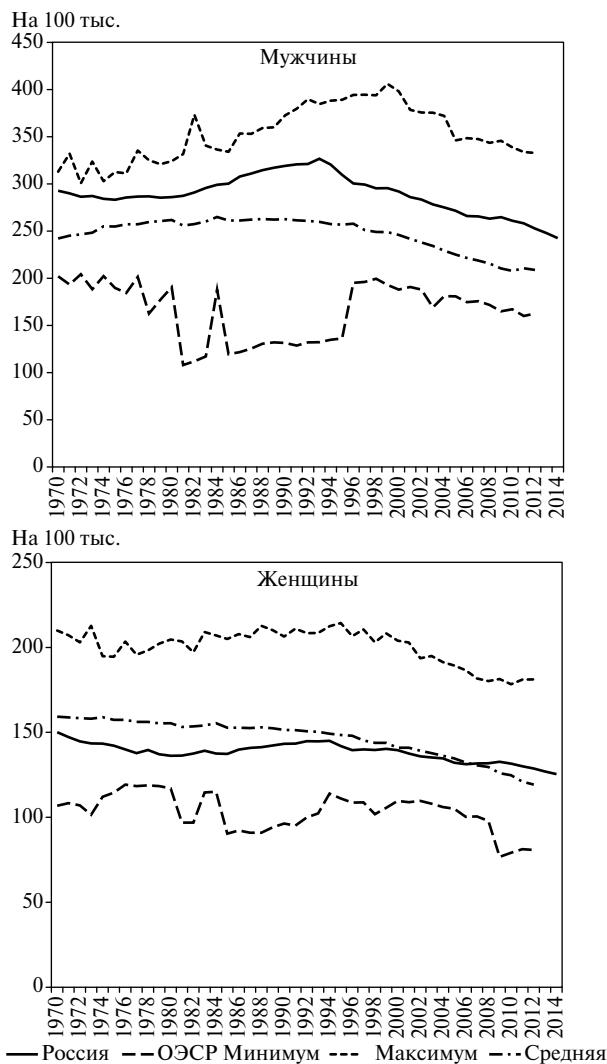
Показатели для женщин в России до 2007 г. остаются ниже, чем в среднем в странах ОЭСР. Если бы мы сравнивали табличные числа умерших и средние возраста смерти от новообразований³³, то такое соотношение можно было бы объяснить исключительно высокой смертностью в более молодых возрастах, до того возраста, когда новообразования становятся важной причиной смерти. Но к СКС, который измеряет среднюю интенсивность смертности, такое объяснение не кажется применимым.

Отметим, что средний табличный возраст смерти от новообразований в России в 2013 г. был 67,3 года у мужчин и 69,3 у женщин, когда как минимум в странах ОЭСР составлял 69,2 и 71,9 года у мужчин и женщин соответственно. В России в расчете на 1000 родившихся и мужчины, и женщины гораздо реже умирают от новообразований, чем в странах ОЭСР. В России от новообразований в течение жизни умирает 158 из 1000 новорожденных мужчин и 135 из 1000 новорожденных женщин (по данным за 2012 г.). Среднее для стран ОЭСР составляло 287 и 209 соответственно. Итак, от новообразований в России умирают реже, но раньше, чем в странах ОЭСР.

Мы проверили, в какой мере на сравнения СКС по странам влияет выбор стандарта. Страны ЕС сейчас обсуждают переход на новый стандарт возрастного состава³⁴. Новое стандартное население будет старше населения 1976 г. Если по старому стандарту

³³ Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 5–40.

³⁴ Revision of the European Standard Population. Report of Eurostat's task force. 2013. Working Papers. ISSN1977–0375. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5926869/KS-RA-13-028-EN.PDF/e713fa79-1add-44e8-b23d-5e8fa09b3f8f>.

Рис. 5.29. Стандартизованный коэффициент смертности от новообразований в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

в 2012 г. СКС от новообразований в России выше, чем в странах ОЭСР, на 21% у мужчин и на 8% у женщин, то по стандарту он выше у мужчин только на 8%, а у женщин — даже ниже на 1,4%.

Окончательный ответ дает только анализ по возрастам. Смертность в России от новообразований в 2012 г. выше, чем в среднем в странах ОЭСР, во всех возрастах моложе 80 лет у мужчин и 75 лет у женщин. В возрастах 30–74 года среднее превышение у мужчин составляет 62%, а у женщин — 43% уровня стран ОЭСР. Видимое благополучие — артефакт. Просто лишь малая часть населения России доживает до возрастов, где в странах ОЭСР концентрируется основная смертность от новообразований.

Не забывая этого обстоятельства, посмотрим, как выглядит на фоне стран ОЭСР смертность от некоторых локализаций (табл. 5.10). Смертность от всех включенных в таблицу локализаций, кроме рака желудка, в России ниже верхней границы для стран ОЭСР. Общий тренд смертности от рака трахеи, бронхов и легких у мужчин — снижение. Как видно из табл. 5.10, Россия в этом снижении обгоняет аутсайдеров ОЭСР (Венгрия), но далека от лидеров. Показатели у женщин, где мировые тенденции не так однозначны, в России близки к показателям лидеров (Испания, Португалия).

Снижение смертности от рака желудка началось даже раньше, чем от рака легкого. Но в этом снижении Россия существенно отстает от аутсайдеров ОЭСР: Южной Кореи, Чили, Японии. Смертность от рака толстого кишечника и ануса в России до недавнего времени росла, слабая тенденция к снижению проявилась совсем недавно. По уровню СКС в России несколько выше средней для ОЭСР, но ниже, чем у стран-аутсайдеров: Венгрии — для мужчин, Венгрии и Словакии — для женщин.

По СКС от рака предстательной железы Россия довольно близка к Японии — лидеру в ОЭСР. Все-таки это болезнь тех возрастов, до которых в России доживают немногие мужчины. По СКС от рака груди Россия близка к аутсайдерам (например, Дании). Не беремся комментировать датский уровень смертности, но в России он, по мнению экспертов³⁵, остается следствием недостаточной ранней диагностики.

---

³⁵ Wilking N. A review of breast cancer care and outcomes in 18 countries in Europe, Asia, and Latin America. Stockholm: Karolinska Institutet, 2009. URL: <http://www.comparatorreports.se/>.

Таблица 5.10. СКС от новообразований некоторых локализаций в России и в странах ОЭСР, на 100 тыс.

Год	Мужчины			Женщины		
	Россия	ОЭСР		Россия	ОЭСР	
		Минимум	Максимум		Минимум	Максимум
<i>Все локализации</i>						
1990	319	131	373	143	96	206
1995	309	136	389	142	111	214
2000	292	188	398	139	110	204
2005	271	181	346	132	105	189
2012	253	163	333	129	81	181
<i>Рак трахеи, бронхов и легких</i>						
1990	104	25	113	11	5	37
1995	98	25	118	10	6	40
2000	87	28	119	9	7	40
2005	76	27	103	8	8	45
2012	66	27	103	8	9	41
<i>Рак желудка</i>						
1990	61	8	52	26	4	28
1995	53	7	48	22	3	27
2000	45	6	44	19	3	21
2005	38	5	38	15	2	16
2012	30	5	28	12	3	10
<i>Рак кишечника и ануса</i>						
1990	27	5	54	19	5	30
1995	29	6	54	19	5	30
2000	30	11	54	20	10	31
2005	31	13	48	20	11	25
2012	30	14	51	19	8	25
<i>Рак предстательной железы</i>				<i>Рак груди</i>		
1990	11	7	41	19	4	40
1995	11	8	40	22	5	52
2000	13	10	40	24	6	37
2005	16	9	38	24	7	32
2012	19	8	35	23	7	26

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

5.7.4. Смертность от болезней органов дыхания

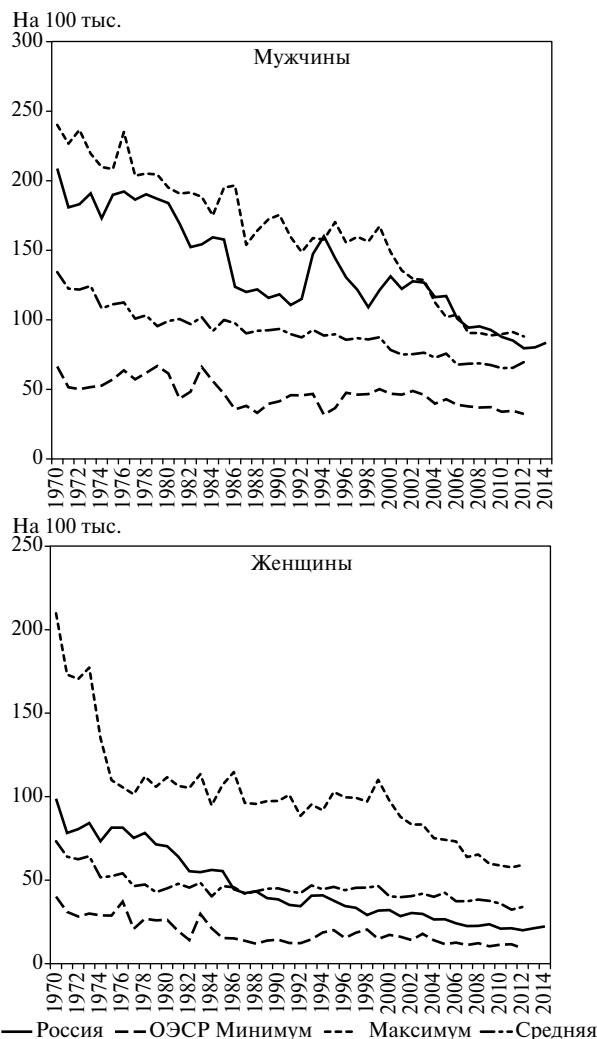
СКС от болезней органов дыхания в России также лежит в области значений, характерных для стран ОЭСР. Но у мужчин он весь период прилегает к максимальным наблюдавшимся значениям, а у женщин близок к средней по ОЭСР. До 1988 г. он несколько выше этой средней, а после — немного ниже (рис. 5.30).

Показатель смертности от острых респираторных заболеваний среди женщин весь период оставался немного ниже средней по странам ОЭСР. У мужчин подобная ситуация существовала до 1990 г., потом между 1990 и 2004 гг. показатель довольно быстро рос, а далее оставался высоким, немного ниже максимума для ОЭСР, который в этот период был представлен Австралией, Грецией и Финляндией.

Показатель смертности от остальных респираторных заболеваний в среднем по ОЭСР очень стабилен во времени. У мужчин можно сказать об очень небольшом снижении, у женщин — росте. Еще более стабильны минимальные значения. Максимальные значения меняются больше. У мужчин общую динамику можно охарактеризовать как медленное снижение, у женщин — стабильность до начала 2000-х гг., а потом тоже снижение. В России СКС почти линейно снижается у мужчин от 160 на 100 тыс. в 1970 г. до 40 в 2013 г., у женщин — от 60 на 100 тыс. в 1970 г. до 10 в 2013 г.

Представляется, что за многообразием чисел и тенденций скрываются разные подходы к диагностике. В России в 2012 г. средний возраст смерти от респираторных заболеваний — 65 лет у мужчин и 70 лет у женщин. В ОЭСР в среднем — 84 и 87 лет, при максимуме 86 и 91 у мужчин и женщин соответственно. С начала 1980-х гг. дольше всех лидером в снижении СКС от этой причины оставалась Ирландия, в 2007 г. к ней присоединились Япония у мужчин и Великобритания у женщин. В условиях быстрого снижения смертности от сердечно-сосудистых болезней все чаще причиной смерти в очень пожилых возрастах становятся болезни органов дыхания.

В России этот процесс еще не начался или находится на самой ранней стадии. Смертность от респираторных болезней в России все еще преимущественно экзогенной природы. Рост показателя

Рис. 5.30. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней органов дыхания в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

смертности от острых респираторных болезней у мужчин, о котором мы упоминали выше, видимо, не случайно совпал в России по времени с ростом алкогольной смертности в начале 1990-х гг.

5.7.5. Смертность от инфекционных болезней

До начала 1990-х гг. смертность от инфекций в России была выше среднего, но ниже максимального уровня для стран ОЭСР. У женщин ситуация осталась такой же до настоящего времени, а у мужчин показатели возросли и превысили максимальный уровень для стран ОЭСР (табл. 5.11). Рост совпал по времени с ростом смертности мужчин от острых респираторных заболеваний.

Рост инфекционной смертности в России был целиком связан с ростом смертности от туберкулеза. Соответствующий СКС между 1990 и 2000 гг. более чем удвоился. Хотя принято говорить о туберкулезе у мужчин, относительный рост СКС у женщин был не меньше, просто начальный уровень был ниже.

Максимальный для стран ОЭСР уровень смертности от туберкулеза все это время снижался, и в 2012 г. у мужчин он был вдвое ниже российского, а у женщин — ниже на 32%.

Иная ситуация с прочими инфекционными болезнями. СКС в России был, как правило, вдвое ниже среднего стран ОЭСР и более чем в 3 раза ниже максимума.

До 2000-х гг. максимум смертности от других инфекций приходился в странах ОЭСР на Мексику и Чили, но после 2000 г. — на Израиль и США, где средний возраст смерти от других инфекционных болезней — более 70 лет. Средний возраст смерти от других инфекций в России — около 40 лет. Очевидно, это разные инфекционные болезни. Странно, что инфекционные болезни пожилого возраста, которые присутствуют в других странах, счастливо отсутствуют в России. Возникает подозрение, что в случаях подобных болезней врачи просто ставят другой, «неинфекционный» диагноз.

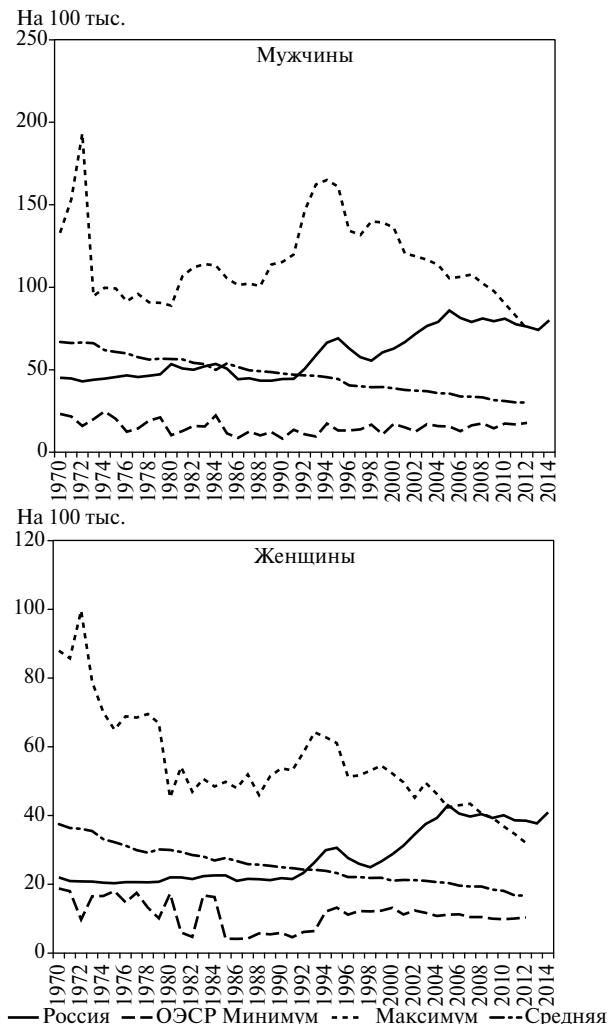
Представляется, что рост смертности от туберкулеза и пневмонии (именно она в России кроется за словами «острые респираторные инфекции») так и не был до конца осмыслен. После того как при мощной поддержке международных организаций смерт-

Таблица 5.11. СКС от инфекционных болезней в России и странах ОЭСР, на 100 тыс.

Год	Мужчины				Женщины			
	Россия	ОЭСР			Рос- сия	ОЭСР		
		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум
<i>Инфекционные болезни</i>								
1990	22	16	4	74	6	10	2	54
1995	38	13	3	44	8	8	1	31
2000	45	16	3	23	9	9	2	17
2005	45	16	1	24	10	10	2	16
2012	33	12	4	29	10	8	2	22
<i>Туберкулез</i>								
1990	17	4	0	22	2	1	0	10
1995	31	3	0	19	3	1	0	6
2000	38	2	0	13	5	1	0	5
2005	39	2	0	7	7	1	0	4
2012	20	1	0	9	4	0	0	3
<i>Другие инфекционные болезни</i>								
1990	5	12	2	52	4	9	2	44
1995	7	10	1	29	5	7	1	25
2000	6	14	1	23	4	8	1	16
2005	6	14	1	23	4	9	2	16
2012	13	10	4	28	6	7	2	22

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

ность от туберкулеза в России удалось снизить, Минздрав РФ не стал выяснять, что произошло, откуда вдруг в стране появилось столько случаев полирезистентного туберкулеза, а потому не ясно, насколько надежна достигнутая победа. В частности, остается под вопросом, как часто под видом туберкулеза скрывается болезнь, вызванная ВИЧ-инфекцией.

Рис. 5.31. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней органов пищеварения в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

5.7.6. Смертность от болезней органов пищеварения

Нам уже встречалась ситуация, изображенная на рис. 5.31: долгое время российская смертность от болезней органов пищеварения была близка к средним для стран ОЭСР уровням, но в начале 1990-х гг. она начала расти и теперь поднялась выше максимума для ОЭСР. При этом средний возраст смерти от этого класса в 2012 г. в России был 58 лет у мужчин и 66 лет у женщин, а в странах ОЭСР у тех, и у других был на 17 лет выше.

Быстрый рост СКС от болезней органов пищеварения в России в решающей степени объясняется ростом смертности от цирроза печени (табл. 5.12). Впрочем, СКС от других болезней органов пищеварения в России очень медленно рос также весь период после 1970 г., в то время как в странах ОЭСР он очень медленно снижался.

Таблица 5.12. СКС от цирроза в России и странах ОЭСР, на 100 тыс.

Год	Мужчины				Женщины			
	Россия	ОЭСР			Россия	ОЭСР		
		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум
1990	15	25	1	77	7	9	1	29
1995	30	22	1	125	14	8	2	40
2000	25	10	0	31	12	4	1	12
2005	45	7	1	26	25	3	1	10
2012	38	5	1	11	20	3	1	4

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

Максимальный уровень смертности от цирроза после 1990 г. зафиксирован в Австрии, Венгрии и Словакии. До этого среди аутсайдеров ОЭСР значились Италия и Франция, т.е. страны с массовым потреблением вина. Начало роста смертности от цирроза в России совпало с концом антиалкогольной кампании и началом роста алкогольной смертности. Но рост продолжился и после 2004 г., когда алкогольная смертность начала быстро снижаться. По мнению Ю.Е. Разводовского, известного белорусского ученого, изучающего влияние алкоголя на смертность, лишь около 60%

смертей от цирроза печени в России могут быть отнесены на счет алкоголя³⁶. Весьма вероятно, что часть роста смертности от цирроза есть следствие роста заболеваемости гепатитом.

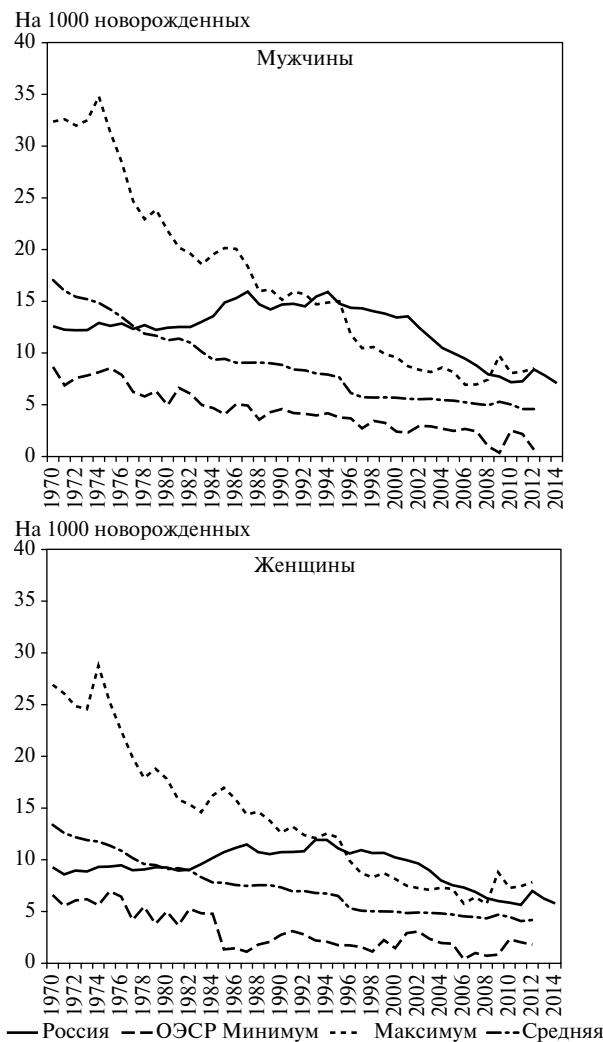
5.7.7. Смертность от перинатальных причин и врожденных аномалий

В качестве меры смертности от перинатальных причин и врожденных аномалий, которые концентрируются на первом году жизни, мы взяли число умерших на 1000 новорожденных. Этот показатель не тождествен показателю смертности от перинатальных причин и врожденных аномалий на первом году жизни, так как включает умерших и старше одного года. Средний возраст смерти от этой группы причин в России — менее 4 лет, в странах ОЭСР — более 10 лет. Хотя и в России смертность от перинатальных причин низкая (в значительной части это брак в работе системы родовспоможения), но в большинстве стран ОЭСР она гораздо ниже (рис. 5.32). Приходится признать, что в странах ОЭСР, видимо, гораздо больше возможностей для сохранения жизни детей с врожденными аномалиями.

Подъем смертности в 1982–1987 гг. от перинатальных причин в России, по нашему мнению, был главным образом следствием улучшения диагностики. Младенческая смертность в это время медленно, но снижалась, и объективных причин роста смертности от рассматриваемых классов причин не было. Начавшееся с начала 1990-х гг. очень медленное снижение ускорилось в начале 2000-х и прерывалось лишь в 2012 г., когда в России произошла смена официального определения мертво- и живорождения. Российский уровень перинатальной смертности близок к максимуму для стран ОЭСР.

После 2000 г. аутсайдеры ОЭСР по уровню смертности от рассматриваемой группы причин — это Венгрия, Турция и Чили. Если диагностика причин смерти и вообще полнота учета смертей в Турции и вызывает серьезные сомнения, то данные Венгрии и Чили представляются вполне надежными. Напомним, что в Венгрии — самая низкая продолжительность жизни среди стран ОЭСР.

³⁶ Razvodovsky Y.E. Alcohol consumption and liver cirrhosis mortality in Russia // Journal of Alcoholism & Drug Dependence. 2014. No. 2. P. 152.

Рис. 5.32.

Число умерших от перинатальных причин
и врожденных аномалий в России и странах ОЭСР,
1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

5.7.8. Смертность от болезней, которые не были установлены

Доля умерших от неустановленных болезней в России среди всех умерших от ненасильственных причин, измеренная как отношение соответствующих стандартизованных коэффициентов, долго оставалась менее 0,5%, но в 1986–1995 гг. быстро увеличилась до примерно 5% и далее сохранила тенденции к росту (табл. 5.13). Объяснение тому, на наш взгляд, — в отказе от требования установить причину смерти любой ценой. С 1989 г. тенденция роста смертности от неустановленных причин усилилась в связи со стремлением Минздрава СССР снизить смертность от болезней системы кровообращения. Согласно решению Коллегии министерства от 29 марта 1989 г. «умершим вне стационара в возрасте старше 80 лет при отсутствии в медицинской документации указания на заболевание, способное вызвать смерть, при отсутствии подозрения на насильственную смерть, в случаях, когда патологоанатомическое исследование не проводилось, выдается врачебное свидетельство или фельдшерская справка, где в качестве причины смерти указывается “старость”». Со временем данная установка перестала выполняться строго, но высокий уровень смертности

Таблица 5.13. СКС от неустановленных заболеваний, в процентах к СКС от всех ненасильственных причин в России и странах ОЭСР

Год	Мужчины				Женщины			
	Россия	ОЭСР			Россия	ОЭСР		
		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум		Сред- няя	Мини- мум	Макси- мум
1990	2,1	3,0	0,2	20,8	2,5	3,3	0,2	25,5
1995	4,6	2,8	0,1	18,4	5,8	3,2	0,2	25,1
2000	5,2	3,0	0,1	15,7	6,1	3,3	0,2	22,8
2005	5,4	2,9	0,1	14,7	5,8	3,3	0,2	22,1
2012	5,7	4,1	0,2	10,5	6,6	4,5	0,1	12,8

Примечание. В расчете участвовали все страны независимо от доли неопределенных диагнозов.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

от «неустановленных причин» сохранился, а у мужчин даже наблюдался медленный рост показателей.

После 2011 г. многие регионы России, стремясь достичь целевых показателей, заданных в Указе «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», начали вновь шире использовать диагноз «старость», и рост доли неустановленных болезней ускорился.

Эта доля в России, хотя и в несколько раз ниже максимума для стран ОЭСР, но в полтора раза выше средней и несоизмеримо выше минимума для этих стран.

Минимальная доля умерших от неустановленных заболеваний практически весь период после 1970 г. была в Венгрии, максимальная — до 1984 г. в Португалии, а далее — в Южной Корее. Несмотря на это, продолжительность жизни в Венгрии в настоящий момент на 6 лет ниже, чем в Южной Корее. Представляется, что это доказывает тезис, что качество посмертной диагностики не обязательно ассоциируется с низкими показателями смертности.

5.7.9. Смертность от внешних причин

СКС мужчин от несчастных случаев (мы имеем в виду все внешние причины, кроме убийств, самоубийств и повреждений с неустановленными намерениями) в России оставался выше максимума по странам ОЭСР практически весь период начиная с 1970 г. (рис. 5.33). Лишь в 1986–1987 гг. в Мексике, а в 1994–1998 гг. в Эстонии смертность от этих причин была выше. В России 1986–1987 гг. стали пиком успехов антиалкогольной кампании. В 1994–1998 гг. после скачка смертности, последовавшим за концом антиалкогольной кампании, и в России, и в Эстонии шел процесс нормализации уровня насилиственной смертности. В России этот процесс шел поначалу быстрее, зато в Эстонии он оказался необратимым.

Поскольку именно Эстония определяет скачок в ОЭСР максимальных уровней СКС от несчастных случаев, убийств, самоубийств и внешних причин в целом в период после 1991 г. (этот скачок четко виден на рис. 5.33–5.35 и 5.37), мы сочли необходимым нанести на соответствующие графики линию максимума без учета Эстонии. Эта линия выделена пунктиром.

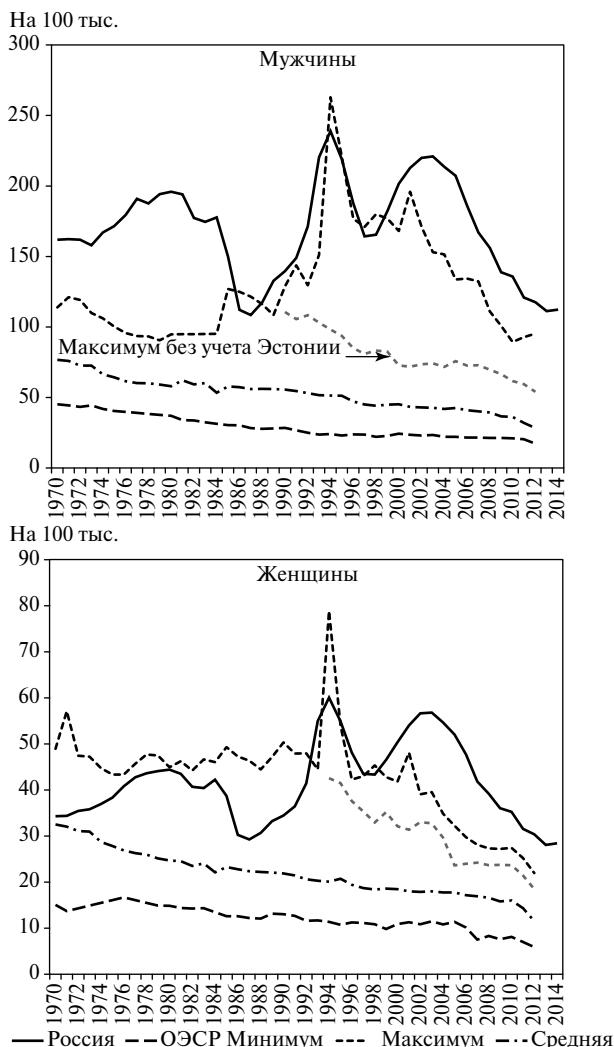

Рис. 5.33.

Стандартизованный коэффициент смертности от несчастных случаев в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг., на 100 тыс.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

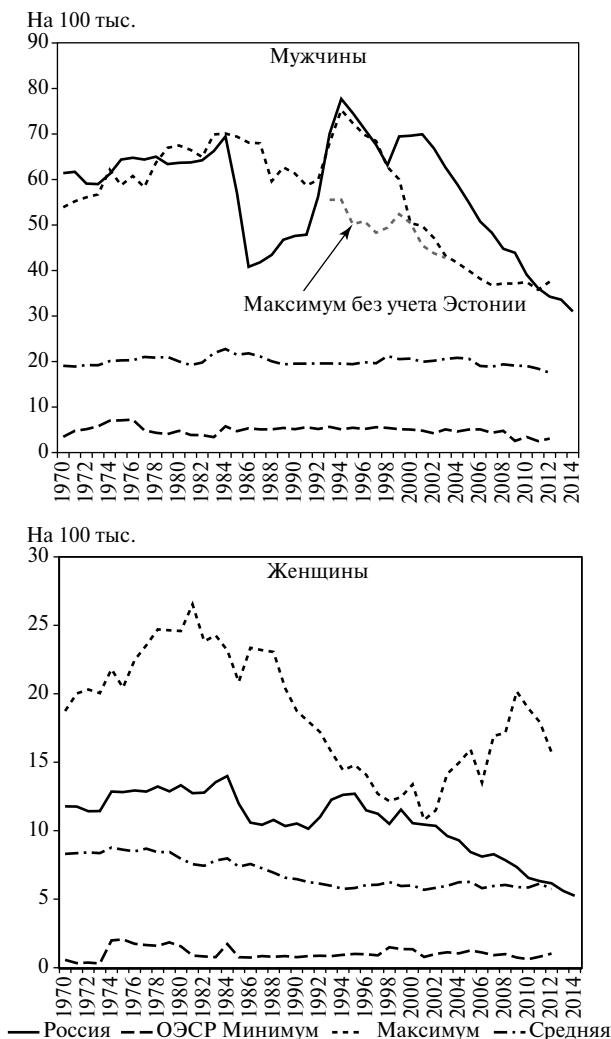
У российских женщин смертность была ниже, чем в странах — аутсайдерах ОЭСР (в основном это была Венгрия) до 1993 г., а также в 1994 и 1998 гг. (когда в аутсайдерах значилась Эстония), но в остальные годы после 1993 г. российский уровень превышал максимум для стран ОЭСР.

Вероятность для новорожденного когда-либо умереть от несчастных случаев в России в 11 из 42 лет была выше максимума для стран ОЭСР, который принадлежал Мексике и Эстонии. Правда, у женщин российская вероятность умереть была очень близка к средней для стран ОЭСР. Зато средний возраст смерти от несчастных случаев в России ниже, чем где-либо в странах ОЭСР. В 2012 г. он был у мужчин 45,4 года в России против 68,6 года в среднем для стран ОЭСР. Для женщин разница еще больше — 51,9 против 81,2 года. В России от несчастных случаев умирают много и рано.

СКС мужчин от самоубийств в России до 1993 г. оставался примерно на уровне максимума для стран ОЭСР, в годы антиалкогольной кампании он стал значительно ниже, но так и не достиг средних значений для ОЭСР, а после 1993 г. российский уровень смертности превышает самые высокие показатели для сравниваемой группы стран (см. рис. 5.34). За 42 года максимум в странах ОЭСР 30 раз наблюдался в Венгрии и 11 раз — в Эстонии. У женщин максимум тоже 30 раз наблюдался в Венгрии, но 11 раз — в Южной Корее.

СКС женщин от самоубийств в России лежит между максимальным и средним уровнем для стран ОЭСР и выше последнего примерно в полтора раза. СКС российских мужчин в 2,9 раза выше среднего уровня для ОЭСР за весь период начиная с 1970 г.

График смертности от убийств показан на рис. 5.35. Следует иметь в виду, что он существенно зависит от стран, представивших в ВОЗ в те или иные годы соответствующие данные. До 1980 г. самый высокий уровень смертности от убийств у мужчин и женщин наблюдался в США, но с появлением данных для Мексики США отступает на второе место. СКС по Эстонии появляется в 1981 г., но Мексику она обгоняет только в 1993 г. В отличие от России страны ОЭСР не придумали специальный код причины для погибших в результате террористического акта. Все жертвы террора считаются убитыми, поэтому, например, в 2011 г. самый высокий показатель смертности женщин от убийств пришелся на Норвегию.

Рис. 5.34.

Стандартизованный коэффициент смертности от самоубийств в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

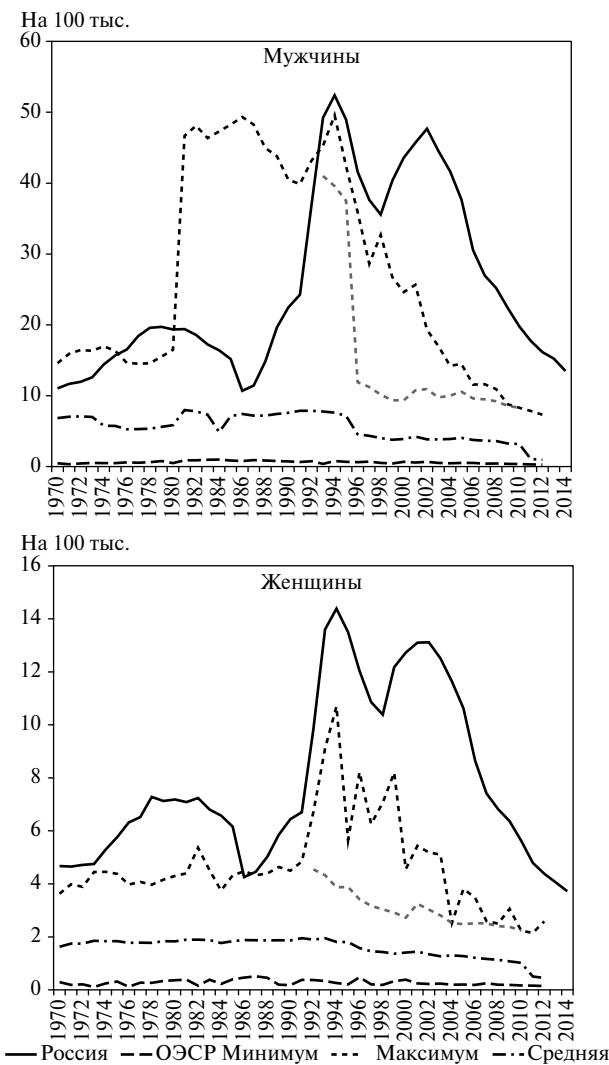

Рис. 5.35.

Стандартизованный коэффициент смертности от убийств в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

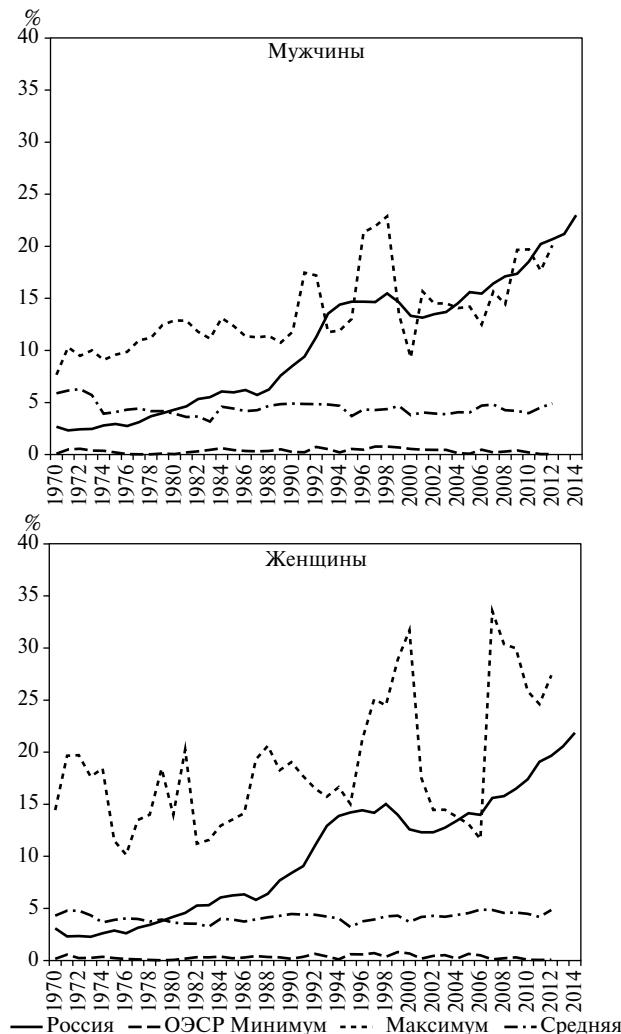
После 1994 г. СКС от убийств в России устойчиво выше максимума для страны ОЭСР. В 1998–2012 гг. он в среднем выше в 2,3 раза у мужчин и в 2,5 раза — у женщин.

Доля умерших от повреждений с неустановленными намерениями в общем числе умерших от внешних причин, как и доля умерших от неустановленных болезней среди всех умерших от ненасильственных причин, начала расти в России во второй половине 1980-х гг. Но в отличие от последней рост доли умерших от «неустановленных повреждений» продолжался почти все последующие годы. В 1998–2001 гг. произошло небольшое снижение, а потом рост возобновился.

На рис. 5.36 мы сравниваем эту долю в России и странах ОЭСР. Из сравнения исключены Польша и Чили. Данные для Чили исключены целиком, так как доля повреждений с неустановленными намерениями поднимается до 50% всех смертей от внешних причин, а убийства и самоубийства практически отсутствуют. Данные для Польши по тем же причинам исключены до 1982 г.

Становится очевидно, что с начала 1990-х гг. доля умерших от повреждений с неустановленными намерениями в России у мужчин практически совпадает с максимальным уровнем в странах ОЭСР, а у женщин несколько ниже. После 1990 г. максимальное значение доли фиксировалось в Великобритании (7 раз), Израиле (6 раз), Португалии (4 раза), Швеции (3 раза), Словакии и Польше (по 1 разу); у женщин — в Португалии (15 раз), Великобритании (4 раза), Исландии (3 раза) и Израиле (1 раз). Мы привели этот список стран, чтобы указать на то, что высокая доля умерших от насильственных смертей при неустановленных намерениях встречается и в странах с очень хорошей статистикой причин смерти.

Динамика смертности от каждой из трех выделенных групп внешних причин (несчастных случаев, самоубийств и убийств) обладает особенностями и в России, и в странах ОЭСР, но имеет и много общего. В странах ОЭСР общим являются снижение (несчастные случаи, убийства) или, как минимум, стабильность (самоубийства) средних значений. Максимальные уровни, рассчитанные без учета Эстонии, также последовательно снижаются, и разрыв между минимумом и максимумом в ОЭСР сокращается.

Рис. 5.36. Стандартизованный коэффициент смертности от повреждений с неустановленными намерениями, в процентах к СКС от всех внешних причин в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

В России тренд менялся несколько раз: рост в 1970–1984 гг., падение в годы антиалкогольной кампании, еще больший рост в начале 1990-х гг. и, наконец, снижение после 2003 г.

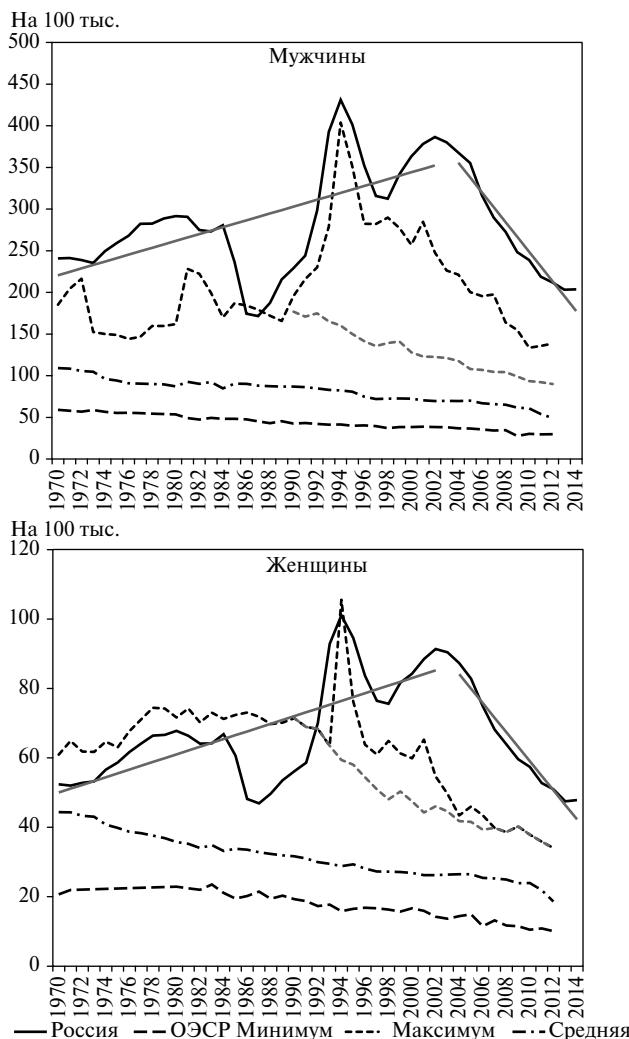
На рис. 5.37 мы представили динамику смертности от внешних причин в целом. Если смотреть на период после 1980 г., что позволит избежать колебаний, связанных с изменением списка стран, представивших данные, то мы увидим, что средний, минимальный и максимальный (без учета Эстонии) уровни последовательно снижаются и сближаются.

Мы нанесли на рисунок две линии тренда для России: одну — для периода 1970–2003 гг., вторую — 2003–2014 гг. Конечно, реальная динамика в 1970–2003 гг. сильно отклоняется вниз от линии тренда в годы антиалкогольной кампании, потом вверх, потом снова вниз и вверх с менее выраженной амплитудой, словно вызванные антиалкогольной кампанией колебания постепенно затухают. Второй период можно было бы охарактеризовать как период быстрого снижения. Однако в последние два года вновь наблюдается нарастающее отклонение от линии тренда, что вызывает беспокойство и заставляет сомневаться в устойчивости положительных сдвигов. Линии российских трендов для мужчин лежат существенно выше кривой максимально зафиксированных в странах ОЭСР уровней без учета Эстонии. Кривая максимумов в ОЭСР с учетом Эстонии находится выше линии тренда для России в 1994–1995 гг.

5.7.10. Главный вывод: сходство динамики смертности от внешних причин и сердечно-сосудистых заболеваний — исключительно российский феномен

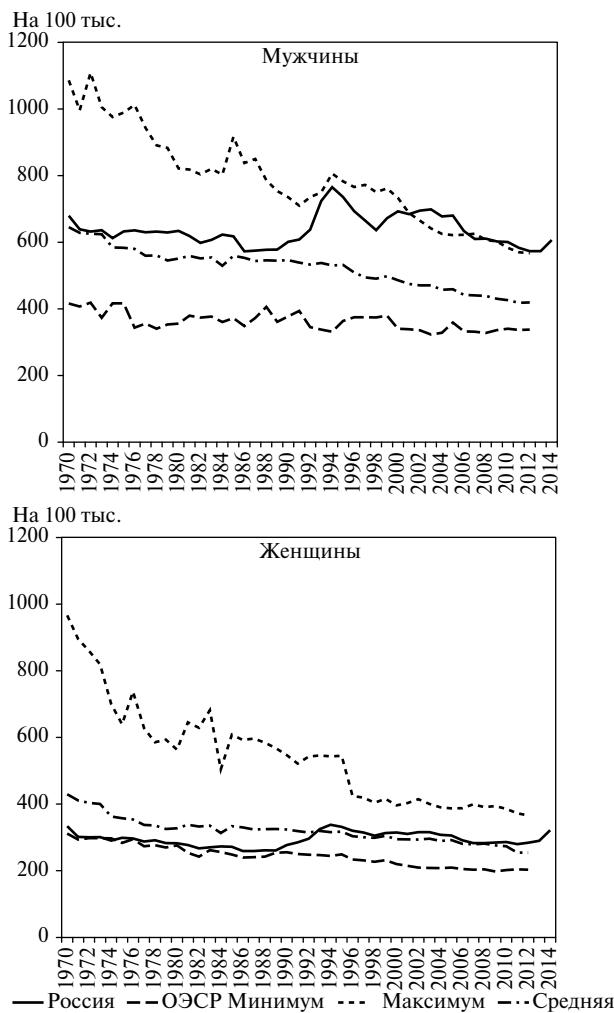
Динамика смертности от болезней системы кровообращения (см. рис. 5.28) чрезвычайно похожа на динамику смертности от внешних причин (см. рис. 5.37), если только линию максимальных зафиксированных в странах ОЭСР уровней построить без учета Эстонии.

Динамика смертности от ненасильственных причин, если исключить из них смертность от болезней системы кровообращения, выглядит совсем иначе (рис. 5.38). У мужчин с 1970 по 1991 г. российская кривая почти повторяет средний уровень для стран

Рис. 5.37.

Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

Рис. 5.38.

Стандартизованный коэффициент смертности от всех ненасильственных причин, кроме болезней системы кровообращения в России и странах ОЭСР, 1970–2014 гг.

Источники: Данные Росстата и базы данных ВОЗ WHO Mortality Database; расчеты авторов.

ОЭСР, плавно и медленно снижаясь. Затем в 1991–1994 гг. СКС в России быстро возрастает до максимальных в странах ОЭСР уровней и с некоторыми отклонениями снижается тем же темпом, что и максимальный СКС в странах ОЭСР. Этот темп быстрее, чем средний по ОЭСР темп снижения. В результате максимальный и минимальный уровни достаточно быстро сближаются. У женщин — похожая картина, с той лишь разницей, что до 1990 г. Россия соответствовала минимальным в странах ОЭСР уровням, а рост 1990–1994 гг. приблизил СКС к средним показателям для ОЭСР. Правда, в последние три года и у мужчин, и у женщин в России наблюдается несколько неожиданный рост СКС, который мы связываем с изменением практики определения начальной причины смерти.

Таким образом, в России динамика СКС от болезней системы кровообращения принципиально отличается от динамики СКС от других болезней. Сравнив графики для стран ОЭСР (см. рис. 5.28, 5.38), нетрудно убедиться, что в других странах подобные различия не наблюдаются. Представляется, что для успешного снижения смертности в России весьма важно понять, почему динамика смертности от кардиоваскулярных болезней в России настолько похожа на динамику смертности от насильственных причин и совершенно не похожа на динамику смертности от других болезней.

6. Миграция населения

6.1. Внутренние миграции

6.1.1. Центры притяжения остаются прежними: Центр, Северо-Запад, Юг, крупнейшие города и региональные центры

Число фиксируемых российской статистикой внутристрановых миграционных перемещений растет начиная с 2011 г., когда были внесены значительные изменения в процедуры статистического учета миграции. В 2013 г. число миграций внутри России превысило 4 млн человек, но уже в 2014 г. рост почти прекратился, эффект изменения методики учета практически исчерпал себя. Показатели миграционной активности в России вернулись на уровень конца 1980-х гг. Это дает основания предполагать, что сокращение объемов переселений в 1990–2000-е гг. было вызвано в немалой мере трансформацией системы учета миграции, прежде всего заменой системы прописки на регистрацию по месту жительства и пребывания.

Направления миграции в пределах России не претерпевают в последние годы серьезных изменений. Население продолжает стягиваться в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, остальные округа испытывают его отток (табл. 6.1). Самые большие по масштабу потери несут Приволжский и Сибирский федеральные округа, а по интенсивности убыли лидируют Дальневосточный и Северо-Кавказский ($-5,7$ и $-2,9$ на 1000 населения соответственно).

Среди регионов России наиболее интенсивный прирост населения за счет внутрироссийской миграции имели Московская область (12,5 на 1000 населения), Ленинградская область (9,6), Санкт-Петербург (9,2), Краснодарский край (6,0), Республика Ингушетия (5,3) и Москва (4,8). Самый интенсивный отток отмечен из Магаданской области (-18 на 1000), Ямalo-Ненецкого автономного округа ($-17,1$), Еврейской автономной области ($-11,4$), Республики Коми ($-11,1$) и Камчатского края ($-10,2$).

Таблица 6.1. Нетто-миграция между федеральными округами Российской Федерации в 2014 г.,
тыс. человек

В обмене с территорией:	Получено или потеряно территорией:								
	Россия	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	При-волжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточ-ный
Россия	0,0	119,4	35,8	18,2	-28,0	-50,5	-13,4	-45,8	-35,7
Центральный	-119,4	0,0	-6,5	-16,0	-14,4	-42,2	-11,1	-18,2	-10,9
Северо-Западный	-35,8	6,5	0,0	-2,4	-5,1	-9,9	-5,4	-11,0	-8,4
Южный	-18,2	16,0	2,4	0,0	-5,2	-3,6	-5,4	-12,0	-10,5
Северо-Кавказский	28,0	14,4	5,1	5,2	0,0	1,1	2,7	-0,3	-0,2
Приволжский	50,5	42,2	9,9	3,6	-1,1	0,0	1,4	-3,1	-2,4
Уральский	13,4	11,1	5,4	5,4	-2,7	-1,4	0,0	-3,5	-0,8
Сибирский	45,8	18,2	11,0	12,0	0,3	3,1	3,5	0,0	-2,4
Дальневосточный	35,7	10,9	8,4	10,5	0,2	2,4	0,8	2,4	0,0

Источники: Росстат, данные текущего учета.

В отличие от 1990-х гг. миграционное поле России стало менее напряженным на полюсе оттока, тогда в отдельные годы общая миграционная убыль в некоторых регионах, например в Чукотском автономном округе, достигала в 1994 г. — 13, в 1995 г. — 10% населения¹. По сравнению с 2000-ми гг. миграционный отток из регионов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей несколько усилился, превысив в 2014 г. 74 тыс. человек (в 2013 г. — 94 тыс.). Убыль населения за счет внутрироссийской миграции сейчас имеют все северные регионы страны. В отличие от ряда предыдущих лет существенная миграционная убыль в обмене с другими территориями России зафиксирована в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра (в 2011 и 2012 гг. округ имел существенный прирост).

Западный дрейф в последние годы также немного увеличил свои масштабы, в 2014 г. он составил 88 тыс. человек — столько теряли Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа в обмене с округами западной части страны. В 2000-е гг. отток составлял в среднем 50–60 тыс. человек в год, однако население почти всех регионов по итогам переписи населения 2010 г. оказалось ниже, что, на наш взгляд, вызвано недоучетом масштабов оттока населения на запад страны.

Представляется, что новая методика учета миграции позволяет более адекватно оценить масштабы перераспределения населения между регионами страны. В 1990-е и 2000-е гг. после проведения переписей населения неадекватность этого учета становилась очевидной из-за существенных расхождений данных переписей и текущей оценки населения на их даты, о чем мы уже подробно писали². Возможно, следующая перепись населения покажет меньшие расхождения с текущей оценкой населения, особенно в регионах восточной части страны.

В 2014 г. из 83 регионов РФ только 16 имели приток за счет межрегиональной миграции, остальное население теряли.

Крупнейшие центры притяжения населения сохраняют свои позиции. Так, в 2011–2014 гг. Москва и Московская область увеличили свое население за счет мигрантов из других регионов страны

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. М.: Росстат, 1995. С. 24–26.

² Население России 2010–2011. С. 450.

на 629 тыс. человек, Санкт-Петербург и Ленинградская область — на 242 тыс., Краснодарский край — на 145 тыс. Однако приток в более мелкие центры постепенно уменьшается: так, Калининградская, Белгородская области и Республика Татарстан имели прирост в 10–14 тыс. человек, Нижегородская и Самарская области закончили год с фактически нулевым балансом миграции. Ставропольский край, еще в 2000-е гг. ежегодно увеличивающий население за счет внутрироссийской миграции на 10 тыс. человек, в 2011–2014 гг. имел за год убыль в 3–4 тыс. человек.

В то же время появляются новые центры притяжения населения, самый крупный из них — Новосибирская область. За 2011–2014 гг. она увеличила население на 36 тыс. человек за счет миграции с другими регионами страны — это больше, чем за все годы предшествующего десятилетия. В последние годы небольшой, но устойчивый миграционный прирост имели Тюменская область (без учета округов), Свердловская, Воронежская, Ярославская области. Смогут ли они удержать этот прирост, не подвергнется ли он пересмотру по итогам следующей переписи населения (2020 г.), покажет время. Пока Тюменская область прирастает за счет миграции из своих северных округов, Новосибирская — за счет соседних регионов Сибири, Свердловская — за счет соседей по Уральскому федеральному округу, а Ярославская — в основном за счет регионов Европейского Севера. Только Воронежская область по-немногу собирает население практически со всей России. По-прежнему ни одного центра притяжения населения не формируется в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, что явно расходится с планами властей к 2021 г. «приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока»³, а к 2026 г. обеспечить приток мигрантов в эти регионы.

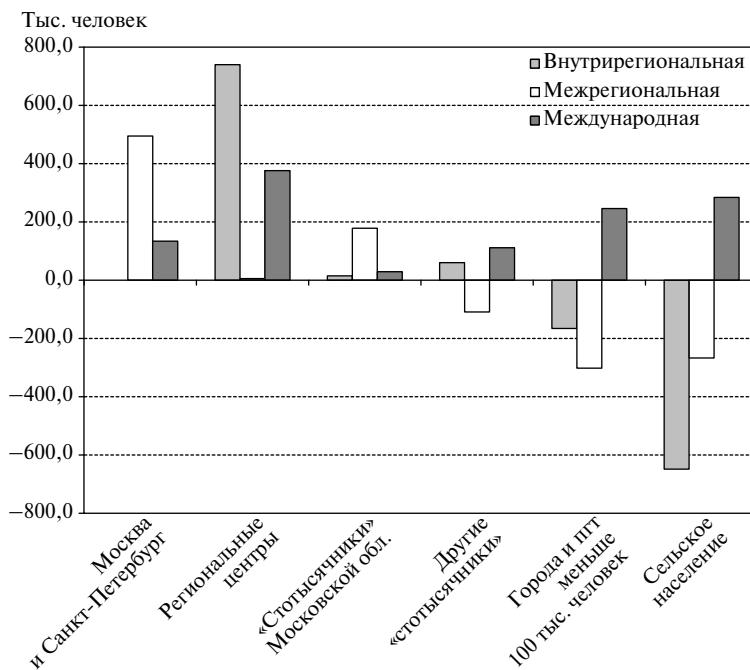
Центры притяжения долговременных и временных трудовых мигрантов не вполне совпадают. Если Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край привлекательны для мигрантов обеих категорий, то остальные центры, например Белгородская область, являлись донорами рабочих рук. В то же время согласно данным регулярного Обследования населения по проблемам занятости Рос-

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>.

стата в 2012–2014 гг. Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область формировали второй по значению центр притяжения трудовых мигрантов, уступая только столичному региону. В сравнительно меньших масштабах притягивают трудовых мигрантов другие добывающие регионы Севера и Востока страны: Республика Коми, Мурманская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Магаданская область и Чукотский автономный округ. Можно сделать осторожное предположение, что со временем российские «севера» станут более похожими на схожие в природно-климатическом отношении регионы севера Канады и США: при общем сокращении постоянного населения будет увеличиваться число вахтовых поселков и вахтовиков.

Как и в предыдущие годы, для внутренних миграций в России актуальными остаются тенденции центростремительности. Данные о миграционном приросте за 2011–2014 гг. показывают, что почти вся нетто-миграция городского населения страны во внутренних миграциях (53,9%) аккумулируется в городах, являющихся региональными центрами, еще почти 36% приходится всего на два города — Москву и Санкт-Петербург. Города размером меньше 100 тыс. человек, поселки городского типа и сельские населенные пункты отдают свое население.

Данные о миграции внутри субъектов РФ (которая, напомним, отсутствует применительно к Москве и Санкт-Петербургу) показывают, что все миграционные потоки направляются в сторону региональных центров (рис. 6.1). Их превосходство таково, что его нельзя списать только на миграцию молодежи для получения образования. В современной российской внутрирегиональной миграции в региональные центры едут мигранты любых возрастов. Их преимущество над другими, даже крупными городами (размером свыше 100 тыс. человек) бесспорно. Миграционная привлекательность региональных центров — результат длительной, начавшейся еще в советское время и усилившейся в постсоветский период централизации институтов, инвестиций, финансов и прочих функций. Преимущественный рост главных городов территорий, когда в них сосредоточивается основной потенциал экономического развития и большинство мигрантов стремится именно в них, является одной из стадий развития урбанизации, которую описывал Ричард-

Рис. 6.1. Общий миграционный прирост (отток) по типам поселений и потокам за период 2011–2014 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных текущего учета Росстата.

сон для развитых стран мира еще в 1970-е гг.⁴ Ныне в странах ОЭСР миграционные траектории более разнообразны и, как правило, согласуются с вехами жизненного пути людей. В молодых возрастах едут в крупные города для учебы и старта трудовой карьеры, в возрастах формирования семьи зачастую переезжают в пригорода, где качество городской среды лучше способствует успешному развитию и воспитанию детей, и при этом сохраняются возможности для работы главы семьи в крупном городе, в ранних пенсионных возрастах стремятся переезжать в экологически чистые и климатические более приятные условия, в том числе в сель-

⁴ Richardson H. W. Regional growth theory. L.: MacMillan, 1973.

скую местность⁵. В России такой цикл еще только начинает складываться.

Ситуация в межрегиональной миграции противоречива и неоднозначна: весь нетто-прирост в ней забирают города федерального значения, в первую очередь Москва. Среди региональных центров, если их рассматривать в целом, есть как притягивающие межрегиональных мигрантов, так и отдающие, роль межрегиональной миграции для их миграционного баланса хотя и положительна, но ничтожна по размерам. Положительной межрегиональной миграцией отмечены даже не все города-миллионеры, хотя в наиболее экономически устойчивых она отмечается: таковы Екатеринбург, Новосибирск, Казань, Нижний Новгород, Самара, Челябинск и Красноярск; остальные города-миллионники теряют население в обмене с другими регионами.

В межрегиональной миграции в целом существенно лучшее положение, чем у региональных центров, занимают города с численностью свыше 100 тыс. человек, не являющиеся региональными центрами. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что весь положительный миграционный баланс этой группы связан с почти двумя десятками городов ближнего Подмосковья, курортными городами (Новороссийском, Сочи, Ессентуками), а также Сургутом — неформальной столицей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. При этом городов Ленинградской области в этой группе городов по численности населения нет вообще. Без подмосковных городов группа с населением свыше 100 тыс. человек, не являющихся региональными центрами, демонстрирует отрицательную нетто-миграцию. В целом из 95 городов с населением свыше 100 тыс. человек, не являющихся региональными центрами, 63 города теряют население в результате межрегиональ-

⁵ Halfacree K., Boyle P. The challenge facing migration research: The case for a biographical approach // *Progress in Human Geography*. 1993. No. 17. P. 333–348; Bell M., Ward G. Comparing temporary mobility with permanent migration, tourism geographies: An international journal of tourism space // *Place and Environment*. 2000. No. 2. P. 87–107; Clark W., Withers S.D. Family migration and mobility sequences in the United States: Spatial mobility in the context of the life course // *Demographic Research*. 2007. No. 17. Article 20; Cooke T. Migration in a family way // *Population, Space and Place*. 2008. No. 14. P. 255–265; Bailey A.J. Population geography: Lifecourse matters // *Progress in Human Geography*. 2009. No. 33 (3). P. 407–418.

ной миграции, и это не только северные и восточные (например, Братск, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Ухта), но и Орск, Балаково, Тольятти, Старый Оскол и множество других по всей стране.

Сельская местность является отдающей как во внутри-, так и в межрегиональной миграции. Ее суммарные потери за 2011–2014 гг. составили более 900 тыс. человек. Как и в 1990-е гг., сельскому «опустыниванию» в некоторой степени противостоит международная миграция, которая примерно на 30% компенсировала нетто-отток из сельской местности во внутренней миграции.

Примерно такая же ситуация, как для сельской местности, характерна и для городов с численностью населения меньше 100 тыс. человек и поселков городского типа (пгт). Здесь нетто-прирост населения наблюдается только в международной миграции. Малые и средние города России давно и стablyно испытывают отток во внутренних переселениях, исключения редки и чаще всего связаны с возможным выгодным положением в пределах крупногородских агломераций.

Таким образом, зоны, а точнее, очаги привлекательности во внутрирегиональных миграциях — региональные центры и федеральные города, в межрегиональной миграции — только последние, правда, не ограниченные границами Москвы, а растекающиеся довольно широким « пятном » по Подмосковью. При этом значительно число регионов, в которых в межрегиональной миграции наблюдается отток как из региональных центров, так и из всех городов региона.

Данные об общем миграционном приросте населения (за счет внутристранской и международной миграции) 1063 городов России позволяют выстроить иерархию городов по относительному показателю — размеру миграционного прироста, соотнесенному с численностью населения города.

«Относительная миграционная привлекательность» городов представляется заметно иной, чем по данным об абсолютных размерах миграции. В частности, Москва перемещается с 1-го места, занимаемого ею по абсолютным размерам нетто-миграции, на 129-е среди всех городов или на 8-е среди городов-миллионеров. Наиболее интенсивный миграционный прирост относительно своей численности среди крупнейших городов демонстрируют Санкт-Петербург, Красноярск и Новосибирск. Среди региональных цент-

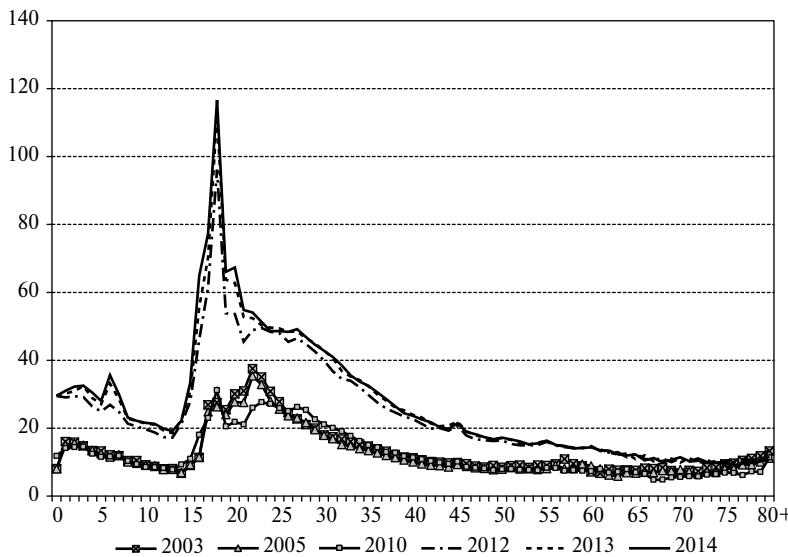
ров, которые не являются городами-миллионерами, самый высокий относительный прирост имеют Тюмень, Краснодар, Томск, Хабаровск (заметим, что три из них находятся в азиатской части страны). А вообще среди всех российских городов безоговорочным лидером является Магас (143,8 человек на 1000 жителей). Его прирост не кажется фантастическим, если вспомнить, что этот город, объявленный столицей Ингушской Республики в 1994 г., строится с нуля в 4 км от бывшей столицы, а ныне просто самого крупного города Ингушетии — Назрани. Среди первых 30 городов по коэффициенту миграционного прироста половина — это города Подмосковья: огромный относительный прирост показывают активно застраиваемые большими жилищными комплексами Апрелевка и Звенигород, Подольск, Котельники, Звенигород. Гораздо слабее, но представлены среди лидеров города вокруг Санкт-Петербурга (Любань, Всеволжск). В числе лидеров также группа городов курортного типа: южных — Сочи, Геленджик, Анапа и северо-западных — Гурьевск и Светлогорск (оба — Калининградская область).

В противоположной стороне рейтинга, среди самых непривлекательных, — небольшие северные и восточные города, которые уже давно сохраняют высокую миграционную убыль. Малая «базовая» численность населения здесь наславивается на географическую (а вслед за ней и инвестиционную) периферийность, отсутствие рабочих мест вне бюджетной сферы и прочие факторы, способствующие оттоку населения. При этом пространственная изолированность и отсутствие хотя бы в относительной близости мощных городов с диверсифицированным рынком труда практически не позволяют жителям Певека, Курильска, Игарки или Вуктыла быть маятниками мигрантами или хотя бы отходниками. Единственная возможность найти работу может реализоваться в результате выезда на ПМЖ (долговременная, учитываемая статистикой миграция), что перемещает эти города в самый низ рейтинга, тогда как другие, расположенные в относительно обжитых районах Урала и, тем более, европейской части страны, при примерно таких же экономических показателях неблагополучия оказываются несколько выше.

6.1.2. Миграционный поток с целью получения образования усиливается?

Возрастной профиль внутрироссийской миграции, остававшийся вне серьезных изменений на протяжении длительного времени (до 2010 г.), в последние годы несколько изменился (рис. 6.2). Если сравнивать 2014 и 2010 гг., самый значительный рост значений коэффициентов миграции по прибытию отмечен в возрастах 6 лет и 15–20 лет (более чем в 3 раза), миграция в этих возрастах связана с поступлением в школы и вузы и подготовкой к ним. Особенно резкий пик мы наблюдаем для возраста 18 лет — в 2014 г. 11,7% населения данного возраста участвовало в миграциях в пределах страны.

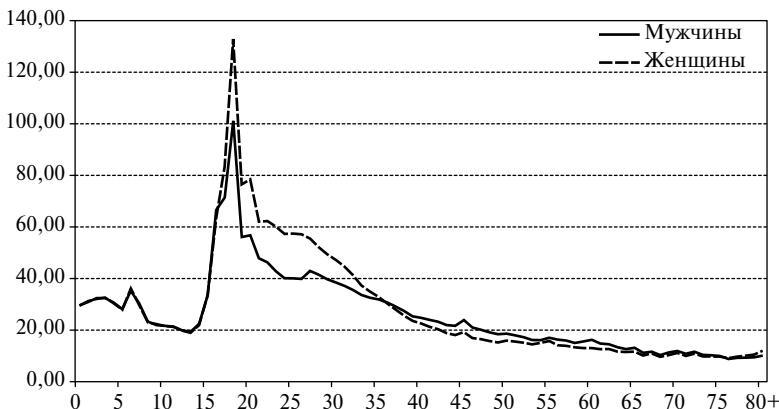
Возрастные коэффициенты участия во внутристрановой миграции имеют определенные различия по полу (рис. 6.3). В детских возрастах они, вполне естественно, незначимы. Отличия появля-

Рис. 6.2.

Численность прибывших на 1000 человек
в соответствующем возрасте, миграция в пределах
России, 2003–2014 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 6.3. Возрастные коэффициенты интенсивности миграции мужчин и женщин, миграция в пределах России, 2014 г., на 1000 человек соответствующего возраста

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

ются к возрасту 17 лет. Но более высокие возрастные коэффициенты участия во внутристрановой миграции у женщин не заканчиваются с возрастом получения образования, они остаются выше, чем у мужчин, до 35 лет. С чем это может быть связано, не вполне понятно. Возможно, в России это в какой-то мере определяется гендерными различиями в полноте регистрационного учета. В частности, необходимость получения регистрации для женщин молодого возраста может быть важнее, чем для мужчин, при пользовании медицинским обслуживанием по месту фактического проживания (например, для наблюдения в женской консультации в период беременности). Также при переезде всей семьи чаще оформляет регистрацию по новому месту жительства женщина с ребенком (если это связано с определенными сложностями, например, при аренде жилья). Для мужчины надобность в регистрации при этом не столь настоятельна.

Миграция способна оказывать существенное влияние на состав населения и демографические процессы в местах оттока и притока населения. В крупных городах, куда приезжает много молодых людей, притормаживаются процессы старения населения, меняется его образовательная структура.

Внутренние мигранты отличаются достаточно высоким уровнем образования: среди них выше доля обладающих высшим образованием и понижен удельный вес людей с низким образовательным статусом (табл. 6.2). Как и во всем мире, селективные качества миграции проявляются отчетливо: повышенную мобильность демонстрируют молодые, образованные и мотивированные. Образовательный уровень мигрантов в значительной степени является отражением их возрастной структуры: поскольку мигрируют более молодые, то и уровень образования у них выше, чем в среднем у более старого российского населения. Среди международных мигрантов, прибывших в первую очередь из стран СНГ, преобладают люди со средним общим образованием.

Таблица 6.2. Уровень образования мигрантов в возрасте старше 14 лет, 2014 г.*, %

Наличный уровень образования	Мигранты		Справочно: все население России**
	Внутрирос- сийские	Международ- ные	
Высшее профессиональное	30,5	18,1	23,4
Неполное высшее профессиональное	4,8	3,1	4,6
Среднее профессиональное	28,4	27,6	31,2
Начальное профессиональное	2,0	3,2	5,6
Среднее общее (полное)	23,7	38,2	18,2
Среднее общее неполное	8,3	7,3	11,0
Начальное общее и не имеющие образования	2,3	2,5	6,0

*Для указавших уровень образования.

**По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. для населения старше 15 лет, указавших уровень образования.

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации 2014. М.: Росстат, 2015; Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 3: Образование.

6.1.3. Миграционная активность населения в России и странах ОЭСР

Сравнение миграционной активности населения России со странами ОЭСР — сложная задача. Попытки проведения кор-

ректного межстранового анализа внутренней миграции неизменно сталкиваются с рядом труднопреодолимых препятствий.

Во-первых, характер источников статистических данных о миграции по странам ОЭСР принципиально различается. Например, в США они получаются из данных обследований, в Скандинавских странах, Германии и Великобритании — из регистров населения (в Великобритании — из трех регистров Англии и Уэльса, а также регистра Шотландии и Северной Ирландии), в Канаде — на основе данных налоговых деклараций. Также используются данные переписей, в ряде стран (Франция, Новая Зеландия) они являются практически единственным источником. Перечисленные источники предоставляют данные разного качества и с различной периодичностью.

Во-вторых, в каждой из стран приняты свои критерии отнесения пространственных перемещений к миграции. Во многих европейских странах к миграции может быть отнесена любая смена места проживания, произошедшая даже в пределах самой малой территориальной единицы. Например, в целом ряде небольших европейских стран статистика миграции учитывает перемещения в границах общин, число которых может достигать нескольких тысяч. В статистике миграции Великобритании учитываются перемещения между отдельными частями крупных городов, представляющими собой самостоятельные статистические единицы. Таким образом, само понятие «внутренний мигрант» на международном уровне не является универсальным. При этом критерии отнесения внутренних перемещений граждан к миграционным событиям большинством национальных статистических агентств описываются весьма скрупулезно.

В-третьих, и это представляет наибольшую сложность, территориальные единицы, между которыми осуществляются миграционные перемещения, трудносопоставимы в межстрановых сравнениях по базовым признакам: количеству таксонов, густоте их нарезки, существующим уровням сбора статистической информации. В частности, не во всех странах публикуются сведения отдельно по миграции между крупными территориями (земли, края, воеводства, провинции — аналог российских субъектов РФ) и между территориями более низкого таксономического уровня (графствами, районами, муниципалитетами, т.е. образованиями, которые

могут являться аналогом российских городских округов и муниципальных районов). Во многих странах публикуемые данные не соответствуют принятым уровням NUTS⁶. Кроме того, даже если это соответствие имеется, остаются сложные проблемы с учетом особенностей национальных сетей административных образований: в общем случае чем больше в стране территориальных единиц одного уровня, меньше их площадь и расстояние между ними, тем потенциально выше масштабы учитываемой внутристрановой миграции.

Огромные размеры российской территории делают межрегиональную миграцию несопоставимой с аналогичной по уровню, но разной по площади территории и плотности населения, миграцией в целом ряде стран ОЭСР. В частности, проблематично сравнение межрегиональной миграции в России с миграцией между уездами Эстонии, здесь более подходит сравнение миграций на другом уровне — внутрирегиональных перемещений. Не случайно в Эстонии, Исландии, Люксембурге не выделяются территории ранга NUTS-2. И не только Россия, но и многие страны ОЭСР по показателям внутренней миграции оказываются взаимно плохо сопоставимыми.

Попытки гармонизации данных по внутренней миграции и поиска приемлемых параметров для сравнения предпринимались неоднократно. Одна из относительно недавних работ, выполненных на эту тему М. Беллом и С. Мухидином⁷, показывает преимущества использования коэффициента Д. Куржо⁸ для нивелирования различий в статистической географии. Расчеты, выполненные в этой работе на основе данных переписей населения раунда 2000-х гг., оценивают общее число внутренних мигрантов по данным о числе живущих внутри стран вне места своего рождения для всего мира в 740 млн человек, что существенно выше, чем общее число учтенных международных мигрантов.

⁶ Nomenclature of Units for Territorial Statistics (NUTS) — стандарт территориального деления стран для статистических целей.

⁷ Bell M., Muhidin S. Cross-national comparison of internal migration. UNDP. Human Development Reports. Research Paper 2009/30. July 2009.

⁸ Courgeau D. Migrants and migrations // Population. 1973. No. 28. P. 95–128.

Другая попытка сопоставить страны по интенсивности внутренней миграции на основе данных переписей раундов 2000 и 2010 гг. относится к 2015 г.⁹ М. Белл и его коллеги проанализировали данные переписей, характеризующих «национальные интенсивности миграции», по очень широкому кругу стран. Следуя рекомендациям ООН, национальные переписи фиксируют результаты миграций за определенный, хотя и неодинаковый промежуток времени, что позволило авторам исследования сопоставить данные за пять лет до их проведения (по 61 стране) или за один год (по 45 странам, включая Россию).

Согласно получившимся оценкам по относительному размеру совокупного миграционного оборота, равному 2% населения ежегодно, Россия находилась в группе стран с наиболее низким значением этого показателя, наряду с рядом других восточноевропейских стран (Словении, Украиной, Румынией, Польшей). Из стран ОЭСР наибольшие относительные объемы миграции были зафиксированы в Исландии (19%), Финляндии (16%), Дании, США, Австралии и Швеции (14–15%). По-видимому, значительные различия в миграции объясняются не только частотой переселений, но и разными подходами к определению факта перемены места проживания, принятыми в каждой из стран¹⁰. Исследователи обратили также внимание на демографические причины различий в интенсивности миграции: более или менее высокую долю в населении лиц молодых возрастов, различия в доходе на душу населения, уровень урбанизации, развитость рынка жилья и др.

Мы попытались сопоставить частоту (интенсивность) внутренней миграции в отдельных странах ОЭСР на уровне крупных (ранга субъектов РФ, штатов США, земель, провинций, округов и т.п.), а также средних и малых (ранга административных районов, графств, муниципалитетов и т.п.) территорий.

⁹ Bell M., Charles-Edwards E., Ueffing P., Stillwell J., Kupiszewski M., Kupiszewska D. Internal migration and development: Comparing migration intensities around the world // Population and Development Review. 2015. No. 41 (1). P. 33–58.

¹⁰ Так, в США в 2014 г. 37,6 млн человек сменили место проживания в пределах штата, 7,3 млн сменили штат, а 268,1 млн остались проживать в том же доме. В России перемена места проживания в пределах города, административного района при переписи и в текущем учете не считается миграцией.

Субъекты РФ, городские округа и муниципальные районы России не вполне соответствуют территориям соответствующего уровня (NUTS-2, NUTS-3 или иным) в странах ОЭСР. В среднем регионы России по своей площади меньше штатов и территорий Австралии, провинций и территорий Канады, но больше штатов США и земель Германии и, естественно, других стран (табл. 6.3). По численности населения субъекты РФ, напротив, уступают многим сопоставимым регионам соответствующего уровня в других странах.

Еще более значимые различия по территории и населенности — на следующем ранговом уровне. Здесь они могут достигать более чем двух порядков (например, по критерию площади территории — между Россией и Германией).

Данные, полученные в результате этих (весьма приблизительных) сопоставлений, свидетельствуют, что по показателям интенсивности внутренней миграции Россия уступает целому ряду стран, однако немало стран Россия опережает (рис. 6.4). Интенсивность внутренней миграции в США, Великобритании и Австралии выше, чем в России, даже притом что численность населения как крупных, так и более мелких регионов в этих странах превосходит российскую. Поэтому даже различия в подходах к категоризации миграции (например, учет миграции между отдельными муниципалитетами в пределах крупных городов) не могут повлиять на сравниваемые межстрановые показатели радикальным образом.

Различия в российской интенсивности внутренней миграции по потокам относительно других стран не так очевидны. Так, межрегиональная миграция в России практически соответствует перемещениям между землями в Германии, при этом численность населения последних в разы выше, чем у субъектов РФ, а площадь меньше. В то же время германские площади территорий на уровне городов, муниципальных районов и общин мало сопоставимы с российскими — российские заметно крупнее, и, значит, издержки преодоления пространства должны быть выше, а потенциальная миграция — ниже.

В Японии префектуры по численности населения соответствуют российским областям и краям, но по площади территории уступают им в 40 раз, этим могут в значительной мере определяться более высокие миграционные показатели в Японии.

Таблица 6.3.

Сравнительная характеристика регионов и интенсивности внутренней миграции отдельных стран ОЭСР и России, 2013–2014 гг.

Страна, год	Население (в среднем), тыс. человек		Территория (в среднем), тыс. км ²		Интенсивность миграции, на 1000 человек	
	Крупные регионы страны	Средние и малые регионы страны	Крупные регионы страны	Средние и малые регионы страны	Крупные регионы страны	Средние и малые регионы страны
1	2	3	4	5	6	7
Австралия, 2013/2014	2905,9	70,9	960,9	23,4	15,0	78,7
Австрия, 2014	945,2	85,1	9,3	0,8	12,8	34,1
Великобритания, 2013/2014	5359,0	145,2	20,3	0,6	21,2	48,8
Германия, 2013	5047,9	7,2	22,3	0,032	13,7	47,6
Дания, 2014	1125,4	56,8	8,6	0,4	9,3	53,7
Испания, 2014	2448,0	788,3	26,6	8,6	7,7	10,0
Италия, 2014	3039,2	552,6	15,1	2,7	8,9	21,6
Канада, 2014	2511,0	—	713,2	—	8,0	24,1**
Нидерланды, 2013	4207,3	38,0	10,4	0,1	8,7	36,5
Норвегия, 2014	729,7	11,9	55,1	0,9	18,1	46,6
Польша, 2014	2376,1	—	19,5	—	—	10,7
Россия, 2014	1730,9	61,4	205,7	7,3	13,8	28,2
Словакия, 2014	1354,0	—	12,2	—	14,1	—
США, 2014*	6277,3	102,0	183,8	3,0	22,9	54,0

Окончание табл. 6.3

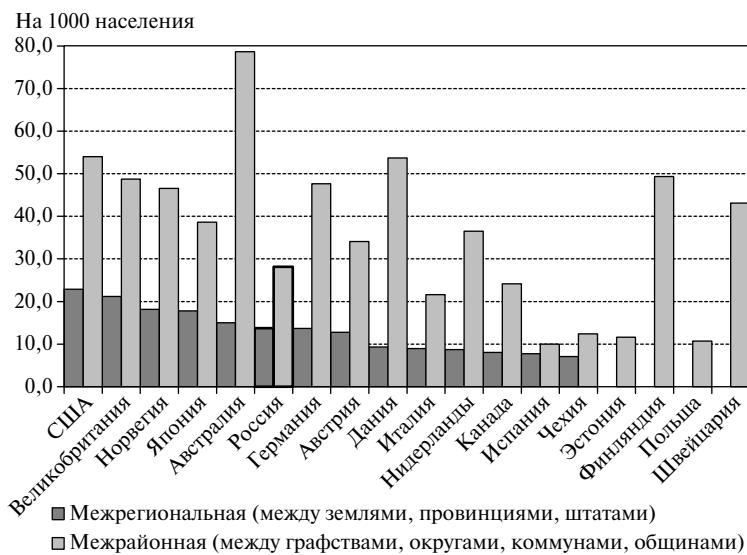
1	2	3	4	5	6	7
Финляндия, 2014	—	17,1	—	1,1	—	49,3
Чехия, 2013	1314,0	136,5	9,9	1,0	7,1	12,4
Швейцария, 2014	—	313,1	—	1,6	—	43,1
Эстония, 2014	—	82,3	—	2,8	—	11,6
Япония, 2014**	1788,5	—	5,3	—	17,8	38,7

* Данные по миграции по малым территориям: U.S. Census Bureau, 2009–2013 American Community Survey, Subject Table S2601B.

** Число средних и малых регионов страны, между которыми учитывается миграция, неизвестно.

*** Авторская оценка на основе данных переписи 2006 г.

Источник: Рассчитано по данным национальных статистических органов соответствующих стран.

Рис. 6.4. Внутренняя миграция в России и некоторых странах ОЭСР, 2013–2014 гг.

Источник: Рассчитано по данным национальных статистических органов соответствующих стран.

Данные по Канаде на «низовом» уровне для 2014 г. в открытом доступе отсутствуют, поэтому не включены в рассмотрение. Однако значимость данной страны для сравнения с Россией в силу природно-географической схожести представляется большой, поэтому мы воспользовались для оценки данными переписи населения Канады 2006 г. В соответствии с данными этой переписи соотношение между внутри- и межпровинциальной миграцией составляло 2 к 1¹¹. Такая пропорция — закономерное следствие значительных размеров канадских провинций. Исходя из приведенных соотношений можно осторожно оценить суммарные масштабы внутренней миграции в Канаде в 800–850 тыс. человек, что соответствует примерно 23–24 переселениям на 1000, т.е. немного ниже, чем в России.

¹¹ Amirault D., de Munnik D., Miller S. Explaining Canada's regional migration patterns. Bank of Canada Review. 2013. Spring. URL: <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2013/05/boc-review-spring13-amirault.pdf>.

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что миграция в России немного интенсивнее, чем в Италии, Испании, Чехии и Польше, хотя внутренние территории этих стран также плохо сопоставимы с российскими (площадь территориальных единиц меньше, а их население больше). С целым рядом стран ОЭСР сопоставлять Россию сложно уже в силу того, что они по размеру соответствуют или даже меньше одного российского региона. Кроме того, миграции в них фиксируются между территориями очень низкого уровня, чаще всего — между общинами, что не соответствует критериальным подходам к статистике миграции в России и других крупных странах.

Таким образом, несмотря на не вполне удовлетворительную сопоставимость стран, можно заключить, что внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать¹². Даже по сравнению со странами ОЭСР, являющимися лидерами по интенсивности миграции, разница составляет примерно 2 раза, а не на порядки. В то же время мы не можем судить о сравнительной интенсивности внутримуниципальной мобильности, связанной, например, со сменой жилища, в России не ведется необходимый для таких сравнений учет переселений в пределах городов.

6.2. Международная миграция

6.2.1. Мигрантов все больше, но миграционный прирост населения России падает

По сравнению с предшествующим периодом миграционные процессы в России в 2014 г. испытали сильное воздействие новых факторов, таких как государственный переворот и гражданская война на Украине, международные санкции по отношению к России.

В ряду определяющих факторов следует также назвать продолжающееся ужесточение собственного миграционного законодательства и правоприменительной практики.

¹² См., например: Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: Evidence from panel data // Economics of Transition. 2004. No. 12 (1). P. 1–27.

И входящий, и исходящий миграционные потоки продолжали в 2014 г. увеличиваться высокими темпами, даже по сравнению с предыдущим годом, когда рост потоков тоже был значительным (табл. 6.4).

Таблица 6.4. Международная миграция из/в Россию в 2010–2014 гг., тыс. человек

Год	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
<i>Всего</i>			
2010	191,6	33,6	158,0
2011	356,5	36,7	319,8
2012	417,7	122,8	294,9
2013	482,3	186,4	295,9
2014	578,5	308,5	270,0
<i>Страны СНГ</i>			
2010	171,9	21,2	150,7
2011	310,5	22,5	288,0
2012	364,0	95,6	268,4
2013	422,8	147,9	274,9
2014	517,5	257,3	260,2
<i>Другие страны</i>			
2010	19,7	12,4	7,3
2011	46,0	14,2	31,8
2012	53,7	27,2	26,5
2013	59,5	38,5	21,0
2014	61,0	51,2	9,8

Источник: Росстат.

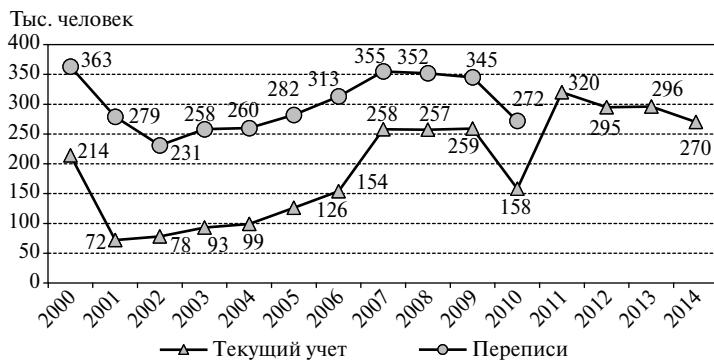
Особенно сильно возросло число выбывших — на 65,5% против 20% увеличения количества прибывших. В результате такого дисбаланса в темпах роста потоков миграционный прирост сократился на 8,8%.

Рост потоков коснулся в основном стран СНГ, положение которых как главных миграционных партнеров России остается незыблемым. На долю СНГ в 2014 г. пришлось 89,4% иммигрантов и 83,4% эмигрантов, эти страны обеспечили 96,4% миграционного

прироста России. По сравнению с 2013 г. доля СНГ во всех трех составляющих миграционного баланса даже несколько повысилась.

Это означает, что численность и доля граждан государств, не входящих в СНГ, в миграционном приросте России продолжали сжиматься, упав в абсолютном значении в 3,2 раза, а в относительном — до 3,6% против 10% по сравнению с максимумом 2011 г.¹³ При этом иммиграция осталась почти на прежнем уровне, но эмиграция, оказавшись под жестким воздействием санкций, увеличилась на одну треть. Нетто-миграция в результате уменьшилась на половину.

Кривая нетто-миграции периода 2000-х гг. отражает не столько результаты реального движения населения, сколько изменение в критериях статистического учета и распределенную по годам переписную корректировку (рис. 6.5).

Рис. 6.5. Международная нетто-миграция в Россию, 2000–2014 гг., по данным текущего учета и скорректированные данные после переписей населения

Источник: Росстат.

В первой половине 2000-х гг. в учет попадали главным образом мигранты, получившие российское гражданство. Их доля варьировалась от 84,2% в 2003 до 91,2% в 2006-м. С 2007 г. миграционный учет был дополнен иностранными гражданами, впервые

¹³ Взлет 2011 г. объясняется изменением в принципах миграционного учета. Подробнее см.: Население России, 2012, 2013.

получившими разрешение на временное проживание. В результате доля граждан РФ среди официальных иммигрантов упала до 76%. С 2011 г. в статистический учет был введен контингент мигрантов, зарегистрированных по месту проживания от девяти месяцев до одного года. Число иммигрантов за счет этого прибавилось на четверть, а процент граждан с российскими паспортами среди них снизился до 30,4% в 2012 г.; 27,3% в 2013-м и 23,4% в 2014-м.

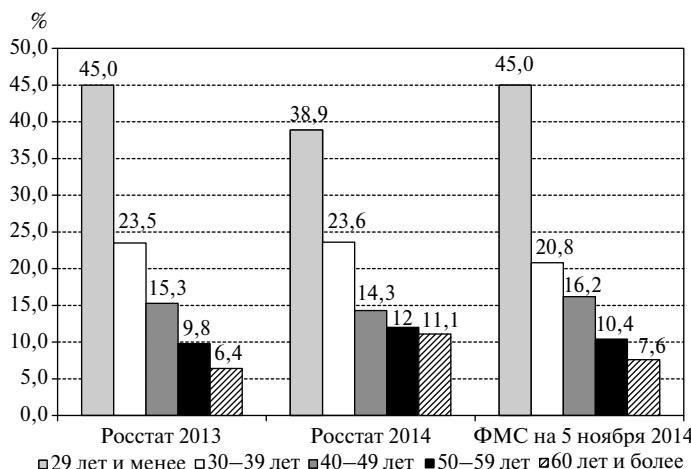
6.2.2. Действительный приток мигрантов из-за рубежа многократно превышает объемы, фиксируемые статистикой

С 2011 г. в стране введена альтернативная система миграционного учета Федеральной миграционной службы (ФМС России)¹⁴. Согласно данным системы ФМС России в конце 2014 г. в стране находилось 11,1 млн международных мигрантов, на 0,3 млн больше по сравнению с 2013 г. Из них 31,5%, или 3,5 млн человек, прибыли на срок более одного года. Согласно правилам такие мигранты должны были попасть в статистический учет, который, однако, зафиксировал в 6 раз меньше прибывших. Даже если принять во внимание, что не все намерения мигрантов в отношении длительности возможного пребывания реализуются, такие большие расхождения в масштабах миграционного притока приводят к выводу о слишком жесткой миграционной политике, препятствующей мигрантам оформить свои намерения законным образом.

Несмотря на большие различия в объемах миграции, зафиксированных в разных системах регистрации, структурно миграционные потоки,ываемые Росстата и ФМС России, в целом довольно похожи. И в том и в другом случае ярко выражен мужской перевес, но в данных ФМС России он проявляется резче — 68% против 62% в данных Росстата.

¹⁴ Центральный банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации (АС ЦБД УИГ ФМС России). Частично данные системы публикуются на официальном сайте ФМС России в разделе «Статистические данные» (URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/>), сведения актуализируются по состоянию на определенную дату.

Различия в возрастных пропорциях сравниваемых потоков в 2013 г. были не очень существенны, но в 2014 г. поток, учитываемый статистикой, очень заметно постарел. Среди мигрантов резко подскочила доля старших возрастных групп (50 лет и старше) — с 18 до 23,1%, соответственно упала доля самых молодых (рис. 6.6). Такая трансформация возрастной структуры мигрантов указывает на возросшую интенсивность притока в страну пожилого населения, который стимулируется более низким возрастом выхода на пенсию в России по сравнению с большинством стран СНГ. Этим же объясняется и менее выраженный мужской перевес среди мигрантов по данным статистического учета относительно данных ФМС России, поскольку в старших возрастах женщины резко преобладают. Если в общем потоке женщины составляют 38%, то среди мигрантов старше 50 лет их 52,9%.

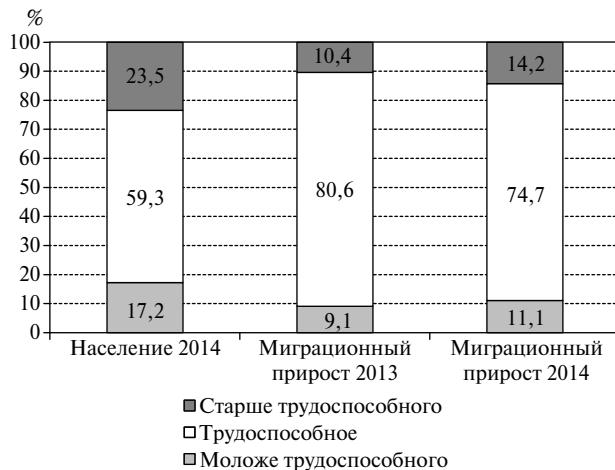

Рис. 6.6. Распределение мигрантов, прибывших в Россию, по возрасту по данным Росстата (2013, 2014 гг.) и ФМС России (2014 г.)

Источники: Росстат; ФМС России.

Вследствие возросшего притока пенсионной когорты ее удельный вес в миграционном приросте увеличился до 14,2 против 10,4% в 2013 г., стала несколько больше и доля детей. В итоге вес

трудоспособного населения в миграционном приросте сильно упал — до 74,7 против 80,6% в 2013 г. (рис. 6.7).

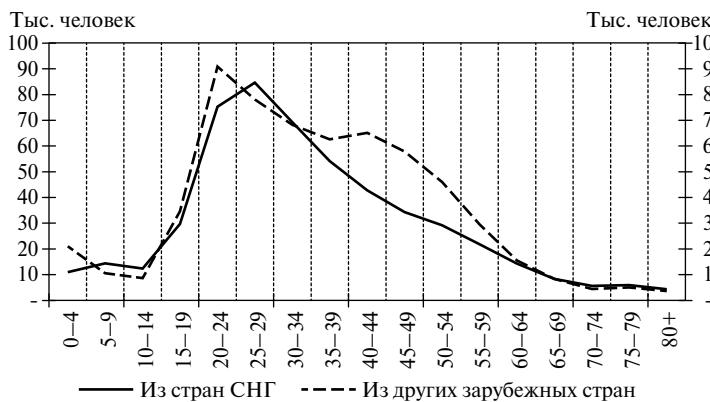

Рис. 6.7. Распределение населения России (2014 г.) и миграционного прироста (2013, 2014 гг.) по основным возрастным группам

Источник: Росстат.

Возрастные профили потоков мигрантов, прибывших из СНГ и других стран, очень похожи между собой, несмотря на 10-кратную разницу в величине потоков. Разница проявилась только в более медленном снижении миграционной мобильности в средних возрастах после достижения пика у 20-летних среди прибывших из других стран в сравнении с мигрантами из СНГ (рис. 6.8).

Уже сама возрастная структура идентифицирует миграционный поток в Россию как преимущественно трудовой поток. В учите ФМС России «работу по найму» прямо декларируют как цель приезда в Россию третья часть мигрантов — 3,8 млн человек, из которых 3,1 млн — мужчины. Бессспорно, приезжают на работу и многие из тех, кто относит свою цель приезда к «частным интересам». Эта нерасшифрованная цель вышла на первое место — ее отметили 42,9% прибывших; 1171,9 тыс. мигрантов (10,2%) приехали как туристы.

Рис. 6.8. Распределение мигрантов, прибывшие в Россию из стран СНГ (левая ось) и других стран (правая ось), по возрасту

Источник: Росстат.

Совсем незначителен декларируемый поток на учебу: эту цель назвали 1,7% приехавших (всего 200,3 тыс. человек). По данным Росстата, этот поток несколько весомее — 5,4% прибывших. Как видим, Россия очень слабо использует потенциал своей образовательной системы для привлечения молодежи из других стран, в том числе и для подготовки специалистов по дефицитным в стране профессиям. Численность иностранных студентов, обучающихся в вузах России, хотя и выросла более чем в 2 раза в последнее десятилетие (с 78,1 тыс. до 160,3 тыс. человек), составляет только 3,3% общей численности учащихся в стране¹⁵. Иметь столь незначительное число мигрантов-учащихся совершенно недальновидно, учитывая ожидаемое 30%-е сокращение численности молодежной когорты в населении страны в период до 2030 г.

6.2.3. В 2014 г. главным донором мигрантов для России стала Украина

Россия переживает десятилетие максимальной естественной убыли трудоспособного населения, которое сокращается более чем по миллиону человек в год. Не случайно уровень безработицы,

¹⁵ Россия в цифрах 2014: стат. сб. М.: Росстат, 2014.

к примеру, в 2014 г. находится на минимальном уровне — 5,2% — вопреки экономическому кризису. Такие условия благоприятствовали дальнейшему увеличению притока мигрантов. Число прибывших из стран СНГ, главных российских доноров, стало больше на 22,4% относительно 2013 г. Приток увеличился из всех стран довольно равномерно, кроме Украины, откуда он сильно подскочил вверх (в 2 раза по сравнению с 2013 г.) и по абсолютной величине почти догнал Узбекистан (табл. 6.5).

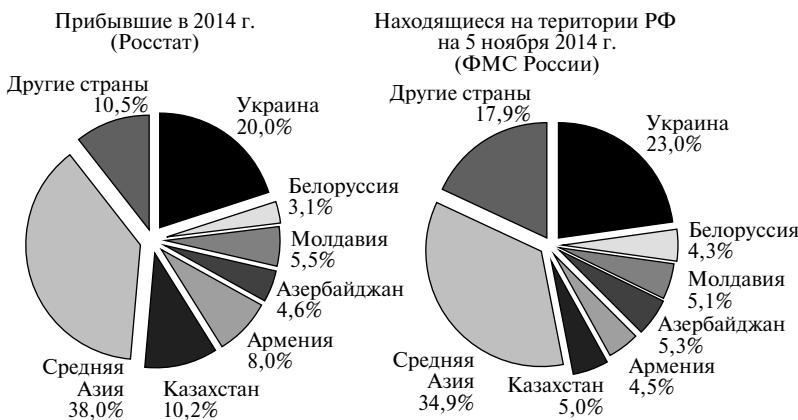
Таблица 6.5. Миграционный обмен со странами СНГ в 2014 г.,
тыс. человек

Страна	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	
			тыс. человек	% к 2013 г.
Страны СНГ	517,5	257,3	260,2	94,6
В том числе:				
Азербайджан	26,3	14,0	12,4	71,6
Армения	46,5	22,6	24,0	74,4
Белоруссия	17,9	11,2	6,7	180,8
Казахстан	59,1	18,3	40,8	101,5
Киргизия	28,5	13,3	15,3	77,0
Молдавия	32,0	14,5	17,5	84,8
Таджикистан	54,6	35,3	19,3	57,5
Туркменистан	6,0	3,4	2,6	68,0
Узбекистан	130,9	94,2	36,7	54,6
Украина	115,5	30,6	84,9	233,3

Источник: Росстат.

Росстат и ФМС России фиксируют довольно близкую структуру прибывших в Россию по основным странам и регионам исхода. Сильно отличается только сектор «других стран»: в диаграмме, построенной на данных ФМС России, он сильно потеснил другие секторы (рис. 6.9). Видимо, в данных ФМС России полнее учтены мигранты из Украины.

Параллельно росту входящего потока продолжал усиливаться контроль за соблюдением сроков пребывания в России. Резко выросло количество мигрантов, подвергнутых наказанию: в 2014 г. было депортировано 2546 человек против 1520 в 2013 г.; выдворено

Рис. 6.9.

Структура мигрантов, прибывших в Россию в 2014 г.,
по странам и регионам исхода в соответствии
с данными Росстата и ФМС России

Источники: Росстат; ФМС России; Центральная база данных учета иностранных граждан.

из страны 136,5 тыс. человек и 80,9 тыс. соответственно; лишено права въезда в Россию на срок от 3 до 10 лет 676 тыс. человек против 456,4 тыс.¹⁶ Под угрозой лишиться права работать в России в будущем выезд в страны СНГ подскочил в 1,7 раза. Усилив репрессивные меры, Россия в итоге не только не получила дивидендов от возросшего притока мигрантов, но, напротив, миграционный прирост даже несколько сократился (почти на 15 тыс. человек, или 5,4%).

Миграционный прирост сократился в обмене с большинством стран СНГ: более всего — почти в 2 раза — в обмене с Узбекистаном и Таджикистаном, на треть — с Арменией, на четверть — с Азербайджаном. Если исключить Украину, чей вклад в миграционный прирост России возрос в 2,3 раза, прирост за счет остальных стран взятых вместе стал меньше на 22,4%. Потери частично восполнила Украина. В 2014 г. она обеспечила едва ли не третью часть миграционного прироста России, что в 2,6 раза выше уровня 2013 г. Данные рис. 6.10 ясно показывают, насколько сильно изменилась структура миграционного прироста России под воздействием,

¹⁶ ДРОНД ФМС России за 2014 г.

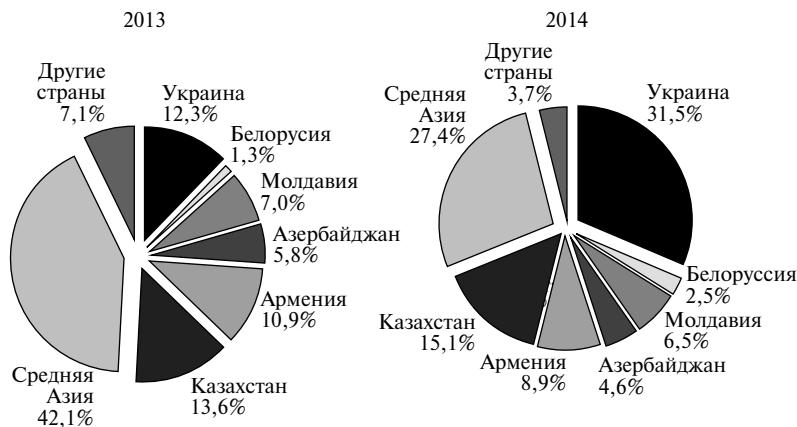

Рис. 6.10.

Структура миграционного прироста России по странам и регионам исхода, 2013 и 2014 гг.

Источник: Росстат.

во-первых, наплыва мигрантов из Украины, во-вторых, ужесточения прессинга со стороны России в отношении мигрантов из Средней Азии, главным образом из Таджикистана и Узбекистана. Доля Украины увеличилась в 2,5 раза, а доля Средней Азии, напротив, в полтора раза упала, в 2 раза сжался сектор других стран.

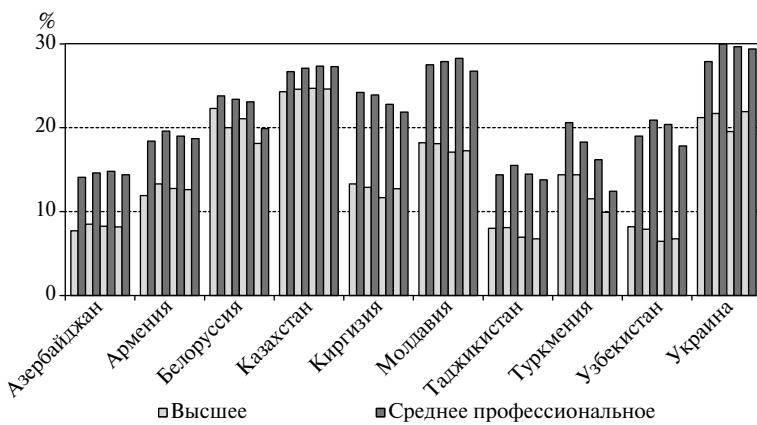
В отличие от предыдущих лет для 2014 г. характерны значительные различия в возрастном составе прибывших по странам, в основном определяемые разницей с Россией в возрасте выхода на пенсию. Главным образом это касается Армении, Казахстана и Украины: в составе мигрантов из этих стран доля старшей возрастной группы сильно повышена. Особенно это проявляется в нетто-миграции (табл. 6.6), поскольку пенсионерам легче оформить соответствующий миграционный статус, поэтому они чаще попадают в статистический учет. По сравнению с 2013 г. удельный вес старшей группы мигрантов поднялся в нетто-миграции с 10,4 до 14,2%. Как следствие, доля трудоспособных в нетто-миграции из Казахстана упала до 65,4%, Украины — 72, Армении, Киргизии и Узбекистана — до 75%, тогда как в потоках из Азербайджана, Белоруссии, Молдавии, Таджикистана их доля превышает 80%.

Таблица 6.6. Удельный вес лиц в возрасте старше трудоспособного среди мигрантов в 2014 г., %

Страна	Прибывшие	Нетто-миграция	Страна	Прибывшие	Нетто-миграция
Азербайджан	4,2	5,9	Молдавия	6,6	8,3
Армения	13,5	16,8	Таджикистан	2,7	5,0
Белоруссия	6,9	7,0	Туркмения	8,5	14,2
Казахстан	16,3	19,9	Узбекистан	5,7	14,3
Киргизия	8,2	13,2	Украина	15,1	16,5
			СНГ, всего	9,6	14,4

Источник: Росстат.

Уровень образования мигрантов, прибывших из СНГ, несколько повысился: доля лиц с высшим образованием в 2014 г. составила 14% по сравнению с 12,8% в предыдущем году, тогда как мигранты со средним профессиональным образованием представлены в той же пропорции за счет сильно возросшего потока из Украины. При сравнении по странам прослеживается продолжающееся снижение образовательного уровня у мигрантов из среднеазиатских стран (рис. 6.11).

Рис. 6.11. Доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием среди мигрантов, прибывших в Россию из некоторых стран в 2011–2014 гг.

Источник: Росстат.

6.2.4. Россия оказалась не готова к потоку беженцев из Украины

Конфликт на Украине вызвал огромную волну беженцев в Россию, по масштабу сравнимую с наплывом беженцев в Европу в 2015 г. и волной русской репатриации после раз渲ала СССР. По состоянию на 30 сентября 2015 г. в России зарегистрировано 1 089 618 граждан Украины¹⁷, бежавших главным образом с территории военных действий в Донбассе с апреля 2014 г. (не считая возвратившихся). Численность граждан Украины, находящихся в России, в марте 2015 г. по сравнению с марта 2014 г. увеличилась на 1 млн человек¹⁸. Для сравнения: в Украине на 10 октября 2014 г. количество внутренних беженцев составило 402 тыс. человек, из них лишь 18,6 тыс. (4,6%) из Крыма¹⁹.

В течение 2014 г. 5780 украинцев ходатайствовали о статусе беженца, но получили его только 227 человек. Вместе с тем 234 360 человек получили статус временного убежища, более 600 тыс. — право длительного проживания в России, в том числе 114 тыс. человек стали участниками госпрограммы по добровольному переселению соотечественников, получив материальную поддержку и оформив в ускоренном порядке российское гражданство²⁰.

Значительный поток украинцев устремился в ЕС, 302 800 человек получили там вид на жительство в 2014 г.²¹ В первом полугодии 2015 г. 400 тыс. украинцев нашли работу в Польше. Число официальных просителей статуса беженца в Польше достигло около 2 тыс. человек (на 1 октября 2015 г.), но получили его только 4%. Отмечается, что значительная часть украинских мигрантов на Запад — вовсе не беженцы, а трудовые мигранты, которые пытаются использовать военную ситуацию, чтобы легализоваться в западных странах²².

---

¹⁷ Официальный сайт ФМС России. URL: <http://www.fms.gov.ru>.

¹⁸ ЦБДУИГ ФМС России.

¹⁹ Позняк А. Современная миграционная ситуация на Украине // Миграция XXI век. 2014. Сент.—окт. С. 30.

²⁰ ДРОНД ФМС России за 2014 г.

²¹ В 2014 г. украинцы лидировали по получению вида на жительство в ЕС. См.: РИА «Новости» Украина. 2015. 15 окт.

²² Корба Г. Очередь на выезд. Кризис и война вызвали новую волну миграции из Украины // FINANCE.UA. 2015. 28 окт.

В России для украинских беженцев был установлен льготный миграционный режим, включая трудовую деятельность, режим пребывания, ускоренное оформление миграционных статусов, расширение квот на временное проживание, ускоренное предоставление гражданства. На территории страны развернут 321 пункт временного размещения, в котором находится 18 156 человек, в том числе 5794 детей до 18 лет. В частном секторе размещено 569 566 человек²³.

Вместе с тем адаптация законодательства к потоку беженцев проводилась недостаточно оперативно. Перечень свободных вакансий по субъектам РФ и профессиям не был доведен до сведения беженцев. Субъекты РФ, куда беженцев отправляли партиями, не были заранее оповещены об этом и подготовлены к приему людей (например, Якутия, Архангельская область и др.). Большие тяготы испытали беженцы из-за регистрации по месту пребывания, так как более или менее просто решить эту проблему могли только те, у кого были в России родственники. Адресная регистрация — первый шаг к устройству на работу, получению ОМС, устройству детей в детсады и школы. Медленно решаются проблемы с пенсиями по старости и инвалидности. Процедуры даже по определению статуса временного убежища занимают один—три месяца, в течение которых беженцы вынуждены зарабатывать нелегально где и чем придется.

Приходится заключить, что Россия плохо использует трудовой потенциал украинских беженцев, которые по образовательной и профессиональной подготовке, равно как и по культуре, не отличаются от россиян²⁴.

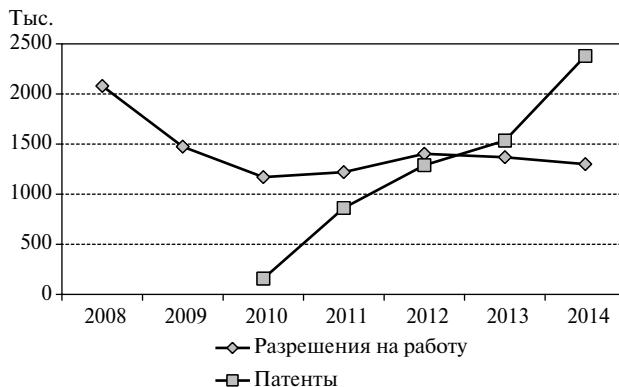
6.2.5. Рекордное количество трудовых мигрантов в 2014 г.

Общая численность оформленных разрешительных документов для работы в 2014 г. достигла максимального уровня, превысив показатели 2013 г. на 27% (рис. 6.12).

Такой рост был достигнут благодаря расширению возможностей работы по патенту, который с 1 января 2015 г. официально распространяется и на юридических лиц (а не только физических, как ранее). Однако уже в 2014 г., после того как был принят соот-

²³ Официальный сайт ФМС России.

²⁴ Подробнее см.: Козлов В. Эксперты Кудрина объявили о провале компании помощи беженцам с Украины // РБК. 2015. 28 окт.

Рис. 6.12. Число оформленных разрешений на работу и патентов в 2008–2014 гг.

Источник: ФМС России.

ветствующий закон, число патентников стало быстро увеличиваться и в 1,8 раза превзошло численность работающих по разрешениям на работу — выдано 2379,4 тыс. патентов и 1300,7 тыс. разрешений на работу. Всего, таким образом, было выдано 3,7 млн разрешительных документов.

В результате сумма поступившего налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа (так называемая оплата патента) в 2014 г. более чем удвоилась, составив 17,9 млрд руб., и стала рассматриваться как серьезный источник пополнения бюджета Российской Федерации. Поскольку значительная часть трудовых мигрантов въезжает в Россию не один раз, число разрешительных документов превышает число работников. ФМС России определяет долю незаконной трудовой миграции в 56,8%²⁵, что составляет 2,1 млн человек из 3,7 млн въехавших с целью работы в 2014 г.

Две трети патентов было оформлено гражданами стран Центральной Азии — Узбекистана (37%), Таджикистана (20%) и Киргизии (8%). На долю украинцев, численность которых в России всегда была значительной, а в 2014 г. на фоне военных действий на юго-востоке еще больше возросла (с 1,6 млн в начале года

²⁵ ДРОНД ФМС России за 2014 г. С. 111.

до 2,5 млн в конце года), пришлось всего 12% оформленных патентов. Таким образом, украинцы оставались одной из самых не легализованных на российском рынке труда групп трудовых мигрантов.

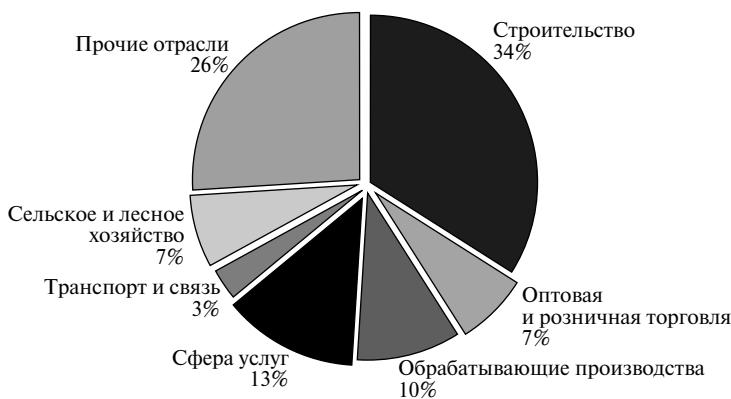
В особом порядке привлекались на работу квалифицированные (КС) и высококвалифицированные (ВКС) специалисты. Первая из названных категорий определяется Перечнем профессий (специальностей, должностей), ежегодно утверждаемым Министерством труда. Всего перечень КС на 2014 г. содержал 62 позиции, большинство — творческие специальности или позиции руководителей; лишь 18 позиций отражают многократно озвучиваемую потребность российского рынка труда в инженерах и технологах. В 2014 г. в рамках этого перечня было оформлено почти 158,6 тыс. разрешений на работу (на 22,6% больше, чем в 2013 г.), из которых 82% пришлось на граждан из стран СНГ и 18% — на трудовых мигрантов из других стран.

Для ВКС в 2014 г. было оформлено 34,2 тыс. разрешений (на 30% больше, чем в 2013 г.). Подавляющее большинство из них приходится на граждан из визовых стран (95%). В целом численность привлекаемых квалифицированных и высококвалифицированных специалистов на российском рынке труда невелика и составляет примерно 5% от всех трудовых мигрантов, работающих легально.

Структура иностранных мигрантов по отраслям экономики в последние годы почти не меняется. На первом месте остается строительство (34%, как и в 2013 г.), на втором — сфера услуг (13%, в 2013 г. — 16%), на третьем — обрабатывающие производства (10%, как и в 2013 г.) (рис. 6.13).

Иностранные в 4,4 раза чаще работают в строительстве, чем россияне (34 против 8%), и это еще без учета неофициальной занятости, большая доля которой приходится как раз на строительство. Среди всех официально занятых в строительной отрасли в России около 6% — иностранцы, а с учетом нелегально работающих — от 10 до 15%.

С другой стороны, в торговле российские граждане, наоборот, работают в 2,6 раза чаще, чем иностранцы (18 против 7%). Это связано в первую очередь с сохраняющимися законодательными ограничениями на занятость иностранцев в этой сфере. На транспорте также россияне работают в 3 раза чаще мигрантов (9 против 3%).

Рис. 6.13. Распределение занятых трудовых мигрантов из безвизовых стран по отраслям экономики (по уведомлениям работодателей, заключивших договоры с работниками), Россия, 2014 г.

Источник: ФМС России.

Каждый пятый работник из СНГ занят неквалифицированным трудом. Вместе с тем доля занятых таким трудом хотя и медленно, но постепенно снижается: в 2012 г. — 31%, в 2013 г. — 26, в 2014 г. — 21%. Одновременно растет доля занятых в качестве специалистов среднего уровня квалификации в инженерной деятельности (в 2012 г. — 2%, в 2013 г. — 7, в 2014 г. — 10%). Подчеркнем, что анализ профессиональной структуры проводится Росстатом только для официально работающих по разрешениям на работу; суммирование с теми, кто работает неофициально, явно покажет большую занятость иностранных работников в неквалифицированном сегменте.

Например, согласно масштабному исследованию трудовой миграции из Таджикистана, проведенному Всемирным банком, почти 60% таджиков работают в России без какого-либо трудового договора, а доля неквалифицированного труда среди них составляет 40%²⁶. Среднемесячная зарплата таджикских мигрантов —

²⁶ Обследование проводилось в 2014 г. Обследовано 1095 домохозяйств в Таджикистане и 2500 в России. См.: Денисова И. Лицо мигранта // Миграция XXI век. 2015. № 4 (31). Июль—август. С. 46—48.

26,4 тыс. руб., на 30% ниже, чем у россиян; средний размер трансферта на родину — 12,4 тыс. руб.

Всего трудовыми мигрантами в Таджикистан было переведено в 2014 г. 3,7 млн долл. США. При этом общая сумма трансфертов в I квартале 2015 г. была на 42% меньше по сравнению с тем же периодом 2014 г. Падение трансфертов в Узбекистан было еще большим — 47%, почти такой же спад произошел в Казахстане, несколько меньший — в Киргизии (38%)²⁷. Главным фактором, обусловившим снижение эффективности трудовой миграции в Россию с позиций посылающих стран, было падение рубля и удорожание жизни в России. Всего в 2014 г. в страны СНГ было перечислено трансфертов на сумму 21,4 млн долл. США, в том числе 5,8 млн в Узбекистан, который по объему переводов физических лиц из России занимает второе место после Швейцарии²⁸.

Сравнив долю иностранных граждан, имевших в 2014 г. официальные документы для работы в России, со всеми занятыми, мы получим, что их доля среди занятых на российском рынке труда составляет около 5,5%. Если же прибавить всех работающих без документов, то она будет в пределах 10–11%.

6.3. Россия и страны ОЭСР на фоне миграционного кризиса в Европе

6.3.1. Миграционный обмен России со странами ОЭСР

В 2000-е гг. у России со странами ОЭСР сложился довольно интенсивный, постоянно расширяющийся миграционный обмен. По данным ФМС России, на 5 ноября 2014 г. 10% находящихся в России иностранцев были из стран ОЭСР — это 1189,9 тыс. человек. Если же из числа иностранцев исключить граждан стран СНГ, то на долю стран ОЭСР придется 57,6% приезжающих в Россию.

Спустя год вследствие обострения международной обстановки, обернувшегося санкциями по отношению к России, контакты нашей страны со странами ОЭСР резко сузились. На 4 октября

²⁷ Turmoil and reform disrupting trends: Russian migration brief // MIRPAL, World Bank. Issue 2015/02, July 2015. P. 6. Fig. 8.

²⁸ Данные Центрального банка РФ. URL: <http://www.cbr.ru>.

2015 г. в России находилось только 750 тыс. граждан стран ОЭСР, что на 37% меньше, чем в 2014 г. Среди стран, приток из которых сократился в наибольшей степени, оказались все страны, с которыми у России установились довольно прочные связи. Более чем в 2 раза упало количество присутствующих в России граждан США и Великобритании. На 40% уменьшился приток из Германии и Финляндии, близка к ним и Италия. Поток из Польши, которая лидирует в ОЭСР по числу поездок россиян (1,8 млн поездок в 2014 г.), хотя и сократился, но в меньшей степени. Азиатские страны прореагировали на кризис в целом не столь остро по сравнению с европейскими. Так, Южная Корея, единственная из стран ОЭСР, существенно увеличила присутствие своих граждан в России — на 29%, а Япония и Израиль, хотя и сократили его, но совсем незначительно — Япония на 3%, Израиль — на 10% (табл. 6.7).

Таблица 6.7. Присутствие граждан стран ОЭСР в России в 2014 и 2015 гг.

Страна ОЭСР	5 ноября 2014 г.	4 октября 2015 г.	Изменение 2015/2014
	тыс. человек		%
1	2	3	4
Всего	1189,9	750,0	-37,0
В том числе:			
Австралия	25,2	15,9	-37,1
Австрия	15,0	9,3	-37,9
Бельгия	10,9	8,0	-26,5
Соединенное Королевство	111,3	48,9	-56,1
Венгрия	6,5	5,1	-21,8
Германия	244,7	145,7	-40,4
Греция	9,9	9,5	-4,0
Дания	9,8	4,3	-55,6
Израиль	30,1	27,1	-10,1
Ирландия	4,9	3,0	-38,7
Исландия	0,7	0,6	-17,9
Испания	45,9	20,6	-55,2
Италия	53,6	34,1	-36,5

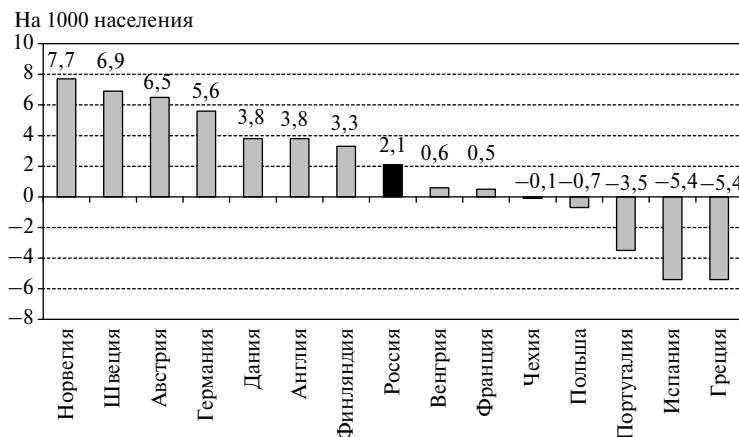
Окончание табл. 6.7

1	2	3	4
Канада	32,1	13,0	-59,6
Южная Корея	26,1	33,8	29,2
Люксембург	0,7	0,5	-34,0
Мексика	12,5	6,1	-51,2
Нидерланды	21,4	15,9	-25,7
Новая Зеландия	3,6	2,3	-37,8
Норвегия	6,7	4,6	-30,9
Польша	28,0	23,4	-16,4
Португалия	7,8	5,6	-28,9
Словакия	4,5	3,7	-17,6
Словения	2,3	1,8	-23,1
Соединенные			
Штаты Америки	142,4	64,1	-55,0
Турция	111,7	88,3	-21,0
Финляндия	77,7	47,1	-39,3
Франция	53,4	38,3	-28,3
Чешская Республика	8,5	7,8	-8,2
Чили	4,9	2,9	-41,1
Швейцария	14,7	8,6	-41,3
Швеция	11,5	7,6	-34,0
Эстония	28,4	21,0	-26,1
Япония	22,4	21,7	-3,0

Источники: ФМС России; ЦБДУИГ(<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/>).

Относительно численности населения миграционный прирост в России на фоне европейских стран ОЭСР находится на среднем уровне, но ряд стран с похожей демографической ситуацией существенно опережает Россию по данному показателю — Швеция, Австрия, Германия и в несколько раз Норвегия (рис. 6.14). Все самые богатые страны, кроме Франции, на рисунке находятся в левой, высокой стороне миграционного спектра, указывая на прямую зависимость между душевыми доходами и миграционным приростом.

Что касается миграционного обмена с другими странами (не-членами ОЭСР) — важными партнерами России, то в 2014 г. этот

Рис. 6.14. Коэффициент миграционного прироста в России и некоторых европейских странах ОЭСР, 2013 г.

Источник: Eurostat.

обмен отражает отчетливое воздействие экономического кризиса. При возросшем или стабильном входящем потоке нетто-миграция во всех случаях сильно сократилась. Имеются в виду Грузия, Вьетнам, Индия. Исключение представляет Китай, иммиграция из которого на 30% превзошла 2013 г., перейдя 10-тысячную отметку, а нетто-миграция увеличилась троекратно.

6.3.2. Страны ОЭСР под написком стихийной миграции

В 2014 г. произошли резкие изменения в миграционных процессах в мире, которые нарушили привычный порядок, поставив под сомнение единственность сложившейся системы регулирования миграций и даже саму возможность управления ими.

Беспрецедентные по массовости и напору неуправляемые людские потоки беженцев из воюющих или разрушенных недавними войнами стран Азии и Африки хлынули в Европу, добираясь туда кто как может, как правило, нерегулярным транспортом, вплоть до ненадежных надувных лодок, на которых они, не считаясь с риском для жизни, пересекают большие водные участки Средиземного моря. В 2014 г. водным путем воспользовались 250 тыс. беженцев, из которых при попытке достичь берегов и островов

Европейского союза, по имеющимся оценкам Комиссариата по делам беженцев ООН, погибли 3,5 тыс. человек. К началу сентября 2015 г. по морю прибыло еще 364,2 тыс. человек, из которых 245,7 тыс. сошли на берег в Греции, 116,1 тыс. — в Италии. При этом 2,7 тыс. человек погибли²⁹.

В 2014 г. число беженцев в Европу превысило 800 тыс. человек, что на 46% больше, чем в предыдущем году³⁰. Такого не наблюдалось со времен Второй мировой войны.

Главные страны исхода мигрантов — Сирия (треть беженцев), Ирак, Афганистан, северные и центральноафриканские страны. Беженцы чаще всего стремятся попасть в Германию, Швецию, Италию, Францию. Количество заявлений на убежище увеличилось с 260 тыс. в 2010 г. до 626 тыс. в 2014 г. К концу лета 2015 г. подано 500 тыс. новых заявлений³¹.

Одна треть заявлений ищущих убежища подана в Германии, которая имеет широкомасштабную программу помощи беженцам. Предполагается, что в 2015 г. в Германии могут попросить убежище еще от 800 тыс. до 1 млн человек. Столь масштабный приток мигрантов в интересах Германии, так как это поможет ей заполнить пустующие ниши на рынке труда и обеспечить его развитие. В стране в настоящее время имеется 550 тыс. незанятых рабочих мест³². В связи с этим бизнес требует от правительства резко ускорить процедуру рассмотрения заявлений на убежище³³. На каждого мигранта будет истрачено в среднем 979 евро, в том числе 359 евро будет выплачено наличными в руки³⁴. По оценкам в период до конца 2016 г. прием беженцев обойдется Германии в 28 млрд евро, в том числе более 8 млрд в 2015 г.³⁵

²⁹ Европа столкнулась с кризисом беженцев, а не притоком мигрантов. ТАСС. 4 сентября 2015 г.

³⁰ Перспективы международной миграции 2015: резюме на русском языке. International migration Outlook 2015, OECD, 2015.

³¹ Дудина Г. Откройте, миграция // Коммерсантъ. 2015. 9 сент.

³² Соломонова И. Мигранты за 1 €: как Германия интегрирует беженцев // Слон.Ру. 2015. 17 сент. URL: <https://slon.ru/app.php/posts/56626>.

³³ Deutsche Welle. 2015. 12 сент. (перевод опубликован на ИноСМИ.RU).

³⁴ В Германии вступил в силу новый закон о беженцах // ФАКТЫ. 2015. 24 окт.

³⁵ Прием беженцев обойдется бюджету Германии в €28 миллиардов // Rusbenelux.com. 2015. 29 окт.

24 октября 2015 г. в Германии вступил в силу новый миграционный закон, значительно ужесточающий правила приема и депортации беженцев. Вместо денежных пособий им будут предоставлены почти исключительно услуги, которые в ряде случаев будут также заметно ограничены. Три балканские страны — Албания, Косово и Черногория — объявлены безопасными. Это позволит туда высылать беженцев, которым отказано в убежище в других странах ЕС. Экономические беженцы будут депортированы.

Среди европейских стран нет единства в вопросе приема беженцев. Напротив, их взрывной приток вызвал кризис миграционной политики во всех странах и резкие разногласия между странами. Выход из тупика пока не найден. Ряд стран вынуждены были взять под контроль свои границы, ставя под удар Шенгенское соглашение.

Попытка Еврокомиссии распределить беженцев по странам квотированно потерпела неудачу, натолкнувшись на упорное сопротивление со стороны стран Центральной Европы и Прибалтики. Наиболее решительно возражает Венгрия, оградившая проход для беженцев высоким забором. При этом Венгрия входит в топ-10 стран по числу беженцев на 1 млн жителей³⁶. Транзит беженцев в Германию идет через Сербию—Венгрию—Хорватию и Словению, которые, несмотря на огромное напряжение, не справляются с этим потоком. Великобритания намерена принять в 2015 г. всего 1 тыс. беженцев³⁷. При этом европейскую ситуацию серьезно смягчает Турция, принявшая около 2 млн беженцев из Сирии и Ирака. Страна вышла на первое место в мире по приему беженцев на 1000 жителей.

Наряду с резким увеличением потоков беженцев в странах ОЭСР отмечался рост миграции на постоянное место жительства. В 2014 г. она достигла 4,3 млн человек. Треть переездов совершается с целью воссоединения семей³⁸. Большое внимание в ОЭСР уделяется привлечению иностранных студентов: здесь обучается 75% из 4,5 млн студентов в мире, которые учились за пределами страны

³⁶ Страны Восточной Европы против приема беженцев // РИА «Новости». 2015. 27 окт.

³⁷ Более 800 тыс. человек запросили статус беженца в странах Европы. ТАСС. 29 октября 2015 г.

³⁸ Перспективы международной миграции 2015: резюме на русском языке. International migration Outlook 2015, OECD, 2015.

своего гражданства³⁹. Каждый десятый иммигрант в ОЭСР — китаец⁴⁰. Общее количество жителей стран ОЭСР, родившихся за границей, составило в 2013 г. 117 млн человек (10% населения), на 35 млн больше, чем в 2000 г.⁴¹ Для сравнения: в России уроженцы других стран составляют сопоставимую величину — 7,8% населения (по переписи 2010 г.).

Миграционный кризис — это одновременно и кризис международной системы регулирования миграций, оказавшейся несостоятельной перед новыми вызовами. Мир стоит перед необходимостью реформирования миграционной политики и законодательства, адаптирования их к новой ситуации.

6.3.3. Зигзаги российской миграционной политики

Отличительные особенности российской миграционной политики, создающие большие сложности для мигрантов, — ее неустойчивость, частая смена законодательства и правоприменительной практики. В наибольшей мере это касается трудовой миграции.

С начала 2015 г. право нанимать иностранную рабочую силу на основе патента (очень популярной практики среди мигрантов) распространилось на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей⁴². На это нововведение возлагались большие надежды. Ождалось, что патент наконец откроет путь к либерализации трудовой миграции и поможет решить проблему дефицита рабочей силы в стране, равно как и резко сократить незаконную миграцию. Эти ожидания не оправдались: определенная новым законом правоприменительная практика оформления патента столь же усложнена, как и получение разрешения на работу. Необходимо представить аналогичный пакет документов и пройти те же процедуры. Поэтому это нововведение практически ничего не меняет⁴³.

³⁹ Перспективы международной миграции 2015: резюме на русском языке. International migration Outlook 2015, OECD, 2015.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Перспективы международной миграции 2015: резюме на русском языке. International migration Outlook 2015, OECD, 2015. То же за 2014 г.

⁴² Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ.

⁴³ Комаровский В. Третий вызов: рынок труда и миграционная политика // Миграция XXI век. 2015. № 4 (31). Июль—август. С. 4–7.

Некоторые требования выглядят малообоснованными, излишне жесткими или труднодостижимыми. К таковым относится требование о предоставлении медицинской справки (дополнительно к тем категориям занятых, для которых обязательность медицинского освидетельствования установлена общероссийским законодательством). При этом трудовым мигрантам — гражданам стран Евразийского экономического сообщества — Белоруссии, Казахстана, Армении и в ближайшее время Киргизии — медицинская справка для трудоустройства на многие места в России, как и российским работникам, не требуется. За рамками ЕАЭС остаются Украина, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан и Таджикистан. В мигрантах из Украины и Молдавии Россия весьма заинтересована как в культурно близких и в большинстве своем неплохо профессионально подготовленных. Таджикистан и Узбекистан — в настоящее время главные миграционные доноры низкоквалифицированной рабочей силы для российских рынков труда и останутся таковыми до 2030 г., а Таджикистан — до середины века. Чрезмерно ущемляя интересы мигрантов из этих стран, можно оставить российский рынок труда без рабочей силы. Избирательный подход к мигрантам из разных стран-доноров чреват формированием непривлекательного образа России в странах, не попавших в число избранных, заставляет подозревать ее в ксенофобии к некоторым этническим группам мигрантам, в том числе к узбекам, поток которых является самым большим среди трудовых мигрантов в нашу страну.

Излишне расширительным требованием является принуждение к изучению русского языка всех мигрантов. Намерение распространить требование обучения русскому языку и тестирование на всех трудовых мигрантов не выглядит обоснованным и, более того, выполнимым. Например, в Петербурге каждый восьмой мигрант не может сдать тест по русскому языку⁴⁴. Необходимость предъявлять документ о сдаче теста по русскому языку, как и медсправку, создала новую коррупционную сферу, признал омбудсмен Б. Титов⁴⁵.

Представляется целесообразным, опираясь на двусторонние межгосударственные соглашения, организовать начальную пред-

⁴⁴ Каждый восьмой мигрант в Петербурге не может сдать тест по русскому языку // Русская служба новостей. 2015. 27 окт.

⁴⁵ Трудовые мигранты покидают Россию из-за ослабления рубля // БФМ.РУ. 2015. 4 сент.

выездную подготовку по русскому языку в странах исхода, прежде всего в Узбекистане и Таджикистане. Принимая во внимание значительную долю мигрантских трансфертов из России в ВВП этих стран, такое требование со стороны России было бы оправданным. В Таджикистане первые признаки появления такой практики уже зафиксированы⁴⁶.

Новые правила оформления патента, кроме усложнения процедуры, сильно ее удороажают. Прямые затраты для каждого трудового мигранта оцениваются в 15–20 тыс. руб., а продолжительность в 1–1,5 месяца, что требует дополнительных косвенных расходов на питание и жилье. Это предполагает определенный уровень материальной обеспеченности мигрантов уже в момент въезда в Россию.

Новым барьером на пути к трудоустройству является положение о том, что право на работу получают только те мигранты, которые назвали в качестве цели въезда в Россию «работу». В 2014 г. такую цель указали 3,8 млн человек (37,6% от общего числа). Однако еще больше мигрантов приезжает с «частными целями». Согласно новым правилам они лишены права оформить документы на работу. Это не приведет к сокращению незаконного найма, но может сократить въезд и оставить экономику без необходимого количества работников, что еще больше обостряет проблему столь необходимого стране экономического роста.

Высокие требования к оформлению разрешений на работу и выдаче патентов в совокупности с угрозой закрытия въезда за нарушение миграционного режима на длительный срок привели к сокращению в 2 раза количества выданных разрешений на работу и на $\frac{2}{3}$ количества оформленных патентов при росте общего числа въехавших на 10,4% в январе–феврале 2015 г. относительно того же периода 2014 г.

Казалось бы, более чем 10-миллионный приток мигрантов способен полностью «закрыть» потребность страны в рабочей силе. Но в реальности дефицит труда постоянно возрастает. Так, в августе 2011 г. заявленная работодателями потребность в работниках составляла около 1,5 млн человек, в 2012 г. — 1,65 млн, в 2013 г. —

⁴⁶ По заявлению руководителя регионального управления ФМС России в Санкт-Петербурге Е. Дунаевой // Русская служба новостей. 2015. 27 окт.

1,8 млн, в августе 2014 г. — 2,1 млн при низком уровне безработицы (5,5%) и экономическом застое.

Рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу в условиях очень большого объема иммиграции свидетельствует о том, что инструменты миграционной политики, адекватные сложившейся на рынке труда ситуации, все еще не найдены.

Заключение

Темпы прироста населения России крайне невысоки, а наметившаяся в 2014 г. тенденция к их снижению свидетельствует о вполне вероятном возврате к нулевому приросту или убыли населения. Российской ситуацию нельзя считать исключительной. Сходные тенденции динамики численности населения наблюдаются в странах Европейского союза (ЕС-28), где коэффициент общего прироста для всего союза ниже 0,2%. Совокупное население стран ОЭСР растет более высокими темпами, хотя доминирующей тенденцией на протяжении последних десятилетий и для этой группы стран также было снижение темпов прироста населения, которые за послевоенный период сократились вдвое и с середины 1990-х гг. варьируют вокруг 0,7%, чему в немалой степени способствует чуть более высокий темп роста населения в США. В то же время среди членов ОЭСР увеличивается число стран, в которых фиксируется убыль населения — в 2010–2014 гг. она наблюдалась уже в семи странах с различной численностью: Венгрии, Германии, Испании, Польше, Португалии, Эстонии и Японии.

Россия, отличавшаяся в 1950-е гг. более высокими темпами прироста населения, чем ОЭСР и ЕС-28, во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. заметно уступала не только ОЭСР, но и ЕС-28. В 1990-е гг. в России начался довольно продолжительный период убыли населения, которая пока не характерна ни для ОЭСР, ни для ЕС-28 в целом. Снижение темпов прироста населения России было более резким и подвержено более значительным колебаниям, обусловленным отчасти волнообразными деформациями возрастной структуры населения.

Значительные колебания общего прироста населения в развитых странах, как правило, обусловлены колебаниями миграционного прироста, который в условиях низкой рождаемости и приближения естественного прироста к нулевому уровню или формирования тенденции естественной убыли становится определяющим фактором изменения численности населения.

Население России в последние несколько лет увеличивается за счет как естественного, появившегося только в 2013 г., так и миг-

рационного прироста, но величина естественного прироста незначительна (не более 0,2 на 1000 населения), а основным фактором роста остается миграционный прирост, обеспечивающий около 90% общего прироста. В 1990-е гг. в условиях сложившейся долговременной тенденции естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста численности российского населения, однако чаще всего недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль. Совокупная величина миграционного прироста с 1992 г. составила более 8 млн человек, что дало возможность компенсировать более 60% суммарной величины естественной убыли населения.

Данные о компонентах изменения численности населения ЕС-28 демонстрируют сходство России с европейскими странами. Естественный прирост населения ЕС-28, достаточно высокий в первой половине 1960-х гг., хотя и ниже, чем в России того времени, быстро снижался и в 1990-е гг. приблизился к нулевому уровню. По прогнозным расчетам уже в ближайшие годы в целом для населения ЕС-28 неизбежно будет характерна естественная убыль. В этих условиях вклад миграционного прироста для европейского населения становится все более весомым.

На фоне других развитых стран мира в выгодную сторону отличается демографическая динамика в США: естественный прирост существенно выше и снижается медленно, до сих пор превышая 4 на 1000 населения, а коэффициент миграционного прироста также поддерживается на достаточно высоком уровне — около 3 на 1000.

В эволюции возрастной структуры населения России наступил этап, на котором численность населения в до- и послерабочем возрастах растет, а численность населения рабочего возраста убывает, что ведет к значительному росту коэффициентов демографической нагрузки. Подобные демографические сдвиги характерны не только для России. Они происходят и в других странах и связаны с закономерной перестройкой возрастной структуры в процессе демографического перехода, хотя в каждой стране проявления этой универсальной тенденции имеют свою специфику. В частности, для России характерны резкие колебания показателя демографической нагрузки вследствие сильной деформированности российской возрастной пирамиды.

Во всех развитых странах длительное время отмечался рост численности населения в основных рабочих возрастах и соответственно их доли во всем населении — явление, известное как демографический дивиденд, или бонус. В эволюционном плане бонус был следствием того, что нагрузка детьми снижалась быстрее, чем росла нагрузка пожилыми, хотя на эволюционные изменения, свойственные демографическому переходу, могли накладываться пертурбационные колебания, вызванные разного рода социальными потрясениями, как это было в России. Тем не менее перед Россией, как и перед всеми странами, на какое-то время открылось «окно демографического благоприятствования», совокупная демографическая нагрузка на население в рабочих возрастах снижалась.

Достигнутая Россией в 2012 г. доля населения в возрасте 20–64 года (66,2%) была максимальной за всю ее историю и самой высокой (после Южной Кореи) в списке стран ОЭСР за весь 80-летний период 1970–2050 гг.

Однако по мере того как в ходе прогрессирующего старения населения число и доля пожилых людей увеличиваются, а прилив молодежи в состав рабочего населения сокращается, «окно демографического благоприятствования» начинает закрываться, а фаза бонуса неизбежно сменяется фазой «онуса», на которой доля населения рабочего возраста убывает, а демографическая нагрузка на него растет. В большинстве стран, входящих в ОЭСР, эта фаза уже наступила. По новейшему (2015 г.) прогнозу ООН в ближайшие десятилетия все страны ОЭСР, за исключением Мексики, Израиля и Турции, ждут существенное снижение доли населения рабочего возраста и рост демографической нагрузки на одного работающего.

Для России 1990-е и особенно 2000-е гг. характеризовались исключительно благоприятной динамикой численности населения в трудоспособном возрасте. Ничего подобного нельзя ожидать в прогнозном периоде, для которого будет характерно падение как числа, так и доли лиц в возрасте 20–64 года, причем это падение может оказаться очень значительным и затяжным. Россию ждут более сложные, чем страны ОЭСР, времена. К 2030 г. в России произойдет большее, чем в любой из стран ОЭСР, сокращение доли лиц 20–64 лет (–9 п.п.) — до уровня 1970 г. и самое резкое (на 16%) сокращение абсолютной численности населения в этом возрасте.

Как и все страны, пережившие демографический переход, Россия сталкивается с проблемами демографического старения. Правда, в сравнении с большинством таких стран она имеет довольно молодое население. При этом старение населения России протекает неравномерно. После паузы в 2006–2012 гг. доля пожилых будет непрерывно расти с некоторыми колебаниями, отражающими особенности ее возрастной пирамиды. За 2014–2030 гг. прирост показателя превысит прирост за 1970–2013 гг. Темпы старения будут ниже, чем в 1970-е гг., но значительно выше, чем в последние три десятилетия. Демографическое старение ускорится и в абсолютном большинстве стран ОЭСР, так что на их фоне Россия останется относительно молодой.

В целом возрастная композиция населения России с экономических позиций выгоднее, чем в большинстве стран ОЭСР, благодаря сочетанию относительно низкой доли пожилых и высокой доли населения рабочего возраста. В перспективе до 2050 г. это преимущество России должно сохраниться и, возможно, упрочиться. На этом основании мы при прочих равных условиях можем прогнозировать в России меньшую, чем в других развитых странах, нагрузку на социальную сферу, связанную со старением населения.

В последние десятилетия Россия, как и другие страны, пережила глубокую трансформацию форм семейно-брачных отношений, возрастной модели брачности и института брака в целом. Интенсивность заключения брака в России сейчас намного ниже, а возраст его заключения существенно выше, чем в конце советского периода (конец 1980-х — начало 1990-х гг.). Если в 1980-х гг. женщины, вступающие в первый брак в возрастах до 25 лет, обеспечивали более 80% величины коэффициента суммарной брачности для первых браков, то в 2014 г. — 57%, а у мужчин соответствующий показатель упал еще заметнее — с более 70 до 35%, т. е. в 2 раза.

В результате произошло заметное сближение российской модели брачности с моделью, характерной для большинства индустриально развитых стран, хотя сохранились и большие различия.

Снижение брачности в России, как и в других странах, сопровождалось увеличением среднего возраста женихов и невест при вступлении в первый брак. Но у нас оно началось много позднее, чем в большинстве экономически развитых стран, и так как

у них оно еще продолжается, то сближения России по этому показателю с наиболее развитыми странами ОЭСР пока не наблюдается. Если в начале 1970-х гг. по всей Европе, включая и Россию, средний возраст заключения брака для женщины колебался в интервале от 22 до 24 лет, то к сегодняшнему дню в странах Севера, Запада и Юга Европы средний возраст невесты достиг 30 лет, в восточноевропейских странах — почти 27 лет (присутствие в этой группе Белоруссии и Украины занижает среднюю величину для группы). В России же он лишь едва преодолел планку в 25 лет. Не прослеживается попытка догнать и большинство других, неевропейских стран — членов ОЭСР. Видимо, только Турция и Израиль из списка стран ОЭСР сегодня немного отстают от России по возрасту заключения первого брака.

В последнее время неожиданно наметилась новая тенденция: интенсивность заключения первых браков, которая довольно давно снижалась в России, вновь стала расти. Судя по последним данным, текущая интенсивность заключения браков в России превышает показатели во всех прочих странах ОЭСР, включая Турцию, Израиль, Мексику и Чили. В этом можно было бы найти и позитивные стороны, если бы одновременно Россия не лидировала и по уровню разводимости. Ожидаемая доля браков, которые прекратятся вследствие разводов, из числа заключенных в 2014 г. для России приближается к 60% (591 развод на 1000 браков с учетом их продолжительности). Вероятно, на сегодняшний день это наиболее высокий показатель в мире.

В России средняя длительность брака, прекратившегося вследствие развода, — около 10 лет — одна из самых коротких в мире. Более низкая в России, чем в других странах, средняя длительность брака, закончившегося разводом, сочетается с более низкой, чем в большинстве стран ОЭСР, долей разведенных пар с детьми, причем с начала 2000-х гг. доля браков с общими детьми среди разведенных пар в России существенно снизилась — с 60 до 39,9% (2014 г.). Таким образом, бездетные пары стали составлять большинство разведенных супружеских супружеств. Оценивая все эти показатели, трудно отделаться от мысли, что какая-то часть первых браков, по сути, играет роль «пробных партнерств», которые в других странах достаточно широко распространены, но не оформляются как официальные браки.

Несмотря на очень низкую по мировым меркам стабильность брака в России, более высокая по сравнению с другими странами ОЭСР интенсивность первых и повторных браков, в том числе в молодом возрасте, позволяет поддерживать относительно более благоприятную брачную структуру населения в репродуктивных возрастах. Доля женщин, состоящих в брачно-партнерских отношениях (зарегистрированных и незарегистрированных), — одна из наиболее высоких среди развитых стран, а доля проживающих в незарегистрированных отношениях с партнером — существенно ниже средней величины для стран ОЭСР. Если иметь в виду, что, как правило, партнеры, состоящие в зарегистрированных браках, более склонны иметь детей (общемировая практика), то нельзя не прийти к выводу, что сложившаяся к сегодняшнему дню ситуация в России с точки зрения потенциала для рождаемости на фоне стран ОЭСР выглядит благоприятнее со всех сторон: и число женщин, находящихся под риском наступления беременности, выше, и среди последних выше доля состоящих в более прочных — брачных союзах.

В 2014 г. продолжалась закономерная перестройка возрастной кривой рождаемости, в результате которой структура коэффициента суммарной рождаемости возвращалась примерно к той, которая существовала на рубеже 1950–1960-х гг. при более высоком уровне рождаемости.

Перестройка кривой рождаемости в России, по-видимому, началась еще на рубеже 1970–1980 гг., однако тогда она была временно остановлена не вполне продуманными мерами демографической политики, спровоцировавшими рождение детей у юных матерей, и возобновилась лишь в середине 1990-х. Вопреки тому, что принято думать на основании наблюдения за коэффициентом суммарной рождаемости, именно тогда начался рост рождаемости в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года, которые сейчас определяют повышение коэффициента суммарной рождаемости.

В 2014 г. этот коэффициент достиг значения 1,76, но само по себе это ни о чем не говорит. Разнонаправленные изменения возрастных показателей делают коэффициент суммарной рождаемости (т.е. сумму движущихся в разных направлениях возрастных значений) неадекватной мерой ее общей динамики, в этой ситуации нужно наблюдать непосредственно возрастные показатели.

Они как раз и указывают на то, что младшие материнские группы (до 25 лет) не демонстрируют никакого роста рождаемости, а практически весь прирост суммарной рождаемости обеспечивается тремя следующими пятилетними группами женщин (25–29, 30–34 и 35–39 лет).

В условиях, когда коэффициент суммарной рождаемости — характеристика «условного» поколения — утрачивает свое диагностическое значение, возрастает роль итоговых показателей для реальных поколений (когортных показателей), которые не зависят от сдвигов в календаре рождений. Правда, использование когортного подхода имеет существенные ограничения, связанные с тем, что окончательная величина итоговой рождаемости реальных поколений становится известна только тогда, когда возраст женщин приближается к 50 годам. Для более молодых когорт приходится пользоваться оценочными показателями, основанными на экстраполяции достигнутых к моменту наблюдения значений накопленной к определенному возрасту рождаемости. Сейчас, учитывая тот факт, что интенсивность деторождения после 35 и даже после 40 лет, как мы видели, растет, экстраполированные оценки для России, как и для всех развитых стран, приходится год за годом пересматривать в большую сторону.

Показатель итоговой рождаемости реальных поколений в России свидетельствует о том, что вопреки распространенным представлениям рождаемость у поколений, родившихся между концом 1950-х и началом 1970-х гг., в том числе и тех, чей период наибольшей прокреативной активности пришелся на считающиеся успешными 1980-е гг., снижалась. Повышаться же она стала у поколений, родившихся после 1972 г., которые достигали возраста материнства в начале 1990-х гг., и этот рост продолжается до сих пор. Подобную тенденцию для этих же поколений можно наблюдать и в некоторых других странах как с более высокой (США, Франция, Англия, Бельгия, Эстония), так и более низкой (Швейцария, Германия, Италия, Украина, Япония), чем в России, итоговой рождаемостью.

Повышение итоговой рождаемости реальных поколений было обусловлено в основном повышением вероятности рождения вторых и третьих детей. В первой половине 1980-х гг. вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей,

но затем движение пошло в противоположном направлении. Во второй половине 1980-х гг. откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождания не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев, что и обусловило снижение итоговой рождаемости поколений, родившихся до начала 1970-х гг. (возможно, это связано с тем, что отложенные рождания пришлись на самый неподходящий период начала 1990-х). Но у поколений, родившихся в начале 1970-х гг., и последующих вероятность рождения вторых и третьих детей увеличивалась, и этот процесс продолжается.

В то же время настораживает снижение вероятности рождения первого ребенка, сужающее базу для дальнейшего роста числа вторых и последующих детей. Если эта тенденция сохранится, то ожидаемая доля окончательно бездетных женщин (не имевших ни одного живорождения к возрасту 50 лет) составит в среднем 16% (от 15 до 18%). При таком соотношении для достижения итоговой рождаемости, необходимой для простого замещения поколений (2,1 рождение на одну женщину), необходимо, чтобы на одну когда-либо рожавшую женщину приходилось в среднем 2,5 рождений, т.е. чтобы каждая вторая семья с детьми имела не менее троих детей. Учитывая сегодняшнее положение вещей, такую ситуацию представить себе трудно.

Мировой опыт не дает больших оснований для оптимизма. Высокая доля бездетных в современном мире — не редкость. Еще в 1970-х гг. уровень бездетности во многих странах существенно вырос, достигнув в Англии и США почти 20%, а затем в Западной Германии превысив этот уровень. Самая высокая бездетность помимо германоязычных стран прогнозируется в странах Восточной Азии. Имеющаяся статистика по Японии и Южной Корее позволяет предположить, что бездетными здесь могут остаться до 25–30% женщин. Бездетность растет и в странах Восточной Европы: такие страны, как Чехия и Польша, приближаются по этому показателю к уровням, больше характерным для Западной Европы (16–20%).

Ситуация с рождением вторых и последующих детей в развитых странах также разнообразна. Так, в англоязычных странах, а особенно США, а также в Скандинавии и во Франции, несмотря на относительно высокий уровень бездетности, велика доля вторых

и последующих детей, а рождение за всю жизнь только одного ребенка нехарактерно. В большинстве стран Восточной Европы доля вторых и особенно третьих и последующих детей намного ниже, она низка также в германоязычных европейских странах, в странах Южной Европы и Восточной Азии.

Россия была одной из первых крупных стран, в которых после Второй мировой войны рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений (в 1964 г.). Но положение быстро менялось, снижение рождаемости охватило все промышленно развитые страны, и в 1980-е гг. ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений. В 2011–2014 гг. не было ни одной развитой страны, в которой значение этого показателя находилось бы на уровне простого воспроизводства населения, и лишь некоторые страны более или менее близки к нему.

Если на протяжении двух-трех десятилетий наблюдаемые сегодня в России режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 17%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизведения) населении ежегодный коэффициент естественного прироста будет отрицательным на уровне 6,4 на 1000 населения, и численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться ежегодно на 0,64%.

Существенное увеличение показателей рождаемости условного поколения в 2007–2014 гг. и суммарно за весь период с 1999 г. — после достижения ее исторического минимума — не могло не сказаться в положительную сторону на интегральных показателях режима воспроизведения населения, которые тоже относятся к условному поколению. В то же время путь, который должен быть пройден Россией, чтобы выйти из зоны суженного режима демографического воспроизведения, еще долг. Улучшить ситуацию с воспроизведением населения могут не только дальнейшее повышение рождаемости у ныне живущих поколений, возможность в чем вызывает сомнения, но и, как учит нас опыт зарубежных стран, иммиграция молодежи, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России. Впрочем, воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения

в семьях мигрантов. Мигрируют в большинстве своем молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это, в свою очередь, увеличивает число браков и рождений и соответственно тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту в развитых странах. Примеры демографической ситуации в крупных городских агломерациях в России — также тому подтверждение.

За последние два десятилетия Россия значительно продвинулась на пути перехода к цивилизованному и гуманному типу контроля рождаемости, при котором для регулирования числа детей и сроков их рождения пары используют не аборт, а методы контрацепции, позволяющие предотвратить нежелательную беременность. С конца 1980-х гг. официальная статистика фиксирует неуклонное снижение ежегодных чисел абортов в России. С 1988 (года, после которого началось устойчивое снижение) по 2014 г. абсолютное число прерванных беременностей и специальный коэффициент абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет уменьшились в 5 раз. Если в середине 1960-х гг. на одни роды приходилось около трех абортов, то сейчас родов вдвое больше, чем абортов. Снижение частоты абортов в постсоветский период затронуло все возрастные группы, при этом чем моложе женщины, тем быстрее снижались абORTы. Молодые поколения ведут себя иначе, чем поколения их матерей.

Несмотря на очевидные успехи, Россия по уровню абортов по-прежнему опережает большинство европейских стран и стран — членов ОЭСР: российский коэффициент абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста выше швейцарского в 3,5 раза. Иными словами, несмотря на успехи в снижении числа абортов, эта задача не решена до конца. При этом взгляды на пути ее дальнейшего решения расходятся. Наряду со сторонниками проверенного опытом многих стран пути борьбы с абортами путем вытеснения их эффективными современными методами планирования семьи, есть и сторонники репрессивных методов, направленных на отказ от признания права женщины на аборт и ограничение доступности искусственного прерывания беременности. Последнее никогда в истории не приносило положительных результатов ни с точки зрения демографической динамики, ни с точки зрения здоровья женщин.

На протяжении последних 10–15 лет смертность в России во всех возрастах как у мужчин, так и у женщин снижается, и этот период эволюции смертности можно считать успешным. Однако он, в свою очередь, представляет собой лишь отрезок более долгого, полувекового периода, в целом крайне неблагоприятного. За 50 лет страна пережила три периода роста и три периода снижения смертности, причем в результате последнего снижения смертности ее уровень в большинстве пятилетних возрастных групп взрослого населения все еще выше уровня 1965 г.

Два последних подъема смертности, достигшие пиков в 1994 и 2003 гг., были особенно резкими. При этом снижение смертности после 1994 г., прерванное кризисом 1998 г., было коротким, но быстрым, тогда как снижение после пика 2003 г. более долгое и более медленное.

В последние 16 лет коэффициенты смертности в различных возрастах менялись в разных направлениях.

Вот уже несколько десятилетий продолжает снижаться младенческая смертность, хотя достигнутый уровень до сих пор остается почти в 4 раза выше, чем в странах с минимальными ее значениями. С 2012 г. Россия использует определения живо- и мертворождения, в основном соответствующие рекомендациям ВОЗ, что привело к некоторому росту коэффициента младенческой смертности и увеличило разрыв с развитыми странами. Но в 2013–2014 гг. младенческая смертность продолжила снижаться.

После некоторых колебаний в 1990-е гг. с начала 2000-х устойчиво и довольно быстро снижается смертность детей в возрасте от 1 до 5 лет и более плавно — в возрасте от 5 до 15 лет.

Новым явлением в российской смертности после 2002 г. стало существенное ее снижение в возрастах старше 60 лет.

Примерно с 2004–2005 гг. возобладала тенденция снижения и во всех возрастах взрослого населения. Однако в самые последние годы эта тенденция стала сходить на нет, снижение возрастных коэффициентов замедлилось, приостановилось, а в некоторых возрастных группах начался рост показателя. В 2014 г. в возрастах 35–44 года и у мужчин, и у женщин возрастные коэффициенты по сравнению с 2013 г. выросли на 1–4%, в возрастах 10–14 лет — на 3%, а у женщин в возрастах 15–19 лет — даже на 6%.

В соответствии со снижением возрастных коэффициентов смертности начиная с 2004 г. в России росла ожидаемая продолжительность жизни. Как отмечалось в предыдущих докладах, снижение смертности и рост продолжительности жизни в этот период носили в основном восстановительный характер. Лишь к началу второго десятилетия XXI в. удалось компенсировать потери продолжительности жизни, обусловленные тремя предыдущими подъемами смертности после 1964, 1987 и 1998 гг., и в конце концов даже несколько превзойти достигавшиеся ранее максимальные показатели: в 2009 г. был превышен прежний максимум для женщин, в 2012 г. — для обоих полов, в 2013 г. — для мужчин.

Более половины роста продолжительности жизни женщин после 2003 г. вызвано снижением смертности в возрастах старше 60 лет, у мужчин вклад этих возрастов составил более 26% общего роста. Опережающее снижение смертности пожилых — это характерная черта современного этапа эволюции смертности в развитых странах мира.

Более 38% роста продолжительности жизни мужчин в России в 2003–2013 гг. связано со снижением смертности от причин и состояний, связанных с чрезмерным потреблением алкоголя, у женщин эти причины определили 22% роста.

Темп роста продолжительности жизни в последние несколько лет замедлился и в 2014 г. почти сошел на нет.

Международные сравнения неизменно указывают на отставание России по продолжительности жизни от большинства развитых стран. Сравнение России со странами ОЭСР, в состав которых входят и такие страны, как Мексика и Чили, имеющие далеко не самую высокую продолжительность жизни, также оказывается невыгодным для России.

В начале 1970-х гг. продолжительность жизни в России была выше, чем в странах с максимальной в ОЭСР смертностью, потом, до 1994 г., близка к показателям этих стран, хотя и ниже них. Но затем даже аутсайдеры ОЭСР отрываются от России, и пока, несмотря на снижение смертности в России в последнее десятилетие, говорить о преодолении отставания от них не приходится. Несколько лучше положение с продолжительностью жизни женщин, у них наблюдается некоторое сближение с минимальными показа-

телями для ОЭСР, однако до средних уровней стран данной группы и им еще далеко.

Динамика смертности и продолжительности жизни в России и ее отставание от стран ОЭСР в решающей степени зависят от трех классов причин смерти — болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин. При этом новообразования стоят несколько особняком. Проблема смертности от онкологических заболеваний, безусловно, сохраняет свою остроту, но динамика смертности от них в России более спокойная, а сопоставление с другими странами не указывает на выпадение России из общего ряда стран, ведущих борьбу с этим смертельным недугом. Положение с болезнями системы кровообращения и внешними причинами иное. Снижение смертности от этих двух классов причин смерти внесло основной вклад (у мужчин — 77%, у женщин — 85%) в рост продолжительности жизни в 2003–2014 гг., однако достигнутых успехов явно недостаточно.

Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения снижается с середины 2000-х гг. Тем не менее значительное отставание даже от худших показателей стран ОЭСР все еще сохраняется. Текущая же динамика — не только позитивная. В 2014 г. во всех возрастах снижалась лишь смертность от ишемической болезни сердца, тогда как смертность в некоторых возрастах от цереброваскулярных болезней и в средних возрастах от остальных болезней системы кровообращения увеличивалась, тормозя рост продолжительности жизни.

Не лучше ситуация и со смертностью от внешних причин. В отличие от случая болезней системы кровообращения здесь компенсаторное снижение смертности почти вывело ее примерно на уровень предыдущего минимума 1987 г. у женщин, но у мужчин этот уровень не достигнут. Показатели же 2014 г. говорят о некотором ухудшении положения и у мужчин, и у женщин. Согласно официальной статистике это ухудшение произошло за счет роста смертности от несчастных случаев, куда входят случайные отравления алкоголем, которые в значительной мере и определили этот рост. Но 70% общего роста объясняется повышением смертности от «повреждений с неустановленными намерениями», т.е. от той категории внешних причин смерти, за которую никто не отвечает. Согласно детальному анализу российских данных к повреждениям

с неопределенными намерениями относят примерно 35–40% всех убийств, около 20% всех самоубийств и 15–20% нетранспортных несчастных случаев.

В целом в 2014 г. основной отрицательный вклад в изменение продолжительности жизни внесло повышение смертности от болезней органов пищеварения ($-0,06$ и $-0,05$ года у мужчин и женщин соответственно), инфекционных заболеваний ($-0,02$ года у женщин), некоторых не упомянутых выше групп болезней системы кровообращения в возрастах 20–59 лет ($-0,012$ и $-0,004$ года у мужчин и женщин соответственно), внешних причины, за исключением самоубийств и убийств ($-0,062$ и $-0,021$ года у мужчин и женщин соответственно), алкогольного психоза и алкоголизма ($-0,04$ и $-0,02$ года у мужчин и женщин соответственно), сахарного диабета ($-0,01$ и $-0,06$ года у мужчин и женщин соответственно) и неустановленных заболеваний ($-0,05$ и $-0,11$ года у мужчин и женщин соответственно).

О причинах замедления снижения смертности в самое последнее время судить пока рано. Они могут быть многообразными. Одно (хотя, видимо, не единственное) из возможных объяснений — рост смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя, на что косвенно указывает рост на 5,6% стандартизованного коэффициента смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем. Этот показатель важен не сам по себе, а как индикатор потребления алкоголя в целом, независимый от статистики регионируемых продаж алкогольных напитков, которая может не совпадать со статистикой их реального потребления.

Учитывая российские социально-экономические и политические реалии сегодняшнего дня, весьма проблематично надеяться на безусловное сохранение роста продолжительности жизни на ближайшие годы. Нельзя исключить возможность стабилизации или даже нежелательного реверсивного варианта в динамике смертности, что уже не раз бывало.

Для России характерны неравномерное, асимметричное размещение населения по территории страны и существенные региональные различия в динамике численности населения.

В азиатской части, занимающей $\frac{3}{4}$ территории страны, проживает лишь каждый пятый россиянин. Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с суро-

выми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2015 г. в них проживало 10 005 тыс. человек (в том числе 2391 тыс. на сухопутных территориях Арктической зоны России), или 6,8% (1,6% в Арктической зоне) от общей численности россиян при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

Неравномерность размещения России по ее территории имеет и исторические, и природно-климатические объяснения, но механизм усиления или ослабления этой неравномерности тесно связан с направлениями внутрироссийских миграций.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был сдвиг населения на север и восток и, в меньшей степени, на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 1960–1980-е гг. росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989-м. После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении, и установился западный дрейф миграционных потоков, который сохраняется до сих пор. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший между переписями 1989 и 2010 гг., на 3170 тыс. человек (на 10%), в то время как население европейской части, тоже убывавшее, уменьшилось на 995 тыс. человек (0,9%). После переписи 2010 г. население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской, увеличившись за 2011–2014 гг. соответственно на 0,8% (без учета Крымского федерального округа) и на 0,6%. Текущие миграционные процессы никак не способствуют смягчению неравномерности расселения населения.

В самый последний период число фиксируемых российской статистикой внутристрановых миграционных перемещений росло начиная с 2011 г., когда были внесены серьезные изменения в процедуры статистического учета миграции. В 2013 г. число внутрироссийских мигрантов превысило 4 млн человек, но уже в 2014 г. рост почти прекратился, эффект изменения методики учета практически исчерпал себя. Формально миграционная активность в России вернулась на уровень конца 1980-х гг., это дает основания утверждать, что сокращение объемов переселений в 1990–2000-е гг. в немалой мере стало результатом трансформации системы учета

миграции, прежде всего замены системы прописки на регистрацию по месту жительства и пребывания.

Направления миграции в пределах России не претерпевают в последние годы серьезных изменений. Население продолжает стягиваться в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, остальные округа испытывают его отток. Самые большие по масштабу потери несут Приволжский и Сибирский округа, а по интенсивности убыли лидируют Дальневосточный и Северо-Кавказский.

Среди регионов России наиболее интенсивный прирост населения за счет внутрироссийской миграции имели Московская, Ленинградская области и Санкт-Петербург. Самый интенсивный отток отмечен из Магаданской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области. В отличие от последнего десятилетия XX в. миграционное поле России стало менее напряженным на полюсе оттока: по сравнению с 1990-ми гг. интенсивность отъезда из отдельных северных и восточных регионов снизилась на порядок. В то же время нельзя не учитывать, что имеется существенный недоучет масштабов оттока населения на запад страны.

Крупнейшие центры притяжения населения сохраняют свои позиции. Так, в 2011–2014 гг. Москва и Московская область увеличили население за счет мигрантов из других регионов страны на 629 тыс. человек, Санкт-Петербург и Ленинградская область — на 242 тыс., Краснодарский край — на 145 тыс., но появляются и новые привлекающие мигрантов центры: Новосибирская, Тюменская, Свердловская и Воронежская области. В качестве полюса притяжения временных трудовых мигрантов выделяются Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область (согласно данным ОНПЗ).

Как и в предыдущие годы, для внутренних миграций в России актуальными остаются центростремительные тенденции. Данные о миграционном приросте за 2011–2014 гг. показывают, что почти вся нетто-миграция городского населения страны во внутренних миграциях аккумулируется в городах — региональных центрах (53,9%), еще почти 36% приходится всего на два города — Москву и Санкт-Петербург. Города размером меньше 100 тыс. человек, поселки городского типа и сельские населенные пункты

отдают свое население. Во внутрирегиональной миграции эффект центростремительности особенно силен: все миграционные потоки направляются в сторону региональных центров.

Миграционные потери сельской местности за 2011–2014 гг. составили более 900 тыс. человек. Как и в 1990-е гг., сельскому «опустыниванию» в некоторой степени противостоит международная миграция, которая примерно на 30% компенсировала нетто-отток из сельской местности во внутренней миграции.

Результаты проведенного нами специального анализа показывают, что, несмотря на не вполне удовлетворительную сопоставимость стран (по площади территории, численности населения, по принципам и критериям административно-территориального деления), можно заключить, что внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать. Даже от лидеров по интенсивности миграции из числа стран ОЭСР Россия отличается примерно в 2 раза, а не на порядки. В то же время мы не можем судить о внутримуниципальной мобильности, например, в связи со сменой жилища, так как в России не ведется учет переселений в пределах городов.

На протяжении длительного времени миграционный прирост оказывал положительное воздействие на динамику численности населения России, в значительной мере компенсируя естественную убыль населения. В 2009–2012 гг. миграционный прирост превышал естественную убыль, благодаря чему население России росло, а с 2013 г., когда естественная убыль населения сменилась его небольшим естественным приростом, миграционный прирост обеспечивает рост населения России совместно с естественным приростом, причем роль миграционного прироста остается решающей.

Миграционный прирост в России на фоне европейских стран ОЭСР находится на среднем уровне, ряд стран с похожей демографической ситуацией существенно опережает Россию по этому показателю.

Несмотря на изменение правил учета мигрантов в 2011 г., что привело к одноразовому увеличению их числа, статистика фиксирует его последующее снижение, которое отмечалось и в 2014 г. В этом году миграционные процессы в России испытали сильное воздействие новых факторов, таких как события на Украине, международные санкции по отношению к России, и, наряду с этим,

продолжающееся ужесточение собственного миграционного законодательства и правоприменительной практики.

По данным Росстата, миграционные потоки в 2014 г. увеличивались в основном за счет роста числа выбывших — на 65,5%, тогда как число прибывших увеличилось всего на 20%. В результате такого рассогласования динамики потоков миграционный прирост сократился на 8,8%.

В 2014 г. едва ли не третью часть миграционного прироста России обеспечила Украина. Миграционный прирост в обмене с большинством других стран ближнего зарубежья сократился.

Возрастная структура миграционного потока в Россию указывает на то, что это преимущественно трудовой поток (доля трудоспособного населения среди обеспечивающих миграционный прирост мигрантов — почти 75%). В учете ФМС России третья часть мигрантов назвала в качестве цели приезда в Россию «работу по найму» — это 3,8 млн человек, из которых 3,1 млн — мужчины. Приезжают на работу и многие из тех, кто относит свою цель приезда к «частным интересам» (42,9% прибывших).

Общее количество официально оформленных разрешительных документов на работу в 2014 г. достигло максимального уровня — 3,7 млн. Непрозрачность и коррумпированность процедуры получения квот для оформления разрешений на работу ожидаемо вызвали снижение их числа, которое в полной мере было компенсировано ростом числа патентов для работы у физических лиц (при этом патент использовался в качестве легализационного документа и работающими у юридических лиц, хотя это противоречило закону). В результате сумма поступившего налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за патент в 2014 г. более чем удвоилась, составив 17,9 млрд руб., и стала рассматриваться как серьезный источник пополнения бюджета РФ.

Отраслевая структура занятости иностранных мигрантов в последние годы почти не меняется. На первом месте остается строительство (34%, как и в 2013 г.), на втором — сфера услуг (13%, в 2013 г. — 16%), на третьем — обрабатывающие производства (10%, как и в 2013 г.).

Иностранцы в 4,4 раза чаще работают в строительстве, чем россияне (34 против 8%) (и это еще без учета неофициальной занятости, большая доля которой приходится как раз на строитель-

ство). На официально занятых в строительной отрасли в России иностранцев приходится 6%, а с учетом нелегально работающих — от 10 до 15% работников.

С другой стороны, в торговле российские граждане, наоборот, работают в 2,6 раза чаще, чем иностранцы (18 против 7%). Это связано в первую очередь с сохраняющимися законодательными ограничениями на занятость иностранцев в этой сфере, на транспорте — в 3 раза чаще (9 против 3%).

Каждый пятый работник из стран СНГ занят неквалифицированным трудом. Вместе с тем доля занятых таким трудом хотя и медленно, но постепенно снижается: в 2012 г. — 31%, в 2013 — 26, в 2014 — 21%. Одновременно растет доля занятых в качестве специалистов среднего уровня квалификации в инженерной деятельности (в 2012 г. — 2%, в 2013 — 7, в 2014 — 10%). Однако анализ профессиональной структуры проводится Росстатом только для официально работающих по разрешениям на работу; суммирование с теми, кто работает неофициально, явно покажет большую занятость иностранных работников в неквалифицированном сегменте.

Например, согласно масштабному исследованию трудовой миграции из Таджикистана, проведенному Всемирным банком, почти 60% мигрантов из Таджикистана работают в России без какого-либо трудового договора, а доля неквалифицированного труда среди них составляет 40%.

Главными факторами, обусловившими снижение эффективности трудовой миграции в Россию с позиций посылающих стран, было падение рубля и удорожание жизни в России.

В 2014 г. в России вновь массово появились беженцы. Конфликт на Украине вызвал их огромную волну, по масштабу сравнимую с наплывом беженцев в Европу и волной русской репатриации после распада СССР. Число граждан Украины, главным образом беженцев из Донбасса, находящихся в России в марте 2015 г., по сравнению с марта 2014 г. увеличилось на 1 млн человек.

В России для украинских беженцев был установлен льготный миграционный режим, включая трудовую деятельность, режим пребывания, ускоренное оформление миграционных статусов, расширение квот на временное проживание, ускоренное предоставление гражданства. Вместе с тем помочь беженцам проводилась

недостаточно оперативно. В результате Россия не сумела в полной мере использовать трудовой потенциал украинских беженцев, которые по образовательной и профессиональной подготовке, равно как и по культуре, не отличаются от россиян.

В 2000-е гг. у России сложился довольно интенсивный, постоянно расширяющийся миграционный обмен со странами ОЭСР. По данным ФМС России на конец 2014 г., 10% находящихся в России иностранцев (1189,9 тыс. человек) были выходцами из стран ОЭСР. Спустя год вследствие «войны санкций» их число сократилось до 750 тыс.

Отличительные особенности российской миграционной политики, создающие большие сложности для мигрантов, — ее неустойчивость, частая смена законодательства и правоприменительной практики в сторону ужесточения. В наибольшей мере это касается трудовой миграции.

В 2014 г. резко выросло количество мигрантов, подвергнутых наказанию: было депортировано 2546 человек против 1520 в 2013 г.; выдворено из страны — 136,5 тыс. (в 2013 г. — 80,9 тыс.); лишено права въезда в Россию на срок от 3 до 10 лет — 676 тыс. человек (в 2013 г. — 456,4 тыс.). Правовые ущемления больше всего касаются граждан Узбекистана и Таджикистана — главных доноров России. По-видимому, это также способствовало сокращению миграционного прироста.

Между тем, несмотря на экономический кризис, дефицит труда в России в последние годы рос. Так, в августе 2011 г. заявленная работодателями потребность в работниках составляла около 1,5 млн человек, в 2012 г. — 1,65 млн, в 2013 г. — 1,8 млн, в августе 2014 г. — 2,1 млн при низком уровне безработицы (5,5%). Рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу в условиях большого объема иммиграции свидетельствует о том, что инструменты миграционной политики, адекватные сложившейся на рынке труда ситуации, все еще не найдены.

2014 г. характеризуется затуханием позитивных демографических тенденций, которыми были отмечены предшествующие годы. Об этом говорят и снижение темпов появившегося лишь недавно прироста населения, в частности, и из-за снижения миграционного прироста, и значительное замедление роста продолжительности жизни, и нарастающие неблагоприятные изменения

возрастного состава, которые затрудняют решение демографических задач и делают проблематичным сохранение даже того небольшого положительного естественного прироста населения, который отмечается с 2013 г. К тому же они предвещают и нежелательные экономические последствия, такие как сокращение численности населения в рабочих возрастах и быстрое увеличение числа пенсионеров. Все это происходит на фоне экономического кризиса, ограничивающего возможности эффективного воздействия на демографическую ситуацию мерами социально-демографической политики.

Тем не менее отказываться от проведения такой политики нельзя, потому что это может еще больше усугубить и без того непростые демографические проблемы России. Но необходимо уточнить стратегические направления и приоритеты социально-демографической и миграционной политики, проведя трезвый анализ как достижений, так и неудач последних 10–15 лет.

Приложение
Федеральные округа
и входящие в них субъекты РФ
на 1 января 2015 г.

Центральный федеральный округ (ЦФО)

Белгородская область
Брянская область
Владимирская область
Воронежская область
Ивановская область
Калужская область
Костромская область
Курская область
Липецкая область
Московская область
Орловская область
Рязанская область
Смоленская область
Тамбовская область
Тверская область
Тульская область
Ярославская область
г. Москва

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)

Республика Карелия
Республика Коми
Архангельская область
Ненецкий автономный округ
Вологодская область
Калининградская область
Ленинградская область
Мурманская область
Новгородская область
Псковская область
г. Санкт-Петербург

Южный федеральный округ (ЮФО)

Республика Адыгея
Республика Калмыкия
Краснодарский край
Астраханская область
Волгоградская область
Ростовская область

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)

Республика Дагестан
Республика Ингушетия
Кабардино-Балкарская Республика
Карачаево-Черкесская Республика
Республика Северная Осетия — Алания
Чеченская Республика
Ставропольский край

Приволжский федеральный округ (ПФО)

Республика Башкортостан
Республика Марий Эл
Республика Мордовия
Республика Татарстан
Удмуртская Республика
Чувашская Республика
Пермский край
Кировская область
Нижегородская область
Оренбургская область
Пензенская область
Самарская область
Саратовская область
Ульяновская область

Уральский федеральный округ (УФО)

Курганская область
Свердловская область
Тюменская область
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра

**Ямало-Ненецкий автономный округ
Челябинская область****Сибирский федеральный округ (СФО)**

Республика Алтай
Республика Бурятия
Республика Тыва
Республика Хакасия
Алтайский край
Забайкальский край
Красноярский край
Иркутская область
Кемеровская область
Новосибирская область
Омская область
Томская область

Дальневосточный федеральный округ (ДФО)

Республика Саха (Якутия)
Камчатский край
Приморский край
Хабаровский край
Амурская область
Магаданская область
Сахалинская область
Еврейская автономная область
Чукотский автономный округ

Крымский федеральный округ

Республика Крым
г. Севастополь

Russia's Population in 2014 [Text]: 22nd Annual Demographic Report / Executive editor S. V. Zakharov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2016. — 357, [3] pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1535-8 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-1604-1 (e-book).

This is the 22nd issue of annual series of Analytical reports regularly published by the HSE Institute of Demography since 1993. The recent report conducts the detailed analysis of the current situation in Russia's demography in the context of its long-term evolution and demographic tendencies in the countries of Economic Cooperation Organization (ECO) as seen through the prism of main demographic processes, such as marriage, birth and death rates, migration, changes in population, and age structure of Russia's population. The analysis is based on the official data of the Federal State Statistics service of Russian Federation, international organizations and national statistics services of other countries as well as local estimates (acquired by using these resources), and the materials of scholarly publications.

The book is intended for the researchers that work in the field of demography and similar disciplines as well as decision-making employees, workers of government organizations of all levels, and instructors and students of secondary and postsecondary professional schools.

Научное издание
Население России 2014
Двадцать второй ежегодный демографический доклад

Ответственный редактор *С.В. Захаров*

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.Г. Паркани*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *А.И. Паркани*

Корректор *Т.Г. Паркани*

Подписано в печать 05.10.2015. Формат 60×88 1/16. Гарнитура Newton.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 22,75.

Тираж 500 экз. Изд. № 2078. Заказ №

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru

Тел.: 8 (499) 270-73-59

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

id.hse.ru

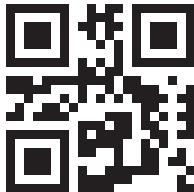
Уважаемые читатели!

Приглашаем посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем круглосуточно,
каждый день!*

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

**Более 8000 наименований научной, учебной,
справочной, общеобразовательной
литературы отечественных и иностранных
издательств, в том числе
ВСЕ книги ИД ВШЭ**

Сувениры с символикой ВШЭ

Скидки сотрудникам и учащимся ВШЭ

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20

ЧАСЫ РАБОТЫ:

Пн–пт — с 10.00 до 20.00

Сб — с 10.00 до 19.00

Воскресенье — выходной

Тел. (495) 621 4966

<http://id.hse.ru/bookvyshka>

